Г. Б. ДЖАУКЯН

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՐ. ԱՃԱՌՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԼԵԶՎԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Գ. Բ. ՋԱՀՈՒԿՅԱՆ

ՀԱՅՈՑ ԼԵԶՎԻ ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՔԵՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ
1982

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА им. Р. АЧАРЯНА

Г. Б. ДЖАУКЯН

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН
1982

ББК 81.2Ар—2
4Ар
Д402

ЯМИ
Д 402

Печатается по решению
ученого совета Института языка им. Р. Ачаряна
АН Армянской ССР

Ответственный редактор
академик АН АрмССР *Э. Б. АГАЯН*

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
доктор филологических наук *Г. З. ПЕТРОСЯН*
и кандидат филологических наук *Л. А. САРАДЖЕВА*

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького
ЕГУ
5810-Т-82

Джаукян, Г. Б.

Д402 Сравнительная грамматика армянского языка/Отв. ред. Э. Б. Агаян.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1982.—274 с.

Работа является обобщением многолетних исследований автора в области сравнительной грамматики армянского языка. В ней изгагается история сравнительного изучения армянского языка, обсуждаются насущные проблемы реконструкции и реального распределения сравниваемого материала, подробно излагаются факты сравнительной фонетики и морфологии армянского языка, дается его ареальная характеристика и т. д. Книга рассчитана на индоевропеистов, арменистов-компаративистов, историков армянского языка. Она может служить также пособием для студентов и аспирантов по курсу сравнительной грамматики армянского языка.

D $\frac{4602000000}{703(02)—82}$ 50—82

ББК 81.2Ар—2
4Ар

© Издательство АН Армянской ССР, 1982.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга является итогом многолетней работы автора в области сравнительного изучения армянского языка. В ней использованы результаты монографий («Система склонения древнеармянского языка и его происхождение», Ереван, 1959, «Очерки по истории дописьменного периода армянского языка», Ереван, 1967 и «Общее и армянское языкознание», Ереван, 1978) и некоторых статей автора, посвященных вопросам именного склонения и консонантизма. Однако и эти разделы изложены заново, согласно общим принципам, обсуждаемым во введении. Следует сказать, что все основные разделы построены по одним и тем же принципам.

Название книги несколько условно: с одной стороны, она включает разделы, выходящие за пределы грамматики в собственном смысле, с другой—не включает раздела синтаксиса. Несмотря на внимание, уделяемое впоследнее время вопросам синтаксиса, все же он остается наименее разработанным разделом сравнительной грамматики, в том числе и сравнительной грамматики армянского языка. Книга А. Мейе (**Meillet**, 1962), вышедшая раньше в виде статей, является не последовательным изложением сравнительного синтаксиса, а собранием некоторых наблюдений в области употребления грамматических форм. В исследованиях же по индоевропейскому синтаксису в последние годы армянский язык оставался вне поля зрения. Недостаточная разработанность вопросов сравнительного синтаксиса имеет свои объективные причины: исследователи здесь имеют дело с несвязанными единицами языка, структура которых гораздо менее устойчива и имеет гораздо менее специфических черт по отношению к другим языковым структурам. Так, если на основании реконструкции фонетического строя, морфологии и лексики армянских диалектов можно составить более или менее верное представление о более ранних периодах развития армянского языка, то такая же реконструкция синтаксических особенностей дала бы неверное представление, например, о порядке слов в словосочетании и предложении, в основном противоположном порядку слов в древнеармянском.

В книге нет специального обзора развития сравнительного армянского языкознания. Необходимые сведения по тому или иному вопросу даются в примечаниях. Более полное и последовательное изложение истории сравнительного изучения армянского языка в СССР и за рубежом содержат, кроме наших «Очерков по истории дописьменного периода армянского языка» (**Джаукян**, 1967, 9—32), также работы Э. Б. Агаяна (**Աղայան**, 1958—1962), Р. Годеля (**Godel**, 1970, 139—159), Р. Шмитта (**Schmitt**, 1972, 1—68) и др.

Полный список использованной литературы дается в конце книги, а в основном тексте и примечаниях указываются только фамилия автора, год издания и, по необходимости, страницы. При наличии у данного автора нескольких изданий в одном и том же году они отмечаются буквами алфавита.

Автор выражает свою благодарность всем лицам, помогавшим ему во время работы над книгой, а также академику АН Армянской ССР Э. Б. Агаяну и кандидатам филологических наук Л. А. Сараджевой и Е. Г. Хачатуровой, читавшим рукопись и сделавшим ряд ценных замечаний.

ВВЕДЕНИЕ

ПРИНЦИПЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

Принцип точности хронологизации. Точность реконструкции[1] можно обеспечить в первую очередь правильным распределением материала по различным периодам, разработкой научно обоснованных критериев периодизации и хронологизации[2], преодолением ошибок в связи с отнесением разнородных явлений к одним и тем же хронологическим уровням. Между тем этот принцип соблюдается недостаточно последовательно, частично по объективным причинам—из-за отсутствия достаточно надежных методов разграничения архаизмов и инноваций, недостаточности материалов по некоторым языкам и по некоторым периодам и т. д., частично же из-за недостаточности знаний, строгости методов[3] и последовательности исследователя. Укажем на наиболее распространенные ошибки и недостатки вследствие несоблюдения этого принципа.

Во-первых, следует отграничить явления, присущие индоевропейскому языку в период общности, от явлений, характерных для периода отдельного развития индоевропейских языков. Между тем, говоря о соотношении индоевропейских диалектов, обычно понимают соотношение отдельных индоевропейских ветвей, т. е. не проводят четкого различия между первичными диалектными состояниями индоиранского, греческого, армянского, славянского, германского и т. д. и их более поздними состояниями, закрепленными в различных памятниках письменности, с одной стороны, и между их архаичными чертами и инновациями, между унаследованными и приобретенными параллелями—с другой. Именно поэтому кентумность и сатемность и.-е. языков принимают за их первичное диалектное соотношение, тогда как следовало бы говорить об индоевропейских диалектных ареалах с палатализованными и непалатализованными заднеязычными, при этом учитывая, что в языках, вышедших из первого ареала, палатализованные перешли в соответствующие фрикативные, аффрикаты и переднеязычные смычные. Из-за непоследовательности проведения рассматриваемого принципа противопоставляется теория генеалогического древа теории волн (resp. лингвистической географии, ареальной лингвистике), между тем эти две теории дополняют, а не отрицают одна другую: теория волн объясняет взаимоотношение соседних и взаимодействующих диалектов в территориально близких областях в период общности, теория генеалогического древа показывает взаимоотношение независимых языков и диалектов, потерявших друг с другом связи. В применении к индоевропейским языкам теория волн относится к периоду общности, теория генеалогического древа—к периоду раздельного их существования.

Во-вторых, следует отграничить явления, присущие индоевропейскому языку в поздний период его развития—в канун усиления распада общности, от явлений, характерных для прежних периодов. В XX веке компаративистика стала усиленно заниматься выделением арха-

ичных черт в самом реконструированном индоевропейском языке. Теория ларингальных, раскрытие первичной двухпадежной системы, установление первоначальной регулярности гетероклизии, попытки выяснения происхождения глагольных основ и окончаний, стремление к выделению продуктивных и непродуктивных способов словообразования и т. д.—все это находится в центре внимания современной компаративистики. Однако, раскрывая те или иные архаичные черты и прибегая к внутренней реконструкции[4], исследователи не всегда пытаются выяснить конкретные хронологические уровни явлений, тем более воссоздать цельную картину какого-либо определенного периода[5]. При этом недоверие многих исследователей к гипотезе отдаленного родства лишает их сильного аргумента—возможности проверки правильности их построений.

В-третьих, следует четко дифференцировать различные типы инноваций, в частности, инноваций совместных, присущих двум и более языкам, и инноваций отдельных, присущих только данному языку. Как показывает опыт ареальной лингвистики, изучение совместных инноваций[6] имеет первостепенное значение для выяснения последовательности выделения языков из индоевропейской общности, их генетической близости, хронологизации и периодизации их истории, характера индоевропейского языка в период общности. Следует также учитывать влияние близких языковых сред, субстрата и языковых союзов в различной степени генетически близких и далеких языков, в той или иной мере способствующих отклонениям от первоначального облика, а также факты параллельного развития[7].

В-четвертых, следует учитывать неравномерность темпов изменений как отдельных языков, так и отдельных их уровней в зависимости как от жизненных условий носителя (экстралингвистических факторов), так и от особенностей системы данного языка (интралингвистических факторов). Глоттохронология, метод обратного исчисления (установление предыдущих периодов по аналогии с последующими—**Джаукян**, 1967, 335) и т. п. основываются на допущении более или менее равномерного развития языков. Хотя такое допущение в какой-то мере оправдывает себя, однако в отдельных случаях оно может привести к неправильным выводам, если не учесть вышесказанное. Так, новоперсидский язык с IX—X вв. почти не изменился, между тем как армянский претерпел значительные изменения, перейдя от древнеармянского состояния в среднеармянское (в XI—XII вв.), а затем и в новоармянское (в XVII—XVIII вв.). Литовский язык, известный по памятникам с XVI в., сохранил также архаичные черты, которые не известны из истории многих ранее засвидетельствованных языков.

Принцип точности ареализации (ареального распределения). В любом естественном языке, в том числе реконструированном, возможны несколько типов параллельно сосуществующих форм, принадлежащих либо к разным хронологическим уровням (архаизмы и неологизмы—инновации), либо к разным стилям и функциональным разновидностям, либо к разным ареалам. Если при восстановлении праязыковых форм получается значительное количество синонимичных слов и словоформ, то необходимо выяснить их характер и распределить по указанным типам. Для определения каждого из этих типов следует исходить из определенных критериев. Если параллелизм обозначить в виде a:b, а родственные языки в виде A:B:C:D, то эти критерии будут выглядеть следующим образом.

1) Функциональный параллелизм для родственных языков можно определить как соотношение конъюнкции, т. е. данный параллелизм одновременно присущ всем языкам (или хотя бы некоторым из них):

$$A(a:b):B(a:b):C(a:b):D(a:b).$$

2) Ареальный параллелизм—обычно как отношение дизъюнкции («или—или»), т. е. один из членов пары присущ одной части родственных языков, другой член—другой части:

$$A(a):B(a):C(b):D(b),$$

т. е. языки A и B образуют ареал, противопоставленный ареалу C и D, при этом возможен как ареал, где налицо оба признака $E(a:b):F(a:b)$, так и ареал, где нет ни одного из этих признаков: $G(\bar{a}:\bar{b}):H(\bar{a}:\bar{b})$; если для последнего ареала можно установить какой-либо другой отличительный признак, то он является неопределенно-отрицательным ареалом, если невозможно установить, то определенно-отрицательным ареалом.

3) Естественно-хронологический параллелизм характеризуется неравномерностью распределения, т. е. здесь может иметь место как конъюнкция, так и дизъюнкция, причем в последнем случае не представляется возможным точно установить ареалы, ибо каждый из языков решает судьбу сосуществующих-состязающихся слов и словоформ самостоятельно, и соотношение языков может быть, например, таким:

$$A(a:b):B(b):C(a):D(b)$$

или таким:

$$A(a):B(a:b):C(a):D(a)$$ и т. д.

Внутренняя потребность в преодолении недостатков и противоречий реконструкции в компаративистике, с одной стороны, и успехи в изучении живых диалектов и появление новых методов представления их взаимоотношений—с другой, привели к усиленному изучению индоевропейских диалектов, к значительным успехам в области ареальной лингвистики. В связи с этим встал вопрос о точности классификации индоевропейских диалектов, появились наряду с «качественными» также количественные методы определения степени их близости[8]. Если бы все параллелизмы распределялись равномерно, т. е. одни и те же черты были бы присущи представителям только данного ареала и ими были бы охвачены все представители без исключения—при отсутствии скрещивающихся черт, то классификацию можно было бы построить на основании какой-либо одной черты (ср. выделение ареалов «кентум»: «сатем»). Однако в условиях неравномерности распределения ареальных черт приходится отказаться от однопризнаковых классификаций и прибегнуть к многопризнаковой классификации. Здесь учитывают либо комплекс наиболее важных черт (изоглосс), либо совокупность всех известных черт; в последнем случае следует выделить структурно важные, конститутивные черты и разработать метод количественно точной оценки качественно различных черт.

При восстановлении праязыковых черт следует избегать двух крайностей: как крайней «централизации»—приписания всех черт к недифференцированному «единому» языку, так и крайней «дистрибутивности»—полного их распределения по ареалам одного и того же хронологического уровня. Конечно, в настоящее время нет исследователя, который в той или иной степени не учитывал бы ареального распределения реконструированных черт. Однако все еще недостаточного внимания уделяется диалектным чертам—индоевропейский язык описывается как монолитное целое. С другой стороны, имеют место тенденции распределения всех черт по ареалам с имплицитным или эксплицитным допущением, что ничего нового в языке не возникает, все уже было когда-то в каком-то ареале. Это допущение заметно у итальянских неолингвистов[9].

Идеалом ареальной лингвистики будет создание такой карты диалектов индоевропейского языка, где изоглоссы дали бы непрерывные

линии, и был бы точно восстановлен языковой континуум. При этом следует проверить гипотезу о том, что модель современного распределения индоевропейских языков в общем является расширенной моделью первичной, иными словами, если изобразить пути удаления индоевропейских языков из одного центра, то при этом в основном должны получиться нескрещивающиеся линии.

Принцип совместимости. Элементы реконструированного языка должны быть совместимыми. Этот принцип не означает, что в языковой структуре не должно быть противоречий и отклонений,—напротив, естественный язык не может не иметь таковых; он требует, чтобы в восстановленном языке не было несовместимых конструкций, процент омонимичности, синонимичности и избыточности не превысил бы допустимых пределов, были бы налицо все те элементы, без которых нельзя представить функционирование любого языка, и сочетаемость элементов была бы возможна и естественна.

В связи с выделением типов параллельных форм было указано на наличие в языке не только территориальных (ареальных) и функциональных, но и таких синонимов, которые возникают в результате либо противоборства старого и нового, либо недостаточной нормированности языка. Однако количество синонимов и омонимов должно быть в пределах допустимости, что не всегда соблюдается авторами этимологических словарей, где вследствие неправильной реконструкции, стремления свести все значения генетически близких слов к наиболее общим, смешения словесного и корневого уровней, недостаточного учета ареальных ограничений преподносится такое количество омонимов и синонимов, которое невозможно в естественном языке (ср., например, корни в словаре Ю. Покорного, обозначающие понятие «блестеть, сиять»)[10]. Этими же причинами можно объяснить явную избыточность восстановленных элементов.

В любом естественном языке имеются остатки прежних и зачатки будущих систем, совмещаются господствующие закономерности с их нарушениями и отклонениями, наблюдается влияние других языковых систем (субстрат, языковый союз и интерференция, взаимовлияние и заимствования), отдельные слои лексики группируются не только по общим словообразовательным моделям, но и по экстралингвистическим системам, обозначаемым соответствующими системами терминов. Недостаточный учет этого факта и естественное стремление к непротиворечивости описания приводят к тому, что реконструированный язык выглядит более идеальным, чем может быть в действительности, исчезают противоречия системы объекта вследствие стремления к непротиворечивости системы описания. Вопреки случаям совмещения хронологически и территориально различных элементов в одной и той же структуре имеют место случаи, когда, напротив, естественно совместимые элементы разъединяются в угоду системе описания и стремлению к идеальному.

Реконструированный язык должен удовлетворять требованиям, предъявленным теорией универсалий, в первую очередь не содержать ничего такого, что противоречило бы импликативным универсалиям «если—то»[11].

Принцип типологической вероятности. Понятие типологической вероятности трактуется широко и узко. В широком понимании под типологической вероятностью подразумевается не только наличие восстановленного типа языка или его отдельных подсистем в уже известных языках, т. е. реальных образцов восстановленного языка, но и то, что нами рассматривается при характеристике принципов совместимости и, частично, экстралингвистической вероятности—реальность (возможность) тех или иных единиц вообще. Собственно говоря, в уз-

ком своем понимании типологическая вероятность, как увидим ниже, еще не достаточна для проверки правильности реконструкции, но дает необходимую опору при учете других принципов.

Как известно, долгое время компаративисты не задавались целью выяснять, насколько реально восстановление, имеются ли реальные образцы для реконструированного языка и отдельных его сторон. Для современной же компаративистики характерна широкая постановка проблемы типологической вероятности восстанавливаемого первичного языкового состояния (праязыка). Этому способствуют широкий размах типологических исследований, накопление огромного количества фактов по структуре различных языков, развитие количественных методов исследования типологических вопросов. Особенно важно отметить развитие теории универсалий, основанной на индуктивном подходе—на обобщении результатов исследования отдельных языков и языковых групп и устанавливающей общие и частные типологические закономерности как синхронического, так и диахронического характера, исходя из которых можно оценить результаты реконструкции[12]. Однако при конкретном применении принципа типологической вероятности допускаются некоторые недостатки и упрощения.

Одним из недостатков является нечеткое разграничение типологической и генетической близости[13]. Если первоначально—для первого этапа развития сравнительно-исторического языкознания—было характерно смешение этих двух аспектов, то в дальнейшем у некоторых исследователей замечается тенденция подменить понятия генетического родства и языковой семьи понятиями структурной общности и языкового союза[14]. Между тем понятие языкового союза не заменяет понятия семьи родственных языков, а дополняет его и уточняет.

Другой недостаток в недостаточном учете ограниченности наших знаний. Как бы полны ни были собранные факты, все же следует учесть возможность упущений и ошибок, неверных характеристик и различных оценок одних и тех же фактов из-за применения различных принципов описания и различного к ним подхода. Нередки случаи поспешного обобщения и сужения поставленной задачи. Несмотря на бурное развитие теории универсалий, все же ей не хватает экспликативной силы: надо не только констатировать и обобщать, но и объяснять, отвечать не только на вопрос «как», но и на вопрос «почему». Любая научная, в том числе типологическая, теория при применении не может дать вполне достоверных результатов, если она учитывает только известные факты и не в состоянии объяснить возможное, иными словами, констатирует, но не предсказывает и не предвидит. При этом действенную помощь могут оказать как типологическое сопоставление данных различных реконструкций (результатов реконструкций различных праязыков), так и сопоставление результатов реконструкции прасостояния живых диалектов с данными письменных памятников соответствующего периода. В этом отношении будет показательным сопоставление данных реконструкции прасостояния армянских диалектов со среднеармянским и древнеармянским языковыми состояниями.

Наконец, наиболее уязвимым местом для различных гипотез, исходящих из типологической вероятности, является неразличение типологической вероятности от экстралингвистической, т. е. учет не столько факта наличия или отсутствия реконструируемой системы или типа в уже описанных, сколько ее реальности вообще.

Принцип отдаленно-генетической вероятности. Регулярные парные сравнения между индоевропейскими и семитскими (Меллер, Кюни), индоевропейскими и уральскими (финно-угорскими) (Коллиндер), уральскими и тюркскими (Рясанен), индоевропейскими и хур-

ритско-урартскими (Джаукян) и т. д. в конце концов вливаются в общую ностратическую теорию об отдаленном родстве индоевропейских, семито-хамитских, картвельских, уральских, алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-манчжурских), дравидийских, хурритско-урартских, камчатско-чукотских и некоторых других языковых семей. Сводный список наиболее вероятных морфемно-лексических параллелей дан в «Опыте сравнения ностратических языков» В. М. Иллича-Свитыча (I—II, М., 1971—1976)[15].

Достижения в области изучения отдаленного родства дают возможность проверить попытки реконструкции отдельных сторон раннего периода развития индоевропейского языка—протоиндоевропейского[16]. К сожалению, регулярному проведению этого принципа мешает несколько недоверчивое отношение представителей классической индоевропеистики к достижениям ностратической теории. Между тем результаты изучения ностратических языков уже в настоящее время дают возможность установить верность одних реконструкций и отвергнуть другие. Эта возможность будет расти по мере изучения ареальных связей отдельных ностратических семей. Так, ларингальная гипотеза значительно лишается своей доказательной силы, если не учитывать семито-хамитские и другие параллели; восстановление трех рядов индоевропейских заднеязычных—«чистых», палатализованных и лабиализованных—находит поддержку в различиях позиций заднеязычных (позиций перед различными типами гласных: заднего ряда, переднего ряда, лабиализованных) тюркских языков; восстановление первичного эргативного строя и медиальных глагольных форм на -r(i) поддерживается данными урартского языка и др.

Развертывание дальнейших исследований в этом направлении даст возможность доказать верность или неверность многих реконструкций, проверить данные внутренней реконструкции внешними. Это значительно дополнит результаты применения принципа типологической вероятности[17].

Принцип социально-функциональной дифференциации. Под этим принципом понимается учет фактов социальной и функциональной дифференциации языка, наличия элементов различных стилей даже у самых малоразвитых народов, возможность отражения в языке своеобразных черт различных социальных групп, половых различий, возрастных особенностей и т. п. Следует, в частности, учесть возможность наличия лексических различий, своеобразных устойчивых словосочетаний, архаичных черт, речевых штампов и др. Исследования в этом направлении в последние десятилетия раскрывают в индоевропейском языке много примеров подобного рода. Таким образом, наряду с учетом ареальных различий и диалектной дифференциации следует иметь в виду возможность наличия социально-функционального варьирования в словарном составе, в семантике, фразеологии и даже в других областях (ср. архаизмы, присущие устному народному творчеству, образной речи и т. п.)[18].

Принцип экстралингвистической вероятности (реальности реконструкции). Реконструкция должна быть не только лингвистически верной, но и реально вероятной[19], в том числе—соответствовать реальным условиям существования народа, предположительно говорившего на реконструированном языке[20].

Под экстралингвистической вероятностью понимается, в первую очередь, реальность восстановленных фонем (возможность их артикуляции) и правильность их сочетаемости (возможность произношения сочетаний любой длины по правилам, данным исследователями для реконструированного языка). Иными словами, речь идет о реальности и возможности предполагаемой сочетаемости дифференциальных при-

знаков в фонемы, фонем в слоги, слогов в слова, слов в синтагмы, синтагм в предложения. Следует отвергнуть совокупность таких дифференциальных признаков, существование одного из которых делает невозможным наличие другого, т. е. возникают несовместимые или крайне редкие сочетания признаков, как, например, глоттализации и палатализации. В этом отношении субстанциональный подход автора (**Джаукян,** 1978, 83—84 и др.) противопоставляется умозрительно-«моделирующему» подходу, при котором обращают внимание не столько на реальное произношение и материальное выражение, сколько на соответствие модели. При последнем подходе случайные совпадения более возможны—модели двух совершенно далеких языков могут совпадать, а модели близких языков, даже диалектов, сильно различаться.

Во-вторых, следует проверить возможность существования восстанавливаемого социально-этно-культурного типа по данным социологии, этнографии и истории культуры. Иначе говоря, как при проверке вероятности лингвистического типа праязыка и его отдельных подсистем доказательством служит наличие реального языкового образца, так и при восстановлении социальной структуры, этнографических и культурных особенностей народа, говорящего на данном языке, следует искать соответствующие образцы в описаниях социально-этно-культурных типов различных народностей и доказать возможность существования этого типа в восстанавливаемый период и в восстанавливаемых условиях (как внутренних, так и внешних).

В-третьих, следует учесть данные истории и археологии, при реконструкции не модернизировать и не архаизировать социально-экономических условий жизни народа по данным его языка. В частности, не всегда соблюдается осторожность в выводах о времени индоевропейской общности, характере и типе его земледелия, правовых нормах, обмене и торговле и т. д.

В-четвертых, следует учесть данные о географической среде, климате и его изменениях, животном и растительном мире и т. п., т. е. иметь в виду принцип так называемой экологической вероятности как частное выражение принципа экстралингвистической вероятности.

Принцип непротиворечивости всех показателей. При реконструкции следует стремиться к соблюдению всех принципов, охарактеризованных выше, и, следовательно, непротиворечивости всех показателей. При обнаружении противоречия, например, между лингвистическими и экстралингвистическими данными следует выяснить причину противоречия, проанализировать значения, дойти до первичных и выделить поздние наслоения и т. п.[21]

Следует иметь в виду, что вышеописанные принципы исходят из общей методики лингвистического исследования. Здесь учтены такие признаки выделения методов лингвистического исследования, как лингвистичность и экстралингвистичность, сосредоточенность (ср. принцип совместимости) и несосредоточенность (ср. принципы точности хронологизации, ареализации, социально-функциональной дифференциации), выхождение или невыхождение за пределы языка-объекта (ср. принципы типологической вероятности и отдаленно-генетической вероятности) и т. д.[22]

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ

Диахроническое направление. В сравнительно-историческом исследовании следует выяснить принципы не только реконструкции, но и подачи материала—его описания. Первый вопрос, который предстоит нам здесь решить, это вопрос о направлении диахронического исследования. При любом диахроническом исследовании должна быть точно

определена синхроническая модель, которая служит отправным пунктом сравнения[23]. Возможны два пути: либо следовать естественному направлению диахронии—от реконструированного языка к языку-наследнику, либо сначала описать язык-наследник как непосредственный объект исследования, затем перейти к его сравнительной характеристике, по необходимости прибегая и к внутренней реконструкции. Избирая второй путь исследования, авторы сравнительных грамматик имеют в виду два момента: 1) если прямым объектом исследования является не реконструированный язык-«прародитель», а его потомок, то следует дать представление именно о его структуре во всех ее проявлениях, затем перейти к ее сравнительной характеристике, предполагая, что факты реконструированного языка и родственных языков уже известны, т. е. уже имеются предпосылки для выполнения основной задачи; 2) рассматривая язык как систему, следует сначала раскрыть единицы системы в их зависимости, затем проследить пути их становления. Этот принцип исследования последовательно проводит Р. Годель в своем «Введении в изучение классического армянского языка» (**Godel,** 1975), состоящем из двух частей: «Синхронический подход» и «Диахронический подход». Автор же известного «Эскиза сравнительной грамматики классического армянского языка» А. Мейе (**Meillet,** 1936[2]) проводит указанный принцип не в целом, а по частям, т. е. в каждом разделе сначала раскрываются особенности армянского языка (фонетическая система, имя, глагол), затем приводится сравнительный материал.

В данной работе выбран путь, дающий возможность синтезировать оба направления. Считая факты диахронии и синхронии взаимосвязанными и взаимообусловленными, автор в каждом разделе сначала рассматривает соответствующую индоевропейскую модель, затем древнеармянскую (причем по необходимости делаются замечания также и о дальнейшем ее изменении), сопоставляет их, потом дает сравнительную характеристику отдельных элементов древнеармянской модели. По мнению автора, такое рассмотрение не раздробляет сравнительного материала и дает возможность читателю получить представление как о целом, так и о его частях с последовательным раскрытием особенностей как исходного, так и конечного состояния.

Синхроническое направление. В понимании автора лингвистические модели должны отражать модели языка, которые формируются в голове человека и посредством которых осуществляется его речевая деятельность (**Джаукян,** 1978, 71). Эти модели, следовательно, характеризуются линейной структурой и должны в первую очередь показывать, ка́к строит говорящий слоги и морфемы, слова, словосочетания, предложения. Модель показывает, какие сочетаемые элементы возможны и как они следуют друг за другом в естественной речи. Она отражает динамику речи, ее естественный ход. При переходе от звуковой речи к письменной она принимает направление письма, принятое у данного народа, т. е. в рассматриваемом случае—слева направо.

Насколько сохраняется данный принцип в сравнительно-историческом исследовании? Разумеется, здесь должны учитываться не только стремление к точному отражению описываемого объекта, но и такие моменты, как необходимость выделения той или другой стороны структуры, той или другой ее особенности, объяснения неясного через ясное и сложного через простое, а также общая концепция автора, направленность его исследований и т. д. Именно поэтому исследователи не всегда придерживаются указанного принципа. Так, автор настоящей работы в исследовании, посвященном происхождению системы склонения древнеармянского языка, сначала рассматривает происхождение категорий склонения, средств и способов их выражения, затем переходит к рассмотрению происхождения именных основ. Иначе го-

воря, в первую очередь осуществляется основная цель автора, затем связанная с нею задача.

В настоящей работе, выполненной в основном в соответствии с концепцией лингвистического моделирования автора, принят именно «естественный» путь рассмотрения. Сначала строится общая модель и рассматриваются ее частные выражения, затем каждый элемент модели рассматривается по месту, занимаемому в модели слева направо. Это дает возможность раскрыть отражаемый объект как в действии, так и в основной последовательности становления элементов, т. е. решить наряду с синхронической задачей частично и диахроническую[24]. Хотя последовательность элементов в модели не всегда сходится с последовательностью их происхождения, однако в основном она все-таки сходится и, следовательно, дает дополнительное средство для решения задач настоящего исследования.

Принцип предельной генерализации. Обобщение является необходимой частью научного познания. Однако имеются разные его ступени. В данной работе ставится задача предельного обобщения, т. е. исчерпания всех его возможностей, доведения его до такого предела, после которого оно либо вообще невозможно, либо приводит к упрощению и схематизации в познании объекта. Приведем примеры из области фонетики.

В сравнительных исследованиях по армянскому языку А. Мейе (**Meillet**, 1936[2]), Р. Ачаряна (**Աճառյան**, 1953—1971), С. Э. Манна (**Mann**, 1963), Р. Годеля (**Godel**, 1975) сравнительный анализ приводится в обычном для описательной фонетики порядке. Так, А. Мейе рассматривает изменение различных групп согласных, гласных, сонантов, слога, конца слова. Приблизительно так же поступает и Р. Ачарян. С. Э. Манн еще более атомизирует рассмотрение. Р. Годель, излагающий, как было отмечено, синхронический и диахронический аспекты отдельно, в последнем случае рассматривает изменение ударения, отдельных фонем и их сочетаний и т. д. У него наблюдается тенденция к более широкому обобщению, но она не возведена в принцип.

Автор настоящей работы ставил себе целью охарактеризовать изменения не отдельных фонем или групп фонем, а процессы, свойственные этим изменениям в целом. Так, в области консонантизма все изменения сначала им сводились к четырем процессам: передвижению, палатализации смычных, изменению фрикативных и сочетаний согласных (**Джаукян**, 1967, 81 и сл.). Затем удалось найти общие закономерности для изменения сочетаний согласных: упрощение или установление групп с первым слабым и вторым сильным (более напряженным) элементом (**Ջաուկյան**, 1976, 258—271; **Джаукян**, 1978, 129—140). В дальнейшем изменения фрикативных удалось свести к процессам усиления или ослабления и постериоризации (движение артикуляции назад).

При описании морфологического строя также характеризуются процессы, приведшие к образованию армянской системы склонения и спряжения, хотя они описываются отдельно и по причине неясности многих частностей не выделены в заглавия, под которыми описываются все морфологические процессы.

Тот факт, что все указанные фонетические процессы не подводимы под один общий процесс, что они имеют различные причины и их результаты скрещиваются или слагаются, лишний раз показывает, что говорить о языке как единой системе можно лишь условно. Язык является собственно совокупностью подсистем, в каждой из которых действуют различные закономерности изменения, объединяющиеся лишь в очень широких—не собственно лингвистических—обобщениях.

Анализ и синтез структуры. Целью сравнительного анализа родственных языков является реконструкция праязыка. Для этого компаративистика должна прибегать как к анализу, так и к синтезу. Как осуществляется этот принцип в применении к сравнительной грамматике отдельного языка? Если учесть, что реконструкция представляет праязык в территориальном, временном и социально-функциональном варьировании, то станет ясным, что сравнительный анализ армянского языка должен привести к синтезу первичного его облика как некоторого варианта индоевропейского праязыка, т. е. реконструировать первичный его словарь и структуру и показать особенности их функционирования. Эта задача в данной работе выполняется на основе принципов моделирования, разработанных автором (**Джаукян**, 1978, 70—93), и дающих возможность гармонически сочетать анализ и синтез, сравнить не только элементы, но и системы, состоящие из этих элементов, как отдельные компоненты структуры, так и модели самих структур.

При сравнительном освещении структуры армянского языка сначала строятся праязыковые и древнеармянские модели соответствующих единиц и после их сравнения последовательно рассматриваются отдельные элементы древнеармянской модели в генетическом аспекте. Для каждой данной общей модели указываются частные ее выражения (частные модели), для компонентов макромоделей—микромодели ее компонентов, описание гомогенных моделей дополняется описанием гетерогенных, состоящих из двух и более гомогенных моделей и, следовательно, имеющих повторяющиеся элементы.

Обычная схема изучения структуры языка предполагает две процедуры: моделирование в узком смысле и трансмоделирование. Моделирование—это установление моделей основных единиц для каждого уровня в «чистом» виде, т. е. когда в роли элементов модели выступают единицы, предназначенные именно для этой роли—в прямой своей функции. Изменение же функций элементов, в результате которого в составе одной—гетерогенной—модели могут оказаться одинаковые по основной функции элементы, является объектом изучения трансмоделирования. Поэтому сложные слова, синтагмы, имеющие в своем составе более одного элемента одинаковой основной функции (например, два существительных), считаются результатом трансмоделирования первичных моделей. Моделирование охватывает основные единицы трех уровней с двумя подуровнями для каждого: 1) слова и словоформы; 2) субсинтагмы и синтагмы; 3) предложения и суперпредложения. При этом каждая единица рассматривается: 1) в плане выражения, 2) в плане содержания, 3) в их взаимоотношении.

Имея в виду, во-первых, сложившуюся традицию, во-вторых, особенности сравнительных данных—наибольшая их достоверность лишь для первого уровня, в-третьих, характерную черту индоевропейского языка—резкое противопоставление именной и глагольной структур, в дальнейшем изложении в центре нашего внимания будет первый уровень, причем: а) не будут выделены подуровни, и весь материал будет рассмотрен в двух разделах: в фонетике и морфологии; б) фонетика будет представлять собой анализ структуры и описание состава плана выражения словоформы; в) морфология будет представлять собой анализ структуры и описание состава плана содержания словоформы в своем отношении к плану выражения—по фонетической выраженности; г) словообразование будет рассмотрено отдельно для имени и для глагола—как именное и глагольное основообразование. Трансмоделирование не выделяется в специальный раздел: образованные посредством трансмоделирования гетерогенные модели рассматриваются после соответствующих гомогенных моделей.

ФОНЕТИКА

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Фонетическая структура словоформы. С фонетической точки зрения индоевропейская словоформа является отрезком речи, состоящим из одного и более слогов (s) и характеризующимся разноместным тоническим ударением (a):

...(s) (s) sa (s) (s)... или:
...(s) (s) s′ (s) (s)...

Следует отметить две особенности ударения: 1) при одинаковом составе фонем ударение может падать на различные слоги, различая отдельные слова и словоформы, т. е. иметь так называемое смыслоразличительное и форморазличительное значение; 2) в зависимости от морфологического типа различные словоформы одного и того же слова могут иметь ударение на различных слогах, т. е. ударение может быть подвижным.

Структура слога. По пониманию автора, слог является минимальной синтагматической единицей фонетической стороны речевого потока, а образующие его звуки (фонемы)—минимальными парадигматическими единицами (**Джаукян,** 1978, 28—30). Как синтагматическая единица слог характеризуется моделью (r) R (r), где R является слогообразующим элементом, могущим и самостоятельно образовывать слог, r—неслогообразующим элементом, в соответствии с особенностями индоевропейского языка реализующимся как отдельными звуками (фонемами), так и их комплексами. Какие комплексы возможны, т. е. каково количество реализующих элементов? Чтобы дать ответ на этот вопрос, следует иметь в виду возможность не только выражения одной морфемы двумя слогами, но и реализации двух и более морфем одним слогом; ср. для последнего случая атематические образования типа *ant-s «передняя часть» и *(e)jēug-s-t «он запряг» (3-е л. ед. ч. сигматического аориста); в этом случае вследствие нагромождения морфологических элементов возникают обратные последовательности элементов (*ts) и необычное их количество (*gst). Если принять в основу соотношение «один слог=одна морфема», т. е. отвлечься от возможных сочетаний морфем в потоке речи, в частности, иметь в виду слог в отдельности и, с некоторой оговоркой, в конце слова, то можно констатировать следующую модель индоевропейского слога (resp. односложной морфемы):

$(r_1)\ (r_2)\ (r_3)\ R\ (r_4)\ (r_5)$.

Рассматривая характер реализаций и виды дистрибуции элементов слога, можно констатировать следующее: 1) реализации элементов r_3 и r_4 в основном совпадают, т. е. в одних позициях выступают в основном одни и те же категории звуков (фонем); 2) реализации элементов r_1 и r_2 в основном совпадают с реализациями элемента r_5, т. е. реализации r_5 расщепляются в начальном комплексе на две позиции: r_1 и r_2; 3) кроме собственно слогообразующих элементов в функции R

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького
Н Г У

могут выступать также реализации элементов r_3 и r_4; 4) часть реализации элементов r_4 не выступает или редко выступает в позиции r_3; 5) часть реализаций элемента r_5 не выступает в позиции r_2, если присутствует элемент r_1; 6) r_1 реализуется фактически в одной фонеме.

На основании сказанного по слогообразующей функции можно выделить три категории фонем: 1) собственно слогообразующие; 2) собственно неслогообразующие; 3) бифункциональные, т. е. по характеру позиции выступающие как в слогообразующей, так и в неслогообразующей функции. По способу артикуляции они образуют категории гласных, согласных и сонантов.

Среди сонантов можно выделить подкатегории, а) свободно выступающие в позициях и r_3 и r_4 (r, l), б) не выступающие в позиции r_3 (*m, *n) и в) редко выступающие в позиции r_3 (*l̥, *u̯). В свободных сочетаниях фонемы третьей подкатегории могут выступать перед первыми двумя (*aur-, *aul- и др.), первые—перед вторыми (*-rm-, *-rn и др.).

Артикуляция сонантов в позиции r_3 значительно отличается от их артикуляции в позиции r_4. В первом случае они выступают как настоящие неслогообразующие элементы. Во втором случае переход от гласных к ним совершается плавнее, и их обычно присоединяют к гласным, считая их едиными комплексами—дифтонгами. При этом исследователи дифтонгами считают либо все сочетания гласных с последующими сонантами (ср. А. Мейе), либо только сочетания гласных с сонантами третьей подкатегории. Следуя первому принципу, r_4 можно отнести к R как R_1 и соответственно видоизменить вышеприведенную формулу.

Среди согласных можно выделить подкатегорию фрикативных (*s, перед звонкими согласными по ассимиляции переходящая в *z), выступающих в позициях r_1 и r_5, и подкатегорию смычных, выступающих в позициях r_2 и r_5. По сочетаемости и несочетаемости с начальным s (в позиции r_4) можно выделить глухие и звонкие смычные.

Таким образом, трехэлементный комплекс в начале слога имеет место при начальном *s, который может встречаться и в конце слога в качестве одной из реализаций r_5; r_2 выражается смычным согласным, который может также встречаться в конце в качестве реализации r_5. Нетрудно констатировать для r_3 сонантную реализацию, причем сонант может встречаться также перед конечным элементом в качестве реализации r_4. Имея в виду характер реализации неслогообразующих элементов, получим следующую формулу для модели и.-е. слога:

$$(r_1)\ (r_2)\ (r_3)\ R\ (r_3)\ (r_1/r_2).$$

или

$$(C_1)\ (C_2)\ (C_3)\ V\ (C_3)\ (C_1/C_2).$$

или

$$(f)\ (o)\ (s)\ V\ (s)\ (f/o),$$

где C—согласный (неслогообразующий), V—гласный (слогообразующий элемент), f—фрикативный, o—смычный (occlusivus) и s—сонант.

Если иметь в виду близость сонантов к слогообразующим элементам и обозначить второй s как S (функциональная разновидность первого s), то получим следующую формулу:

$$(f)\ (o)\ (s)\ V\ (S)\ (f/o).$$

При таком подходе S будет фактически выступать как необязательный член микромодели слогообразующей части слога.

О. Семереньи (**Szemerényi,** 1970, 91) дает именно такую формулу для и.-е. морфемы, выбирая для каждой категории единственную, самую типичную реализацию:

$$(S)\ (T)\ (R)\ e\ (R)\ (T/S).$$

Имея в виду шестиэлементность индоевропейской слогоморфемы с обязательностью одного слогообразующего и необязательностью пяти неслогообразующих элементов, можно констатировать возможность 1-го одноэлементного, 5-и двухэлементных, 10-и трехэлементных, 10-и четырехэлементных, 5-и пятиэлементных и 1-го шестиэлементного типа.

Остановимся на реализациях слоговых элементов (фонем) подробнее.

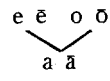
Собственно слогообразующие элементы—гласные. Собственно слогообразующих элементов (гласных) в индоевропейском языке шесть: *e, *ē, *o, *ō, a, ā[1]. По характеру артикуляции они различаются тремя основными признаками: 1) по степени подъема языка: нижние (*a, *a) и ненижние (*e, *ē, *o, *ō); 2) по продвинутости языка: передние или продвинутые (*e, *ē) и непередние или непродвинутые (*o, *ō, *a, *ā); 3) по долготе (длительности) артикуляции: долгие (*ē, *ō, *ā) и недолгие (краткие: *e, *o, *a). Первые два признака связаны с размером (объемом) и формой ротовой полости (резонатора). Пары *e, *ē и *o, *ō различаются, кроме того, лабиализованностью и нелабиализованностью, играющей в данном случае роль дополнительного признака. Соотношение и.-е. гласных фонем и их различительных признаков можно представить следующей таблицей:

Фонемы / Признаки	—	—	ā	a	ē	e	ō	o
Нижний подъем	+	+	+	+	—	—	—	—
Продвинутость	+	+	—	—	+	+	—	—
Долгота	+	—	+	—	+	—	+	—

Это же соотношение синтетически можно представить следующим образом:

	Нижний подъем		Ненижний подъем	
	Долгие	Краткие	Долгие	Краткие
Продвинутость	—	—	ē	e
Непродвинутость	ā	a	ō	o

Структурная схема артикуляции и.-е. гласных в виде треугольника выглядит следующим образом:

Для индоевропейского языка выделяют также два типа редуцированных гласных: *ə, *ь, первый из которых (shva primum) возникает вследствие редукции долгих, второй (shva secundum)—кратких. Возможно допустить, что они сохранили оттенки различия для отдельных

видов гласных (*ē : *ə$_1$, *ā : ə$_2$, *ō : ə$_3$ и *e : *b$_1$, *a : *b$_2$, *o : b$_3$). Представители ларингальной теории считают долгие гласные результатом первичных протоиндоевропейских сочетаний типа *eə>*ē, *aə>*ā, *oə>ō или *eə$_1$>*ē, *eə$_2$>*ā, *eə$_3$>*ō. В этом случае *ə ведет себя по позиции точно так, как соответствующие сонанты, функционирующие то как слогообразующие, то как неслогообразующие элементы, соответственно выступая в позициях r$_3$, r$_4$ и R. Однако подобный их характер в позднеиндоевропейском сохранился лишь в виде реликтов, не образующих уже системы, вполне аналогичной системе сонантов[2].

Бифункциональные (по позиции слогообразующие и неслогообразующие) элементы—сонанты. Дифтонги. Сонантов в индоевропейском языке шесть: *i̯, *u̯, *r, *l, *m, *n. Они могут выступать в слоге в трех позициях: 1) в позиции r$_3$ они играют роль согласных и обозначаются символами *i̯ (*j, *y), *u̯ (*v, *w) *r, *l, *m, *n; 2) в позиции r$_4$ по своей артикуляции занимают как бы среднее положение между согласными и гласными и обозначаются символами *i, *u, *r, *l, *m, *n; 3) в позиции R они играют роль гласных и обозначаются символами *i, *u, *r̥, *l̥, *m̥, *n̥. По характеру артикуляции обычно различают сонанты полугласные: *i̯, *u̯, плавные: *r (дрожащий или прерывный) и *l (боковой), носовые: *m, *n. Собственно говоря, для различения шести сонантов достаточно было бы указать на три признака, охватывающих не менее двух фонем, однако из-за своеобразности артикуляции *r и *l для одного из них невозможно подобрать пару среди других сонантов, и мы вынуждены прибегнуть к четырем признакам, допуская избыточность признаков описания: назальность, губность, переднеязычность, прерывность:

Признаки \ Фонемы	—	—	—	m	—	n	—	—	—	—	—	u̯	—	l	r	i̯
Назальность	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Губность	+	+	+	+	—	—	—	—	+	+	+	+	—	—	—	—
Переднеязычность	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—
Прерывность	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—

Имея в виду особый артикуляционный характер полугласных, по-видимому, следует отличить их сочетания от сочетаний других сонантов с предыдущими гласными[3]. Для точности назовем первые дифтонгами, вторые—дифтонгоидами, хотя такое различение, как было отмечено, не всегда проводится.

В соответствии с особенностями гласных выделяют долгие и краткие дифтонги: *ēi, *ōi, *āi, *ēu, *ōu, *āu и *ei, *oi, *ai, *eu, *ou, *au, как и соответствующие дифтонгоиды: *ēr, *ōr, *ār и *er, *or, *ar и т. д.

В составе одной и той же морфемы-слога долгие гласные могут быть заменены редуцированным гласным *ə (*ē : *ə, *ā : *ə, *ō : *ə), краткие—редуцированным гласным *ь (*e : *ь, *a : *ь, *o : *ь) или нулем (*e : нуль, *a : нуль, *o : нуль), дифтонги и дифтонгоиды — соот-

ветствующими слогообразующими сонантами (*ei : *i, *eu : *u, *er : *r̥, *el : *l̥, *ēi : *ī, *ēu : *ū и др.) и одни виды гласных—другими (*e : *o, *ē: *ō), т. е. имеют место количественные и качественные чередования либо по фонетическим (изменение места ударения), либо по морфологическим причинам (дополнительная морфосемантическая нагрузка). Для и.-е. языка обычны чередования *e : *o : *нуль; *ē : *ō : *ə; *ā : *ə, *ō : *ə.

Собственно неслогообразующие элементы—согласные. По функции в слоге и характеру артикуляции различаются две группы согласных: фрикативные и смычные. Первая группа представлена фонемой *s, которая перед звонкими смычными озвончается в *z (ср. *ozdos>арм. ost, -oy «ветвь» от *sed- «сидеть»). В отдельных ареалах, по-видимому, сохранились и другие фрикативные, реликты первичных ларингальных (хетт. ḫ, ḫḫ, арм. h), однако их дистрибуция отличается от дистрибуции *s: они не встречаются перед другими согласными в начале слога.

Характер и количество смычных в конце индоевропейской общности, по всей вероятности, были неодинаковы в различных ареалах (**Джаукян**, 1967, 51—74)[4], и в ареале, откуда вышел армянский, можно констатировать наличие шестнадцати смычных, различающихся по трем общим и двум частным признакам: 1) звонкость—незвонкость (глухость), 2) придыхательность—непридыхательность, 3) переднелокализованность или компактность (частный признак: губность—негубность или переднеязычность)—непереднелокализованность или диффузность (частный признак: палатализованность — непалатализованность). Соотношение смычных и их признаков можно представить в следующей аналитической таблице:

Фонемы / Признаки	bh	g'h	b	g'	ph	k'h	p	k'
	dh	gh	d	g	th	kh	t	k
Звонкость	+	+	+	+	—	—	—	—
Придыхательность	+	+	—	—	+	+	—	—
Переднелокализованность	+	—	+	—	+	—	+	—

Распределение фонем в соответствии с указанными признаками в обычной синтетической таблице выглядит следующим образом (стр. 22):

В связи с этим следует добавить следующее:

1. Вместо противопоставления: «палатализованность — непалатализованность» в другом ареале выступает противопоставление «нелабиализованность—лабиализованность», т. е. палатализованным рассмотренного ареала соответствуют непалатализованные, непалатализованным—лабиализованные. На этом основании выделяют языки группы satəm (*k′ : *k) и языки группы centum (*k : *kᵘ). По характеру типов палатализаций для албанского восстанавливают все три категории заднеязычных (*k′ : *k : *kᵘ)[5]. Армянский язык, как увидим ниже, также сохранил некоторые следы лабиализованных, что говорит о его близо-

	Переднелокализованность				Заднелокализованность			
	Губность		Передне-язычность		Палатализованность		Непалатализованность	
	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие
Придыхательность	bh	ph	dh	th	g'h	k'h	gh	kh
Непридыхательность	b	p	d	t	g'	k'	g	k

сти к переходной зоне. Кроме того, в армянском наблюдается дополнительная палатализация заднеязычных в позиции после *u.

2. Хотя существование самостоятельного фонемного ряда глухих придыхательных ставится под сомнение и его появление считается инновацией, однако этот ряд дает некоторые регулярные отражения в индоиранском, армянском, греческом, частично и славянском. Восстановление же звонких придыхательных типологически предполагает ряд глухих придыхательных[6].

3. Не все восстановленные фонемы имеют одинаковое распространение и частотность. Так, фонемы *b и *k'h редки в начальной позиции.

Некоторые исследователи на основании ненадежности восстановления самостоятельного ряда глухих придыхательных, а также редкости фонемы *b в начальной позиции делают далеко идущие выводы о системе консонантизма и.-е. языка. Так, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, начиная с 1972 г., восстанавливают трехрядную систему: а) глоттализованные глухие (—), ṭ, ḳ, б) неглоттализованные глухие /глухие придыхательные p/ph, t/th, k/kh и г) звонкие/звонкие придыхательные b/bh, d/dh, k/kh[7].

Реконструкция подобной системы, к сожалению, не оправдывается ни фактически, ни теоретически: 1) во всех основных индоевропейских языках нет ряда глоттализованных согласных и противопоставления глоттализованных и неглоттализованных; наличие в некоторых армянских диалектах глоттализации глухих смычных явно вторичного характера—влияние грузинского языка; 2) не до конца выясняются условия перехода этой системы, например, в систему типа индийского; палатализация глоттализованных маловероятна, а если и возможна (ср. абхазский?), то предполагает последовательность «глоттализованность→деглоттализованность→палатализованность»; иначе говоря, восстанавливаемая система, если и возможна, то лишь для раннеиндоевропейского (ср. также данные ностратики), а не для позднеиндоевропейского, к которому возводятся факты отдельных индоевропейских языков; 3) фонема *b хотя и является редкой в начальной позиции, но все же имеется; в срединной же позиции она встречается довольно часто; если учесть совокупность позиций фонемы *b, то она является полноправным членом системы. В этой гипотезе замечается увлечение принципом типологической вероятности во вред принципам реальности и точности хронологизации.

Хотя выше было сказано, что смычные встречаются в двух позициях в слоге: r_2 и r_5, однако здесь возможны не все сочетания. Так, со-

четание звонких со звонкими (типа *bed), глухих со звонкими придыхательными (типа *bhet и *tebh), двух одинаковых смычных (типа *pep, *tet) в слоге-морфеме невозможны.

Сочетание слогов в составе слова и словоформы. При сочетании слогов в составе слова или словоформы граница между двумя слогами проходит таким образом, чтобы не возникали необычные для вышеприведенной модели слогосочетания. Так, если на границе двух слогов за смычным следует смычный или сонант, то он переходит ко второму слогу (*sip-to-, *ag′-ro- и др.).

На границе слогов-морфем происходят следующие комбинаторные изменения: 1) если встречаются два гласных звука, происходят различные типы так называемого sandhi: стяжение, дифтонгизация, выпадение одного из них; 2) при встрече звонкого с глухим или глухого со звонким происходит регрессивная ассимиляция: -g-t->k-t-, -s-d->-z-d- и др.; 3) напротив, при встрече s с последующим звонким в начале слова происходит прогрессивная ассимиляция: s-g->sk, s-gh->skh (закон Зибса); 4) при встрече звонкого придыхательного с глухим происходит дезаспирация первого и озвончение и аспирация второго -dh-t->-d-dh- (закон Бартоломе)[8]; 5) при встрече двух переднеязычных -t-t-, -d-t->-t-t- происходят ареальные изменения: tt, st, ss.

Удвоение согласных для и.-е. языка является необычным: оно бывает либо экспрессивно-ласкательного характера, либо возникает в результате словообразования и словоизменения.

В случае сочетания корня и суффикса возникает соотношение, которое Э. Бенвенист (1955, 178 и сл.) характеризует как два состояния основы: *kér-u̯- (I состояние основы): *kr-éu- (II состояние основы). Это соотношение традиционно характеризовалось как скользящее чередование (Schwebeablaut)[9]. В связи с этим Бенвенист вообще отрицает возможность двусложных корней и опираясь на ларингальную гипотезу, такие корни всегда считает лишь состоящими из двух элементов.

ДРЕВНЕАРМЯНСКАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Фонетическая структура словоформы. В отличие от индоевропейской словоформы древнеармянская характеризуется в основном связанным динамическим ударением, падающим на последний слог, и формула ее фонетической структуры выглядит следующим образом:

...(s) (s) sa
или ...(s) (s) s′.

В отличие от индоевропейского древнеармянское ударение: 1) падало всегда на один и тот же слог словоформы и перестало иметь смыслоразличительное и форморазличительное значение; 2) являлось подвижным в зависимости не от морфологического типа слова, а от количества слогов словоформы, во всех случаях стремясь к концу.

Структура слога. При рассмотрении древнеармянского слога следует иметь в виду следующее: 1) в результате многочисленных заимствований возникли типы слогов, не характерные для собственно армянских сочетаний в конце слога (ср. -šx<иран. -xš); 2) в результате различных фонетических и морфологических процессов (выпадение многих окончаний, изменение палатализованных согласных, упрощение и метатеза в группах согласных, опрощение и переразложение производных основ и др.) односложных корней, выступающих в качестве самостоятельных словоформ, стало гораздо больше: все корневые имена выступают в качестве форм именительного падежа ед. ч., характеризующегося нулевым окончанием.

Если оставить в стороне заимствования и опираться на тип слогов, выступающих в качестве самостоятельных словоформ или встречающихся в конце слова (в конце слова слоги выступают в «чистом» виде, не подвергаясь изменениям вследствие перемещения ударения, причем оглушение звонких не наблюдается), то можно установить следующую формулу структурной модели древнеармянского слога:

$$(r_1)\ (r_2)\ (r_3)\ R\ (r_4)\ (r_5)\ (r_6)\ (r_7).$$

Хотя модель древнеармянского слога имеет больше элементов, чем индоевропейская, однако невозможность одновременного наличия более чем двух элементов в конечной части приводит к тому, что древнеармянский слог также не может иметь больше шести элементов и семи- и восьмиэлементные комплексы возможны лишь теоретически. Здесь также возможно, как и в индоевропейском слоге, наличие дополнительного форманта (ср. окончание мн. ч. -k^c), приводящего к образованию трехэлементного конца слога, но мы ограничимся рассмотрением только одноморфемных слогов.

Что можно сказать о дистрибуции и реализации элементов древнеармянской слоговой модели?

1. В отличие от индоевропейского слога, где элемент r_3 в превокальной позиции играет роль, отличную от роли поствокального r_4, в древнеармянском языке она одинакова: r_3 совпадает с r_4, и они в обеих позициях выступают как близкие к слогообразующим элементы, вместе с ними образуя не только нисходящие дифтонги, как индоевропейском (типа *ei, *eu и др.), но и восходящие дифтонги и трифтонги. При этом, как показывает древнеармянская графика, происходит частичная ассимиляция неслогового элемента дифтонга: *i(j) в начальной позиции под влиянием последующего a переходит в e: *i(j)a > ea (ср. *gu̯i(j)ā- > keam «живу»), а под влиянием o — в w: *i(j)o > wo (ср. *porti(j)osio > ordwoy «сына»). Кроме того, r_3 реализуется не в сонантах вообще, а только в полугласных, которые в превокальной позиции графически передаются в виде e-, w-, в поствокальной позиции — в виде -y, -v (после o), -w (после других гласных), т. е. ea, wo передают восходящие дифтонги ia, uo; oy, ov, aw — нисходящие дифтонги oi, ou, au; woy, eaw — трифтонги uoi, iau. Если в связи с этим еще можно допустить, что полугласные находятся в дополнительной дистрибуции с согласными y, v, встречающимися в начальной и интервокальной позициях (ср. позицию предлога i «от, из» перед согласным и перед гласным: i knoj ē «от жены» и yanuanē «от имени»), то другие сонанты перестали вообще играть какую-либо слогообразующую роль и перешли в категорию согласных. Укажем, что в современном армянском языке вследствие упразднения категорий дифтонгов и трифтонгов полугласные, так же как и другие сонанты, целиком перешли в категорию согласных, и переход u в v перед гласным воспринимается как чередование различных категорий фонем (ср. katu «кошка» — katvi «кошки»). Переход i, u в самостоятельные гласные фонемы проявляется еще и в том, что в сочетании друг с другом они образуют нисходящие дифтонги, причем дифтонг iu графически передается в виде iw (ср. -iwn < *-iǒn-), дифтонг ui переходит в oy (ср. -oy- в 3-м лице имперфекта gel-oy-r «он скручивал» (где -o- восходит к *-u-, а -y- к *-i-) при gel-u-i «я скручивал», gel-u-ir «ты скручивал». В собственно древнеармянских образованиях слог не может начинаться с ea, we, wo: в этой позиции вместо ea, we выступают ya, ve: yawray «отчим», vec^c «шесть» и др., а wo вообще не встречается.

2. Из начального неслогообразующего комплекса r_1 реализуется в фрикативных s, z, причем z перестала быть позиционным вариантом s и перешла в ряд самостоятельных фонем. Следует сказать, что вопрос

о вхождении s, z вместе с последующими согласными в состав одного и того же слога нельзя считать окончательно решенным: предполагается наличие перед ними редуцированного гласного ə, образующего вместе с ними (как в современном армянском языке) отдельный слог: əs-ta-nam «получаю» вместо sta-nam. Можно допустить, что существовали в этом отношении ареальные различия. Фрикативные s, z могли выступать также в позиции r_6.

3. При наличии r_1 элемент r_2 реализуется только в смычных фонемах: в глухих p, t, k и глухих придыхательных p^c,t^c, k^c после s и в звонких b, d, g после z. При отсутствии r_1, т. е. когда r_2 начинает слог, последний может реализоваться во всех согласных, как в смычных, так и в аффрикатах, фрикативных и сонантах. Некоторое ограничение существует лишь для первых слогов исконных индоевропейских слов, которые, как правило, не начинаются с r, ŕ, l : перед ними появляются протетические гласные; ср. erek «вчера» (при erekoy «вечер») < *regu-os-, aṙu „ручей“<*srut-, oṙork „гладкий“ (при lerk „голый“)<*lorg-.

4. Из элементов поствокального комплекса о r_4 уже было сказано. Остановимся на остальных элементах; r_5 реализуется в сонантах, не встречающихся в начале исконных армянских слов, т. е. в r,ŕ, l. При этом ŕ встречается только перед n[10] и в конечной позиции, а l не может встречаться после неслогового элемента дифтонга—y. В последнем случае l заменяется l, который, однако, не может оказаться перед согласным (кроме, конечно, $-k^c$ множественного числа); ср. al, alt «соль»<*sal-, *sal-d- и ayl «другой»<*aljos. Таким образом, позиция r_5 характерна для плавных сонантов, причем для отдельных членов существуют позиционные ограничения.

5. Элемент r_6 реализуется: а) в носовых сонантах n, m, второй из которых встречается только перед губным смычным и в конце слова, и б) в фрикативных—как в s, z, выступающих также в позиции r_1, так и в соответствующих шипящих š, ž; кроме того, в этой позиции выступают фрикативные x, h, причем h по-видимому, только в иранских заимствованиях (ср. nirh «дремота»)[11]; в иранских заимствованиях встречаются также сочетания -hm (ср. tohm «род»), -šx (ср. vašx „прибыль, лихва, рост“) и т. п., не характерных для исконно армянских слов.

6. Наконец, элемент r_7 реализуется как в смычных, так и в аффрикатах, причем смычные теоретически могут выступать и выступают (в частности, если учесть и заимствования) после всех реализаций r_6, а аффрикаты—только после n. При этом, однако, смычные в исконных армянских словах в этой позиции встречаются только после носовых сонантов и свистящих s, z[12]. Следует иметь в виду, что после носовых сонантов глухие и звонкие смычные и фрикативные смешиваются, т. е. исконные звонкие могут переходить в глухие, и напротив.

Подводя итог, можно установить несколько частных моделей для древнеармянского слога[13].

1) (r_1) (r_2) (r_3) R (r_3) (r_4) (r_5/r_1) (r_2)
или (f_1) (o) (S) V (S) (s_1) (s_2/f_1) (o),

где f_1 обозначает свистящие фрикативные s, z; o—смычные; S—полугласный элемент дифтонгического сочетания; s_1—плавные сонанты r, l; s_2—носовые сонанты n, m. В этой частной модели: а) начальные два элемента повторяются в конце; б) третий начальный элемент, непосредственно предшествующий слогообразующему гласному, повторяется после него; в) f_1 предпоследнего элемента могут заменить носовые; г) перед предпоследним элементом дополнительно имеется элемент, отсутствующий в превокальном комплексе—плавные. Эта частная модель наиболее близка к индоевропейской.

2) C(кроме s_1) (S) V...,

где С—согласные, кроме плавных сонантов r, r, l (в первой частной модели под s_l понимаются только r, l).

3) (s) V...,

где s—согласные y, v, соответствующие полугласным в начальной превокальной позиции.

4) ...V (w) (l) (m/o/a),

где a—аффрикаты. По формуле видно, что l может встречаться в составе слога только после w, но не после y (в этой позиции его заменяет l), а после него могут встречаться носовой сонант m, смычные и аффрикаты.

5) ...V (S) l.

По формуле видно, что плавный l не может встречаться перед другими согласными (в в этой позиции его заменяет l).

Рассмотрим отдельные группы древнеармянских фонем по их артикуляционным особенностям.

Слогообразующие элементы—гласные. Если учесть, что: а) индоевропейская система сонантов нарушена, и древнеармянские гласные i, u отражают не только и.-е. *$\breve{\text{i}}$, *$\breve{\text{u}}$, но и *ē, *ō; б) гласный ə не только появляется при стечении согласных, но и играет роль самостоятельной фонемы в начале слова (ср., с одной стороны, противопоставление əmpē «пьет»: ampē «покрывается тучами» (Աղայան, 1964, 82—84), с другой—ənkar «ты упал»: nkar «картина», где между n и k слышится ə); в) обычно приводимый среди гласных ē (է) в действительности не является долгим гласным (долгота в древнеармянском перестала быть различительным признаком), а дифтонгом ey и этимологически восходит к и.-е. *ei/*oi[14], то для древнеармянского литературного языка можно установить шесть гласных фонем: e, o, a, i, u, ə. Хотя фонема u графически передается (по греческому образцу) через ow (ու), но, по всей вероятности, является простым гласным, а не дифтонгом.

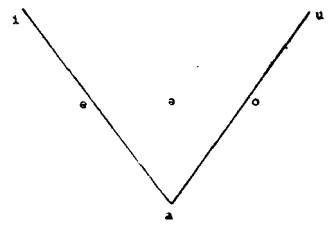
Гласные фонемы древнеармянского языка наиболее экономно можно классифицировать по следующим трем признакам: 1) по подъему языка: средние (e, o, ə) и несредние (верхние: i, u, нижняя: a); 2) по продвинутости языка: передние или продвинутые (i, e) и непередние или непродвинутые (u, o, a, ə); 3) по лабиализованности: лабиализованные (o, u) и нелабиализованные (i, e, a, ə). Если a считать не отодвинутой по отношению к o, u, то признак лабиализованности можно заменить признаком отодвинутости. Соотношение и.-е. гласных фонем и их различительных признаков можно выразить в следующей таблице:

Фонемы / Признаки	—	e	o	ə	—	i	u	a
Средний подъем	+	+	+	+	—	—	—	—
Продвинутость	+	+	—	—	+	+	—	—
Лабиализованность	+	—	+	—	+	—	+	—

Это соотношение синтетически можно выразить следующей таблицей:

	Средний подъем		Несредний подъем	
	Лабиализованность	Нелабиализованность	Лабиализованность	Нелабиализованность
Продвинутость	e	—	i	—
Непродвинутость	o	ə	u	a

Структурная схема артикуляции древнеармянских гласных в виде треугольника выглядит следующим образом:

Полугласные. Дифтонги и трифтонги. Как было отмечено, в древнеармянском языке дифтонги и трифтонги[15] образуются сочетаниями гласных с полугласными, которые, однако, графически обозначаются по-разному. Собственно полугласные, образующие дифтонги и трифтонги, занимают среднюю позицию между наиболее верхними гласными i, u и согласными y, v, выступающими в начале слова (слога) и между гласными. В составе слога они обозначают переход от слогообразующей части к неслогообразующей. Микромодель слогообразующей части слога, если полугласный элемент считать примыкающим к гласному, можно выразить следующей формулой:

(S) V (S),

где V реализуется в гласных, S—в полугласных, причем в начальной позиции, как было сказано, происходит их изменение под влиянием последующего гласного. Эта модель может иметь четыре типа: SVS—трифтонги, SV—восходящие дифтонги, VS—нисходящие дифтонги, V—монофтонги—«чистые» гласные.

Рассмотрим сначала двухэлементные типы (дифтонги). Тип VS (нисходящий дифтонг) представлен в следующих реализациях:

Дифтонги типа VS	Письменные обозначения	Примеры
ai	ay (*այ*)	hayr „отец"
au	aw (*աւ*)	yawray „отчим"
ei	ē (*է*)	sēr „любовь"
eu	ew (*եւ*)	ewt^{c}n „семь"
oi	oy (*oյ*)	loys „свет"
ou	ov (*ով*)	kov-k^{c} „коровы"
iu	iw (*իւ*)	giwt „находка"

Следует отметить, что: 1) дифтонг eu (ew) в некоторых словах переходит в iu (iw) (ср. alewr>aliwr «мука»), образуя этимологические дублеты; 2) дифтонг ou передается посредством ov (*ով*) в отличие от ow (*oւ*), обозначающего гласный u (ср. греч. ου)[16]; 3) нисходящий дифтонг ui переходит в oi и обозначается, как последний, через oy (ср. t^{c}oloyr „он оставлял"<*t^{c}oluyr при t^{c}olu-i „я оставлял", t^{c}olu-ir „ты оставлял")[17].

Тип SV (восходящий дифтонг) представлен в следующих реализациях:

Дифтонги типа SV	Письменные обозначения	Примеры
ia	ea (*hա*)	leard „печень"
ua	ua (*nեա*)	luanal „мыть"
ue	ue (*nեh*)	t^{c}uel „считать, перечислять"
io	wo (*եn*)	ordwoc^{c}<ordi-oc^{c} „сыновей"
uo	uo (*nեn*)	t^{c}uoc^{c} "чисел"

Как видно, тип SV имеет меньше реализаций, чем тип VS, т. е. восходящие дифтонги менее характерны для древнеармянского языка, чем нисходящие. При этом: а) дифтонгический характер сочетаний ua, ue, uo вызывает сомнение: многие исследователи считают их обычными сочетаниями гласных[18]; б) как было отмечено, в дифтонге ia элемент i становится шире под влиянием a и поэтому пишется через e; в) i в дифтонге io переходит в w под влиянием последующего лабиализованного гласного o, т. е. происходит (как в случае ea) частичная ассимиляция.

Имеется также сочетание uə в tu(ə)nǰean „дня", но действительный характер его не ясен.

Тип SVS (трифтонг восходяще-нисходящего типа) реализуется во всех возможных сочетаниях, допустимых для нисходящих и восходящих дифтонгов: iai (письм. eay), iau (письм. eaw), uoi (письм. woy) и др.

В современном языке древнеармянские дифтонги и трифтонги перестали быть таковыми: дифтонги монофтонгизировались или перешли в свободные сочетания гласных и согласных, причем тип перехода нисходящего дифтонга во многом зависел от позиции перед согласным и в конце слова[19]. Компоненты трифтонгов изменились как соответствующие компоненты дифтонгов.

Неслогообразующие элементы—согласные. В сравнении с индоевропейским состав древнеармянского консонантизма значительно изменен: 1) появилась новая категория согласных: аффрикаты, в артикуляционном отношении занимающие среднее положение между смычными и фрикативными (смычное начало и фрикативный конец): c, c^{c}, ǰ, č, č^{c}, ǰ; 2) если допустить четырехрядность и.-е. смычных фонем того ареала, откуда вышел армянский, то древнеармянский имеет трехрядную структуру как смычных фонем, так и аффрикат: глухие p, t, k и c, č, глухие придыхательные p^{c}, t^{c}, k^{c}[20] и c^{c}, č^{c}, звонкие b, d, g и ǰ, ǰ; по всей вероятности, b, d, g, ǰ, ǰ в различных ареалах распространения армянского языка произносились с придыханием или без него[21]; 3) категория собственно фрикативных значительно обогатилась: а) звонкий вариант s стал отдельной фонемой z (ср. sard «паук»: zard «украшение»); б) появились новые фрикативные š, ž, x; в) продолжает функционировать начальный рефлекс первичного ларингального h, вследствие заимствований и фонетических процессов усиливаясь и распространяясь на другие позиции; г) вследствие упразднения специальной категории сонантов причисляются к фрикативным согласные варианты полугласных y, v; в дальнейшем этот разрыв усилился и завершился вследствие упразднения дифтонгов и появления (с XII в.) f, противопоставленной v, как глухая—звонкой; переход же к IX в. сонанта ł в фрикативную фонему γ создал подобное противопоставление для x и γ; д) с упразднением биофункциональности сонантов r, l, m, n они целиком перешли в разряд согласных, причем вследствие некоторых фонетических процессов дополнились новыми членами: ŕ, ĺ.

Таким образом, в древнеармянском имеется 29 согласных: 9 смычных (p, t, k, p^c, t^c, k^c, b, d, g), 6 аффрикат (c, č, c^c, $č^c$, j, ǰ), 8 фрикативных, в том числе согласные варианты полугласных (s, z, š, ž, x, h, y, v), 6 сонантов (r, ṙ, l, ḷ, m, n), не считая собственно полугласных, выделенных нами в средний между гласными и согласными тип.

Из них смычные и аффрикаты образуют тройные ряды: звонкие, глухие, глухие придыхательные; фрикативные—большей частью двойные ряды: звонкие, глухие[22]; сонанты—также двойные ряды, но по более переднему образованию по отношению к другому: m : n; l : ḷ; r : ṙ (в последнем случае, по-видимому, имеет место противопоставленность по неэмфатичности—эмфатичности с одновременной более высокой и отодвинутой артикуляцией ṙ по отношению к r):

b	p	p^c
d	t	t^c
g	k	k^c
j	c	c^c
ǰ	č	c^c
v	—	
z	s	
ž	š	
y	—	
—	x	
—	h	
r	ṙ	
l	ḷ	
m	n	

По отношению к индоевропейско-ареальным смычным древнеармянские смычные потеряли противопоставление по палатализованности и ограничили противопоставление по придыхательности. Однако единичное противопоставление по способу образования—признаку смычности (смычные—несмычные) заменилось двоичным—по фазам артикуляции—признакам смычности и взрывности: а) смычно-взрывные (собственно смычные); б) смычно-невзрывные (аффрикаты); в) несмычно-невзрывные (фрикативные). Кроме того, для аффрикат и переднеязычных фрикативных приобретает важное значение новый признак: однофокусность и неоднофокусность (двуфокусность) образования, по которому различаются однофокусные или свистящие: j, c, c^c, s, z и двуфокусные или шипящие: ǰ, č, $č^c$, š, ž.

Если исключить сонанты, то для классификации остальных двадцати трех согласных нужно не менее пяти признаков. По характеру системы, допуская некоторую избыточность необщих (частных) признаков, можно констатировать следующие дифференциальные признаки: 1—2) по месту образования: 1) антериорность (передние, resp. неантериорность—непередние) и 2) крайность (resp. некрайность) с выделением для передних некрайних дополнительного признака однофокусности (resp. неоднофокусность)[23]; 3—4) по способу образования: 3) смычность (resp. несмычность), 4) взрывность (resp. невзрывность); 5) по участию голосовых связок: звонкость (resp. незвонкость или глухость), с выделением для незвонких (глухих) дополнительного признака придыхательности (resp. непридыхательность). Соотношение древнеармянских согласных можно представить в следующей синтетической таблице (опускаем громоздкую аналитическую таблицу) (стр. 30):

			Передние			Непередние	
			Невзрывные		Взрывные	Невзрывные	Взрывные
			Свистящие	Шипящие			
Некрайние	Смычные	Звонкие	j	ǰ	d		
		Глухие Неприд.	c	č	t		
		Глухие Придых.	c^c	$č^c$	t^c		
	Несмычные	Звонкие	z	ž		y	
		Глухие	s	š		x	
Крайние	Смычные	Звонкие			b		g
		Глухие Непридых.			p		k
		Глухие Придых.			p^c		k^c
	Несмычные	Звонкие	v				
		Глухие				h	

Классификацию шести сонантов можно произвести по назальности (m, n), прерывности (r, ŕ) и продвинутости (постериорности) произношения для каждого из этих пар, а также для пар, характеризующихся по этим признакам отрицательно.

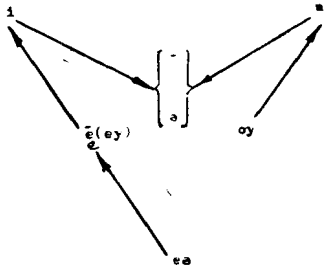
	Назальные		Неназальные	
	Неотодвинутые	Отодвинутые	Неотодвинутые	Отодвинутые
Непрерывные	m	n	l	ł
Прерывные			r	ŕ

Сочетание слогов в составе слова и словоформы. В древнеармянском языке, как и в индоевропейском, при сочетании слогов-морфем в составе слова и словоформы происходили различные изменения: 1) сдвиг границ слогов так, чтобы последующий слог начинался по существующей модели; 2) явления sandhi при встрече двух гласных или дифтонгов: а) появление y после a, o: Anna, род. п. Anna-y-i; б) дифтонгизация: bari „добрый", род. п. ед. ч. barwoy < *bari-oy, род. п. мн. ч. bareacᶜ<*bari-acᶜ и др.;) в) выпадение первого из них: aławni „голубь", род. aławnoy<*aławni-oy; г) стяжение: ewe>e: albewr „источник", род. alber<*albewer; 3) ассимиляция согласных: s-pᶜopᶜem „утешаю"<*z-pᶜopᶜem.

О редукции гласных и дифтонгов в результате изменения места ударения речь будет ниже.

Удвоение согласных в древнеармянском языке было также необычным явлением и имело место лишь при экспрессивности и морфологических изменениях.

Как было отмечено, индоевропейское ударение в древнеармянском изменило свой первичный характер во всех отношениях: 1) из музыкального (тонического) оно стало динамическим (силовым); 2) из свободного—связанным, падая в основном на последний слог слова; 3) из частично-подвижного—общеподвижным. При перемещении ударения вследствие словообразования и словоизменения происходит редукция гласных и дифтонгов, причем редукции подвергаются: а) гласные наиболее высокого подъема i, u; б) нисходящие дифтонги, имеющие в своем составе гласные среднего подъема и полугласный j: ei, oi (графически ē, oy), и в) восходящий дифтонг, имеющий в своем составе полугласный j и гласный нижнего подъема a: ia (графически ea). При этом дифтонги монофтонгизуются и соответственно суживаются ea>e, ē(=ey)>i, oy>u, узкие гласные i, u переходят в редуцированный нейтральный гласный ə или выпадают по следующей структурной схеме[24]:

Таким образом, при реконструкции гласных или дифтонгов неконечных слогов приходится прибегнуть к двойной реконструкции: 1) сначала восстановить состояние до III в. н. э.[25] (ср. dənem „кладу, ставлю" <*dinem); 2) затем восстановить первоначальное состояние (ср. *dinem<*dhē-ne-).

Остановимся на вопросе о типе армянского ударения и первичного характера изменения дифтонгов при перемещении ударения.

По распространенному мнению, в додревнеармянский период сначала установилось ударение на предпоследний слог, затем—после выпадения послеударных гласных—на конечный слог. В 1959 г. автор выступил с двумя предположениями (Ջահուկյան, 1959, 153—159): 1) додревнеармянское ударение было в значительной степени морфологически обусловленным, т. е. по морфологическим основаниям происходило ограничение его воздействия; ср. выпадение *-s окончания

им. п. ед. ч. вообще и сохранение *-s окончания им. п. мн. ч. с переходом в k^c; *gu̯ou-s<kov «корова и *gu̯oues>kov- «коровы»; такое же сохранение окончания устанавливается и для некоторых косвенных падежей, для которых предполагают выпадение окончаний и позднее их восстановление (!?); 2) переход к древнеармянскому типу ударения начался с атематических основ с подвижным ударением—переходом ударения к окончанию; известно, что для и.-е. атематических основ, в том числе основ на *-i-, *-u- было характерно подвижное ударение («чередование ударения»), и лишь позднее во многих языках полностью или частично устанавливается неподвижное ударение[26]. Распространению подвижного ударения атематических основ на тематические могли способствовать как рано начавшийся процесс сближения тематических и атематических основ (ср. распространение окончания 1-го л. ед. ч. презенса атематических глаголов *-mi на тематические в древнеиндийском и армянском, сближение именных основ на *-i с основами на *-iio- и др.), так и некоторые фонетические процессы, например, выпадение интервокального *-s- в армянском, что привело к слиянию именных основ на *-es- с тематическими [ср. *(H)odos, род. *(H)odes-os> *(H)odosos >hot, род. hotoy «запах»][27].

Процесс распространения подвижного ударения охватывает несколько частных процессов: а) закрепление ударения на основе в именительно-винительно-звательном и на окончании в остальных падежах—во всех атематических основах; б) сближение форм именительного, винительного и звательного единственного числа вследствие либо выпадения собственных их окончаний, либо распространения окончания винительного падежа на именительный и звательный[28]; в) сближение основ на *-i- и *-iio-, *-u- и *-uu̯o-, *-n- и *-no-, *-men- и *-mno-, *-er- и *-ro- и др. г) переосмысление гласного *-o- окончания родитель-но-отложительного *-os как тематический гласный и его распространение на дательный и инструментальный ед. ч. и косвенные падежи мн. ч. и др.

Чередования при изменении ударения типа é/i(=éy/i), óy/u, по-видимому, восходят к и.-е. чередованиям *ei/*i, *eu/*u (ср. *leuk-/*luk->др. арм. lóys, lus-óy), причем в дальнейшем они могли распространяться на другие случаи и обобщаться.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Процессы, приведшие к образованию древнеармянской фонетической системы. Еще в период общности идноевропейский язык характеризовался как ареальными различиями, так и внутренними противоречиями фонетической системы[29]. После выделения армян из индоевропейской глоттофорной общности—в период обособленного развития армянского языка—должны были усиливаться некоторые имеющиеся тенденции и появляться новые. Все это привело к образованию той фонетической системы, которая в своих основных чертах была охарактеризована выше[30].

В частности, можно говорить о следующих процессах, приведших к образованию древнеармянской фонетической системы:

1) Для гласных и дифтонгов наиболее характерными были два процесса: а) деквантитатизация—упразднение индоевропейских количественных различий, сопровождавшееся частичным сужением прежних долгих, и б) «традукция»—изменение объема резонатора, в том числе—упразднение специальной категории редуцированной степени

гласных и дифтонгов, т. е. замена индоевропейских шва (*ə, *ь) нередуцированным гласным а, неполугласных слогообразующих сонантов *r̥, *l̥, *m̥, *n̥—сочетаниями „а+сонант".

2. Для фрикативных и сонантов наиболее характерны следующие три процесса, два из которых прямо противопоставлены друг другу и проявляются в различных позициях одних и тех же фрикативных: а) частичная постериоризация—сдвиг артикуляции более назад, б) частичное усиление артикуляции и в) частичное ослабление артикуляции и выпадение.

3. Для смычных характерны процессы: а) передвижения звонких придыхательных в звонкие, звонких—в глухие, глухих—в глухие придыхательные, глухих придыхательных—частично в фрикативные; б) палатализации с дальнейшей фрикативизацией (спирантизацией) и аффрикатизацией, причем различают два процесса палатализации: индоевропейско-ареальной и армянской.

4. Для сочетаний согласных характерны процессы: а) упрощения группы и б) установления строгого порядка усиливающейся артикуляции.

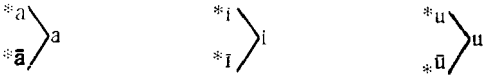
Если условно называть изменение консонантных групп (упрощение или установление определенной их последовательности—наращения напряженности) унификацией, а изменение фрикативных—модификацией, то можно установить, что из четырех процессов изменения согласных передвижение характеризует генетически некомбинаторные изменения отдельных смычных, палатализация и последующие процессы—комбинаторные их изменения, частичная модификация—изменения отдельных фрикативных и сонантов, унификация—изменения сочетаний согласных.

Таким образом, при характеристике изменений согласных можно говорить о передвижении и палатализации смычных, частичной модификации фрикативных и сонантов и унификации групп (сочетаний) согласных.

ДЕКВАНТИТАТИЗАЦИЯ И ТРАДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ И ДИФТОНГОВ

Типы сочетания двух процессов. При рассмотрении процессов, приведших к преобразованию индоевропейской системы вокализма (точнее: системы слогообразующих элементов—как собственных гласных, так и гласных сонантов и дифтонгов) в древнеармянском, было указано на два процесса: деквантитатизацию и традукцию. В соответствии с сочетаемостью этих двух процессов выделяются следующие типы изменения слогообразующих элементов: 1) деквантитатизация, 2) деквантитатизация, сопровождающаяся традукцией, 3) традукция, сопровождающаяся деквантитатизацией, и 4) традукция. При рассмотрении этих типов изменений будут учитываться лишь начальная и серединная позиции. Конечная позиция, связанная с ослаблением и выпадением окончаний в результате установления в додревнеармянский период ударения на предпоследнем слоге, будет рассматриваться в разделе морфологии.

Деквантитатизация. Устранение противопоставления по долготе при собственных гласных *a, *ā и гласных сонантов *i, *ī, *u, *ū не сопровождается какими-либо изменениями их качества, в том числе сужением или расширением: и.-е. долгие гласные фонемы в древнеармянском совпадают с краткими:

Соответственно происходит совпадение также дифтонгов *ai и *āi, *au и *āu.

Под влиянием ударения вторично происходят следующие процессы: а) а в начале слова, в неударной позиции (в частности, в энклитических словах) может ослабляться в ə; б) i, u в предударном слоге, обычно в неначальной позиции, ослабляются в ə или в нуль.

*a>a: *ag′-e->acem „(при)ношу, (при)вожу“ (ср. др.-инд. ájāmi, греч. ἄγω, лат. agō „гоню“); *ag′-ro->art „поле, пашня“ (ср. др.-инд. ájras, греч. ἀγρός, лат. ager, гот. akrs); *arətrom>arawr „соха, ало“ (ср. греч. ἄροτρον, лат. aratrum); *sali->al „соль“ (ср. греч. ἅλς, др.-ирл. salann, гот. salt, ст.-сл. *соль*).

*ā>a: *āno->anur „кольцо, ошейник“ [ср. лат. ānus „круг, кольцо“, др.-ирл. ainne (*āninio-) „кольцо“]; *āter->ayrem „сжигаю“ (ср. ав. ātarš „огонь“, лат. āter „черный, темный“); *bhā->bam „говорю“ (ср. греч. φημί „говорю, высказываю“); *bhrāter->elbayr „брат“ (ср. др.-инд. bhrātar-, лат. frāter, др.-в.-нем. bruoder); *māter->mayr „мать“ (ср. др.-инд. mātár-, ав. mātar-, греч. μήτηρ, др.-в.-нем. muoter).

*a>ə: anti>ənd „вместо, вместе с“ (предлог; ср. греч. ἀντί „напротив, перед, за, вместо“, лат. ante „перед“).

*i>i: *kuid>(z)-i „что“ (ср. хетт. kuid, греч. τί, лат. quid); *sui-dro->kʿirtn „пот“ (ср. греч. ἱδρώς, латыш. sviêdri).

*ī>i: *dī-t->ti „возраст, период“ (*„отрезок времени“) (ср. др.-англ. tiđ „время, час“); *dhu-ī-t->di „труп“ [ср. др.-ирл. dīth (*dhuītu-) „кончина, смерть“]; *guhī-slā>jil (jil) „жила“ (ср. лат. fīlum „нить“, лит. gy′sla, латыш. dzîsla „жила“).

*i, *ī>(*i>)(ə): *sk′id->(*cʿitem>) cʿtem „царапаю“ (ср. др.-инд. chindāmi „режу, отрезаю, колю“, греч. σχίζω „разрываю, раскалываю, рассекаю“); *liku->(*likʿanem>) lkʿanem „покидаю“ (ср. др.-инд. riṇákmi); *phīk->(*pʿikʿin>) pʿkʿin „стрела“ [ср. лат. spīca „колос“, spīculum „острие, кончик; стрела“, нидерл. spie (*spīχōn) „кол“].

*u>u: *dhugəter-(>*dhukter)>dustr „дочь“ (ср. др.-инд. duhitár-, ав. duγədar-, duγdar-, греч. θυγάτηρ, прус. duckti); *dhurus>(z-)durs „двери“ [вин. мн. ч.; ср. др.-инд. duráḥ, dúraḥ, греч. *θύρασ- в θύραζε (*θύρασ-δε)]; *jug′om>juc „ярмо“ (начальный j- под влиянием jucanem „распрягать“; ср. др.-инд. yugá-, греч. ζυγόν, лат. iugum, гот. juk); *k′lut->lu „услышанный“ (ср. др.-инд. s′rut-aḥ „услышанный, известный“, греч. κλυτός „славный“); *snusos>nu „сноха, невестка“ (ср. др.-инд. snuṣā́, греч. νυός, лат. nurus, ст.-сл. *снъха*).

*ū>u: *mūs->mu-kn „мышь“ (ср. др.-инд. mūs, греч. μῦς, лат., др.-в.-нем. mūs); *ū-n->unayn „пустой, порожний, суетный“ (ср. др.-инд. ūna-„недостаточный“).

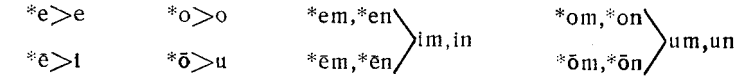
*u, *ū>(*u>) (ə): *k′u-l->(*sulakʿ>) slakʿ „острие, наконечник, стрела, дротик, копье“ (ср. др.-инд. śū-la- „копье, стрела“, др.-ирл. cuil, лат. culex „комар“); *k′lu-k′-e->(*lusem>)lsem „слышу, слушаю“ (ср. арм. lu „услышанный“, лат. cluēō „называюсь“); *mūs->[*mu-(kan)>] mkan „мышца“ (ср. арм. mukn „мышь“, греч. μῦς „мышь, мышца“).

*ai>ay: *aig′-> ayc „коза“ (ср. греч. αἴξ); *khai-t->xayt^{c} „жало“ (ср. лат. caedō „бью; рублю, убиваю“); *u̯ai-lo- (при *u̯ḷkʷio-?)>gayl „волк“ [ср. галл. Vailo (ЛИ), ср.-ирл. fáel].

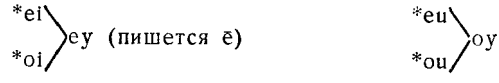
āi>ay: *dāiu̯ēr->taygr „деверь“ [ср. др.-инд. dēvár-, греч. δαήρ (δαιFηρ), ст.-сл. *дъверь*].

*au->aw: *aughiḷā>awji-k^{c} „воротник“ от *awj „шея“? (ср. греч. αὐχήν „шея“); *au-lo-s>awł „кольцо“ (ср. греч. αὐλός „свирель, трубка“, прус. aulis „голень“ (при *uliḷā>uł „путь, дорога“; ср. русск. *улица*)]; *au-thi->awt^{c} „ночлег, место ночлега, пристанище; вечер, ночь“ (ср. греч. αὔλις „место ночлега“, αὐλή „двор, дом, жилище“).

Деквантитатизация, сопровождающаяся традукцией. Устранение противопоставления по долготе при собственных гласных e, *ē и *o, *ō сопровождается дальнейшим сужением резонатора артикуляции долгих гласных (по-видимому, имеющих несколько более узкую артикуляцию, чем соответствующие краткие), в результате чего они переходят в i, u. Процесс сужения охватывает также узкие гласные в позиции перед носовыми сонантами *m, *n[31]. Таким образом, на месте противопоставления долгих кратким выступает противопоставление гласных высокого подъема гласным среднего подъема: *e : *ē>e : i; *o : *ō> o : u; исключение составляет позиция перед носовыми, в которой противопоставление кратких и долгих снимается: обе категории переходят перед носовыми в соответствующие гласные верхнего подъема:

В соответствующих кратких дифтонгах противопоставление *e и *o как первого компонента снимается, и они изменяются одинаково:

Что касается долгих дифтонгов с первым компонентом e, o, то условия их отражения в древнеармянском не совсем ясны: предполагается в основном параллельное кратким развитие.

Во всех этих случаях следует иметь в виду чередования *e/*o, *ei/*oi, *eu/*ou и др.

Следует отметить особое развитие краткого *o начального слога в некоторых словах: вместо *o выступает a, что объясняется либо влиянием субстрата (В. Георгиев, с оговоркой Г. Джаукян), либо местом ударения (Г. Джаукян), либо характером последующих звуков (Д. Греппин)[32].

Вторично происходит процесс редукции под влиянием ударения: а) e, o в начальной неударной позиции, особенно в энклитиках, могут ослабляться в ə; б) в предударной (обычно неначальной) позиции i, u, восходящие к *ē, *ō или *e, *o перед носовыми, переходят в ə или нуль.

*e>e: *bher-e->berem „приношу“ (ср. др.-инд. bhárāmi, греч. φέρω, лат. ferō, гот. baíra, русск. *беру*); *epi>ew „и“ (ср. др.-инд. ápi „также“, ав. aipi, греч. ἔπι „при, кроме того, сверх“); *gu̯her-mo->jerm „горячий“ (ср. греч. θερμός); *u̯es-tu->z-gest „одежда“ (ср. лат. vestis).

*em, *en>im, in; *g′enos->cin „рождение, происхождение“ (ср. др.-инд. jánas-, греч. γένος, лат. genus); *senos>hin „старый“ (ср. др.-инд. sánaḥ, лат. senex, др.-ирл. sen).

*om, *on>um, un: *g'onu->cunr, cung(n) „колено“ (ср. греч. γόνυ-); *pont->hun „русло“ (ср. др.-инд. panthāḥ, ав. pantay- „дорога“, греч. πόντος „море“, лат. pons „мост“, ст.-сл. *пѫть*).

*ē>i: mḗ>mí „не, чтобы не“ (ср. др.-инд. mā́, греч. μή); *plē->li „полный“ (ср. др.-инд. prāta-, греч. πλήρης, лат. plēnus).

*ē>(i>)(ə), *em, *en>(*im, *in>) (ə)m, (ə)n: *dhē-ne->(*dinem>) dnem „кладу, ставлю“ (ср. др.-инд. dá-dhā-mi, греч. τί-θη-μι „кладу“, лат. fē-c-i „я сделал“, ст.-сл. *дѣти*); *penkʷe>hing „пять“ (ср. греч. πέντε, др.-в.-нем. fimf, finf).

*o>o: *(H)ou̯i->*hovi- „овца“ в hoviw <*(H)ou̯i-pā- [ср. др.-инд. aviḥ, греч. ὄFις (οἶς), лат. ovis, лит. avis, ст.-сл. *овьца*]; *orbho->orb „сирота“ (ср. греч. ὀρφανός, лат. orbus); *ozdos>ost „ветвь“ (ср. греч. ὄζος, гот. asts).

*ō>u: *dō-ro->tur-k^{c} „подача; дар, подарок“ (ср. греч. δῶρον, ст.-сл. *даръ*).

*o>a: *okʷf>ač^{c}-k^{c} „глаза“ [ср. др.-инд. akṣi, греч. ὄσσε (*okʷje), ст.-сл. *очи*].

*e, *o>ə: *enterā>ənder-k^{c} „внутренности“ (ср. греч. ἔντερα „кишки, внутренности“); *posti>əst „по“ (ср. лат. post „за, позади, после“); *sengʷ->ənkenum „бросаю, кидаю, свергаю“ (ср. гот. sigqan, др.-в.-нем. sinkan, н.-в.-нем. sinken „падать, опускаться“); *sent->ənt^{c}-an-am „бегу, спешу, иду, шествую“ (ср. ав. hant „достигать“, др.-в.-нем. sindōn „идти, ходить, путешествовать“).

*ei, *oi>ē(=ey): *oi-ghi- (*ei-dhi-?)>ēǰ „схождение вниз, спуск, сошествие“ [ср. греч. εἴχεται (Гез.) при οἴχεται „отправляется“, лит. eigà „ход, движение“]; *preisk'u>erēc^{c} „старший; священник“ (ср. лат. prīscus <*preis-ko-) „старинный, древний, патриархальный“).

*eu, *ou>oy: *g'heu-lo->joyl „литой“ (при *g'heu->jew „форма“; ср. гот. giutan „лить“); *leuko->loys „свет“ (ср. др.-инд. rokā́-, кимр. llug); *mou-no->moyn „пристойный, благовидный“ („умытый“), -moyn „погруженный“ [ср. ср.-нидерл. moy „красивый“ („умытый“) (*mou-jo-) при латыш. maût „нырять, окунаться“, maudât „умывать“]; *ougʰ->oyc „холодный“ [ср. кимр. oer (*ougro-), лит. aũksts]; *poutʰ->p^{c}oyt^{c} „поспешность, торопливость“ [ср. парф. pwd (*pauda) „бег“, греч. σπουδή „поспешность, торопливость“].

*ōu>oy: *gu̯ōu-t- : >koy (при ku) „навоз“ (при др.-инд. gū-tha- „испражнения“, др.-в.-нем. quāt, н.-в.-нем. Kot „грязь, нечистоты; кал, помет“).

Традукция, сопровождающаяся деквантитатизацией. Для слогообразующих плавных и носовых сонантов как кратких *r̥, *l̥, *m̥, *n̥, так и редко встречающихся долгих *r̄, *l̄, *m̄, *n̄ характерен переход в сочетание „а+рефлекс соответствующего сонанта“, т. е. *r̥, *r̄>ar; *l̥, *l̄>al или aɫ; *m̥, *m̄>am или an; *n̥, *n̄>an. Фонематичность противопоставления кратких и долгих слогообразующих сонантов рассматриваемых типов для ареала, откуда вышел армянский, не имеет точных доказательств, и восстановление долгих для армянского осно-

вывается лишь на соответствующих параллелях, не всегда достоверных. Что касается двоякого отражения *ḷ (*l̥) и *ṃ (*m̥) в армянском языке (al и ał, am и an), то наличие того или другого рефлекса зависит от позиции: их дистрибуция одинакова с дистрибуцией неслогообразующих сонантов и будет рассматриваться в разделе, посвященном фрикативным.

*ṛ>ar: *bhṛg'hu->barjr „высокий" (ср. др.-инд. bṛhan-, хетт. parkuš); *mṛto->mard „человек" (*„смертный"; ср. др.-инд. mṛtá-, ав. mərəta- „умерший"); *pṛk'-sk->harc^{c}-an-em „спрашиваю" (ср. др.-инд. pṛcchā-mi „спрашиваю", лат. poscō „требую", др.-в.нем. forska „расспрашиваю"); *ṛg'əto-(*ṛgn̥to-?)>arcat^{c} „серебро" (ср. ав. ərəzata, др.-перс. ardata, др.-ирл. arggat).

*ḷ>al, ał: *mḷth->*małt^{c} „молитва", małt^{c}em „молюсь" (ср. хетт. mald- „торжественно обещать, давать обет").

*ṃ>am, an: *ṃb(h)o->amp (amb) „облако, туча", *ṃbro->amproр „гроза" (ср. др.-инд. abhrá- „непогода, туча, облако, атмосфера", ав. awra- „облако"); *uīkṃtī>(*gisan>) k^{c}san „двадцать" (ср. др.-инд. vimśatí-, ав. vīsaiti, греч. εἴκοσι, дор. Fίκατι, лат. vīginti).

ṇ>an: *ṇ->an- „не" (ср. др.-инд. a-, греч. ἀ-, лат. in-, гот. un-).

Традукция: судьба и.-е. шва. Если оставить в стороне конечную позицию, в которой *ə выпадает, в остальных позициях и.-е. редуцированные гласные *ə (shva indoeuropeicum primum) и *ь (shva indoeuropeicum secundum) подвергаются следующим изменениям:

1) В первом слоге, а при нулевой огласовке первого слога (в случае отсутствия в нем слогообразующего элемента)—во втором слоге, *ə и *ь переходят в a:

*ə>a: *k'əli->sal „каменная плита, наковальня" (ср. др.-инд. śilā „камень, скала"); *pətḗr>hayr „отец" (ср. др.-инд. pitā́, pitar-, греч. πατήρ, лат. pater); *prək'to->erastan-k^{c} „зад, задница" (ср. греч. πρωκτός „задний проход"); *stə-nā-mi>stanam „получаю" (ср. греч. крит. στανύω „ставлю", лат. prae-stināre „покупаю, приобретаю", ст.-сл. *станǫ*) *u̯lər●->lar „веревка, нить, струна" (ср. греч. ἕλκω „вожжи", лат. lōrum „ремень, узда").

ь>a: *bhьrug->erbuc „грудь, грудинка" [ср. греч. φάρυγξ (из *φάρυξ) „горло, глотка" при лат. frūmen „глотка"]: *gu̯ьl-eno->kalin „желудь, дуб" (ср. греч. βάλανος); *g'ьl(ōu)->tal „золовка" [ср. греч. γάλως (*γαλωFος)]; *k'ьriiā>sari-k^{c} „веревка, цепь, путы, узы" [ср. греч. καῖρος (*kьrios)]; *mьriiā<mari „птица-самка, курица" [ср. лат. *mьrĭ- „молодая жена (женщина)" в marī-tus „супруг, муж, жених, самец"]; *phьlii->p^{c}ayl „блеск" (ср. др.-инд. sphulíṅga- „искра"); *sьmā>am „год" при amaṙn „лето" [ср. др.-инд. sámā „полгода, сезон, год", др.-ирл. samrad „лето" (*sьmo-rōto-)]; *dьk'm>tasn „десять" [ср. русск. *(три)дцать* < *tri-dьseti при греч. δέκα, лат. decem, русск. *десять*]; *u̯ьren->garn „ягненок" [ср. др.-инд. uran- (*vuran-), греч. гом. (F)αρήν].

2) При наличии в первом слоге гласного (в том числе *i, *u) во

втором слоге в интерконсонантной позиции обычно происходит выпадение *ə, причем это вяление имеет параллели и в некоторых других и.-е. языках, образующих по этой изоглоссе определенный ареал: *anətā>and в dr-and-i „дверной косяк“ [ср. др.-инд. ātā „рама, дверная рама“, ав. aiθiā „дверной косяк“, лат. antae „анты (род пилястров по обе стороны дверей)“ и др.]; *arəmo->arm-ukn „локоть“ (ср. галл. aramō „раздвоение“ при гот. arms „рука“); *dhug(h)əter (>*dhugter>*dhukter)>dustr „дочь“, род. dster (ср. др.-инд. duhitár-, греч. θυγάτηρ при гот. daúhtar, прус. duckti и др.).

Если реконструкция праформ нижеприведенных слов верна, то *ə в серединной позиции (во втором слоге) может сохраниться, переходя в a: *aləbh-niḭā>alawni “голубь“ [ср. греч. ἀλωφός „светлый, белый“ (Гез.) при ἀλφός „белый лишай“, серб. *лâбӯдь* „лебедь“]; *g′enə->cna-w-t „челюсть“ [ср. макед. καναδος, греч. γνάθος (*gnə-)]; *loṵə-nā-mi>loganam „купаюсь“ [ср. галл. lautro „balneo“ (*loṵə-tro-)]; *рьгə-ṵo->haraw „юг“ (ср. др.-инд. pūrva „передний, первый“, ав. paurva-, pourva- „передний, первый, южный“]; *g′enətlo->cnawi „родитель“ (ср. др.-инд. janitár-, греч. γενετήρ, лат. genitor)[33].

В имеющихся примерах *ь в серединной позиции сохраняется, переходя в a: *dipьrā>tuar „скот“ при гот. tibr „жертвенный дар“, др.-в.-нем. zebar „жертвенное животное“; *ṵerьna>geran „бревно, балка“ при *ṵernā>алб. vern̈ „серебристый тополь“, брет. giwern „мачта; ольха“.

ЧАСТИЧНАЯ МОДИФИКАЦИЯ ФРИКАТИВНЫХ И СОНАНТОВ

Процессы модификации. По степени изменчивости—от наиболее изменчивых до наименее изменчивых—фрикативные и сонанты[34] располагаются следующим образом: 1) фрикативный *s, 2) полугласные сонанты *ḭ, *ṵ и 3) остальные сонанты *r, *l, *m, *n[35].

Из двух проявлений частичной модификации—изменения напряженности и постериоризации—первое является более общим; второе можно считать частичным выражением изменения напряженности. Характерными выражениями постериоризации являются изменения: 1) переднеязычного *s в заднеязычный k^c и фарингальный h; 2) губно-губного (билабиального) *m в губно-зубной (лабиодентальный) w и переднеязычный n; 3) губно-зубного *ṵ в заднеязычный g; 4) обычного *l в ɫ более заднего образования, в дальнейшем (к IX в.) перешедший в γ. В результате изменения напряженности фрикативных и сонантов происходят: 1) выпадение *s в начальной позиции, 2) выпадение *s, *ḭ, *ṵ в интервокальной позиции и 3) переход *ḭ в ǰ в начальной и, по-видимому, в позиции после согласного—в условиях, не до конца выясненных (в этой позиции *ḭ обычно остается, подвергаясь иногда метатезе). Рассматривая вышеуказанный процесс постериоризации как частичное проявление процесса изменения напряженности и интерпретируя переходы *s>h, *m>w, n как ослабление, а переходы *s>k^c, *ṵ>g, *l>ɫ как усиление, констатируем конкретные проявления усиления и ослабления фрикативных.

Модификация и.-е. *s. И.-е. *s: а) в начальной позиции ослабляется и выпадает или переходит в h; б) в интервокальной позиции ослабляется и выпадает; в) в конечной позиции усиливается и переходит в k^c. Усиление *s>h>k^c в конечной позиции обусловлено морфологической функцией *-s: в конечной позиции он выступает основным носителем морфемного значения множественного числа (окончание мн. ч. *-es> арм. -k^c); его выпадение мешало бы реализации морфологического противопоставления единственного и множественного чисел, а h не мог бы удачно выполнять эту функцию. Здесь могло играть роль также переосмысление урартского суффикса принадлежности, выступающего в составе племенных названий, которые могли восприниматься как формы множественного числа; ср. урарт. Abiliane/iḫi> >арм. Abełeank^c.

Следует сказать о значительных различиях в изменении *s в армянском, греческом и общеиранском языках, что говорит об условности выделения диалектной изоглоссы *s>h. Конечно, можно предположить общее первичное изменение *s>h, как это делает Мейе, и дальнейшее выпадение h в греческом в серединной (интервокальной), в армянском—частично в начальной и полностью в серединной позиции, но нельзя настаивать на этом.

Вообще можно констатировать, что в армянском происходило первичное ослабление и.-е. *s в начальной, интервокальной и конечной позициях с дальнейшим его функциональным усилением в конце слова—в формах множественного числа. «Переход в h,—пишет А. Мейе (1938, 121),—объясняется слабостью произношения и обнаруживается независимо друг от друга (это очевидно в отношении бриттского) в тех языках, где артикуляция смычных не отличается твердостью».

Исключая случаи сочетания *s с другими согласными, рассматриваемые в связи с изменениями сочетаний согласных, можно выделить следующие пять случаев изменения и.-е. *s в армянском языке.

а) Начальный *s переходит в h—обычно перед гласными переднего ряда *e, *i (*ē, *ī, *ei): *sed-s- (от *sed- „сидеть“)>hecaw „он сел (на лошадь)“ (при hecanim „я сажусь на лошадь“; ср. арм. n-stim „я сижу“, русск. *сидеть*, *садиться* и др.); *selk->helg „ленивый, медлительный“ (ср. греч. ἕλκω „тяну, тащу, волочу, затягиваю“ и др.); seno->hin, -oy „старый“ (ср. др.-инд. sána-, ав. hana-, греч. ἕνος „старый“ и др.); *seu̯(e)ro- (от *seu̯e- —возвр. местоим.)>hewr, hiwr,-oy „гость“ (ср. арм. iwr „свой“, лит. suẽtis „гость“ и др.); *sēug->hiwcanim „истощаться, изнуряться, чахнуть“ (ср. гот. siuks „больной“, siukan „болеть, чахнуть“ и др.)[36]; *sip-to->hiwt^c,-oy „сок“ (ср. ср.-ниж.-нем. sēver „слизь, мокрота, слюна“, серб. *сúпити* „накрапывать“ и др.)[37].

б) Начальный *s выпадает—обычно перед гласными заднего ряда *a, *o, *u (*ā, ō, ū), перед редуцированными гласными, перешедшими в армянском в a, и перед слогообразующими сонантами, перешедшими в сочетания „a + сонант“: sali->al „соль“ (ср. греч. ἅλς, лат. sal, русск. *соль*); *suk->us-tr „сын“ (ср. греч. υἱός, тох. B soyä): sьmьrom>amaṙn „лето“ (ср. др.-в.-нем. sumar): *sr̥bh->arbi „я выпил“ (ср. греч. ῥωφέω „жадно втягиваю, всасываю, поглощаю“, лат. sorbeō, -ēre „всасывать“); septm̥>ewt^{c}n „семь“.

в) Интервокальный *s выпадает: *snusos>nu „невестка, сноха“

(ср. др.-инд. snusá, греч. νυός, лат. nurus); *sụesōr (>*sụeur)>k^{c}oyr „сестра“ (ср. др.-инд. svásar-, лат. soror, русск. *сестра*).

г) Конечный *s, не относящийся к формам множественного числа, выпадает: *bhətis (от *bhā- „говорить“)>bay „речь; слово; глагол“ (ср. греч. φάτις „молва, весть; речь“); *m̥rtós>mard „человек“ („смертный“; ср. др.-инд. mr̥táḥ. „мертвый“, греч. βροτός „смертный“).

д) Конечный *s, относящийся к формам множественного числа, переходит в k^{c}: *dhēs-es>dik^{c} „бог, божество; боги“; *j̥ūs (>*juk^{c}) >duk^{c} „вы“ (d- под влиянием du „ты“; ср. лит. jūs, прус. ioūs, гот. jūs); *kụetụor-es>č^{c}ork^{c} „четыре“ (ср. др.-инд. catvāraḥ, греч. гом. τέσσαρες); *mes>mek^{c} „мы“ [ср. лит. mẽs, прус. mes, греч. лесб. (ἄμ-)μες (*n̥s-mes)]; *-mes>-mk^{c} (окончание I-го л. мн. ч. наст. вр.; ср. др.-инд. -maḥ, греч. дор.-μες, лат. -mus); *pəteres>hark^{c} „отцы“ (ср. греч. πατέρες); *-tes (окончание 2-го л. мн. ч. наст. вр. из *-te + *s?)>-yk^{c} (окончание 2-го л. мн. ч. наст. вр.; ср. лат. -tis< *-tes); *trej̥es>erek^{c} „три“ (ср. др.-инд. tráyaḥ, греч. τρεῖς).

Частичная модификация неслогообразующих полугласных сонантов. Для модификации и.-е. полугласных сонантов *j̥, *ụ, позиционно выступающих и как согласные (*y, *v), можно установить как общие, так и специфические черты. Общими являются: а) усиление в начальной позиции с переходом * j̥ в аффрикату ǰ и *ụ в смычный g; б) ослабление и исчезновение *j̥ и *ụ в интервокальной позиции, если, в частности, предыдущий и последующий гласный один и тот же (*ej̥e, *aụa, *oụo и др.) и, если согласный, идущий за последующим гласным, сохраняется. Частными являются: а) переход *j̥ в l в начальной позиции под влиянием других слов с начальным l (контаминация); б) сохранение *ụ в интервокальной позиции или его переход в g в остальных случаях[38]; в) сохранение *j̥ после согласного (с дальнейшим его переходом из звуковой единицы в признак палатализованности предыдущего смычного) или его переход в ǰ[39]. Таким образом, можно выделить следующие случаи сохранения и модификации полугласных сонантов в консонантной позиции:

*j̥->ǰ: *j̥ek->ǰek^{c} „отличный; отлично! очень хорошо!“ (ср. др.-в.-нем. jehan „сказать, говорить“ и др.)? *j̥ə-ni- (от *j̥ā- „быть возбужденным)>ǰan,-i „усердие, старание, усилие“ (ср. греч, ζῆλος „рвение, усердие“); *j̥oụo->ǰov „росток; свясло“ (ср. др.-инд. yava- „зерно; ячмень“, yavasa- „трава, корм“) (ЭС, 4^{2}, 131)? *j̥uro->арм. ǰur, -oy „вода“ [ср. прус. iūrin (вин. п.), лит. jūra, латыш. jûra „море“, фрак. Iuras—назв. реки); *j̥ūs>*juk^{c}>duk^{c} (d под влиянием du „ты“; ср. лит. jûs, прус. ioūs, гот. jūs и др.).

Специально говорить о кажущихся нерегулярных изменениях мы не будем. Укажем лишь, что переход *j̥ēkr̥t- в арм. leard „печень“ является результатом контаминации с формами от *leip- „мазать жиром“ (*„жирный“; ср. греч. λιπαρός „жирный“ при др.-ск. lifr, др.-англ. lifer, англ. liver, др.-в.-нем. libera, lebara „печень“)[40], а переход *j̥ugom в арм. luc, -oy „ярмо, иго“—влияния арм. loyc-, lucanem „рас-

прягать"[41]. Нерегулярность ner (<nēr) „жена деверя" кажущаяся: она восходит не к *ǰenəter, а либо к побочной форме *eneter (с выпадением *ǰ-), либо, что более вероятно, к *ineter[42].

*u̯->g-: *u̯adhmi >gam „иду, прихожу" (ср. лат. vadō, -ere „идти"); *u̯ai-lo-s „волк" (от *u̯ai—междометие при *u̯l̥ku̯ǰo- „волк"?)>>арм. gayl, „волк" (ср. ср.-ирл. fáel, fáel-chú „волк"); *u̯ed->>get, „река" (ср. русск. *вода*); *u̯el- „видеть">gel, -oy „красота; красивое лицо, красивый вид" (ср. кимр. gweled „видеть", брет. guelet „вид", гот. wlits „лицо, образ", др.-англ. wliti „лицо, вид, блеск", гот. wulþus „великолепие"); *u̯el->gelǰ „сильное желание" (ср. лат. volō, velle, гот. wiljan „желать", греч. ἔλδομαι „желать, жаждать"); *u̯el-mn̥>gelmn „руно, шерсть" (ср. др.-инд. úrnā, лат. vellus „шерсть"); *u̯elu->gelum „кручу, сжимаю" [ср. греч. εἰλύω „окутываю", ἐλύομαι (только аор.) „качусь"]; *u̯endh->gind „серьга" (ср. н.-в.-нем. wenden „поворачивать, обращать, вращать"); *u̯ēs-no->gin, -oy „цена" (ср. др.-инд. vasná-, греч. гом. ὦνος „цена"); *u̯ol- „теплый, тепловатый">gol „теплый, тепловатый" (при *u̯l̥dhǰ->galǰ „теплый, тепловатый"; ср. лит. vìldeti „делать тепловатым"); *u̯old-/*u̯id->gēt (git-un) „знающий", gitem „знаю" при (e)git „он нашел", gtanem „нахожу" (ср. др.-инд. vétti, vidáti „знает", vindáti „находит" и др.).

*-ǰ->—: *g'hiǰom>jiwn „снег" [ср. греч. χιών, ср.-кимр. gaeaf-(-rawd)]; *treǰes>erekᶜ „три" (ср. др.-инд. trayaḥ, греч. τρεῖς).

*-u̯->[—][43]: *gu̯rəu̯-ānā>gu̯rānā>erkan „мельница" (ср. др.-инд. grávan „камень для выдавливания сомы"); *k'ou̯ərə-(>*kou̯oro-)>sor „дыра, полость, нора" (ср. греч. κύαρ „дыра, полость", лат. caverna „пещера"); *nou̯ərə-(>*nou̯oro-)>nor „новый" [ср. греч. νε(F)αρός); *ou̯og'h->ogem „говорю, декламирую" (ср. лат. voveō, -ēre „давать обет, торжественно обещать" при греч. εὔχομαι „молюсь, обещаю"); *snēnu̯r̥t->neard „нерв" (ср. ав. snāvarə, греч. νεῦρον, лат. nervus).

*-u̯->g: *gu̯ou̯ǰo- „коровий">kogi, -woy „коровье масло" (при kov „корова"; ср. др.-инд. gávya-, gavyá-); *k'au̯ā>sag „гусь" (ср. галл.>лат. cavannus, русск. *сова* и др.); *lou̯ənā->loganam „купаюсь" (ср. греч. λόω „мою, купаю", лат. lavō, -āre „мыть, купать"); *pou̯ǰo->арм. hogi „душа", ogi „дух", может быть также hagag „дыхание" (при hov „прохлада", hewam „задыхаюсь").

*-u̯->w, v: *(H)au̯ei->haw „птица; курица" (ср. лат. avis „птица"); *(H)ou̯ipā- [от *(H)ou̯i- „овца"+*pā- „кормить, пасти"]>hoviw „(овечий) пастух" (ср. др.-инд. avi-, греч. οἶς, лат. ovis „овца").

И.-е. *-ǰ- (после сонорных)>ǰ: *gu̯henǰe->jnǰem „истребляю" (ср. греч. θείνω „убиваю", алб. gjanj „охочусь"); *oliǰo->olǰ „целый, живой", amb-olǰ "целый, весь" (ср. гот. alls, др.-в.-нем. all „весь"); *onōrǰo->anurǰ „сон, сновидение" (ср. греч. ὄνειρος, эол. ὄνοιρος)[44].

Частичная модификация неслогообразующих плавных и носовых сонантов. Среди процессов частичной модификации и.-е. *r, *l, *m, *n можно указать на случаи как усиления, так и ослабления. Усиление характеризует следующие изменения: а) переход *r в ṙ в тех случаях, когда наличие ṙ нельзя объяснить присутствием соседнего *s (*sr>ṙ,

*rs>ŕ) или n (*rn>ŕn); б) переход *l в ł. Ослабление характеризует следующие изменения: а) редкие случаи перехода *m, *n в w; б) выпадение *m, *n перед *s; в) переход *m в n[45]. Как видно, модификация плавных *r, *l характеризуется усилением, а носовых сонантов *m, *n — ослаблением.

Если здесь не рассматривать случая выпадения *m, *n перед *s собственно относящегося к изменениям сочетаний согласных, то можно выделить следующие случаи модификации плавных и носовых сонантов:

1) Переход r в ŕ происходит, кроме случаев соседства с *s и n, во-первых, в некоторых словах звукоподражательного происхождения, во-вторых, при эмфазе, в-третьих, при двойном *rr в результате словообразования и в некоторых других, пока неясных случаях (наличие *s? Выпадение первичного n?): *gērung->krunk „журавль“ (ср. греч. γέρανος, др.-в.-нем. kranuh); *kᵘtᵘr->kᶜaŕ- в kᶜaŕ-ord „четвертая часть“, kᶜaŕ-a-sun „сорок“ [ср. греч. τετ(F)ρα]; *per-ri? (при *pero-s)>>heŕ- в heŕi „далеко“, heŕ-awor „далекий“ [ср. гот. fairra „далеко“ при др.-инд. párah „далекий, потусторонний“, párā „прочь“, греч. πέρα(ν) „по ту сторону, дальше“]; *phereg->pheŕekem „колю, раскалываю, разрываю“ (ср. греч. σφαραγέομαι „трещу“, σπαράσσω „срываю, раздираю, сдираю“, польск. pierzgnąć „трескаться“); *rēug′->arĭwc (arewc) „лев“ [рычащий, ревущий“; ср. греч. ἐρυγόντα „мычащего, рычащего“ (вин. п.), ἐρύγμελος „мычащий (бык)“, лат. rugio, -īre „рыкать, реветь (о льве)“].

2) И.-е. *l иногда в интервокальной позиции и всегда в позиции перед согласным и после согласного переходит в ł: *alatrĭo->aławri-kᶜ „мельница“, *alā->ałam „мелю“ при aliwr „мука“ (ср. греч. ἀλεύω „мелю“, ἄλευρον „мука“); *sal-, sal-d->ał, ałt „соль“, *alĭo->ałi „соленый“ при anali „несоленый“ (ср. греч. ἅλς, гот. salt „соль“); *sed-lo->etł, tełi „место“ (ср. лат. sella „стул, кресло“, гот. sitls „сидение, место, кресло“).

Примеры, приводимые для перехода *l>ł в начальной позиции, сомнительны: ołork „гладкий“ при lerk „лысый, голый“ может восходить к *po-lorg-, а не *lorg; возведение же ełuk „увы; жалкий, бедный“ к *lug- неправомерно: *y после *u переходит в c (ср. *ĭugom>>luc „ярмо“).

Если *r в результате диссимиляции при наличии в слове второго r переходит в l, то последний в свою очередь соответственно может перейти в ł: *bhrāter>ełbayr „брат“ (ср. др.-инд. bhráter-, лат. frater), *bhrēur>ałbiwr (ałbewr) „источник“ (ср. греч. φρέαρ „колодец“).

3) И.-е. *m, по-видимому, в первичной позиции перед другим сонантом (n, r)[1], переходит в w, образуя дифтонг с предыдущим гласным [ср. paštawn при род. paštaman „должность; культ“, mrĭiwn (mrĭimn) при род. mrĭman (mrĭean) „муравей“]. В дальнейшем происходит выравнивание парадигмы, и w может оказаться в другой позиции: *āmōr, род. *āmros>awr, род. awur „день“ (ср. греч. гом. ἦμαρ, -ατος, атт. ἡμέρα „день“, ион. μεσημβρίη „полдень“); *onōmno-(?)>anun

„имя" (ср. греч. ὄνομα „имя"). Что же касается кажущегося перехода *n в w перед *gᵘh, *gᵘ, то здесь правильнее предположить выпадение или отсутствие n и сохранение рефлекса лабиализации в качестве w: *a(n)gᵘhi->augh->auj „змея" (ср. лат. anguis, др.-прус. лит. angis и др. при формах без -n-: ēghis>iž „гадюка"); *o-n-gᵘ->aug->aucanem „мажу, помазываю" (ср. др.-инд. añj-, anákti „мажет, помазывает, украшает", лат. unguō, -ere „мазать".)

4) В конечной позиции и.-е. *-m переходит в арм. n, *m̥—соответственно в *-an и затем, теряя ударение, в -(ə)n: *dḱm̥>tasn „десять" (ср. др.-инд. dáśa, греч. δέκα, лат. decem); *g'hi̯ōm>jiwn, род. jean „снег" (ср. греч. χιών „снег" при лат. hiems „зима"); *septm̥ „семь">ewtᶜn „семь" (ср. лат. septem); *-m, *-m̥ (оконч. вин. п.)>-n (конечный согласный основы им.-вин. п.: *podm̥ > otn „нога", *g'hesrm̥>jeŕn „рука" и др.).

Плавные в начальной позиции и в некоторых других позициях, специально не отмеченных выше или подлежащих рассмотрению в связи с изменениями сочетаний согласных, обычно не изменяются. При этом при начальном r появляется протетический гласный, так как в армянском слова не могут начинаться с r[46].

*r>r: a) *regᵘos->erek, erekoy „вечер" (ср. др.-инд. rájanī „ночь", гот. riqis „темнота"); *rug->(*orucam>) orcam „(из)рыгаю" [ср. лат. ruktō, -āre „(из)рыгать", лит. rúgio „рыгаю", русск. *рыгать*]; *ar->y-arem „присоединяю", arari (аор.) „я сделал" (ср. греч. ἀραρίσκω „кладу вплотную, прилаживаю"); peruti>heru „в прошлом году" (ср. др.-инд. parút, греч. πέρυσι, дор. πέρυτι); *ostᵘer?>oskr „кость" (ср. греч. ὄστρακον „скорлупа, костный панцирь, раковина", кимр. asgwrn „кость").

*l>l: *leig'->lēz-, lizem „лижу" (ср. греч. λείχω, русск. *лизать*); *likᵘ->likᶜ-, lkᶜanem „оставляю, покидаю" (ср. греч. λείπω, лат. linquō, -ere); *dhăl->dalar „зелень, зеленый, молодой" (ср. греч. θάλλω „расцветаю", θαλερός „юный, цветущий").

*m>m: *meg'hri>merj „близкий [ср. греч. μέχρι(ς) „до; до конца; приблизительно"]; *mel->mel-kᶜ „вина" (ср. греч. μέλεος „напрасный, бесполезный", ср.-ирл. mell „ошибка, промах, заблуждение"); *(H)ō-mo->hum „сырой" (ср. греч. ὠμός, др.-ирл. om); *sьmā>am „год" (ср. др.-инд. sámā „полгода; время года; год").

*n>n: *nagᵘhti̯o->nawtᶜi „голодный" (ср. греч. νήφω „я трезв"); *ned->net „стрела" (ср. др.-инд. nadá- „камыш, тростник"); *gᵘenā>>kin „жена, женщина (ср. греч. γυνή, др.-ирл. ben, русск. *жена*), *k'i̯ōn->siwn „столб" (ср. греч. κίων).

Выводы. Как выяснилось из сказанного, изменение фрикативных и сонантов, если в особенности учесть также их сочетания с согласными, характеризуется значительным разнообразием.

1. Особенно большим разнообразием результатов изменения отличается *s, переходящее в h, y, s, š, z, kᶜ, нуль, причем иногда наблюдаются параллельные звуки для одних и тех же позиций. Изменение *s в начальной позиции вообще аналогично изменению *r, также переходящему в h, y, нуль. Как для этой позиции, так и для

сочетания *rs, переходящего в rš и ṙ, трудно установить достоверные закономерности (ср. tᶜaṙam и tᶜaršam „увядший"), хотя для начальной позиции нами были установлены кое-какие частные законы. Необычен переход *s>kᶜ в конце слова, происшедший, по-видимому, в результате усиления придыхания h (некоторые авторы предполагают наличие *u̯: *su̯>kᶜ). Вообще можно констатировать, что хотя первоначальное изменение *s>h аналогично иранскому и греческому, но армянский язык имеет свои особенности. Возможно, что после общего (и.-е. диалектного) изменения *s>h в дальнейшем h видоизменяется в армянском языке.

2. И.-е. полугласные сонанты, в рассмотрении которых здесь мы ограничиваемся неслоговыми позициями, подвергаются изменениям, причины которых не всегда легко установить. Пока нет убедительного объяснения для перехода *i̯>j, если не принять точку зрения ларингальной теории в новой редакции (т. е. наличие перед i̯ первоначального смычного, а не фрикативного, с аналогичным изменением). Случаи перехода *i̯ в j после n, l сомнительны. Изменение же *u̯ в g(h) предполагает наличие промежуточного звена *g(h)v, которое после согласных, изменившихся в соответствии с законом передвижения согласных, полностью или частично ассимилируется с последними, т. е. а) после звонких придыхательных ассимилируется с ними полностью, б) после звонких простых, перешедших в глухие простые, переходит в k, в) после глухих простых, перешедших в глухие придыхательные, переходит в kᶜ. В связи с тем, что изменение *s в h и первая палатализация предшествовали изменению *u̯ в g, произошли переходы *su̯>*hu̯>*hg>kᶜ, *k'u̯>*su̯>š. Отсюда следует также, что армянский h с самого начала был глухим звуком, оглушившим соседний g.

3. Изменение плавных сонантов протекало более или менее равномерно. Сонант r обычно дает r, очень редко выпадает (перед глухими согласными), а перед n и в соседстве с *s>h, сливаясь с ним, переходит в ṙ. Сонант *l в начале слова сохраняется (если исключить сомнительные случаи), в интервокальной позиции переходит в l или l̇, в остальных случаях—в l̇. Несмотря на все попытки объяснения раздвоения и.-е. *l в l и l̇, причины этого явления нельзя считать вполне ясными.

4. И.-е. *m и *n в начальной, интервокальной и постсонантной позициях не изменяются, в конечной позиции представлены одинаково—как n.

5. Все эти изменения частично имеют фонетические и фонологические причины, частично объясняются влиянием субстрата. К влиянию субстрата, по-видимому, относятся: появление протетических гласных, переходы *rs>rš, *-s>-kᶜ и т.д.

6. В результате изменений *s>h, *s>š, *u̯>g, *i̯>j пополняется состав шумных согласных. Начальный же u, не являющийся приставкой, восходит к *s, *p, но не к *i̯. В результате расщепления *l в l, l̇ и *r в r, ṙ состав сонантов пополняется двумя новыми типами: l̇, ṙ, причем l̇ в дальнейшем переходит в состав фрикативных (γ), противопоставляясь x.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ СМЫЧНЫХ

Понятие передвижения. Условным термином «передвижение согласных», взятым из германистики, обозначают общее изменение и.-е. смычных (и звонкого варианта *s: *z) в армянском. В результате этого изменения и.-е. звонкие придыхательные становятся звонкими простыми (если подобное изменение действительно имело место), и.-е. звонкие простые—глухими простыми, глухие простые—глухими придыхательными[47]. Как известно, многие исследователи отрицают существование самостоятельной категории глухих придыхательных в индоевропейском языке, но их появление как таковых, по всей вероятности, предшествовало общеармянскому передвижению согласных и являлось и.-е. диалектной изоглоссой, поэтому их изменение рассматривается вместе с другими.

Хотя невозможно с точностью установить особенности артикуляции и.-е. смычных, но ясно, что они имели определенные региональные особенности произношения, т. е. разную степень аспирации, звонкости, силы, напряженности и т. д. Со временем те или иные особенности, не играющие роль релевантных, а являющиеся избыточными, могли переходить в релевантные. По-видимому, именно так обстояло дело с функционированием категории глухих придыхательных наряду со звонкими придыхательными: как известно, наличие звонких придыхательных типологически предполагает наличие глухих придыхательных. Решение этих вопросов зависит от дальнейшего изучения и.-е. диалектных изоглосс, от установления точного времени передвижения, от точной характеристики артикуляционных особенностей языковых сред, окружающих индоевропейские племена в разные периоды и т. д.

По мнению Х. Фогта (**Vogt**, 1958, 57) изменение и.-е. смычных в армянском началось с изменения глухих, что привело к изменению звонких простых. При этом передвижение согласных в армянском не было совершено идеально: оно сопутствовалось некоторыми явлениями вторичного порядка, если только эти явления не обусловлены влиянием субстрата или наличием другого сильного и.-е. слоя.

Можно предположить следующую последовательность протекания армянского передвижения. В определенном ареале и.-е. языка существовали слухие придыхательные наряду с глухими простыми фонемами[48]. Известно, что среди придыхательных kh отличается от ph и th большей интенсивностью и продолжительностью аспирации и потому более подвержено спирантизации (**Falc'hun**, 1943, **26** и сл.; **Гамкрелидзе**, 1961, **256**). Изменение kh>x освобождает место глухого придыхательного, которое занимает k. Изменение k>kh должно было повлечь за собою вообще изменение всех глухих простых в глухие придыхательные. Однако этому помешало состояние распределения глухих простых и глухих придыхательных. Если придыхательный th был необычным для начала слова и поэтому не мог мешать осуществлению изменения, то ph был частым звуком. Поэтому в фонологическом отношении более вероятно допущение, что p изменился не в ph а в f, в дальнейшем перешедшим в h или нуль[49]. Вслед за изменением глухих простых происходит изменение звонких простых, которые занимают их место[50].

Дистрибуция передвижения. Имея в виду, что палатализации и изменению сочетаний согласных посвящены особые разделы, мы рассмотрим изменения смычных фонем только в следующих позициях: 1) в начале слова перед гласными (включая и гласные сонанты), 2) в интервокальной позиции, 3) после сонантов[51]. Что касается конечной позиции, то она не была типичной для смычных фонем: последние

оказывались в этой позиции в редких случаях (при атематических образованиях в звательном падеже и повелительном наклонении, а также при частицах). У нас пока нет достоверных примеров для этой позиции. Предлог hup «близ, около» в древнеармянском языке имеет также склоняемую форму hup,-oy «близкое», восходящую, по-видимому, к *ubo-, хотя возможно допустить восхождение hup к *(ek)sub (ср. лат. sub «под, близко, около»)[52]. Независимо от всего этого в армянском языке смычные, находящиеся в и.-е. языке в интервокальной позиции, оказались в конечной позиции вследствие выпадения конечных слогов. При этом конечная позиция в древнеармянском языке, по-видимому, не приводила к дополнительному оглушению звонких, т. е. не влияла на характер звуков (кроме позиции после носовых).

Следует иметь в виду также следующее:

1) невозможно найти примеры для всех случаев, и не всегда поддается восстановлению точная позиция, поэтому в некоторых случаях мы прибегаем к гипотетическому обозначению фонем на основании рассмотрения фонологической цепи, с восстановлением недостающих звеньев;

2) для удобства мы оставляем обозначение лабиализованности заднеязычных, хотя в том региональном варианте и.-е. языка, откуда вышел армянский, делабиализация заднеязычных в основном была завершена, оставив лишь некоторые рефлексы[53].

3) вследствие редукции предударных гласных i, u в древнеармянском языке позиция перед гласным затемняется: согласные, раньше находившиеся перед i, u, могут оказаться перед ə или нулем.

1. В начальной позиции перед гласными «передвижение» согласных выступает в наиболее «чистом» виде. В этой позиции происходят следующие изменения:

а) *bh, *dh, *gh (*gu̯h)>b, d, g (b^c?, d^c?, g^c?)

б) *b, *d, *g (*gu̯)>p, t, k

в) *p, *t, *k (*ku̯)>h (или y, нуль), t^c, k^c (—)[54]

г) *ph, *th, *kh (*ku̯h)>p^c, t^c, x.

bh>b: *bhā-n->banam „открываю“ [ср. греч. φαίνω (*φανjω вместо *φάνω) „свечу(сь); являю, показываю“, алб. ger. bâj, тоск. bɛnj „делаю“ (первонач. „выявляю, показываю“); *bhā-nis>ban „речь; разум; вещь“ (ср. др.-исл. bōn „просьба, молитва“); *bhə-ti-s>bay „слово, речь, глагол“ (ср. греч. φάτις „молва, слух, речь“, φάσις „высказывание, утверждение, молва, слух“); *bhere->berem „приношу (ср. др.-инд. bhárāmi, греч. φέρω „ношу“).

*dh>d[55]: *dhăl- „цвести, зеленеть“>dal-ar „зелень; зеленый, молодой, свежий“ [ср. греч. θάλλω „распускаюсь, расцветаю, цвету“, θάλλος „отпрыск, побег, молодая ветка“, θάλος „(юный) отпрыск, потомок“, алб. dal „выходить, всходить, вылупляться“]; *dhē-ne- (*>di-nem) >dnem „кладу, ставлю“ (ср. др.-инд. dádhāti, ав. daδāiti „кладет“, греч. τίθημι „класть, ставить“, русск. *деть, дену*); *dhēses>dik^c (мн. ч.) „боги“ [ср. лат. fēriae (др.-лат. fēsiae) „праздничные дни“, fānum (*fas-no-m) „освященное место, святилище, храм“, др.-инд. dhiṣṇya- „благоговейный, благочестивый, святой“].

*gh>g: *ghogho->gog, „впадина, ложбина, полость, лоно, утроба“ [ср. норв. gagr „согнутый назад“, лит. gõgas „холка (лошади)„]; *ghɾsi->garš „отвратительный“, garšim „гнушаюсь, чувствую отвра-

щение" (ср. ав. grəhma- „грешник, безбожник, злодей", лит. grasùs „угрожающий, отвратительный"); *ghomo->gom, -oy „хлев конюшня" (ср. дат. gamme „овечий хлев, овчарня")?

*b>p:*belō>pelem „раскапываю" (ср. ср.-ирл. belach „ущелье, тропинка, проход, дорога", кимр. bwlch „щель").

*d>t: *dāiu̯ēr>taygr „деверь" [ср. др.-инд. dēvár, гр. δᾶηρ (*δαι-Fηρ), русск. *деверь*].

*də->tam „дать" (аор. etu) [ср. др.-инд. dá-dā-ti (аор. á-dā-t) „даёт", греч. δίδωμι „даю", лат. dō, dăre „давать"]; dōm->tun „дом" (ср. др.-инд. pátir dán „хозяин", dáma-ḥ „дом, жилище", греч. δόμος „дом", русск. *дом*).

*g (gu̯>k: *gur-no-s>kuŕn „спина" (ср. лит. gurnas „бедро"); *go-lu-r>koĺr „ветвь" (ср. русск. *голья*); *gu̯ou- „крупный рогатый скот">kov, -u „корова" (ср. др.-инд. gáuḥ, ав. gāuš „крупный рогатый скот", греч. βοῦς „крупный рогатый скот; бык, вол, корова", лат. bōs, bovis „бык").

*p>h (y): *pedo-m>het „след (ноги)" при *pod-, вин. pod-m̥>ot-n „нога", мн. ч. podes>ot-k^{c} „ноги" (ср. др.-инд. pad- „нога", padá- „шаг, походка, след ноги", греч. πώς, атт. πούς, род. ποδός „нога", πέδον „земля, почва"); *pel-nu-mi>helum „лить, выливать" при *pol->oĺ-oĺ-em „заливаю, полоскаю" (ср. лит. pilù, pìlti „лить, сыпать, насыпать, наполнять"); *pol->yol-ov „много" (ср. др.-инд. purú-, ав. pouru-, др.-перс. paru, греч. πολύς „много"); *pr̥g->hark-an-em „бить" (аор. har; ср. лит. periù, pẽrti „бить веником при купаньи, парить, лупить", русск. *прать*, *переть*); *puro->hur „огонь" [ср. гр. πῦρ, др.-исл. furr (*pūr), хетт. paḫḫur „огонь"]; *pətér>hayr, род. *pətr-os>hawr „отец" (ср. др.-инд. pitár-, ав. pitar-, гр. πατήρ, род. πατρός. лат. pater „отец").

*t>t^{c}: *tā-n>t^{c}anam „смачиваю(сь), увлажняю(сь)" (ср. осет. tayun „таять", др.-англ. dāmian „мочить(ся)", русск. *таять*); *tr̥s->t^{c}arš-am-im, t^{c}aŕ-am-im „вяну, увядаю" (ср. др.-инд. tr̥syati „испытывает жажду, изнемогает от жажды", греч. τέρσομαι, „сохну", лат. torreō, -ēre „сушить, подсушивать, жарить, томить").

*k (*ku̯)>k^{c}: *kьm->k^{c}am-em „сжимаю, выжимаю, цежу" (ср. ср.-нем. hemmen, hamen „задерживать, препятствовать", сал. франк. chamian „прищемлять, сдавливать, сжимать"); *kor->k^{c}or „зуд, чесотка", k^{c}or-em „чешу" при *ker->k^{c}er-em „скоблю, скребу" (ср. др.-инд. kr̥ṇāti „ранит, убивает", ср. χείρω „стригу, срубаю, общипываю"); *ku̯ām>k^{c}an „сколь, чем", k^{c}an-i „сколько", k^{c}anak „количество" (ср. лат. quam „как, насколько, чем").

*ku̯>—: *ku̯i-> i- (в i-nč^{c} „что, что-то", i-k^{c}, i-mn „что-то") и *ku̯o->o(v) „кто" (ср. инд. káḥ „кто", kíḥ „кто", kim „что", греч. τίς „кто", лат. quis „кто", quid „что")[56].

*ph>p^{c}: *phelg- „колоть, раскалывать">p^{c}elk „длинный кусок палки как половина чего-либо, часть палатки, створка и т. д.", p^{c}eĺkem „колю, раскалываю" [ср. др.-англ. spelc, spilc „щепка, лучина", греч. φελγύνει „говорит вздор" (Гез.)]; *phol->p^{c}oĺem, p^{c}oĺ-p^{c}oĺ-em

„блещу, сверкаю" при *phḷiḭ- или *phḭi->pᶜayl „блеск", *phḭ->pᶜaɨ-pal-im „блещу, сверкаю" (ср. др.-инд. sphuliṅga- „искра"); *phōlo->pᶜul „падение, обвал, фаза", pᶜl-an-im „рушусь, обваливаюсь" [ср. др.-в.-нем., др.-сакс. fallan, др.-исл. falla „падать, рушиться" (*phol-n-), лит. púolu, pùlti, латыш. puolu, pult „падать, рушиться (*phōlō)]; *phuk->pᶜukᶜ „дуновенье, воздух, вздутье", мн. ч. „раздувательные мехи" (при *poụiḭo->hogi „душа"; ср. др.-инд. phuphusa- „легкие", н.-перс. pūk „раздувание; раздувательные мехи"); phəldi->pᶜayt „дрова, палка" (ср. др.-инд. sphyá- „лучина, палка", норв. spita „кол").

*kh>x: *khād-s->xac-i „укусил" при xac-an-em „кусаю" (ср. др.-инд. khādati „раскусывает, разжевывает"); *kha-kha>xaxan-kᶜ „смех, хохот" (ср. др.-инд. kákhati „смеется", гр. καχάζω „громко смеюсь, хохочу", русск. *хохот*); *khai-t->xaytᶜ „укол, укус, жало" при xetᶜel „бить, толкать, xētᶜ „угрызение совести, боль в животе, косой взгляд; опасность", xitᶜ „боль (в животе или в ноге)", xutᶜ „препятствие, морской утес; крокодил", xoytᶜ „крокодил", xawtᶜ „больной, страдающий, ленивый", xotᶜem, n-xotᶜem „жалю, колю" (и xoc „рана"?) (ср. лат. caedō, -ere „бить, колотить, убивать", caementum „не обделанный бутовый камень"); *khətḭi->xačᶜ „кол, свая, палка, крест" при *khetḭo->xečᶜ (и xēčᶜ) „подпора, подпорка", khotḭo->xočᶜ „препятствие (палка, камень и т. д.)" (ср. н.-перс. xāda „ветка, палка, виселица").

2. Хотя в интервокальной позиции обычно встречаются те же согласные, что и в начале слова, но некоторые и.-е. смычные имеют тенденцию к переходу во фрикативные: а) *-bh-, *-p- переходят в w(v) (если верны имеющиеся примеры для -bh-); б) *-t- переходит в y перед и.-е. *ĕ, что объясняется палатализацией перед гласным переднего ряда; при этом следует иметь в виду, что, во-первых, перед гласными заднего ряда и после дифтонгов это изменение обычно не происходит[14], и, во-вторых, t после i вообще выпадает, после *e сливается с ним.

Таким образом, в интервокальном положении происходят следующие изменения гласных:

а) *bh, *dh, *gh (*gụh)>w (v),d,g [w (v), dᶜ?,gᶜ?]

б) *b, *d, *g (*gụ)>p,t,k

в) *p, *t, *k (*kụ)>w (v),tᶜ (y)[57], kᶜ

г) *ph, *th, *kh (*kụh)>pᶜ,tᶜ, kᶜ.

В дальнейшем y, оказавшись в конечной позиции, после i, u выпадает.

*-bh->w: *obhel->awelum „мету" и (y-, aɨ-)awelum „прибавляю, увеличиваю" (ср. греч. ὀφέλλω „мету" и „увеличиваю")[58]; *sə-bh->awaz „песок" [ср. греч. ψαφαρός (*bhsə-bh-) „сыпучий, рыхлый", ἄμαθος „песок", лат. sabulum (*bhsə-bhlo-?) „песок", ср.-в.-нем. samt, др.-в-нем. sant „песок"].

*-dh->d: *au-dh-o->awd „обувь" и y-awd, „сустав", z-awd „связь швов, спайка" (ср. лит. áudziau, áudziu, áusti „ткать"); *au-dh-o->awd „воздух" [ср. др.-корн. awit (*aụeido-) „воздух", др.-ск. vedr (*ụedhro-) „ветер, воздух, погода"].

-gh- (-gụh-)>g: *ụogụhe>gog „скажи! говори!" (ср. ав. aog- „из-

вещать, сказать, говорить" (лат. voveō, -ere „давать обет, торжественно обещать); *g'hāgu̯h- >jag „детеныш, птенец" (ср. н.-перс. zāg „детеныш, цыпленок", алб. zok, zogu „птица, птенец"); *meighā >mēg „туман" (ср. др.-инд. mēghá- „облако", míh- „туман", ав. maēγa „облако")[59].

*-b->p: *steibe- >stipem „принуждаю" при *steibo->stēp „частый; спешка" (ср. греч. στείβω „топчу, хожу, мчусь").

*-d->t: *u̯edo-[17] >get „река" (ср. фриг. βεδυ „вода", русск. *вода*); *sk'id->c^{c}tim (*c^{c}itim) „царапаю себя, расцарапываю себя ногтями" (ср. др.-инд. chinátti, chindati „отрезает, колет", греч. σχίζω „разрываю, рассекаю").

-g- (-gu̯-)>k: *bheg->bek „сломанный", bekanem „ломаю" [ср. др.-ирл. -bech, -bach (*bhoga-m) „ломка"]; *regu̯os- „темнота">erek, erekoy „вечер" (ср. др.-инд. rájani- „ночь", греч. ἔρεβος „мрак; тьма; подземное царство мрака").

*-p->w: epi >ew „и, также" (ср. др.-инд. ápi „также, к тому", греч. ἐπί, ἔπι „на, к"); *prep- >erewim „показываюсь, являюсь" (ср. греч. πρέπω „я заметен, выделяюсь, отличаюсь, блистаю").

*-t->t^{c}: *bhu-t- >but^{c} „тупой, толстый, густой" (ср. алб. mbyt „потоплять, душить", лат. confūtō, -āre „сдерживать, унимать, убавлять, опровергать", гот. bauþs „глухой, немой"); *au-t- >awt^{c} „ночевка, ночлег" (ср. греч. ἐνιαυτός „цикл времени, век" (первонач. „отдых, место отдыха")];

*-t->y: *mātér>mayr „мать" (ср. др.-инд. mātár-, ав. mātar-, греч. μήτηρ, лат. māter „мать").

*-t->—: *inəter (при *ǰenəter)>ner, nēr „жена деверя" [ср. фриг. ιανατερα (вин. п.), греч. ἑνάτηρ].

*-k- (-ku̯-)>k^{c}: *tek->t^{c}ek^{c}em „кую; строю; верчу, поворачиваю" (ср. осет. taxun „ткать"); *liku̯->lk^{c}-an-em (3-е л. аор. e-lik^{c}) „покидаю, оставляю" (ср. др.-инд. rinákti „оставляет", греч. λείπω (3-е л. аор. ἔλιπε) „оставляю, покидаю"].

*-ph->p^{c}: *eph- >ep^{c}em „варить" (ср. гр. ἕψω „варю"); *doph->top^{c}em „бью, трамбую" (ср. греч. δέφω, δέψω „мну, разминаю", серб. *депим*, *депити* „бить, толкать", польск. deptać „топтать").

*-th->t^{c}: *meu-thi- >moyt^{c} „подпора" [ср. др. -инд. mēthí, mēthī „столб, подпора", лат. mēta „конус, пирамида; копна, стог" (*„свая, столб")].

*-kh->x: mukho- >mux „дым" (ср. греч. σμύχω „медленно сжигаю", ирл. mūch „дым"); *mukh- >mxem (*muxem) „вонзать, вбивать" (ср. греч. μυχός „внутренность, глубина", μύχιος „глубокий, внутренний").

3. После сонантов звонкие придыхательные, звонкие простые и глухие придыхательные подвергаются тем же изменениям, что и в начальной позиции; глухие простые озвончаются. Таким образом, в позиции после сонантов происходят следующие изменения смычных:

а) *bh, *dh, *gh (*gu̯h)>b,d,g (b^{c}?,d^{c}?,g^{c}?)

б) *b, *d, *g (g̬ʷ)> p, t, k
в) *p, *t, *k (*k̬ʷ)>b, d, g
г) *ph, *th, *kh (*k̬ʷh)> pᶜ, tᶜ, ʔ

Следует, однако, сказать, что после носовых сонантов звонкие и глухие смешиваются: встречаются звонкие вместо глухих и наоборот; часты и параллельные формы.

*bh>b: ambho- >amb- (в amb-oĭ̯ „весь“ при oĭ̯ „целый“) [ср. др.-инд. abhí-taḥ, ав. aiwito (*m̥bhi) „с двух сторон, кругом“, греч. ἀμφί „вокруг“, ἄμφω (*ambhōu) „оба“]; *sr̥bh- >arbi „я попил, выпил“; (ср. лат. sorbeō, -ēre „хлебать, втягивать в себя, поглощать, всасывать“).

*dh>d: *g̬endhā >gind, „серьга, сережка“ [ср. др.-инд. vandhúra- „сиденье повозки“ („плетеное“), н.-в.-нем wenden „поворачивать, обращать, вращать“].

*gh>g: *srungh- >ṙungn, мн. ч. ṙngun-kᶜ „ноздря“ (ср. греч. ῥύγχος „морда, клюв“).

*d>t: *k'ērdi- >sirt „сердце“ (ср. греч. καρδία, лат. cor, -dis, гот. haírto, русск. *сердце*).

*g>k: *ang- >ankiun, „угол“ (ср. лат. angulus „угол“, русск. *угол*).

*p>b: *kr̥pi- >kᶜarb „аспид, змея“ (ср. греч. σκορπίος „скорпион“).

*t>d: *ar-t- >ard „сейчас, теперь, итак“, ard „образ, форма“, z-ard „украшение“ (ср. др.-инд. r̥tú-ḥ „срок, время; порядок, правило“, r̥ti-ḥ „образ, форма“, греч. ἀρτί „только что, ныне, сейчас“, ἀρτύς „порядок, строй, устройство“ (Гез.), лат. ars, -tis „ремесло, искусство, система правил“, artus „сочленение, сустав“); anti >ənd „вместо, вместе с“ (ср. др.-инд. anti „напротив, близко“, греч. ἀντί „напротив, перед; за, вместо“).

*k, *k̬ʷ>g: *(s)nerk->nerg-ew „хилый, слабый; чахлый“ (ср. греч νάρκη „онемение, оцепенение, паралич“); *penk̬ʷe>hing „пять“ (ср. др.-инд. páñca, ав. panča, гр. πέντε, русск. *пять*).

*ph>pᶜ: *phamph- (при *bhambh-, *bamb-, *pamp-) >pᶜampᶜušt (*pᶜampᶜ-bušt) „мочевой пузырь“.

th>tᶜ: *por-thu- >ortᶜ, -u „теленок“ (ср. др.-инд. pr̥thuka- „теленок“).

Обычные отклонения от передвижения. Все отклонения от вышеприведенных закономерностей можно разделить на две группы: 1) обычные отклонения и 2) особые случаи; последние рассмотрены в наших «Очерках по истории дописьменного периода армянского языка» и здесь затрагиваться не будут.

Под обычными отклонениями подразумеваются те, которые можно объяснить: а) звукоподражательным характером корня, б) удвоением или экспрессивным усилением согласных и в) влиянием соседних звуков.

Следует иметь в виду, что иногда трудно отграничить обычные случаи, объясняемые экспрессивным усилением или удвоением согласных, от особых случаев, объясняемых влиянием субстрата, древнейших диалектных явлений и т. п.

Дело затрудняется особенно в тех случаях, когда усиление корня не могло быть частым явлением или когда нет параллелей в других языках. Поэтому при отсутствии параллельных корней на *ph и *kh все примеры с переходом *p>p^{c} и *k>x рассматриваются как особые случаи.

Говоря об отклонениях под влиянием соседних звуков, следует выделить три типа подобных отклонений. Под первым типом подразумеваются сочетания *sp, *st, в которых *p, *t не изменяются, т. е. не переходят в соответствующие аспирированные согласные p^{c}, t^{c}. Эти сочетания будут рассматриваться отдельно. Под вторым типом подразумеваются случаи, когда, вследствие ослабления или выпадения конечных гласных, интервокальный k оказывается перед n: в этом случае k не имеет придыхания. Можно предположить следующий ход изменения: *-ken, *-kon>*-k^{c}en, *-k^{c}on>-k(ə)n. Некоторые авторы рассматривают эти случаи как особый тип отклонений, объясняя их влиянием субстрата. Под третьим типом подразумеваются случаи, когда рядом с носовыми вместо ожидаемых звонких появляются глухие, вместо глухих—звонкие. Иначе говоря, в этой позиции происходит вторичное смешение глухих и звонких. Такое смешение, по-видимому, имело место еще в период общности (ср. и.-е. *ank- и *ang- и др.).

1. *b>b: *bab->babē—междометие, выражающее изумление (ср. греч. βαβαῖ, παπαῖ „ах, ой“); *bamb-, *bamph->bambač^{c}el (диал.), bamp^{c}el (диал.) „топать, сильно бить по голове“ (ср. греч. βόμβος „глухой шум“, дат. bomme, bambe „барабан“, русск. *бубен, бубнить*); *bu->bu „сова“, buēč „филин“ (ср. н.-перс. būm „сова“, греч. βῦζα „филин“, лат. būbō „филин“).

*g>g: *gēr->greay (grē, gre) „журавль“ [ср. арм. krunk (*gēru-n-g-), греч. γέρην, γέρανος, лит. gérše „журавль“].

*p>p: *opop->hopop „удод“ (ср. греч. ἔποψ, лат. upupa „удод“).

*t>t: *tet(e)r->tatrak „горлица“ (ср. др.-инд. tittirá-, tittirí-, titt́iri- „куропатка“, н.-перс. taďarv „фазан“, греч. τετράων „тетерев“, τέτραξ „глухарь“).

*k>k: *kuku->kku „кукушка“ (ср. др.-инд. kóka-, греч. κόκκυξ, -υγος, лат. cucūlus, русск. *кукушка*); *kak(k)- (звукоподражание)>kak^{c}av „куропатка“ (ср. греч. καττάβη, κατταβίς „куропатка“); *ker->ker-ker-im „сиплю“, kerker „вид птицы, лысуха(?)“, karkač „рокот, журчание“, karap „лебедь“, kr̥ič^{c}, kr̥inč^{c} „крик“, krkjam (подражание крику, издаваемому куропаткой), может быть ker̥nex „дрозд“ (ср. др.-инд. karaṭa- „ворона“, karāyikā „вид журавля“, kr̥kara- „вид куропатки“, kr̥kaṣa-, kr̥kālikā—названия птиц, karkati „смеется“, kharjati „трещит, скрипит“, kr̥patē „сопит“)[60]; *kurkur->диал. kr̥kr̥-al „кудахтать“ (ср. др.-инд. kur-kuṭa-, kukkuṭa- „петух“, лат. cūcurriō, -īre „кукарекать“, русск. *кукарекать, кокотать*); *mek->диал. mkkal „блеять“ (ср. др.-инд. makamakāyatē „блеет“, mēká- „козел“, арм. mak^{c}i „овца“).

2. *kk>k: *kakka- „cacare“>k^{c}akor „навоз“ при k^{c}ak^{c} „кал, испражнение“ (ср. греч. κακκάω, н.-в.-нем. kacken); *lakk->lakem „лакать“ (ср. лит. làkti, латыш. lakt, русск. *лакать*).

3. *k, *kᵘ>k: *okᵘ(e)n- (или *okᵘkᵘon?)>akn „глаз“ (ср. русск. *око, очи*, тох. A ak, двойств. ч. aśäm, B ek, двойств. ч. eśane); *g'hū-ko-

(*g'hi̯ū-ko-?)>jukn „рыба“ [при juɫb „икра“? Ср прус. suckis (вин. мн. suckans) „рыба“, лит. žuk- „рыба“ в žuk-lỹs „рыбак“ и др. при греч. ἰχθῦς, -ύος „рыба“]; *us-on-ko-m>unkn „ухо“ [ср. греч. ὠχίδες „серьги“ (Гез.) (*ous-n̥-ko-)].

*dh(>*d)>t: *dhē- „класть, ставить“>ən-ti-r „избранный“ (ənd — предлог+dir; ср. арм. dnem (*di-n-em) „кладу, ставлю“)[61].

Выводы. Поскольку *z представляет лишь звонкий вариант *s перед звонкими согласными и его дальнейшее оглушение в армянском языке можно считать лишь частным явлением, можно сказать, что армянское передвижение согласных—это в основном изменение смычных фонем. Выразив в одной таблице позиционное распределение изменений смычных (за исключением случаев палатализации и сочетания с s), получим следующую картину:

И.-е. смычные	Древнеармянские эквиваленты		
	начальная позиция перед гласными	интервокальная позиция	позиция после сонантов
*bh	b	w,v	b
*dh	d	d	d
*gh (*g^{u}h)	g	g	g
*b	p	p	p
*d	t	t	t
*g (g^{u})	k	k	k
*p	h (y,—)	w,v	b
*t	t^{c}	t^{c} (y,—)	d
*k (*k^{u})	k^{c}	k^{c}	g
*ph	p^{c}	p^{c}	p^{c}
*th	t^{c}	t^{c}	t^{c}
*kh (*k^{u}h)	x	x	k^{c}

Изучение этой таблицы приводит нас к следующим выводам:

1. Армянское передвижение согласных, в отличие от германского, не совершается в «чистом» виде: ни в одной из рассмотренных позиций не происходит последовательного перемещения и.-е. рядов смычных фонем в одном и том же направлении.

2. а) Индоевропейские звонкие придыхательные и звонкие простые в начальной позиции как будто перемещаются как в германском, однако некоторые ученые склонны допустить либо сохранение ряда звонких придыхательных (Фогт, Бенвенист), либо двоякое их отражение (как звонких простых и звонких придыхательных) в разновидностях древнеармянского языка—без фонологического различия (Джаукян); б) изменение глухих простых и глухих придыхательных не совершается в теоретически ожидаемом направлении (*p, *t, *k>*p^{c}, t^{c}, k^{c} и *ph, *th, *kh>*f, *ƥ, x): и. -е. *p, в отличие от *t и *k (*k^{u}) переходит в фрикативный (h, y) или выпадает; *ph и *th, в отличие от *kh (*k^{u}), не переходят во фрикативный. Таким образом, если в теоретически восстанавливаемом первоначальном состоянии все члены противопоставлены (*ph: *p, *th:*t, *kh:*k), то в древнеармянском состоянии их рефлексы различаются лишь в двух случаях (h:p^{c}, k^{c}: x), тогда как в третьем случае противопоставление нейтрализовано (t^{c}:t^{c}). Следует отметить, что в начальной позиции *th не встречается.

В связи с этим можно предположить, что мы имеем дело не с фонологическими причинами отклонений[62]. Возможно предположить влияние субстрата (при *p>h) и действие фонетических причин (при *kh>x).

3. В интервокальной позиции выступают, с одной стороны, смычные, с другой—фрикативные, причем их распределение неравномерно: наличие w, v на месте и.-е. *bh и *p предполагает w, v также на месте и.-е. *b, однако в имеющихся примерах, если они достоверны, налицо p.

4. В позиции после сонантов глухие, в результате озвончения, фактически совпали со звонкими, восходящими к и.-е. звонким придыхательным. Можно, конечно, предположить, что эти два ряда различались по какому-то признаку (по придыхательности и непридыхательности?), однако в настоящее время это предположение является недоказуемым. Можно лишь указать, что в диалектах, имеющих звонкие придыхательные, в позиции после носовых сонантов звонкие обычно не имеют придыхания.

5. Некоторые и.-е. фонемы как бы расщепляются, давая различные рефлексы не только в разных позициях, но и в одной и той же позиции. Так, и.-е. *p в начальной позиции дает h, y или нуль; и.-е. *t в интервокальной позиции—t^c, y или нуль. Эта двойственность частично объясняется влиянием соседних звуков, частично не имеет удовлетворительного объяснения. Так, *p переходит в нуль обычно в позиции перед o^1, *t — в t^c особенно в позициях перед a, u и после дифтонгов. Но соотношение h, y, восходящих к *p, а также соотношение y и нуля, восходящих к *t (в интервокальной позиции), пока неясны. При *t>y, повидимому, играет роль палатализация, ограничиваемая позицией после дифтонгов (ср. *au-ti-> awt^c «ночевка»).

Можно констатировать, что h и y являлись близкими звуками, что видно не только по одинаковому изменению *p и *s в h, y, но и по дальнейшему переходу y в h в начальной позиции (в н.-арм. языке). Интересно отметить, что слова, оканчивающиеся на -h, по своему склонению близки к словам на -y. Возможно также, что y хотя бы в некоторых случаях является просто предлогом — позиционным вариантом i (>и.-е. *en).

6. В результате всех изменений в армянском языке изменяется соотношение смычных и фрикативных фонем: а) если в армянском языке начальный h в некоторых случаях действительно отражает протоиндоевропейский ларингальный, то можно говорить об увеличении количества слов с начальным h за счет изменения *p>h и *s>h; если же начальный h, возводимый к прото-и.-е. ларингальному, в действительности является поздним приобретением, то следует говорить о появлении новой фонемы; б) появляется фонема x на базе изменения *kh>x; в) вследствие перехода *p>y в начале слова появляется новый y- взамен и.-е. *i̯-, перешедшего в j; г) взамен интервокального и.-е. *u̯, частично перешедшего в g, появляется новый w (v) на базе изменений *bh>w (v), *p>w (v); д) вследствие изменений *p>h, *kh>x (с переходом h и x в ряд фрикативных) и *t>t^c, *th>t^c (с совпадением двух t^c) образуется следующая трехрядная система смычных фонем: b, d, g; p, t, k; p^c, t^c, k^c.

7. Некоторые изменения предполагают наличие определенных промежуточных ступеней. а) Наличие w (v) на месте и.-е. *bh и *p и y на месте и.-е. *t в интервокальной позиции говорит о возможности восстановления промежуточного периода, когда в интервокальной позиции существовали только фрикативные v, δ, γ, f, þ, x; некоторые исследо-

ватели вообще предполагают фрикативные вместо древнеармянских глухих придыхательных (**Winter,** 1954). б) При наличии на месте и.-е. *p в разных позициях h, v, w можно было предположить промежуточное звено, имеющее признаки как придыхательности, так и лабиальности, т. е. *ph; в начале слова, вследствие усиления придыхательного элемента, *ph могло перейти в h, а в интервокальной позиции и в позиции перед согласными, в результате ослабления смычки, в v, w (хотя, по-видимому, такие же результаты можно было ожидать и при f. Как было сказано, в пользу f говорят также соображения фонологического порядка).

ПАЛАТИЗАЦИЯ СМЫЧНЫХ

Первая и вторая палатизации. В образовании консонантной системы армянского языка большую роль сыграли фонетические изменения, имевшие место в результате действия так называемых первой и второй палатализаций смычных. Первая палатализация является важной диалектной изоглоссой, характеризующей первичное (диалектное) состояние языков группы satəm. Вторая палатализация относится к периоду самостоятельного развития армянского языка, когда и.-е. непалатализованные *k, *g, *gh в определенных условиях подвергались палатализации. Процессы второй палатализации имели место и в других индоевропейских языках (индийских, иранских, славянских и др.), в которых они протекали независимо друг от друга и в разное время.

Процесс палатализации следует четко отграничить от процессов ассибиляции (фрикативизации), аффрикатизации и дентализации, вызванных действием палатализации. Эти изменения палатализованных смычных в отдельных языках происходили неодновременно и дали различные результаты. Можно допустить существование палатализованных смычных как самостоятельной категории в течение длительного времени (и в позициях, не вызывающих палатализацию), т. е. их превращение из аллофонов в самостоятельные фонемы и в качестве таковых противопоставленных переднеязычным и заднеязычным смычным (как, например, в венгерском). Однако возможен также переход палатализованных смычных, представленных еще аллофонами, во фрикативные, аффрикаты и в переднеязычные смычные. И в этом случае новые типы согласных могут сохранять палатализованность более или менее длительное время, переходя в конечном итоге в обычные «твердые» согласные.

Если иметь в виду, что: а) причины, вызвавшие палатализацию заднеязычных смычных в реконструированном индоевропейском состоянии затемнены, и палатализованные заднеязычные могут встречаться и в тех же позициях, что и непалатализованные, и б) изменение индоевропейских палатализованых заднеязычных во фрикативные, аффрикаты и переднеязычные смычные осуществилось, как увидим ниже, различными путями,—то можно утверждать, что в период индоевропейской общности имело место первое из указанных выше двух возможных состояний. Таким образом, в первичном (диалектном) состоянии языков satəm в период индоевропейской общности палатализованные заднеязычные некоторое время имели статус самостоятельных фонем, противопоставленных непалатализованным: *k′ : *k, *g′ : *g, *g′h : *g.

Как в древнеармянском, так и в армянских диалектах фрикативные и аффрикаты, возникшие в результате не только первой, но и второй палатализации, представляют собой самостоятельную категорию

фонем и могут встречаться также в условиях, не вызывающих палатализацию. При этом согласные, являющиеся рефлексами первой и второй палатализаций, такие же непалатализованные («твердые»), как и другие согласные. Таким образом, со времени второй палатализации до V века прошел значительный период времени.

Результаты первой палатализации заднеязычных. Нижеприводимая таблица дает представление о том, какие изменения произошли в индоевропейских языках группы satəm в результате действия первой палатализации заднеязычных.

И.-е.	Др.-инд.	Др.-перс.	Авест.	Др.-арм.	Ст.-слав.	Литов.	Фрак.	Албанск.
*g′h	h	d	z	j, z	z	ž	ζ (σ)	z, dh, d
*g′	j	d	z	c	z	ž	ζ (σ)	z, dh, d
*k′	s	θ	s	s	s	š	σ (ζ)	s, th

На основании приведенных соответствий можно констатировать следующее: 1) развитие индоевропейских заднеязычных смычных вызвало появление всех трех возможных видов переднеязычных согласных: фрикативных, аффрикат и смычных; 2) в различных группах индоевропейских языков и даже в различных языках одной и той же группы развитие шло разными путями и дало различные результаты; 3) рефлексы *k′ менее разнообразны, чем рефлексы *g′ и *g′h: *k′ отражается в виде фрикативных, а *g′ и *g′h—в виде фрикативных, аффрикат и смычных (часто с тенденцией к переходу в θ и ð). Эти факты дают основание для следующих выводов: 1) палатализация была диалектной изоглоссой в период индоевропейской языковой общности, в то время как процесс прелингвализации (спирантизации, аффрикатизации и дентализации) палатализованных согласных завершился в период самостоятельного развития индоевропейских языков независимо друг от друга; 2) процесс прелингализации не сразу охватил все заднеязычные: он начался с глухих согласных и затем распространился на звонкие; 3) ассибиляция глухих заднеязычных, по всей видимости, началась в конце периода индоевропейской общности.

Что касается армянского языка, то следует отметить, что в таблице изменения индоевропейских палатализованных заднеязычных приводятся в упрощенной форме и в общих чертах. При более детальном исследовании следует обратить внимание на следующие особенности этого процесса в армянском.

1. Изменение и.-е. заднеязычных в фрикативные и аффрикаты позиционно обусловлено лишь в случае *g′h, который в неинтервокальной позиции перешел в аффрикату j, а в интервокальной позиции—в спирант z. В остальных случаях изменения происходят независимо от позиции и дают один и тот же рефлекс, т. е. *k′ отражается как s, *g′—как c; в развитии *egō>es „я“ и *əg′->asem „сказать“ s, вероятно, вторичного порядка и может рассматриваться как следствие дальнейшей позиционной ассибиляции c.

*g′h->j: *g′halgā>jaɫk „палка, ветка, ветвь; порка, побои“ (ср. гот. galga „свая, кол, крест“, др.-исл. galgi „виселица“, gelgia „ветвь, палка“, лит. žalgà, žalgas „длинный прут, удилище„); *g′hedo->арм. jet „хвост; penis“ (ср. ав. zaδah„зад“, греч. χόδανος „зад, задница“);

*g'hesr-$>$jeř-n „рука“ (ср. греч. χείρ, тох. A tsar, B sar, хетт. keššar, keššeraš „рука“); *g'himerinos „зимний“[63] (от *g'hei- „зима, снег“) $>$jmeřn „зима“ (ср. греч. χειμερινός, лат. hibernus „зимний“); *g'holo-$>$ jol „длинная палка, шест, жердь; ствол; полоса кожи“ при jlem „борозжу“? [Ср. др.-инд. halá- „плуг“ (первонач. „ветвь, сук“), лит. žúolis „палка, ствол“ (*g'hōli-)].

*-g'h-$>$z: *dheig'h-$>$dēz „куча, груда; скирда, стог“, dizanem „наваливаю, нагромождаю“ (ср. др.-инд. dēhmi „намазываю, замазываю“, dehí „вал, насыпь“, ав. daēzayeiti „огораживает, обносит стеной“, uz-daēza- „нагромождение, вал“, фрак. -διζος, -διζα „крепость“); *leig'h-$>$lēz- в lizum, lizem, lizanem „лижу“ (ср. др.-инд. lihati „лижет“, греч. λείχω „лижу“); *og'hinijo-$>$ozni „еж“ (ср. греч. ἐχῖνος, фриг. ἐζις „еж“); *dig'h-$>$tiz „клещ“ (ср. ср.-ирл. dega „жук-олень“, н.-в.-нем. Zecke „клещ“).

*g'$>$c: *g'en-$>$cin „рождение“ при *g'enə-n-$>$cnanim (аор. cnay) „рождаю(сь)“, *g'enə-tio-$>$cnaul „родитель“ (ср. др.-инд. jánati „рождает“, jána-ḥ „род“, ав. zā-n-aite „рождаются?“, греч. γένος „род“, лат. genus „род“); *g'ero-$>$cer „старик; старый“ (ср. др.-инд. jarant- „дряхлый, старый; старик“, jarás-, jarā „старение, возраст“, греч. γέρων „старик“); *g'ьle-$>$caĭ-em „насмеиваюсь“ при g'ьl-$>$caĭ-r, *g'oig'l-$>$(*cēcal$>$) cical „смех“, может быть и *g'ьl-$>$caĭ-ik „цветок“ (ср. греч. γελάω „смеюсь“, γαλώς „смех“, γαληνός „радостный, безмятежный“); *g'onu-r$>$cunr „колено“ при *gǒnu̯i (или *g'on-g-o-?)$>$ cung/k-k^c „колени“ (ср. др.-инд. jánu, греч. γόνυ „колено“ (γνύς „на колени“)]; *ag'e-$>$acem „приношу; уношу, увожу; ношу, вожу“ (ср. др.-инд. ájati „гонит“, ав. azaiti „гонит, уводит“, греч. ἄγω „вожу, веду, гоню“, лат. agō, -ere „гнать, вести, водить“); *aig'i-$>$ayc „коза“ (ср. греч. αἴξ, -γός „коза“); *bhug'o-$>$buc „ягненок, козленок“ (ср. ав. būza „козел“, н.-перс. buz „коза, козел“, н.-в.-нем. Bock „козел, баран“); *leug'-/*lug'-$>$loyc „отпущенный, свободный, распущенный; растаявший, жиденький“, lucanem „отпускаю, расторгаю, распускаю“ (ср. др.-инд. rujáti „разбивает на куски; причиняет боль“, лит. láužiu, láužti „ломать“); *meg'-$>$mec „большой, великий“, mecaṙem „высоко ставлю, чту, почитаю“ (при moz- „большой, мощный“? Ср. греч. μέγας „большой, великий*, μεγαίρω „считаю чрезмерным, запрещаю“).

*k'$>$s: *k'eno-$>$sin „пустой, тщетный“ (ср.греч. κενός „пустой“); *k'er-$>$ser „род, племя, поколение; рождение, размножение; род, племя“ при *k'er-si-$>$seř, *k'er-mo-, *k'er-mn̥$>$serm(n) „семя; племя, поколение“ (ср. греч. κόρος „ребенок, юноша“, κόρη „девушка, дева“, лит., šeriù, šérti „кормить“, šeřmens, šeřmenys, прус. sermen „поминки, тризна“); *k'ērdi-$>$sirt „сердце“ (ср. греч. καρδία, лат. cōr, -dis, лит. širdìs русск. *сердце*); *k'rūs-ni-$>$srun-k^c „голень“ (ср. лат. crūs, -ris „голень“); *k'u-bh-ro-$>$surb „чистый, непорочный, святой“, srbem „чищу“ (ср. др.-инд. śubhrá- „красивый, блестящий, светлый); *pok'u-r$>$asr, род. asu „шерсть“ (ср. греч. πέκος, πόκος „шерсть“); *drak'u- (при *dak'ru-)$>$ artasu-k^c „слезы“ (при *drak'u-r$>$artawsr „слеза“, с эпентезой -w-; ср.

греч. δάκρυ, др.-в.-нем. trahan, в.-нем. traher „слеза"); *dьk'm̥>tasn „десять" (ср. др.-инд. dáśa, ав. dasa, греч. δέκα, лат. decem „десять"); *u̯ī-k'm̥t-ī>(*gisan>) kᶜsan „двадцать" (ср. др.-инд. viṁśatí, ав. vīsaiti, греч. εἴκοσι, лат. vīginti „двадцать").

2. *gh, *g, *k, следующие за *u, дополнительно палатализуются и дают те же рефлексы, что и соответствующие палатализованные *g'h, *g', *k'[64]:

(*dhugəter>) *dhukter>dustr „дочь" (ср. лит. duktẽ, -erš „дочь", русск. *дочь, -ери*); *leuk-/*luk->loys, lusoy „свет" (ср. лит. laũkas „с белой отметиной на лбу", русск. *луч*); *euk->usanim „учусь", am-us-in „супруг(а)" [ср. латыш. jũkt „привыкать", русск. *учить(ся)*]; *jugom „ярмо">luc „ярмо" (1—под влиянием lucanem „распрягаю"; ср. др.-инд. yugá-, греч. ζυγόν, лат. iugum); *angu̯hi->*aughi->auj „змея" (ср. лат. anguis, лит. angìs, прус. angis); *o-n-gu̯->*aug->awc-anem мажу, помазываю" (ср. др.-инд. añj-, anákti „мажет, намазывает, украшает", лат. unguō, -ere „мазать"); *aughi̯o->awji-kᶜ „воротник" (ср. др.-инд. uṣṇíhā „затылок", греч. αὐχήν „шея, затылок, перешеек"); *el-ou-g'he->eluzi (1-е л. принудит. аор. от elanem „выхожу"; ср. греч. ἐλαύω, ἐλαύνω „гоню, увожу"); *oug->oyc „холодный" (ср. др.-ирл. ōcht, ūacht „холод", лит. aũksts „холодный"). Ср. также *tu̯ghur>tᶜanjr „густой, плотный"[65] (ср. лит. tingùs „ленивый", сл. *tęg- в русск. *тягость*)?

3. В ряде слов *g дает вместо аффрикаты с (или наряду с ней) переднеязычный смычный t[66]:

* g'əlōu->tal „золовка" (ср. греч. γάλως, русск. *золовка*); *g'id->tit [при cic „женская грудь"; ср. греч. гом. (νεο-)γιλλός (*γιδλός) „сосущий", лит. žindù, žísti „сосать"]; *ag'ro->art „нива, пашня" (ср. др.-инд. áj-ra-, греч. ἀγ-ρό-ς); *bhu̯g'i̯o-> barti „тополь" (ср. лат. farnus „ясень", лит. béržas, русск. *береза*); *bhug->but „корм, еда", btem „кормлю, питаю" при boyc-, bucanem „выращиваю, кормлю, питаю" (ср. др.-инд. bhuñjati „ест, вкушает, наслаждается"); *mug->mut „вход", mt-an-em „вхожу" (при moyc-, mucanem „ввожу" и *mukh->mux, mxem „вонзаю")? *trəg'->arat arawt „трава"[67] (при aracem „пасу"; ср. греч. τρώγω „грызу, ем", тох. AB trāsk „жевать").

4. В отличие от арийских и славянских языков, в которых индоевропейские палатализованные согласные не всегда палатализуются, в армянском языке палатализация заднеязычных осуществляется более последовательно[68]. Это говорит о том, что центром распространения рассматриваемой изоглоссы было праармянское диалектное состояние, в то время как первичные диалектные состояния арийских и славянских языков занимали промежуточное положение, граничащее с областью распространения первичных диалектных состояний кентумных языков. Следовательно, при реконструкции индоевропейских палатализованных следует придать решающее значение данным армянского языка.

Результаты второй палатализации заднеязычных. Следует различить два случая, вызвавшие вторую палатализацию заднеязычных: а) в позиции перед полугласным *i̯ и б) в позиции перед гласными переднего ряда *e, *i.

В первом случае: а) палатализация охватывает все заднеязычные смычные без исключения и б) в результате палатализации индоевропейских палатализованных фонем появляются только переднеязычные аффрикаты: *ghi̯>ǰ: *gi̯>č, *ki̯>čᶜ.

*ghi̯>ǰ: *alghi̯o->alǰ- „мгла, мрак“ (в alǰalǰ „туман; темный“, alǰamulǰ; ср. греч. ἀχλύς „мрак, тьма, мгла“, прус. aglo „дождь“)[69]. *lighi̯o->liž (диал.) „гладкий; бесстыдный“ (ср. *lei-g-: греч. λίγδην „слегка задев“, др.-ирл. sligim „мазать, · тереть, чернить“, др.-исл. slikr „гладкий“, н.-в.-нем. schlecht „плохой, скверный“, русск. *слизкий, слизь*)[70]; *lṇgu̯hi̯ā->lanǰ „грудь“ (*„легкие“; ср. др.-в.-нем. lungūn, др.-ск. lunga, русск. *легкие*); *mulghi̯o->mulǰ в alǰamulǰ „мгла, мрак“ (при mulǰ „мгла, туман, мрак“ и alǰ<*alghi̯o-<*aghli̯o- (ср. арм. moyg „темный, русск. *смуглый*); *orghi̯->o(r)ǰil „вошь“ при orkᶜiwn „чесотка“ и, может быть, ordn „червь“ (ср. алб. ergjiz „маленькая вошь“).

*gi̯>č: *augi̯o- [от *au̯eg- „увеличивать(ся)]>aučan „помощь, поддержка; средство, возможность; добро“ (ср. лат. auxilium „помощь, подкрепление“); *əgi̯e->ačem „расту“, возможно и u-ač-ax „часто“ (ср. лит. úoga „ягода; вишня“, русск. *ягода*)[71]; *gogi̯o->koč „колода; бревно; балка; лодыжка; щиколка; катушка; шарообразное тело“ (kočak „пуговица“) при kočł „колода“, kočorem „обрезаю, срубаю; избиваю, ¦разбиваю“, kočotim, kočotanam „я обрезаюсь; я срублен, разбит“, kočkᶜem „бью, избиваю, мучаю“, koškočem „побиваю камнями, разбиваю, бью, пытаю, мучаю“ [ср. норв. kōk „глыба, ком“, швед. koka „глыба, ком, пласт“, ср.-ниж.-нем. koke, др.-в.-нем. kuoche (герм. *kōkan „круглый хлеб“, лит. gúoge „голова, кусок угля“ при греч. γογγύλος „круглый“, др.-сканд. kǫkkr „шар“, лит. gúnga „горб, шар, ком“)[72]; *morgi̯o->morč „молодая ветвь; молодой, зеленый, свежий“ при *morki̯o->morǰ, morčᶜ (с тем же знач.) и morčᶜim „прорастаю, зеленею“ (ср. лат. murcidus „вялый“, ср.-в.-нем. morgen „вялый, слабый“, а также др.-в.-нем. maro, marawi и mur(u)wi „мягкий, хрупкий, нежный, спелый“, др.-англ. mearo „мягкий, хрупкий, нежный“]; *odgi̯o->oč „стебель“ (ср. др.-инд. ádga-„тростник, стебель“; лит. uodegà „стебель; рукоятка; хвост“); *pəgi̯o->ačuk „пах“ (ср. др.-инд. pājasyá- „область живота, пах“, русск. *пах*)[73].

*ki̯>čᶜ: *ki̯u-ti->čᶜu „поход, переезд, перелет“, *ki̯-ou-čuem „иду, марширую“, čogay „я (по)шел“ [ср. др.-инд. cyuti-„отклонение“, cyávatē „двигается, уходит“, ав. š(y)avaite „выступает в поход, путь“]; *bou̯oki̯o->počᶜ, -oy „хвост; penis“ [ср. швед. puk „опухоль, нарост, ком“, др.-в.-нем. buhil (*bhuk-) „небольшой холм, бугор“, būh, н.-в.-нем. Bauch „живот“, латыш. budzis „шишка, желвак, неспелый плод“, лит. búože „дубина, булава“]; *kʹu̯iki̯ō>ščem (<*šičem) „шипеть, свистеть“ (ср. лит. švykšti „свистеть, дышать“); *kʹu̯onki̯o->šunčᶜ, -oy „дыхание, дух, душа“ (ср. лит. švañkšti „дышать, сопеть, пыхтеть“); *phuki̯o-(>*pᶜučᶜem)>pᶜčᶜem „дую“ [ср. арм. pᶜukᶜ „дуновение, вздутие, пускание ветра“ (*phuko-), н.-перс. pūk „дуновение, вздутие,

кузнечные мехи", лит. pukšlė́ „шишка, желвак"); *u̯okᵘi̯o->goč^{c} „крик", *u̯okᵘi̯e->goč^{c}em „кричу, зову, призываю" (ср. др.-инд. vákti „говорит", vacas-, ав. vačah-, греч. ἔπος „речь, слово", греч. ἐνοπή „звук, голос, шум, крик"); *-iki̯ā>-ič^{c}—суффикс со значением „-тель".

Во втором случае положение иное: а) палатализация *gh>ǰ происходит почти без исключения (единственное исключение *u̯oghe>gog „говори, скажи")[74], а палатализация *g и *k имеет место не во всех случаях[75]; б) палатализованный *gh (также как *g'h) в интервокальной позиции склонно к спирантизации (*-gh->ž), а *g и *k во всех позициях переходят в č и č^{c}[76].

*gh (*gᵘh)>ǰ: *gᵘhenā>ǰin „палка, розги", *gᵘhene->ǰnem „бью, бью палкой, мучаю", *gᵘheni̯e->ǰnǰem „чищу, расчищаю, истребляю" [ср. арм. gan (*gᵘhəni- или *gᵘhn̥-ni-), др.-инд. hán-ti, ав. ǰain-ti „бьет, попадает, убивает", греч. θείνω „убиваю"); *gᵘheros->ǰer „теплота; теплый; ясный" при *gᵘhermo->ǰerm „теплый; теплота" и *gᵘhermn̥>ǰermn „жара, высокая температура" (ср. др.-инд. háras- „жара", ав. garəma- „жаркий; жара", греч. θέρος „летняя жара, лето; урожай", θέρμος „теплый", θέρμα „жара, теплота; высокая температура"); *gᵘhīslā>ǰil „жила" (ср. лит. gýsla „жила", русск. *жила*).

*-g(u̯)h->ǰ: *ēgᵘhis „змея">iž „гадюка, ехидна, змея" [ср. греч. ὄφις (*ogᵘhis), др.-инд. áhi-, ав. aži- „змея"]; *ei-ghi->ēǰ „спуск, снижение", iǰanem „спускаюсь, снисхожу", iǰavor „гость" [ср. греч. εἴχεται (Гез.) „уходит", οἴχομαι „ухожу", οἰχνέω „ухожу, отправляюсь", др.-ирл. óegi „гость", лит. eigà „ход"].

*g (gu̯)>č: *gēl-mo->čilm „молодой, недозрелый", čl̥čim „малодушный, незначительный, скупой", čl̥čmim „я скуп; сжимаюсь, сморщиваюсь" (ср. др.-англ. clingan „сжиматься, сморщиваться", н.-ирл. glacaim „хватать", ср.-ниж.-нем. klōk „умный, хитрый, ловкий"); *gēl-u-lo->čul „колесо, прялка" [ср. др.-инд. glāu-ḍ „тюк, кипа, шар", н.-перс. gulūle „шар, шарик, шарообразный предмет; пуля", др.-сканд. klē (*klew-an-) „ткацкий станок"]; *gem->čim „узда", čmiem „сжимаю, давлю", čmt^{c}el (диал.) „щипать, ущипнуть", čmr̥el (диал.) „комкать„ (čmur̥) (ср. греч. γεμίζω „наполняю, нагружаю", ср.-ирл. gemel „кандалы, путы", норв. kumla „глыба; мять; сжимать", др.-сканд. kumla „давить, мять, щемить", русск. *сжимать, жать*)[76]; *gen->čnšem „сжимаю, давлю, притесняю, угнетаю" (ср. др.-в.-нем. knetan „мять", др.-сканд. knǫttr „шар", норв. knott „короткое и толстое тело; свиль, шишка", н.-в.-нем. Knorren „свиль; желвак, шишка, нарост; лодыжка", русск. *угнетать*); *gēu->čiw „нога, лапа, копыто, крыло" [ср. греч. γυῖον „член тела, конечность, рука, нога", лит. guĩnas „бедро, лодыжка", латыш. gùrns „бедро", арм. kuɫn „рука", др.-ск. kā-beinn „кривоногий" (*goᵘo-), др.-ирл. gāu-, gō- „ложь"]; *gi-g->čik „крик" при *gi-ti̯o- или *gi-ki̯o->čič^{c} „крик", *gi-u̯o->čiw „крик" (ср. др.-инд. gīti- „песня", лит. gíedu „петь, кричать", тох. A kāk, B kāka „он кричал"); *gidi̯o->čič „жало комара" при kič „жало" (ср. др.-исл. kitla, др.-в.-нем. kizzilon „щекотать"); *gᵘē-ʔ>či, -oy „слизь",

čči (čiču, čič) „червь, глист“ [ср. арм. koy (*gᵘou-so-), ku „навоз“, алб. zī, ж. р. zeze „черный; несчастный, плохой“, русск. *гавно*, *гад*, *гадкий*, *жадный*, диал. *гидкий*]; *gᵘēro-?>čror „кишки, потроха, внутренности; сычуг (одна из частей желудка у животных)“ [ср. алб. zorrɛ „кишка; (мн. ч.) кишки, потроха, внутренности“ (*gᵘērnā), арм. ker „еда“, kokord „горло“].

*g (*gᵘ)>k: *geid->kēt „точка; шмель“ (ср. др.-исл. kitla, др.-сакс. kitilōn, др.-в.-нем. kizzilōn „щекотать“); *gᵘel->kel „рана, язва“, kelel „жалоба, боль“ [ср. др.-в.-нем. quelan „мучиться“, лит. gélti „жалить; болеть“, русск. *жалеть*, *жаль*]; *gᵘenā>kin „жена, женщина“ др.-в.-нем. quena, русск. *жена*); *gᵘer->ker при kur „еда“ (ср. др.-инд. giráti „глотает“, русск. *жрать*, *пожирать*“); *gig'->kic-, kcanem „кусаю, жалю“, kcu „горький, острый (на вкус)“ [ср. др.-ирл. gēr (gig-ro-) „острый, кислый“, лит. gìžti „киснуть“]; *gᵘiⱬā->keam „живу“ (ср. греч. βέομαι „проживаю“, русск. *жить*).

*k (*kᵘ)>čᶜ: *kēl-kⱬo-, *kel-kⱬo->čᶜelǰ, čᶜelǰ „летучая мышь“ [ср. др.-инд. karká- „белый; белая (сивая) лошадь“ (*kel-ko-), cāsa- „сойка“ (*kel-so-), греч. κίλλος „осел; цикада“, лат. columba, -us „голубь“]; *kᵘe>-čᶜ в in-čᶜ „что; что-то“, o-čᶜ „не, нет“ (ср. др.-инд. ca авв. ča, др.-перс. čā, греч. τε, лат. -que); *kᵘetᵘores>čᶜor-kᶜ „четыре“ при kᶜaṙ- в kᶜaṙord „четверть“, kᶜaṙasun „сорок“ (ср. др.-инд. catvāraḥ, греч. гом. τέσσαρες, лат. quattuor, русск. *четыре*)[77].

*k (*kᵘ)>kᶜ: *ker->kᶜerem „скребу, скоблю“, kᶜer-c-em „царапаю“, kᶜer-tᶜ-em „сдираю, скоблю“, *kor->kᶜorem „чешу“ (ср. греч. κείρω „стригу, срубаю, гложу, общипываю“, русск. *чертить*, *кора*); *kēu->kᶜiw „карниз“ [ср. арм. cᶜiw (*skēu-) „крыша“]; *kᵘemā>kᶜim-kᶜ „нёбо; вкус“ (ср. др. инд. cámati „хлебает“, н.-перс. čam „еда“, kām „нёбо“, н.-исл. hvoma „пищевод, глотка“).

Результаты палатализации переднеязычных. Компаративисты от случая к случаю приводили примеры, в которых и.-е. переднеязычные согласные *dh, *d, *t в армянском языке представлены аффрикатами вместо ожидаемых соответствующих смычных. Изучение этимологических дублетов также показывает, что здесь мы имеем дело с отражением переднеязычных то в виде смычных, то в виде аффрикат. Однако этим фактам до последнего времени не уделялось должного внимания.

Переднеязычным смычным как в индоевропейских праформах, так и в основной части армянских этимологических дублетов, восходящих к ним, соответствуют аффрикаты, аналогичные аффрикатам, возникшим в результате либо первой, либо второй палатализации заднеязычных, т. е. либо свистящие c, j (ср. *g'h>j и *g'>c; для cᶜ нет достоверных примеров), либо шипящие ǰ, č, čᶜ (ср. *ghⱬ>ǰ, *gⱬ>č, *kⱬ>čᶜ). Исследователи по армянской сравнительной грамматике для j и c предполагают либо палатализацию *dh и *d, либо их сочетание: а) с *s им. п.[78] или сигматического аориста (в дальнейшем от аориста образуются и основы настоящего времени), б) с детерминативом *s[5].

*dhⱬ>j: *bn̥dhⱬ- или *bn̥dh-s- (от *bhendh- „связывать“)>(pa-) panj-im „немею“ при pind „крепкий“, pndem „прикрепляю, привязы-

ваю" [ср. др.-инд. badhnáti, bandhati „связывает, заковывает, арестовывает", ав. bandayati „связывает", греч. πεῖσμα (*πενθσμα) „канат", πάσχω „терплю, страдаю" (по Педерсену), лат. offendō, -ere „ударять; пострадать, попадать в беду; поражать; провиняться"); *khendhi̯o- (>*xnj-il)>xnc-il „ликование" при *khendh->xind „радость" (ср. ср.-перс. xandītan „радоваться", может быть и арм. xnǰ-oy-k^{c}, xnč-oy-k^{c} „пир"); *i̯ndhi̯- или *i̯ndh-s-> ałanjem „жарю", ałanj „жареная пшеница" [ср. др.-инд. randh- „варить, готовить обед", греч. λάσανα (мн. ч.) „кухонная тренога", прус. landan „обед"]? *ordhi̯o- или *orti̯o->yorj- (orj-) „разлив, половодье" при yord „обильный", yordor „увещание"; ср. греч. ἐρέθω, ἐρεθίζω „раздражаю, возбуждаю" и др.-инд. ṛti-, ṛti- „нападение, спор, ссора", ав. -ərəti „энергия", русск. *рать*, *ретивый*); *i̯endhi̯o->ginj „кориандр" (*„витое") при *i̯endhā>gind „серьга, сережка" [ср. -др.-инд. vandhúra- „сиденье повозки" (первоначально *„плетеное"), греч. род. ἄθρας „повозка", κάνν-αθρον „повозка из тростника", гот. windan, др.-в.-нем. wintan, н.-в.-нем. winden „обвивать, крутить", гот. wandus=др.-исл. vǫndr „прут"].

*di̯>c: *bhidi̯o->bic „пятно; порок, изьян, недостаток" (ср. др.-инд. bhinádmi, bhédami „отделяю; ломаю, нарушаю, разбиваю, рву", bhidyátē „разбивается, раскалывается", лат. findō, -ere „раздваивать, раскалывать", fissura „щель, трещина", гот. bheitan „кусать", н.-в.-нем. beissen „кусать", Biss „укус, укушенное место"); *gidi̯o>kic-, kcanem „кусаю", kcu „острый на вкус", kc-kic „горе" при *geid->kēt „точка" (ср. др.-исл. kitla „щекотать"); *g'idi̯o->cic (при tit) „(женская) грудь, сосок" (ср. лит. žindù, žísti „сосать")[80]; *k'adi̯o- (от *k'ad- „падать")>c^{c}ac „низкий", c^{c}acnum „снижаюсь" (ср. др.-инд. śad- „отпадать, выпадать", лат. cadō, -ere „падать"); *khādi̯- или *khād-s->xac-an-em „кусаю" (ср. др.-инд. khadati, н.-перс. xāyad „кусает, жует"); *khaidi̯- или *khaid-s->xayc „пятно", xayc-ał „жареная пшеница" при *khaid->xayt „пестрый; пестрота; знак; радость, веселье" (ср. др.-инд. kēta- „знак", др.-в.-нем. heitar „радостный, веселый"); *madi̯o->mac-un „простокваша" при *mad->matał „свежий, юный, нежный"?[81]; *smidi̯o->mic „грязь, ил" при mceal „грязный, темный", zmceal „испачканный" (ср. гот. be-smeitan „обмазывать, намазывать, пачкать", др.-англ. smittē „пятно", ср.-в.-нем. smitze „пятно, грязь"); *saldi̯- или *sald-s (от *sal-d- „соль")>aic при alt „соль" (если aiceal не из *saldisā-lo-? Ср. гот. salt, др.-в.-нем. salz „соль").

Палатализация переднеязычных согласных *dh, *d, *t может дать рефлекс в виде ǰ, č, č^{c} не только перед полугласным *i̯, но и также, по-видимому, перед гласными переднего ряда. Второй случай встречается весьма редко и представлен лишь развитием *-dhi̯>-ǰ— формант повелительного наклонения (ср. toł-ǰ-ir „пусти") и *-dhi>-ǰ —окончание дат.-мест. падежа (ср. i teǰwoj „в месте, на месте").

*dhi̯>ǰ: *sədhi̯os>aǰ „правый", yaǰawł „удачный, успешный" [др.-инд. sádhati „приходит к цели, приводит к цели, в порядок", sādhú- „прямой, дельний, порядочный", sidhra- „удачный, успешный",

ав. āsna- „удачный, успешный“, греч. ἰθύς (*sīdhus) „прямой; прямо“, ἰθύω „устремляюсь вперед“]; *gheidhi̯o-$>$gēǰ „сырость, влажность; сырой, влажный“ (ср. русск. *жидкий*); *khendhi̯o-$>$xnǰ-oy(-k^{c}), xnč-oy(-k^{c}) „пир“ при *khendh-$>$xind „радость“ и xncił „ликование“); *medhi̯o- (>*meidhi̯o-)$>$mēǰ „середина“ (ср. др.-инд. mádhya-, ав. maiδya, греч. атт. μέσσος, лат. medius „средний“, русск. *межа, между*)[82]; *ster-dhi̯ā$>$sterǰ „яловый, бесплодный“ (о животных) при *sterdh-$>$sterd „яловый, бесплодный“ (ср. др.-инд. starī- „яловая корова“, лат. sterilis „неплодородный“, исл. stirtla „яловая корова“); *-dhi$>$-ǰ- [в формах повелит. наклонения: t^{c}oł-ǰir „оставь“; ср. др.-инд. -i-hi (*i-dhí), ав. i-δi, греч. ἴ-θι „иди“]; *-dhi$>$-ǰ [в формах дат.-мест. п.: i teɫwoǰ „в месте, на месте“; ср. греч. -θι (οὐρανό-θι „в небе“)].

*di$>$č: *rodi̯o-$>$oroč, диал. aroč „жевание, жвачка, пережевывание“ (ср. лат. rōdō, -ere „глотать, грызть, обгрызать, разъедать“).

*ti$>$č^{c}: *khətii̯-$>$xač^{c} „кол, свая, палка; крест“ при *khetii̯o-$>$xeč^{c} *khotii̯o-$>$xoč^{c} „препятствие (камень, палка и т. д.)“ (ср. н.-перс. xāda „ветка, палка, виселица“); *gu̯otie-$>$goč^{c}em „зову, призываю“ [ср. др.-инд. gadati (из *gatati) „говорит“, согд. žat „говорит“, гот. qiþan „сказать, говорить, называть“].

Выводы. Исследование первой и второй палатализаций и их результатов позволяет сделать несколько важных выводов:

1. Если бы процессы палатализации и вызванные ими изменения совершались в идеально-закономерном виде, тогда смычные в начальной позиции во всех случаях переходили бы в переднеязычные аффрикаты, в интервокальной позиции—в соответствующие фрикативные. Однако между ожидаемой фонологической дистрибуцией и действительным положением вещей наблюдается существенная разница. Если исключить случай палатализации индоевропейских диалектных заднеязычных перед полугласным *i̯, то система соответствий между теоретически ожидаемыми и фактическими результатами палатализации может быть представлена следующим образом:

И.—е. реконструкции	Ожидаемые рефлексы		Фактические рефлексы	
	неинтервокальная позиция	интервокальная позиция	неинтервокальная позиция	интервокальная позиция
*k′	*c̱c̱	*s	s	s
*g′	*c	*s$_{1}$	c (t)	c (t)
*g′h	*j	*z	j	z
*k(e, i)	*č^{c}	*š	č^{c} (k^{c})	č^{c} (k^{c})
*g(e, i)	*č	*š$_{1}$	č (k)	č? (k)
*gh(e, i)	ǰ	*ž	ǰ	ž (ǰ)

На основании таблицы можно судить о том, насколько условны фонологические реконструкции. Реально существующие состояния

всегда отклоняются от идеального под влиянием действия различных факторов. В образовании реальной системы фонем языка, кроме действия правил синтагматической сочетаемости, большую роль могут играть физиолого-артикуляционные ограничения и влияние сосуществующих систем (диалектные, иноязычные, архаичные, зарождающиеся). В данном случае, если оставить в стороне возможности действия еще невыясненных фонетических законов, можно говорить о некоторых других причинах отклонений. Так, фрикативизацию и.-е. *k′ во всех позициях следует объяснить, во-первых, действием физиолого-артикуляционных факторов (большей тенденцией глухих к спирантизации) и, во-вторых, исторических факторов (изменение *k′ предшествовало изменению *g′ и *g′h), причем вторые, в конечном счете, обусловлены первыми. Переход *g>t мы склонны интерпретировать как результат параллельного развития, хотя в отдельных случаях возможно изменение по аналогии (ср. *g′ʟlōu>taʟ „золовка“ при *dāi̯u̯ēr>taygr «деверь»). Наличие слов, в которых не осуществилась палатализация, наряду со словами с осуществившейся палатализацией *k и *g перед гласными переднего ряда, по-видимому, следует объяснить проникновением в древнеармянский язык диалектных влияний.

2. Если процессы палатализации и дистрибуции фрикативных, аффрикат и смычных, возникших в результате действия этих процессов, не дают единой картины[83], то дистрибуция свистящих и шипящих фрикативных и аффрикат обнаруживает определенную закономерность. Еще в 1967 г. автором (**Джаукян,** 1967, 280) был сформулирован фонетический закон, согласно которому в результате первой палатализации в армянском языке появляются свистящие аффрикаты и фрикативные, в результате второй—шипящие. На основе этого закона можно показать, что: 1) ряд реконструированных компаративистами праформ для армянского языка неверен: tᶜanjr „густой“ не может происходить из *tu̯ghi̯u-r, gišer „ночь“ из *u̯oik′ero- (ср. **Рок.**,1, 1959,1067,1173); 2) возникновение свистящих и шипящих аффрикат в армянской консонантной системе есть результат самостоятельного развития, а не влияния кавказского субстрата; субстрат мог повлиять на упрочение их статуса и окончательную утерю ими мягкости; 3) свистящие и шипящие аффрикаты возникли в армянском неодновременно: в определенный период в армянском существовали только свистящие аффрикаты, но не шипящие; 4) параллельно первой и второй палатализациям заднеязычных в армянском языке происходит палатализация также переднеязычных смычных. В общем, можно констатировать, что консонантизм армянского языка в результате изменений, вызванных процессами палатализации заднеязычных частично и переднеязычных, оказывается значительно отличающимся от индоевропейского.

3. Различные результаты первой и второй палатализаций и наличие или отсутствие условий, вызывающих палатализацию, привели к возникновению большого количества этимологических дублетов, иногда с семантической дифференциацией. Приведем несколько типичных примеров: 1) *g′>c и t: cic и tit „женская грудь, сосок“ (*g′id-); arac „шрам, пятно“, aracem „пасу“ (*trəg′-) и arat „порок“, arawt „пастбище“[84]; boyc-, bucanem „питаю, выращиваю“ (*bheug-) и but „корм, еда, питание“; 2)*k>čᶜ и kᶜ: -čᶜ (in-čᶜ) „что, что-то“, o-čᶜ „не, нет“ и -kᶜ (o-kᶜ) „кто-то“ (*-kᵘe); čᶜorkᶜ „четыре“ (*kᵘetu̯ores?), čᶜorir „четвертый“ и kᶜaṙ- „четыре(х)-“; ačᶜ-kᶜ „глаза“ (*okᵘī) и akn „глаз“; pᶜučᶜ-, pᶜčᶜem „дую“ (*phukᵢ̯-) и pᶜukᶜ „дуновенье; вздутье“; 3) *gh>j

и g: jin „палка, розги“ (*gʷhen-), jinj „чистый“ и gan „побои“; 4) *t̯>čᶜ и tᶜ: xačᶜ „крест, палка“ (*khat̯i-), xočᶜ „препятствие (палка и т. п.)“ и xotᶜem „сую“; 5) *d>t и c, č: kēt „точка“ (*geid-) и kič „жало“; xayt „пестрый; знак“ (*khaid-) и хаус „пятно“, хаусаł „жареная пшеница“; ałt (*sald-) и ałc „соль“; 6) *dh>d, j и ǰ: pind „крепкий“, pndem „укрепляю, связываю“, (*bendh-<*bhendh-) и paranj-im „немею“; xind „радость“ (*khendh-), xnc-ił (<*xinj) „ликование“ и xnǰ-oy-kᶜ „пир“; gind „серьга“ (*ǥendh-) и ginj „кориандр“ и др.

4. Приведенные факты дают возможность установить хронологию первой и второй палатализаций и других фонетических изменений: а) первая палатализация предшествовала передвижению согласных и, следовательно, озвончению глухих после сонантов, в противном случае, вместо *pɾkʻ->harsn „невестка“ и *dukter (<*dhugəter)>dustr „дочь“ имели бы *pɾkʻ->*phargʻ->*harc и *dhukter>dukhter>*dustᶜr; б) передвижение согласных предшествовало второй палатализации: палатализуемые согласные сохраняют все признаки согласных, подвергшихся передвижению; в) вторая палатализация предшествовала переходу *ǥ>g и выпадению конечных гласных, которые имели место в послеурартский период (ср. урарт. Uelikuni>арм. Gelarkᶜuni; урарт. Biaina>арм. Van; урарт. Tušpa>арм. Tosp и др.); г) поскольку малоазиатское по происхождению слово *karid (греч. καρίς, -ῖδος) в армянском представлено в форме karič „скорпион“, а переход *d(i̯)>č является результатом второй палатализации, то этот процесс палатализации следует отнести к периоду от XII до IV вв. до н. э. Если арм. siwn „колонна“ относится к древнейшим заимствованиям из греческого (**Porzig**, 1954, 157), когда носители того и другого языка обитали на соседних территориях, то фонетические изменения, вызванные первой палатализацией, должны были совершиться в III или в начале II тысячелетия до н. э., а передвижение согласных— после этого периода до XII в. до н. э.

УНИФИКАЦИЯ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ

К постановке вопроса. В образовании консонантной системы армянского языка наряду с процессами палатализации и передвижения согласных большую роль сыграл процесс изменения сочетаний согласных. Однако в работах, посвященных детальному сравнительному изучению фонетической системы армянского языка, ему не уделяется должного внимания[85]. В частности, преобразование индоевропейских сочетаний согласных обычно не рассматривается как самостоятельный процесс, четко не отграничивается от процессов палатализации и передвижения согласных.

Сочетания согласных в индоевропейском языке выступают:

1) как составная часть индоевропейской морфемы и, в частности, корня; как было уже указано, для индоевропейского слога были допустимы определенные типы сочетаний согласных. Так, были возможны

слоги с начальным *str-, *st-, *sr-, *sl-, *tr-, с конечным *-rs, *-rt и др., но не допускались сочетания с начальным *rt-, *rs-, *ls-, с конечным *-sr и т. д. Группа *pst была возможна в звукоподражательных словах, группа *pt встречалась в единичных случаях;

2) как результат словообразования и словоизменения—сочетания морфем в составе слов и словоформ; если оставить в стороне окаменевшие образования, рассмотрение которых собственно относится к первому пункту, то в случаях продуктивных форм словообразования также накладывались определенные ограничения; так *pet-tro- переходит в *petro-, *bhudh-to- в *bhuddho-, *sed-to- в *setto- и т. д. (**Мейе**, 1938: 153—156; **Szemerényi**, 1970, 97—98).

Здесь специально не рассматривается усилительное удвоение с определенной смысловой нагрузкой; как было указано при рассмотрении передвижения, такого рода удвоения порождали в армянском отклонения от закономерных изменений; так, в отличие от *k удвоенное *kk дает не k^c, а k.

При исследовании изменений индоевропейских сочетаний согласных в армянском языке мы исходили, с одной стороны, из праформ, реконструированных на основе сравнения армянского и других индоевропейских языков, и, с другой—из состояния древнеармянского языка V века («классический» армянский). Однако и в первом, и во втором случаях возникает ряд затруднений. В первом случае, во-первых, не для всех армянских форм мы имеем достоверные параллели в других языках; во-вторых, в некоторых случаях сочетания согласных в других индоевропейских языках также подвергались специфическим изменениям, затрудняющим восстановление собственно индоевропейских праформ; в-третьих, реконструированные сочетания согласных часто выявляют индоевропейские диалектные различия, между тем как диалектное распределение сочетаний согласных и словообразовательных форм с точки зрения ареальной лингвистики изучены неудовлетворительно. Во втором случае, во-первых, имевшие место еще в «доклассическую» эпоху фонетические изменения (в том числе—ослабление и выпадение гласных последнего слога, сокращение и синкопа гласных предударного слога, передвижение согласных, палатализация и т. д.) и, во-вторых, большое количество заимствований из других языков (в том числе и из индоевропейских) привели к затемнению первоначального состояния и к образованию новых закономерностей. Таким образом, чтобы выявить первоначальные процессы, протекавшие в армянском, приходится иногда оперировать двойными и тройными реконструкциями.

Типы сочетаний согласных. Поскольку трехсогласное сочетание мы рассматриваем как сочетание «согласный + двухсогласное сочетание», то, условно включая сонанты в категорию фрикативных, в дальнейшем будем рассматривать следующие типы сочетаний согласных: 1) «фрикативный + смычный», 2) «фрикативный + фрикативный», 3) «смычный + смычный» и 4) «смычный + фрикативный». Если изменения первых двух типов проявляют значительные качественные различия, то различия между изменениями 3-го и 4-го типов сочетаний согласных, как увидим ниже, несущественны, поэтому они могут быть рассмотрены вместе. В связи с этим считаем необходимым отметить, что, во-первых, в отличие от А. Мейе мы не считаем сочетания сонантов *r, *l, *m, *n с предшествующими гласными дифтонгами и, следовательно, их сочетания с последующими смычными относим к сочетаниям 1-го типа; во-вторых, поскольку словообразующие сонанты r̥, l̥, m̥, n̥, ко-

торые впоследствии переходят в сочетания «а+соответствующий сонант», при комбинации с последующими смычными претерпевают закономерные изменения, свойственные сочетаниям «сонант+согласный», то в отдельных случаях приводятся примеры из сочетаний типа «*ɾ̥,*l̥, *m̥,*n̥+смычный»; в-третьих, сочетания типа «смычный+j» опускаются, так как они рассматривались в связи с процессом палатализации; в-четвертых, объектом особого внимания становятся те изменения, которые обусловлены упрощением артикуляции консонантных групп, в отличие от процессов палатализации и передвижения согласных.

Сочетания фрикативных и сонантов со смычными. Следует различать сочетания: 1) «фрикативный+смычный», т. е. (s/z+смычный» и 2) «r, l, m, n+смычный».

Как известно, индоевропейская фонема *s выступает в двух вариантах—звонком и глухом, которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции: *z встречается только в позиции перед звонкими согласными (*zbh, *zdh, *zgh, *zg'h, *zb, *zd, *zg, *zg'), *s — в остальных позициях (*sp, *st, *sk, *sk', *sr, *sl, *sm, *sn, *sj, *su и т. д.). За исключением групп *zg'h, *zg', *sk', *sk, частично и *skh, которые упрощаются в z, c?[86], cᶜ, cᶜ, š, в остальных случаях, независимо от условий, сочетания „*s + согласный“ сохраняются, причем согласный подвергается изменениям, связанным с передвижением[87]:

*zg'h>z, *sk, *sk'>cᶜ, *skh>š: *az-g'h->azazim „сохну, вяну“ (ср. гот. azgo „пепел“); *mozg'hi̯o->mozi „бычок, теленок“ (ср. греч. μοσχίον „теленочек“); *ozg'ho->ozor „ветвь“ (ср. греч. ὄσχος „отпрыск, побег“); *skel->cᶜelum „раскалываю, расщепляю“, cᶜeł „племя“ (ср. греч. σκάλλω „копаю, рою“, лит. skeliù, skélti „колоть, раскалывать“); *skēu̯o->cᶜiw „крыша“ (ср. др.-инд. skunáti, skāuti „покрывает“, др.-исл. skjā „сарай“, skāli „хижина, комната“, др.-в.-нем. scuwo, scū „тень“); *skid->cᶜit-, cᶜtim „царапаю себе кожу“ (ср. др.-инд. chindati, chinátti „режет, отрезает“, греч. σχίζω „разрываю, рассекаю, колю“); *aissk'ā>aycᶜ „посещение“, haycᶜ „просьба“ (ср. др.-инд. icchā „желание“, др.-в.-нем. eiskon „разыскивать, спрашивать, требовать“, русск. *иск, искать*); *oskii̯o->hacᶜi „ясень“ (ср. др.-исл. askr, др.-в. нем. asc); *skhel->šeł „косой“, *skhēl->šil „косоглазый“ (ср. греч. σκελλός „кривоногий“, σκολιός „кривой, неправый“, σκελίς, атт. σχελίς „ребро“); skhed-ri->šert „палка, щепка; полоса“ (ср. др.-инд. skhadatē „режет на куски, разрушает“, лит. skedervà „осколок“); *skhelp->šelb „клинок“ при cᶜelum „раскалываю, расщепляю“ (ср. греч. σχαλίς „жердь с развилкой, вилка“ при σκαλίς „мотыга“, σκόλοψ „кол; острие крючка“).

*sC, *zC>sC: *spel->aŕa-spel „сказание, миф, басня“ (ср. гот. spill „рассказ, сказание, басня“, др.-в.-нем. spel „рассказ, речь; сказка, басня“); *spɾ-nā-mi>spaŕnam „угрожать“ (ср. лат. spernō, -ere „отстранять, отвергать, презрительно отзываться“, др.-англ. spornan, spurnan „отталкивать ногой, презирать“); *sphērs->spᶜiŕ-, *spᶜŕem (при pᶜŕem) „рассеиваю, разбрасываю“ (ср. греч. σπείρω „сею, рассеиваю; наливаю“); *steib->stēp „спешка, частый, часто“, stipem „принуждаю“ (ср. греч. στείβω „топчу, хожу, мчусь“); *stel->stełcanem „формирую, творю“, stełn „стебель, ветвь“ (ср. греч. στέλλω „выстраиваю, снаря-

жаю, готовлю", στελέον „топорище", στήλη „столб"); *stənā->stanam „получаю" (ср. греч. крит. στανύω „ставлю", лат. prae-stinō, -āre „покупать, приобретать", русск. *стану, стать*); *sterdh>sterd, *sterdhi̯ā>sterǰ „яловый, бесплодный" (ср. др.-инд. starí- „яловая корова", лат. sterilis „бесплодный", исл. stirtla „яловая корова"); *posti>əst „по, согласно" (ср. лат. post „за, позади, после", умбр. pustin<*posti en „по"); *u̯estu->z-gest „одежда" (ср. лат. vestis, гот. wasti); -st-> -st (суффикс; ср. imast „значение, смысл" при imanam „знаю"); *nizdo->nist „заседание, сидение" (ср. др.-инд. nīḍá- „место отдыха, лагерь", др.-в.-нем. nest „гнездо", русск. *гнездо*); *ozdo->ost „ветвь, сук" (ср. гот. asts, др.-в.-нем. ast); *skhəl->sxal „ошибка", sxalim „ошибаюсь" (ср. др.-инд. skhalatē „спотыкается, отклоняется, сбивается с пути")?

При рассмотрении групп типа „s+смычный" следует учесть особенности отражения и.-е. *s mobile в армянском. Известно, что фонема *s в начале индоевропейского корня перед согласным имела неустойчивый характер, т. е. индоевропейский корень с начальным согласным мог выступать как с анлаутным *s, так и без него. Это значит, что в индоевропейском имели место чередования *sp(h)/p(h), *st(h)/*t(h), *sk(h)/*k(h).

Чередование с *s mobile нашло свое отражение в армянском, где встречаются этимологические дублеты с начальным s и без него: *(s)phēr-s->spʿṙem, pʿṙem „расстилаю, рассыпаю" (ср. греч. σπείρω „сею, рассеиваю"); *(s)kēu->cʿiw „крыша", kʿiw „карниз" (ср. др.-исл. skjā „сарай" при лит. kēvalas „скорлупа"); *skel-/*kl̥->cʿeł „племя", cʿelum „колю, расщепляю" и kʿał-em „жну, кошу, собираю" (ср. греч. σκῶλος „кол" при русск. *кол*).

Исследование отражения этого и.-е. чередования в армянском осложняется тем, что еще в период, предшествующий древнеармянскому, усилительная частица z перед глухими согласными оглушалась и переходила в s, т. е. выступала в звонком и глухом позиционных вариантах. Так, начальный s глагола spʿopʿem «утешаю» несомненно суффиксального происхождения, что подтверждается при сопоставлении с глаголом am-pʿopʿem «собираю; смягчаю, утешаю»; то же можно сказать относительно начального s в глаголах stʿapʿem „лью, выливаю, опорожняю", stacem „забочусь, ухаживаю", skʿoṙem „прикрываю, вуалирую"[88].

Таким образом, арм. s из и.-е. *s совпало с глухим вариантом арм. z из *g'hō. Не исключено, что индоевропейский подвижный *s имеет суффиксальное происхождение.

Элементы сочетания «сонант+смычный», независимо от того, является ли сонант слогообразующим или нет, сохраняют первоначальный порядок следования, каждый подвергаясь свойственным им изменениям. В этом случае: 1) плавный *l перед согласным переходит в ł (не в l!); 2) *m и *n подвергаются одинаковым позиционным изменениями, в позиции перед лабиальными согласными выступает m, в остальных позициях n; 3) изменение слогообразующих сонантов *ṛ, *l̥, *m̥, *n̥ аналогично изменению *r, *l, *m, *n — с той лишь разницей, что пос-

ледние выступают с огласовкой a: ar, al, am, an; 4) смычные подвергаются закономерным изменениям передвижения и палатализации в обычном порядке; 5) возможны изменения вторичного характера (выпадение гласных последнего слога, чередование, обусловленное местом ударения, и ряд других фонетических изменений и переходов, условия которых пока еще не объяснены): а) *r может выпадать; б) *n может отсутствовать (обычно по морфологическим причинам) перед заднеязычным смычным, соответственно перед губным смычным может выступать w; в) в комплексе *mbh может выпадать в конечной позиции смычный элемент; г) *t после носовых в конечной позиции может выпадать; д) после носовых возможно оглушение звонких смычных и озвончение глухих. Ниже приводятся примеры, иллюстрирующие пункты 4 и 5.

1. *rC>rC *arg′->arcnem „выжигаю“, arcat^{c} „серебро“, arcarcem „возбуждаю, раздуваю“ (ср. др.-инд. árju-na-ḥ „светлый, белый“, греч. ἀργής „ярко-белый, сияющий“, лат. argentum „серебро“); *ark->>argel „преграда, запрет“ (ср. лат. arceō, -ēre „запирать, заключать, ставить предел, удерживать“); *artu->ard „образ, форма“, z-ard „украшение“ (ср. др.-инд. ṛtú- „срок, время; порядок, правило“, греч. ἀρτύς „порядок, строй, устройство“); *erku̯->erg „песня“ (ср. др.-инд. arká- „луч; солнце; песня“); *er-th->ert^{c}am „иду“ (ср. греч. ἔρχομαι „прихожу, иду, ухожу“); *k′ērdi->sirt „сердце“ (ср. греч. καρδία, гот. hairto, русск. *сердце*); *kerth->k^{c}ert^{c}em „снимаю шкуру“ (ср. др.-инд. kurta „отделение, различение“, алб. kjɛth<*kertō „стригу“, хетт. kartāi- „отрезать, отделять“); *lerg->lerk „лысый, гладкий“ (ср. ср.-ирл. lergs „склон, равнина“); *lord-sk′o->lorc^{c}-k^{c} „судорога“ (ср. греч. λορδός „согнувшийся, сутулый“, ср.-в.-нем. lurz, lerz „левый“); *orbho->orb „сирота“ (ср. греч. ὀρφανός); *org′hi->orji-k^{c} „(семенное) яичко“ в am-orji-k^{c} (ср. греч. ὄρχις, ср.-ирл. uirgge); *orth->ort^{c} „виноградная лоза“ (ср. алб. hardi); *port->hord „торная (дорога)“, hordem „прокладываю дорогу“ (ср. лат. portus „порт, устье“, porta „ворота, проход“, др.-англ. ford „брод“); *(s)nerk->nergew „слабый, хилый“ (ср. греч. νάρκη „онемение, оцепенение, паралич“); *u̯erg′o- (>*u̯org′o-)>gorc, -oy „дело, работа“ (ср. греч. ἔργον „дело“, ὄργανον „орудие“).

*lC>lC: el-d->elt-iwr „болотистое место“ (ср. др.-в.-нем. oltar „комья грязи“); *g′halgā>jalk „ветвь, прут, бич“ (ср. гот. galga „свая, кол, крест“, др.-исл. gelgia „ветвь, палка“, лит. žalgà „жердь, шест, прут“); *meldu̯i->melk „мягкий, нежный“ [ср. др.-инд. mṛdú-, ж.р. mṛdví „мягкий, нежный“, греч. *(ἀ-)μαλδύς, βλαδύς „слабый, вялый“]; *phelg->pelk „ставень, створка“ (ср. др.-англ. spelc „щепка, лучина“); *sald->alt „соль“ (в топонимике; ср. гот. salt); *selk->helg „ленивый“ (ср. греч. ἕλκω „тащу“).

*nC>nC: *ang-, *ank->ank-iwn, angiwn „угол“ (ср. лат. angulus); *ang′hu->anjuk „узкий“ (ср. гот. aggwus, др.-в.-нем. angi, engi); anti->ənd „за, вместо; вместе с“ (ср. греч. ἀντί „напротив, перед; за, вместо“); *bhundho->dund „дно“ (в an-dund „бездна, пропасть“; ср. лат. fundus „дно, основание“); *enter->ənder-k^{c} „недра“ (ср. греч.

ἔντερον „кишка, внутренность"); *k′u̯on-to-⟩skund „собака, щенок" (ср. гот. hunds, др.-в.-нем. hunt „собака"); *mundhi̯o-⟩munǰ „немой" [ср. греч. μυνδός „немой" (Гез.)]; *penku̯-e-⟩hing „пять" (ср. др.-инд. páñca, греч. πέντε); *sengu̯-⟩ənkenum „бросаю" (ср. гот. sigqan, др.-в.-нем. sinkan „падать, опускаться"); *senth-⟩ənt^{c}anam „иду" (ср. ав. hant „добираться, достигать", др.-в.-нем. senten „посылать, отправлять"); *u̯endh-⟩gind „серьга" (ср. др.-в.-нем. wenden „поворачивать, вращать").

*mC⟩mC: *ambhi-⟩amb-oǰ „весь (ср. греч. ἀμφί „вокруг", ἄμφω „оба"); *phamph-⟩p^{c}amp^{c}-(b)ušt „мочевой пузырь" (ср. лат. pampinus „новый виноградный побег", лит. pam̃pti „разбухать, распухать, вздуваться").

2. *rk′⟩s: *derk′-⟩tesanem „вижу" (ср. греч. δέρκομαι „смотрю; вижу, замечаю").

*-n-k′-⟩s: *o-n-k′- (*n̥k′-?)⟩hasanem „достигаю" [ср. др.-инд. asnóti (*n̥k′-) „достигает"].

*-n-gu̯h⟩wj: *a-n-gu̯hi-⟩awj „змея" (ср. лат. anguis, лит. angìs).

*-n-gu⟩wc: *o-n-gu̯-⟩awcanem „помазываю" (ср. др.-инд. añj-, anákti „мажет, намазывает, натирает", перф. aktá-, лат. unguō, -ere „мазать, намазывать, натирать мазью")[89].

*nt-⟩n: *pont-⟩hun „брод, русло, путь" (ср. др.-инд. pánthas, ав. panta- „путь", греч. πόντος „море", лат. pons, -tis „мост"); *senti⟩en „они суть" (ср. др.-инд. santi).

*mt-⟩n: *-komtə⟩-sun „десять" (vat^{c}sun „шестьдесят"; ср. греч. -κοντα).

*mbh⟩m: *g′m̥bh-⟩camem „жую, разжевываю" (ср. др.-инд. jambháyati „раздробляет").

*mbh⟩mb, mp: *m̥bh-, *m̥bhro-⟩amb, amp „облако, туман", amprop „гроза" (ср. др.-инд. ámbhas- „дождевая вода", abhrá- „туча; атмосфера")[90].

Сочетания фрикативных и сонантов между собой. Насколько можно судить по реконструированным индоевропейским праформам и их армянским рефлексам, представленным достоверными примерами, индоевропейские сочетания фрикативных и сонантов отражаются в армянском следующим образом:

1. В сочетаниях фрикативного *s с сонантами происходит следующее: а) в *sl, *sm, *sn, *si̯ *s выпадает: *sl⟩l (или ł), *sm⟩m, *sn⟩n, *si̯⟩y; б) сочетания *sr, *rs переходят в ŕ (*sr⟩*hr⟩ŕ, *rs⟩*rh⟩ŕ?), хотя замечается и переход *rs⟩rš; в) сочетание *su̯ переходит в k^{c}, т. е. под влиянием *s⟩h *u̯⟩g оглушается:

а. *sl⟩l: *(s)lēg-⟩lknim „распутничаю, наглею", lkti „наглый", *(s)ləg-⟩диал. lak „тухлый" (ср. др.-исл. slakr „вялый", швед. диал. slōk „легкомысленная женщина" при ср.-нидерл. lak „вялый, шаткий, похотливый", греч. λαγνός „распутный, развратный"); *gu̯hīslā⟩ǰil, ǰił „жила" (ср. лит. gýsla при русск. *жила*).

*sm⟩m: *smōl-⟩mul „дым" (ср. ср.-ирл. smāl, smōl „огонь, жар;

пепел", ср.-англ. smolder „дым"); *es-mi>em „есмь" (ср. др.-инд. ásmi, ав. ahmi, ст.-сл. *есмь*).

*sn>n: *snēu̯ṛt>neard „нерв" (ср. др.-инд. snávan-, ав. snavarə при греч. νεῦρον); *snusos>nu „сноха, невестка" (ср. др.-инд. snuṣá, русск. *сноха* при греч. νυός); *u̯es-no->gin „цена" (ср. др.-инд. vasná-); *u̯es-nu-mi->z-genum „одеваюсь" (ср. греч. ἕννυμι „одеваю").

*si̯>y: *-osio (оконч. род. п. тематических основ)>-oy (оконч. основ на *-o-; ср. *u̯esnosio>gnoy „цены").

б. *sr>ṙ: *sroṷ->oṙoganem „орошаю, мочу", *srut->aṙu „ручей" (ср. др.-инд. srávati „течет", sruti- „дорога; течение", sravát- „река"); *mьmus-ro->mamuṙ „мох" (ср. для *-s- ст.-сл. *мъхъ*, русск. *мох*, для *-r: арм. mawr „грязь, ил, болото").

*rs>ṙ: *ers->eṙam „киплю, волнуюсь" (ср. др.-инд. árṣati „течет", хетт. aršaniia- „завидовать, ревновать"); *mor-s->moṙanam „забываю" (ср. др.-инд. mṛsyatē „забывает", лит. miršti „забывать").

*rs>rš (ṙ): *ghṛs->garš „скверный, отвратительный" (ср. ср.-в.-нем. garst, н.-в.-нем. garstig „скверный"); *tṛs->tᶜaršam, tᶜaṙam „блеклый, увядший", tors->toršom, tᶜoṙom (ср. греч. τέρσομαι „высыхаю", гот. gaþaírsan „высыхать")[91].

в. *su̯>kᶜ: *su̯eniiā>kᶜeni „сестра жены, свояченица" (ср. лит. sváine); *su̯esōr>kᶜoyr „сестра" (ср. др.-инд. svásar-); *su̯opno>kᶜun „сон" (ср. др.-инд. svápna-, греч. ὕπνος, ст.-сл. *сънъ*); *su̯idrom>kᶜirtn „пот" (ср. греч. ἱδρώς, латыш. svîêdri).

2. Как частично стало известно из рассмотрения модификации фрикативных, при сочетании плавных и носовых сонантов возможны следующие рефлексы: а) *r перед *m не изменяется: *rm>rm; б) *r перед *n переходит в ṙ: *rn>ṙn; в) *l перед *m переходит в l: *lm>lm; г) сочетание *ln упрощается в l(?); д) *m перед другими сонантами переходит в w: *mn>wn[92], *mr>wr[93]; е) если правильны приведенные ниже примеры, n в позиции перед *r подвергается нерегулярным изменениям—метатезе или выпадению: *nr>ṙn, *nṛi̯>yr.

*ṛm>rm: *ar-m->y-arm-ar „подходящий, удобный" (ср. греч. ἁρμός „связь, укрепление", ἁρμονία „связь, скрепление; порядок, слаженность"); *kʼer-mn̥>sermn „семя" (ср. лит. šerменs, прус. sermen „поминки, тризна"); *gu̯hermo->jerm „теплый, горячий" (ср. греч. θερμός „теплый").

*rn>ṙn: *arnumi->aṙ-n-um „брать" (ср. греч. ἄρνυμαι „добываю, получаю", хетт. arnumi „приношу"); *ṛ-ne-> y-aṙnem „поднимаюсь, встаю, воскрешаюсь" (ср. идр.-инд. ṛṇóti „поднимается, двигается", греч. ὄρνυμι „привожу в движение, побуждаю, поднимаю").

*lm>lm: *mel-mo->melm „нежный, мягкий" (при malem „крошу, раздробляю", mel-k „слабый, мягкий, нежный"); *u̯el-mn̥->gelmn „руно, шерсть (при *u̯l̥-nā „шерсть" от *u̯el- „волосы, шерсть").

ln>l: *l-pōlniiā>yli „беременная" (при *pōlo->ul „козленок"); *pel-nu-mi>helum „лью" от *pel- „лить".

*mn̥>wn: *(o)nomn̥-(?)>anown>anun „имя“?

*mr̥>wr: *amr̥-(?)>awr „день“?

*nr̥>ar̊n *anros (род. п.)>ar̊n „мужчины, мужа“ (род. п.; ср. греч. ἀνδρός „мужчины, мужа“)?

*nr̥j>yr: *anr̥jo-(?)>*arjo->ayr „мужчина, муж“ (от *aner- „мужчина“); *antr̥jo-(?)>*arjo->ayr „пещера“ (ср. греч. ἄντρον).

3. Сочетания полугласного сонанта *u̯ с другими сонантами представлены редкими примерами, причем разные авторы приводят иногда противоречивые реконструкции. Имея в виду, что *u̯ перед *l выпадает, следовало бы предположить его выпадение также перед *r, однако наряду с примерами выпадения имеются примеры (если их этимология верна) его сохранения и метатезы: *u̯r>(e)rg. В сочетаниях *ru̯, *lu̯, *nu̯ следует предположить развитие *u̯ в g (*ru̯>rg, *lu̯>lg, *nu̯>>*ng)[94], однако в имеющихся примерах наблюдается иногда выпадение *u̯, и пока невозможно прийти к определенным выводам.

*u̯l>l: *u̯lə-ro->lar „веревка; струна“ (ср. греч. εὔλητρα „возжи“, лат. lōrum „ремень; повод, узда“); *u̯l-m̥-bhi->lamb „петля“ (от *u̯el- откуда lar „веревка, струна“).

*u̯r>r: *u̯rēdhu-(?)>erdumn „клятва“ (при др.-инд. vratá- „приказ“, ав. urvāta „предписание, приказ“, греч. ῥητόν „договоренность, условие“, лат. verbum „слово“); *u̯rī-th->eritc „клин“ (ср. греч. ῥίνη „напильник“, др.-сакс. wrītan „резать; писать“)?

*u̯r>(V)rg: *u̯rād->argat „отрезанный побег виноградной лозы“ (ср. кимр. gwraidd „корни“ при греч. ῥάδιξ „ветвь“ или „сук“)? *u̯reid-s->>ergicanem „рву, разрываю; высмеиваю“ (ср.др.-сакс. wrītan „резать; писать“).

*ru̯>rg: *doru̯->torg „круглая палка; остов; ткацкий станок; основа (ткани), канва, ткань“, *dr̥u̯->targ-al „ложка“ [ср. др.-инд. dárvi-h, darvī „(деревяная) ложка“]; *mōru̯jo->(*murgjo->) mrǰ-iwn (-imn) „муравей“ (ср. ав. maoirī-, согд. 'm'wrč, др.-ирл. moirb, корн. muryon); *oru̯->arg- в argand „матка, чрево, утроба“, arg-a-hat-eli „жалкий“ (hat- от hat-anem „режу“; ср. греч. ὀρύα „кишка“)[95].

*nu̯>ng: *bhən-u̯->bangn (bankn) „сказка, легенда“ [ср. др.-в. нем. bannan (<*bhən-u̯-) „приказывать, изгонять, ссылать“][96].

*nu̯>n: *e-nu̯n̥ (*enun?)>inn „девять“ (ср. др.-инд. nava, ав. nava, греч. *ενFα в гом. εἶνα-, атт. ἔνα-).

4. При рассмотрении палатализации были констатированы случаи перехода *j в ǰ в позиции после плавных и носовых сонантов: *onōr̥jo->anurǰ „сон, сновидение“, *gu̯henje->ǰnǰem „чищу, очищаю, истребляю“ и др. Однако в некоторых сочетаниях *j не переходит в ǰ, а подвергается метатезе, т. е. *rj, *lj, *nj переходят в yr, yl, yn[97]. Имеющиеся примеры показывают такой переход в позиции после a, причем a может быть как первичным, так и оказаться перед указанными сочетаниями в результате других процессов; наличие *j в армянском иногда лишь предполагается:

*alj̥o-s >ayl „другой“ (ср. греч. ἄλλος, лат. alius); *g'hu̯n̥-ji->ǰayn „звук, голос; слово, речь“ (ср. алб. тоск. zɛ, гег. zâ

„голос", русск. *звон*, *звенеть*); *kl̥i̯- или *kəl̥i̯->^cayl „шаг" при *skl̥i̯- или *skəl̥i̯->^cayl „пах"? [ср. греч. σκέλος „бедро; нога", κῶλον „член тела: нога, рука, конечность", лат. calx „пята, пятка", calcō, -āre „попирать наступать (ногой)", лит. kùlše, kùlšis „бедро"]; *phl̥i̯- или *phəl̥i̯->^cayl „сияние, блеск" (при p^calp^calim, p^colp^colem „сияю, сверкаю"; ср. др.-инд. sphuliṅga- „искра"); *u̯r̥i̯- или *u̯ərl̥i̯->gayr „ил, тина; рвота; грязь, болото" (ср. алб. hur-dhɛ „пруд, цистерна, болото", shurrɛ „моча").

Сюда же следует отнести примеры, приведенные выше: *anr̥i̯o- или *ar̥i̯o-?>ayr „муж, мужчина; *antr̥i̯o->ayr „пещера".

Сочетания смычных со смычными и фрикативными. Изменение сочетаний «смычный+смычный» и «смычный+фрикативный», в отличие от изменений сочетаний «фрикативный+смычный» и «фрикативный+фрикативный», имеет некоторую специфику: если последние обусловлены общими фонетическими закономерностями армянского языка или являются вторичными, то первые имеют самостоятельный характер, т. е. изменению подвергается все сочетание как одно целое, а не каждый элемент в отдельности. И.-е. сочетания согласных, в которых смычный согласный находится в позиции перед другим согласным, подвергаются следующим изменениям.

1а. Глухие смычные *p, *t перед смычными и *r, *l, *m, *n в начальной позиции выпадают, а после гласных переходят в w, образующий с ними дифтонг:

*pC>C: ptak->t^cak^c-č^c-im „прячусь" [ср. греч. πτῆσσω „пугаю(сь), прячусь"]; *pter->t^cer-t^c „лист„, t^cit^ceṙ-n „бабочка", *ptēr->t^ciṙ „полет", t^cṙ-č^c-im „лечу, летаю" (ср. ав. fraptərəjāt „птица", греч. πτερόν „перо, крыло, край", πτέρις „папоротник", πτέρυξ „крыло; ласт; птица"); *pteleu̯ā>t^celi „вяз, иль, берест, карагач" (ср. греч. πτελέα „вяз")? *prep->erewim „появляюсь, показываюсь", *preps->eres „лицо" (ср. греч. πρέπω „я заметен, выделяюсь, отличаюсь", др.-ирл. richt „форма, образ"); *preisk'u->erēc^c „старший, священник" (ср. греч. πρέσβυς „старый, почтенный", лат. prīscus „старинный"); *prəktō->erast-ank^c „зад, задница" (ср. греч. πρωκτός „задний проход"); *plēi̯os „полный" (ср. греч. πλέος); *plu-s-o->lu „блоха" (ср. др.-инд. plúśi-, др.-в.-нем. flōh); *plateno->layn „широкий" (ср. др.-инд. práthas-, греч. πλάτος, брет. let, led „ширина", др.-ирл. lethan „широкий"); *pleu->lu-an-am „мою" (ср. др.-инд. plavatē „плавает", русск. *плавать*).

*tC>C: *trei̯es->erek^c „три", *tri̯i̯əkomtə>eresun „тридцать" (ср. др.-инд. trayaḥ, греч. τρεῖς „три", τριάκοντα „тридцать"); *treg->arek „сильный, отличный" [ср. ср.-ирл. trēn (*treg-s-no-) „отважный, сильный", др.-исл. þrek(r) „сила, храбрость"]; *trəg'->aracem „пасу" (ср. греч. τρώγω „грызу", тох. AB trāsk „жевать").

-pC>-wC[98]: *dəp-ni->tawn „торжество, праздник" (ср. др.-ск. tafn „жертвенное животное, жертва, жертвоприношение"); *opn->awn „имущество, собственность" (ср. др.-инд. ápnas- „доход, богатство; владение, имущество, собственность"); *ōp-n->un-im „имею" (ср. др.-инд. apnóti „доставляет, достигает"); *septm̥>ewt^cn „семь" (ср. др.-

инд. saptá, ав. hapta, греч. ἑπτά, лат. septem); *sipto-⟩hiwtᶜ „сок“ (ср. др.-англ. siftan „просеивать“).

*-tC⟩-wC *alatrio-⟩aławri-kᶜ „мельница“ (ср. греч. ἀλετρίς „мельничиха“, ἀλετρεύω „мелю, размалываю“); *arətrom-⟩arawr „соха“ (ср. греч. ἄροτρον, лат. aratrum); *pətros (род. п.)⟩hawr (род. п.) „отца“ (ср. греч. πατρός „отца“); *mātros (род. п.)⟩mawr (род. п.) „матери“ (ср. греч. μητρός, лат. mātris); *bhrātros (род. п.) ⟩ełbawr (род. п.) „брата“ (ср. лат. frātris).

б. Если изменения глухих смычных *p, *t дают ясную картину, то данные *k′ и *k (*kᵘ) либо несколько сбивчивы, либо недостаточны для определенных выводов.

С одной стороны, *k′ и *k (*kᵘ) выпадают и в начальной, и в неначальной позициях:

*k′C⟩C: *k′rentio-⟩erinǰ „телка“ [ср. др.-в.-нем. (h)rind „крупный рогатый скот“]; *k′lu-t-⟩lu „услышанный“, *k′lu-ke-(?)⟩ls-em „слышать“, *k′lu-ro-⟩lur „известие“, *k′lus-ri-⟩luŕ „безмолвный (ср. греч. κλύω „слышу“, κλυτός „прославленный“, русск. *слово, слушать, слух*); *kleitrno-⟩leaŕn „гора“ (ср. греч. κλιτύς „скат, склон, холм“, лат. clīvus „холм“); *prk′-sk′-⟩harcᶜ „вопрос“ (при *prk′-⟩harsn „невеста“; ср. др.-инд. pṛcchá „вопрос“, др.-в.-нем. forsca „исследование, вопрос“); *rk′tio-⟩arǰ „медведь“ (ср. греч. ἄρκτος, лат. ursus).

*kC (*kᵘC)⟩C: *knid-s⟩anic „гнида“ [ср. греч. κονίς, -ίδος (*knid-s), др.-англ. hnitu]; *kᵘtur-⟩kᶜaŕ-[99] в kᶜaŕ-ord „четверть“, kᶜaŕ-asun „сорок“ (при *kᵘetuores⟩čᶜorkᶜ); *g(a)lakt-⟩katᶜn (диал. *kałcᶜ) „молоко“ (ср. греч. *γλάκτ, род. *γλακτός, лат. lac, род. lactis); *pokᵘti-⟩⟩hacᶜ „хлеб“ (ср. др.-инд. paktí- „варка, стряпня; вареная пища“, греч. πέψις „варка, стряпня“); *pherk-to-⟩pᶜertᶜ „лоскут“ (при pᶜeŕekem „раскалываю, разрываю“; ср. греч. σπαράσσω „отрываю, срываю“).

С другой стороны, имеются примеры, в которых: а) *k′ не выпадает, а переходит в s; б) *k (*kᵘ) в серединной позиции переходит в w (ср. *p, *t):

*k′r-⟩sr: *k′rūs-ni-⟩srun-kᶜ „голень“ (ср. лат. crūs)[100].

*uk⟩*uk′⟩us: [*dhug(h)əter⟩] *dhukter⟩dustr „дочь“ (ср. ав. duγdar-, гот. daúhtar).

*-kr⟩-wr: *smok-ru-⟩mawru-k „борода“ (ср. др.-инд. śmáśru, алб. mjekrɛ<*smekrā); *tek-r-, *tēk-r-⟩tᶜewr, tᶜiwr „кривой“ (при tᶜekᶜem „сгибаю“ от *tek-)[101].

Отражение *ok′tō в виде utᶜ „восемь“ считается результатом изменения *ok′to⟩*opto под влиянием septṃ (⟩ewtᶜn) „семь“)[102].

2а. Звонкие смычные в позиции перед *r претерпевают обычные изменения, причем *r подвергается метатезе, переходя вперед. При этом перед r появляется протетический гласный, а при наличии в слове второго r подвергается диссимиляции, переходя в l.

*bhr⟩rb, lb: *bhrēur-⟩ałbiwr (-ewr) „источник“ (ср. греч. φρέαρ „колодец“); *bhrāter-⟩elbayr „брат“ (ср. др.-инд. bhrátar-, лат. frāter); *bhrug-⟩erbuc „грудинка“ [ср. лат. frūmen (*bhrug-smen) „глотка“];

*abhro->arbun-k^{c} „зрелость, бодрость, мощь“, arbek „очень сильный, отличный“ (ср. гот. abrs „сильный“); *dhabhrino->darbin „кузнец“ (ср. лат. faber, fabrī „мастер, ремесленник“, ст.-сл. *добръ*); *slibhro-(?)>>lirb „бесстыдный, наглый, непристойный“ (для *-br- ср. греч. ὀλιβρός „скользкий“); *snōbhri->nurb „тонкий; нежный“ (ср. др.-исл. snōefr „узкий, быстрый“)[103].

*g′hr>rj: *meg′h-ri>merj „близкий“ (ср. греч. μέχρι „до“).

*dr>rt: *drak′u>artasu-k^{c} (мн. ч.) „слезы“ (ср. др.-в.-нем. trahan); *drā->art-or-am „спешу“ (ср. др.-инд. drāti „бежит, спешит“); *s̯uidro->k^{c}irtn „пот“ (ср. греч. ἱδρώς, латыш. sviêdri).

*g(u̯)r>rk: *gu̯rānā>erkan „жернов“ (ср. др.-инд. grā́van-, др.-ирл. brau); *negu̯-ro->merk „голый“ (от *negu̯-/*nogu̯-).

б. Звонкие смычные перед смычными, а также перед *l, *m, *n выпадают:

*bhC>C: ałəbhni (или *ałəu-ni-?)>aławni „голубь“ [от *al(ə)bh- „белый“].

dhC>C: *u̯adhmi>gam „прихожу“ (от *u̯adh-; ср. лат. vadō, -ere „идти, шагать“, др.-англ. wadan „путешествовать, продвигаться, переходить в брод“).

*g′hC>C: *dhi̯g′h-nā->daṙnam „возвращаюсь, становлюсь“ (при аор. darjay; ср. хетт. tar-na- „оставлять, класть“)[104].

*dC>C: odgi̯o->oč „стебель“ (ср. др.-инд. ádga „тростник, стебель“); *lord-sk′o->lorc^{c}-k^{c} „судорога“ (от *lerd- „скривлять“; ср. греч. λορδός „согнувшийся, сутулый“, гаэл. lorcach, lurcach „хромой“)[105].

3. Сочетания смычных с *s упрощается, либо теряя первый элемент (*ps>s), либо переходя в соответствующие аффрикаты (*dhs>j?, *ds>c, *ts>c^{c}, *k′s, *ks>c^{c}):

*ps>s: (*spen>) *psen->-sin (в mi-a-sin „вместе“), *pson->sun-, snanim „питаю“, *psn̥->san „питомец, воспитанник“ (ср. др.-ирл. sine „сосок“, ср.-в.-нем. spen „грудь; материнское молоко“, spune „сосок“); *prepsā>eres- „лицо“ (при erewim „появляюсь, показываюсь <*prep-).

*ds>c: *knid-s>anic „гнида“ [ср. греч. κονίς, -ίδος (*knid-s)]; *khād-s-et>(e)xac (аор.) „он укусил“ (от *khād-; ср. др.-инд. khā́dāti „раскусывает, жует, ест“); *oneid-s-et>anēc (аор.) „он проклял“ [от *(o)neid-; ср. греч. ὄνειδος „упрек, порицание“, ὀνειδίζω „упрекаю“, лит. niedéti „презирать“); *sed-s->hecaw (аор.) „он сел на лошадь“ (от *sed- „сидеть“).

ts>c: *sn̥t-s-et>(e)anc^{c} (аор.) „он прошел“ (при ənt^{c}anam „иду, бегу“); *ku̯āt-so->k^{c}ac^{c}-ax „уксус“ (ср. лат. cāseus „сыр“, ст.-сл. *квасъ*).

*k′s>c^{c} *k′sāp->c^{c}aw „боль“ (ср. др.-инд. kṣā́yati „жжет“); *ksu̯ek′s (>*usek′s)->vec^{c} „шесть“, *(ks)u̯ьk′s-komtə>*vac^{c}-sun>vat^{c}-sun „шестьдесят“ (ср. ав. xšvaš, греч. ἕξ, лат. sex); *leuk-s- (*leuk-sk′-?)>loyc^{c}-, luc^{c}anem „зажигаю“ (при *leuk->loys „свет“).

4. Сочетания смычных с *u̯ характеризуются разнообразными

рефлексами, не подводимыми под единую закономерность: а) *dhu̯, *g'hu̯ теряют второй элемент и переходят в d, j; б) *du̯ переходит в rk[106], причем в начальной позиции появляется протетический гласный, а после *l>ł r выпадает; в) *tu̯ обычно переходит в k^{c}, в позиции после s—в k; д) *k'u̯ переходит в sk, если в слове имеется второй *k' (или другой смычный?), и в š, если таковой не имеется[107]:

*dhu̯>d: *dhu̯ī-t->di „труп" [ср. др.-ирл. dīth *(du̯ītu-) „кончина, смерть"].

*g'hu̯>j: *g'hu̯n̯i->jayn „голос" (ср. ст.-сл. *звонъ*).

*du̯>rk: *du̯ōu>erku „два" (ср. др.-инд. dváu, dvá, греч. δύω, лат. duo); *du̯i->erkiwł „страх, боязнь", erk-nč^{c}-im „боюсь" (ср. ав. dvaēδa „угроза", греч. гом. δείδω<*δε-δFοί- „боюсь"); *du̯aro->erkar „длинный; долгий", *du̯ā-ino->erkayn „длинный; долгий" [ср. греч. δηρόν<*du̯ā-ro-) „долго, в течение долгого времени"]; *meldu̯i->melk „мягкий" (ср. др.-инд. mṛdú-, ж. р. mṛdvī).

*tu̯>k^{c}: *tu̯o->k^{c}o „твой" (ср. др.-инд. tvaḥ, греч. σός>*τFος); *tu̯e->k'e-z „тебе"; *tu̯n̯g'h->k^{c}anjem, k^{c}anč^{c}em „тереблю, раздираю" (ср. др.-в.-нем. dwingan „давить", н.-в.-нем. zwingen „подавлять, угнетать", ср.-исл. þwinga „принуждать, мучить"); *(kʷ)tu̯ṛ->k^{c}aṙ (в k^{c}ar-ord „четвертый", k^{c}aṙ-asun „сорок" (ср. ав. -xtuirim „четвертый раз").

stu̯>sk: *ostu̯er (или *ost-ko-?)>oskr „кость"; *pōstu̯o->husk „последний" (при *posti>əst „но").

*k'u̯>sk: *k'u̯ek'urā>skesur „свекровь" (ср. др.-инд. śvasrú); *k'u̯onto->skund „собака, щенок" (ср. гот. hunds)[108]?

*k'u̯>š: *k'u̯ōn>šun (ср. греч. κυών); *k'u̯ł->šałem „смачиваю, растворяю" (ср. лит. švelnús „мягкий")? *k'u̯ikje->šč^{c}em „щиплю, свищу" (ср. лит. švykšti „свистеть, дышать"); *k'u̯onkjo->šunč^{c} „дыхание" (ср. лит. švankšti „дышать, сопеть, пыхтеть"); *k'u̯n̯ti->šand (šant^{c}) „молния"?, *k'u̯olo->šoł „луч", *ni-k'u̯oljo->n-šoyl „луч", *k'u̯o-ko->šuk^{c} „блеск; тень" от *k'eu- „светить" (ср. др.-инд. śvaḥ „завтра"); *eik'u̯o->ēš „осел" (ср. греч. ἵππος „лошадь")?

Выводы. Исследование различных типов сочетаний согласных дает основание для некоторых основных выводов.

1. Процесс изменения индоевропейских сочетаний согласных в армянском совершается под воздействием общей тенденции облегчения артикуляции (принцип экономии) и в тесной связи с другими фонетическими процессами: передвижения согласных, палатализации, ослабления и выпадения гласного последнего слога и т. д. В итоге комплексного исследования этого процесса можно сформулировать следующий закон: **индоевропейские сочетания согласных, в которых переход от одного согласного к другому не характеризуется нарастанием напряженности (сужением ротовой полости, т. е. не имеет места сочетание «фрикативный+смычный») или появлением дополнительного качества назальности (в случае сочетания сонантов), упрощаются или же превращаются в указанную последовательность согласных.** Из этого закона, в частности, следует, что: а) смычный перед другим смычным или перед фрикативным может выпадать или переходить во второй элемент дифтонга; б) происходит метатеза r с предшествующим звонким смычным.

2. В результате действия указанного закона и ряда фонетических изменений в армянском **в период, предшествующий ослаблению и выпадению гласного конечного слога, устанавливается такое состояние, когда слог не может кончаться на смычный согласный**[109]. Нетрудно заметить, что этот закон является частным выражением первого, более общего закона. Поэтому в данном исследовании мы не ограничиваемся слогом, а рассматриваем сочетание согласных также на стыке слогов: законы изменения сочетаний согласных действуют как в пределах слога, так и между слогами.

3. В результате ослабления и выпадения гласных послеударных слогов, установления новых типов чередования гласных предударных слогов, заимствования большого числа слов в древнеармянском нарушается действие указанных законов: встречаются такие сочетания согласных, которые уже не укладываются в их рамки. В современном армянском еще больше увеличиваются отклонения от вышеуказанных законов сочетаемости согласных и структуры слога.

4. Установленные законы позволяют: а) четко дифференцировать изменения, обусловленные законом сочетаемости согласных от изменений, связанных с палатализацией, передвижением согласных и т. д.; б) отказаться от всех этимологий, в которых не учитываются ограничения, накладываемые законом сочетаемости согласных; в) выявить новые факты хронологии фонетических изменений и тем самым установить дополнительные критерии для разграничения исконных и заимствованных слов; г) выявить некоторые аспекты фонетических сдвигов от индоевропейского к армянскому; так, в частности, из закона следует, что из диалектных проявлений индоевропейского *tt в виде st и ss армянскому свойственно первое и, следовательно, армянский примыкает к иранским, греческому, балтийским и славянским языкам[110]; д) лучше понять некоторые факты диалектных чередований и уточнить этимологии ряда диалектных слов; е) дать объяснение особенностям структуры слога в армянском и причинам ее изменений.

МОРФОЛОГИЯ

СКЛОНЕНИЕ

1. ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

Морфологическая структура именной словоформы. Индоевропейское имя является сложным образованием. Оно, как известно, может состоять из трех компонентов: корня, суффикса и окончания[1], причем: а) каждый из указанных компонентов может иметь свою структурную микромодель (как на данном временном уровне, так и исторически, когда неразложимые компоненты могли быть разложимыми); б) последние два компонента могут быть нулевыми; в) все элементы могут подвергаться чередованию в определенном соотношении друг с другом; г) ударение может быть как связанным, так и подвижным (переходить на окончание). Хотя чередование и ударение, играющие грамматическую роль, можно было бы включить в модель в качестве составных элементов, однако мы будем довольствоваться лишь отдельными указаниями, чтобы не осложнять рассмотрения. Тогда морфологическая модель структуры индоевропейской именной словоформы можно выразить следующей формулой:

$$R(s)(f),$$

где R обозначает корень, s—суффикс, f—окончание. Из них R(s) является обобщенным выражением основы.

Кроме оформления слова, ударение (тон) в силу своего характера могло играть основообразовательную и словоизменительную роль[2], о которых речь будет впереди. Здесь только отметим, что оно очень редко выступало в качестве различителя некоторых существительных и прилагательных, первые из которых характеризовались ударным корнем и неударным суффиксом, вторые, напротив, неударным корнем и ударным суффиксом; ср. в греческих тематических основах: τόμος „разрез“ и τομός „режущий“, в атематических основах на *-es-: ψεῦδος „ложь“ и ψευδής „лживый“. Таким образом, суперфикс тона мог иметь два терма: ударность и неударность, указывающие на тот или другой разряд имен.

Словообразовательную роль могло играть также чередование, выступающее в основном в словоизменении. При этом различные выражения (термы) чередования могли характеризовать не только различные лексические единицы в одном и том же ареале, но и противопоставлять различные ареалы. Качественное и количественное чередование гласных и чередование сонантов *r/*n играли при этом важную

роль как в словоизменении, так и в словообразовании. Чередования же начальных согласных *sp(h)/*p(h), *su̯/*u̯ создавали свободные лексические варианты, иногда противопоставляемые друг другу ареально. К сожалению, словообразовательная роль и.-е. чередований недостаточно изучена.

Структура корня. Корень является двуплановой единицей, характеризующейся некоторым планом содержания и некоторым планом выражения в их соотношении. Именно поэтому чисто фонетическая характеристика корня не может быть удовлетворительной, хотя она привлекательна своей простотой: во-первых, изображение корня как структуры типа CVC (согласный+гласный+согласный) является своего рода вневременной абстракцией, не соответствующей тому состоянию, которое является основной целью реконструкции—периоду, предшествующему выделению отдельных языков; во-вторых, двуплановая единица следует разложить на двуплановые компоненты, а если обнаруживается невозможность выделения таковых, значит она не разложима, т. е. выступает в качестве наинизшей единицы уровня; в-третьих, несмотря на все попытки отождествления слога типа CVC и морфемы-корня, все же морфема не совпадает со слогом; она может быть двусложной, и, кроме того, в речевом потоке иметь совершенно другие границы, чем слог.

Из вышеуказанного следует, что говорить о микромодели корня—о его разложимости можно лишь условно, так как эти выделяемые элементы либо обычно связаны собственно не с корнем, а словоформой (так называемые суперфиксы тона и частично чередования), либо выделяемы исторически (не на одном и том же хронологическом уровне) и не имеют четкой семантической характеристики (так называемые детерминативы); к тому же в последнем случае выделение именно подобного элемента не всегда оправдано: то, что один исследователь считает суффиксом, другой оценивает как корневой элемент (детерминатив).

Если исключить суперфиксы тона (ударения) и чередования как нелинейные элементы, то собственную микромодель корня можно выразить следующей формулой:

$$R_1(d),$$

где R_1 обозначает «чистый» корень, d—детерминатив. Если же учесть, что чередование, кроме словообразовательной и формообразовательной роли, может выступать в качестве характеристики корня и иногда различать его семантические и ареальные варианты, то вышеприведенную формулу можно расширить, включив в нее как линейный элемент также чередование (a):

$$R_1(a)(d).$$

Ударение, не относящееся собственно к корню, в этой формуле не может учитываться.

Вопрос о разграничении детерминатива и суффикса здесь рассматриваться не будет[3]. Скажем лишь, что под детерминативом будет пониматься любой выделяемый в конце корня компонент, а) нормально предшествующий любому из перечисляемых в дальнейшем суффиксов, б) не имеющий чередующегося элемента и в) не обладающий определенным суффиксальным значением (в том числе функциональным значением—функцией различителя частей речи, т. е. осуществляющего переход одной части речи в другую). Детерминативами могут быть все согласные и сонанты (в том числе i, u—в отличие от соответству-

ющих именных суффиксов), но не собственно гласные. Детерминативы могли возникнуть как сами по себе в качестве усилителя выразительности корня, так и в результате затемнения протоиндоевропейских суффиксов. Эти процессы, как увидим на примере армянского языка, продолжались и в дальнейшем—в истории отдельных языков. На данном хронологическом уровне в и.-е. корне можно выделить только один детерминатив: второй детерминатив возможен лишь при затемнении строя корня—при историческом наличии подобного элемента. Э. Бенвенист (1955, 178 и сл.) вообще пытался все двусложные и.-е. корни возвести к первичным односложным корням с омертвевшими суффиксами: он считает так называемый скользящий аблаут (Schwebeablaut) нормальным состоянием протоиндоевропейского языка, где существовало два типа основ: 1) с полногласным корнем и с суффиксом нулевой огласовке: *ker-u̯- и 2) с нулевой огласовкой корня и с полногласным суффиксом: *kr-eu̯-; так называемый носовой инфикс вставлялся между корнем и суффиксом во втором типе основы *kr̥-n-eu̯. К сожалению, теория корня Бенвениста является несколько умозрительным построением, притом не объясняющим всех имеющихся фактов.

Структура основы. Вопрос о хронологической, ареальной и функциональной дистрибуции восстанавливаемых элементов основы не всегда можно решить бесспорно. В частности, трудно дать однозначные ответы на вопросы, какие элементы относятся к индоевропейскому уровню в канун распада и какие к более раннему, какие являются продуктивными и какие таковыми уже не являются и т. п. При этом учитываются: степень распространенности совпадающих в различных языках элементов, степень их продуктивности в данных языках, совпадение или несовпадение ступеней чередования, близость значений, возможность синонимических образований и т. п.

Наиболее общую модель и.-е. именной основы, если оставить в стороне чередование и ударение, можно выразить следующей формулой, отражающей общую возможную последовательность суффиктов:

$$R(s_1)(s_2)(s_3)(s_4)(s_5)(s_6)(s_7)(s_8).$$

Следует отметить, что она является некоторой абстракцией, на хронологической однородности элементов которой нельзя настаивать.

Рассмотрение реализаций модели приводит к интересной закономерности, не отмеченной в литературе; последовательность суффиксальных элементов в индоевропейской именной основе имеет некоторую фонетическую обусловленность: **суффиксы следуют друг за другом по возможной синтагматической последовательности согласных и сонантов—по их естественной сочетаемости в составе слога и слова.** Отсюда ясно, что основными смысловыми элементами суффиксов являются согласные и сонанты, а предшествующие гласные, в частности, *-e/o- играют роль факультативных элементов: суффиксы располагаются таким образом, чтобы при отсутствии гласных элементов не нарушать законы последовательности элементов слога и слова, обеспечить их нормальную артикуляцию.

В этой модели s_1 реализуется в суффиксе с фрикативным (*s/z), s_2—с губным носовым сонантом, который может чередоваться с губным полугласным (*m, *m/u̯), s_3—с переднеязычным носовым сонантом (*n), s_4—с переднеязычными и заднеязычными смычными (*t, *th, *d, *dh, *k, *k′, *g, *gh, *g′, *g′h), s_5—с плавным сонантом, который может чередоваться с носовым (*r, *l, *r̥/*l̥, *r/*n), s_6—с губным полугласным (*u/u̯), s_7—со среднеязычным полугласным, чередующимся с с гласным переднего ряда (*i/i̯), s_8—с гласным, в частности, с так на-

зываемым тематическим гласным, обеспечивающим нормальный переход к окончаниям, выраженным согласными (*e/o, а также *-ā-, *-ē-).

Имея в виду, что суффикс с элементом *-(e)m выделяется теоретически, и что *-men- образует единое целое, указанную формулу можно несколько упростить (соединить s_2 и s_3) и вместо восьмичленного получить семичленный комплекс, по-видимому, более соответствующий восстановленному уровню к концу общности. Однако в данном случае это не имеет принципиального значения, тем более, что при тематических основах отдельно встречаются и *-mo- и *-no-.

Из этой общей формулы можно получить три частных модели, различающихся по наличию или отсутствию последнего — собственно гласного элемента и его реализаций:

1) $R(s_1)\ (s_2)\ (s_3)\ (s_4)\ (s_5)\ (s_6)\ (s_7)$

2) $R(s_1)\ (s_2)\ (s_3)\ (s_4)\ (s_5)\ (s_6)\ (s_7s_8)$

3) $R(s_1)\ (s_2)\ (s_3)\ (s_4)\ (s_5)\ (s_6)\ (s_7)s_8$.

Из этих формул, восходящих, по-видимому, к различным хронологическим уровням, первая отражает структуру атематических основ без специальной дифференциации женского рода; вторая—атематических основ с такой диффиренциацией: здесь под (s_7s_8) подразумевается суффикс женского рода *-i̯ā-, противопоставленный нулевому; третья—так называемых тематических основ, характеризующихся обязательным наличием специального тематического гласного *-e/o-, который для выражения женского рода заменяется гласным *-ā- (а также *-ī при некоторых основах), причем основы на *-ā- являются атематическими.

Как известно, тематические основы по некоторым особенностям отличаются от атематических: они характеризуются постоянным местом ударения и чередованием тематического гласного, образуют более тесное единство с окончаниями, к тому же отличными от окончаний атематических основ. Собственно говоря, тематический гласный можно отнести к основе настолько же, насколько и к окончанию. Атематические суффиксы, как видно из формулы, обычно имеют также тематические формы: *-en-: -(e)no-, -er-: -(e)ro- и т. д.

При полной реализации всех возможных типов в общеиндоевропейском можно было бы установить $2^8=256$ типов, из них—128 атематических и столько же тематических основ. Однако в действительности их количество не превышает нескольких десятков. Во-первых, в общеиндоевропейском обычно нет шести-, семи- и восьмиэлементных основ; во-вторых, некоторые типы засвидетельствованы лишь в отдельных языках и их нельзя возвести к общеиндоевропейскому (в том числе и индоевропейско-диалектному) уровню; в-третьих, как было указано, сочетание некоторых элементов уже в общеиндоевропейскую эпоху фактически составляло один суффиксальный комплекс, и рассмотрение их по компонентам является некоторой абстракцией. При конкретном рассмотрении типов эти комплексы будут отмечены. К сказанному следует добавить, что при вторичных образованиях от тематических основ тематический гласный суффикса перед другим суффиксом может выпасть, и там, где как будто бы у нас имеются три элемента, в действительности следует выделить четыре, т. е. иметь в виду также нулевой тематический гласный между двумя суффиксами и т. д. (ср. *-t(o)-i̯o-). Подобные модели в действительности являются гетерогенными, но мы их рассмотрим вместе с другими, имея в виду упраздне-

ние повторяющихся элементов и учитывая лишь наличие согласных и сонантных элементов. Случаи с действительно повторяющимися элементами и изменения обычной последовательности следует отнести к гетерогенным моделям, но они не характерны для и.-е. языка в целом (ср. сочетание *-to-mo-, tā-t- и др.).

Последовательность суффиксов и их дистрибуция в модели обусловлены: 1) семантико-функциональной потребностью в выражении нового значения или в транспозиции одной части речи в другую; 2) фонетическими условиями—произносимость в соответствии с правилами сочетаемости согласных и сонантов при нулевой огласовке суффиксов и различные способы упразднения хиатуса при встрече гласных; 3) ареальным варьированием синонимичных суффиксов; 4) степенью продуктивности и непродуктивности предыдущего суффикса; 5) позиционным варьированием синонимичных суффиксов—сочетаемость с данным корней или основой; 6) словообразовательной функцией некоторых грамматических формантов, в данном случае формантов категории рода. Если отвлечься от ареальной и исторической синонимии, то в структуре имени суффиксы и суффиксальные элементы играют троякую роль: лексическую (выражение новых лексических значений), функционально-грамматическую (выражение грамматических значений, в том числе—образование одной части речи от другой) и фонетическую (упразднение необычных сочетаний), причем один и тот же суффикс может играть две или три роли—выполнять две или три функции (в том числе фонетическую—посредством типа огласовки). Иногда семантико-функциональную нагрузку имеет и ударение (ср. суффиксы *-o- и *-ó-, *-es- и *-és-, первые из которых образуют существительные, вторые—прилигательные).

Рассмотрим основные типы и распределение производящих и производных основ по частям речи. Последние различаются не столько по моделям, сколько по типам и реализациям элементов модели из-за субстантивации прилагательных.

Атематические основы могут быть одно-, двух-, трех- и четырехэлементными, тематические—двух-, трех-, четырех- и пятиэлементными.

Из атематических основ одноэлементный (корневой) тип (R) представлен немногочисленными примерами: *gu̯ou- „бык, корова“, *leuk- „свет“, *mūs- „мышь“, *ped- „нога“, *reg′- „царь“ *u̯eik′- “дом, клан, община“, *u̯eku̯- „слово, речь“ и др.[4]

Большинство двухэлементных типов, кроме Rs_2, представлено многочисленными образованиями на *-es-/*-os- (s_1), *-en- (s_3), *-et-, *-ed-, *-ek- (s_4), *-er- (s_5), *-eu- (s_6), -ei- (s_7).

Значительное распространение имеют трехэлементные основы, в которых выделение двухэлементных суффиксальных элементов в большинстве случаев оправдано только исторически, так как многие из них воспринимаются как единые образования; сюда относятся основы на *-men- (s_2s_3), *-ent- (s_3s_4), *-ter-/-*tel- (s_4s_5), *-teu- (s_5s_6), *-tei- (s_5s_7) и др.

Четырехэлементные комплексы состоят главным образом из сочетания элемента s_1 (*-es-/*-s-) с вышеуказанными устойчивыми двухэлементными суффиксальными комплексами: *-s-men-, *-s-teu-, *-s-tei-. Сюда же относится устойчивый комплекс *m/u̯-en-t- со значением „имеющий“.

Из тематических образований (сочетание с s_8) встречается прежде всего двухэлементный тип Rs_8, где тематический гласный может быть безударным (в существительных) и ударным (в прилагательных).

Большое распространение имеют трехэлементные основы, представляющие собою сочетания тематического суффикса *-e/o- с предыдущими суффиксами: *-(e)so-? (s_1s_8), *-mo- (s_2s_8), *-no- (s_3s_8), *-ko-, *-to- (s_4s_8), *-ro-, *-lo- (s_5s_8), *-u̯o- (s_6s_8), *-i̯o- (s_7s_8).

Значительное распространение имеют четырехэлементные основы, представляющие собой сочетания устойчивых и неустойчивых двухэлементных комплексов с тематическим гласным *-e/o-: *-meno-, *-tro-/*-tlo-/*-dhro-/*-dhlo-, *-sko- (*-sk'o-).

Наконец, редко встречающиеся пятиэлементные комплексы являются главным образом тематическими образованиями от атематических четырехэлементных комплексов: *-mento- ($s_2s_3s_4s_8$), *-estero ($s_1s_4s_5s_8$)[5].

Наряду с рассмотренной гомогенной моделью, встречаются также гетерогенные модели, часто ареально ограниченные и являющиеся: 1) тематическими основами, образованными от других тематических основ; 2) тематическими или атематическими основами, образованными от атематических основ: а) с повторяющимися элементами или б) с элементами в обратной (по отношению к элементам основной модели) последовательности.

Можно выделить два типа гетерогенных моделей: с гетерогенностью 1) корневой и/или 2) суффиксальной части. В первом случае имеются в виду редупликация и словосложение. Различают две разновидности редупликации: усилительную (лексическую) и нормальную (грамматическую). Первая играет в основном словообразовательную роль, вторая—словоизменительную, хотя в корнях с начальным гласным усилительная редупликация выступает в роли нормальной.

Усилительная редупликация не всегда является простым повторением корня: она может быть как полной (ср. *ker-ker- — звукоподражание), так и частичной (ср. *ku̯e-ku̯lo- „колесо"), а также сопровождаться изменением одного из повторяющихся компонентов, главным образом первого из них. Здесь действуют следующие закономерности: 1) при наличии в корне детерминатива последний отсутствует в первом компоненте: *tor-torp-; 2) конечные плавные *l, *r могут заменяться в первом компоненте *n или даже *i; ср. греч. καγχαλάω „смеюсь", арм. dandał „медленный" (от *dhel- „дрожать, семенить"?), лат. cancer „рак", греч. παιπάλη „мелкая мука", арм. cicał „смех" (*g'oi-g'i̯-) (**Мейе,** 1938, 196—197). Редупликация имени бывает только усилительной и играет словообразовательную роль.

Словосложения бывают нескольких типов: 1) тип karmadhāraya, в котором первый компонент определяет второй (ср. др.-инд. madhya-di „полдень"); 2) тип tatpuruṣa, в котором объединены два существительных, как в греч. πατρ-άδελφος „отца брат" или ἀνδρο-φόνος „человекоубийца"; 3) тип bahuvrīhi, который показывает принадлежность обозначаемого сложным словом объекта другому: „имеющий что-то" (ср. лат. magn-animus „великодушный"); 4) сочинительный тип dvandva (ср. лат. duo-decim при арм. erko-tasan „двенадцать").

К гетерогенным моделям с разнородными суффиксальными эле-

ментами относятся в первую очередь: а) основы существительных, образованные от глаголов и прилагательных через другие (производные) существительные, причем оба компонента воспринимаются как единый суффикс (*-ti-on-, *-tā-t-); б) основы прилагательных, образованные от других прилагательных, в том числе их сравнительная и превосходная степени [*-t(o)-mo-, *-i̯-es-, *-i-s-th-o-, *-t(o)-er-o-]; в) основы активных причастий перфекта (*-u̯-es-/*-u̯-os-/*-us, *-u̯-et-/*-u̯-ot-/*-u-t). Здесь число элементов может быть и больше пяти: *-tro-u̯ent- (ср. др.-инд. putrávant- „имеющий сына“, где *-tro- и *-u̯ent- имеют каждый по три элемента).

Распределение производящих и производных основ по частям речи показано в таблице наиболее распространенных суффиксов (см. табл. 1); при этом следует иметь в виду, что прилагательные могут субстантивироваться.

Таблица 1

Производные основы / Производящие основы	Существительные		Прилагательные	
	атематические	тематические	атематические	тематические
Глагольные	-es-, -és- -en- -et/d- -er-, -er/n- -eu- -ei- -men- -(e)nt- -ter/l- -teu- -tei- -s-men -(e)s-tei- -men-tei-	-o- -mo- -(e)no- -(e)t/do- -lo- -eu̯o- -ei̯o- -t/dhr/lo- -s-mo- -men-to-	-és- -en -eu- -ent-	-ó-, -o- -es-o- -meno- -no- -t/do- -ro- -i̯o- -meno-
	-(o)-eu- -(e)i̯-eu- -ti-on-			
Субстантивные	-ek- -tei-	-o -mo- -(e)ko- -to- -lo- -i̯o-	-m/u̯ent-	-mo- -no -ko-,-s-ko-
			-tro-u̯ent- -i-u̯ent-	-es-tero-
Адъективные			-er-	-mo -(e)ro- -lo- -i̯o-
			-i̯es-	-is-tho- -t(o)-mo -t(o)-ero
Нумеративные	-t/d-	-o-		-o- -t/do-
Местоименные		-i̯o- -tero- -tomo-		

Для каждой из именных частей речи можно было бы составить частную модель основообразования и рассмотреть все случаи первичного и вторичного словообразования с выделением непродуктивных и продуктивных типов, но это является задачей, требующей специального исследования и несколько выходящей за пределы настоящей работы. Укажем лишь, что: 1) вторичные суффиксы являются обычно более продуктивными; 2) тематический гласный играет не только словообразовательную, но и грамматическую функцию, противопоставляя основы неженского рода (муж. *-os, ср. *-om) женским (*-ā); 3) внутренняя дифференциация отдельных именных частей речи проводится нечетко.

Окончания. Анализ структурной модели основы показал, что категория рода частично выражается конечными элементами основы, в особенности гласными: тематический гласный *-e/o- выражает неженский род в противопоставление гласному *-ā-/*-ə-, выражающему женский род. Кроме того, при атематических основах *-ā-/*-ə- в сочетании с предыдущим *-i(i̯)- образует женский род в противопоставление неженскому роду без этого признака. При этом следует сказать, что, во-первых, существительные на *-ā- (*-i̯ā) могут иногда выражать значение не женского рода, а мужского, т. е. родовая дифференциация проводится непоследовательно; во-вторых, прилагательные по согласованию могут выступать и с той и с другой основой, а существительные только с одной из них. Деление имен на женские-неженские дополняется в окончаниях[6].

Индоевропейские именные окончания выступают главным образом как неразложимые серии морфем (в том числе—нулевых), заменяющие друг друга для выражения родовых, числовых и падежных значений, а также для противопоставления атематических и тематических основ. При этом из-за нечеткой дифференциации родовых значений при атематических основах, род последних определяется синтаксически—посредством рода прилагательного, определяющего существительное.

Какую форму следует считать исходной при рассмотрении серий окончаний? Традиционно таковой считается форма именительного падежа единственного числа, однако она лишь при некоторых атематических основах на *-r-, *-l-, *-m-, *-n-, *-ā- характеризуется нулевым окончанием, в остальных случаях (в том числе—при основах на *-i-, *-u-) имеет окончание *-s, при тематических основах имен среднего рода заменяющееся окончанием *-m. Правильнее за исходную считать форму звательного падежа, во всех случаях характеризующуюся нулевым окончанием и к тому же исторически первичную—связанную с первичной коммуникативной функцией акта речи. Считая форму звательного падежа ед. ч., взятого без специального форманта женского рода *-ā-, исходной, к тому же совпадающей в некоторых случаях с именительным и, при среднем роде, с винительным, все окончания мы можем считать морфемами, заменяющими друг друга для выражения одновременно родовых, числовых и падежных значений по формуле:

$$f_0/f_1/f_2/f_3/f_4 \ldots$$

Каждое из них выражает, во-первых, значения: 1) мужского, среднего и женского родов, не во всех случаях и не во всех ареалах четко дифференцированных, 2) единственного, двойственного и множественного чисел[7], 3) кроме звательного, не имеющего в ед. ч. специальных показателей, также именительного, винительного, родительного,

отложительного, дательного, местного и инструментального падежей, во-вторых, дополнительные различия между атематическими и тематическими основами, так как атематические и тематические основы могут иметь различные варианты окончаний для выражения одних и тех же значений.

Таким образом, собственные окончания являются морфемами, содержащими одновременно числовые и падежные, в некоторых случаях также родовые значения. Внешне они могут быть согласными, гласными, дифтонгами и их сочетаниями с чередующимися и нечередующимися элементами, причем есть окончания исторически разложимые и неразложимые. Интересно отметить наличие двух типов словоформ: архаичных, в которых противопоставляются формы именительно-винительно-звательного п. остальным (с чередованием *-n/r- и др.), и регулярных, где такового противопоставления не наблюдается.

Соотношение индоевропейских именных окончаний можно выразить в следующей таблице (см. **Szemerényi**, 1970, 146, 171)[8]:

		Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Атематические	Зв.	-∅	-es	-e, -ī/-i
	Им.	-∅, -s	-es	-e, -ī/-i
	Вин.	-m/-m̥	-ns/-n̥s	-e, -ī/-i
	Род.	-es/-os/-s	-om/-ōm	-ous? -ōs?
	Отл.	-es/-os/-s; -ed/-od	-bh(i̯)os, -mos	-bhi̯ō, -mō
	Дат.	-ei	-bh(i̯)os, -mos	-bhi̯ō, -mō
	Мест.	-i	-su	-ou
	Инстр.	-e/-o, -bhi/-mi	-bhis/-mis, -ōis	-bhi̯ō, -mō
Тематические	Зв.	-e, -om	-ōs, -ā	-ō, -oi
	Им.	-os, -om	-ōs, -ā	-ō, -oi
	Вин.	-om, -om	-ōns, -ā	-ō, oi
	Род.	-es(i̯)o/-os(i̯)o[9]	-ōm	-ōs
	Отл.	-ōd	-bh(i̯)os, -mos	-bhi̯ō(m), -mō
	Дат.	-ōi	-bh(i̯)os, -mos	-bhi̯ō(m), -mō
	Мест.	-ei/-oi	-oisu	-ou
	Инстр.	-ē/-ō	-ois	-bhi̯ō(m), -mō

Нетрудно догадаться об исторической (может быть, и реальной, ощущаемой говорящими) разложимости некоторых окончаний. Так, 1) в окончаниях мн. ч. отл., дат. и инстр. падежей можно выделить специальные падежные показатели с приметой *-bh-/*-m- и элемент *-(o)s, собственно указывающий на число (ср. в этом отношении ясное противопоставление окончаний инстр. падежа в армянском: -b/-w/-v ед. ч. и -b-k^{c}/-w-k^{c}/-v-k^{c} мн. ч.); 2) в окончании род. п. ед. ч. тематических основ можно выделить собственно окончание *-(e)s/*-(o)s атематических основ с последующим элементом *-(i̯)o; 3) разложимы также окончания мест. и инстр. падежей тематических основ и т. п. Однако с точки зрения и.-е. системы склонения мы рассматривали эти окончания как единые образования в противопоставлении другим. Эти и другие факты говорят о различных хронологических уровнях образования индоевропейской системы склонения.

ДРЕВНЕАРМЯНСКАЯ СИСТЕМА СКЛОНЕНИЯ

Структура именной словоформы. Как индоевропейское, так и древнеармянское имя состоит из трех элементов: корня, суффикса и окончания по формуле R(s)(f). При этом здесь также: а) каждый эле-

мент может иметь свою структурную микромодель; б) суффикс и окончание могут быть нулевыми; в) все элементы могут подвергаться чередованию. Однако, в отличие от индоевропейского, а) древнеармянское имя чаще характеризуется нулевым окончанием; б) кроме чередований, отражающих индоевропейские, имеет новый тип чередований, зависящий от места ударения; в) ударение всегда подвижное, стремящееся к концу[10].

Структура корня. Древнеармянский корень, как и индоевропейский, характеризуется двумя основными особенностями: а) чередованием гласных и согласных при словообразовании и словоизменении и б) детерминативом—определителем корня.

Выше было сказано, что статус индоевропейских чередований был изменен и частично осложнен: а) появились новые типы чередований гласных и дифтонгов в связи с изменением места ударения; б) из-за некоторых звуковых изменений, в частности, ослабления и выпадения конечных гласных и изменения структуры слога, а также из-за затемнения состава многих основ, не всегда ощущается связь между отдельными ступенями чередования: в некоторых случаях корни с чередующимися гласными воспринимаются как отдельные слова.

Изменился также статус детерминатива корня: а) некоторые детерминативы перестали восприниматься как таковые в связи с потерей недетерминированного корня; б) некоторые старые суффиксы, перестав ощущаться как таковые, воспринимаются как детерминативы; в) появились новые детерминативы вследствие различных фонетических и морфологических процессов (ср. lpir-š „наглый", lpir-c „скользкий", диал. lpiṙ-t- „наглый; болтливый")—они продуктивны в звукоподражательных корнях (особенно в диалектах).

Структура основы. В связи со многими заимствованиями и искусственными префиксальными образованиями так называемой грекофильской школы[11] первичный характер древнеармянской именной основы значительно изменился. Если для установления модели иметь в виду только образования индоевропейского происхождения, то можно отметить следующие особенности структуры древнеармянской именной основы по отношению к индоевропейской: а) из-за некоторых фонетических процессов и затемнения состава многих основ микромодель древнеармянской именной основы имеет меньше элементов, в связи с чем увеличилось количество реализаций корневого типа; б) суффиксы обычно имеют гласные и поэтому их фонетическая сочетаемость не ограничена, они более дифференцированы функционально по отношению как к производящей, так и производной основе, появилось много суффиксальных новообразований; в) некоторые корни превратились в суффиксы; г) в связи с выпадением конечных гласных и стиранием грани между тематическими основами на -o- и атематическими основами на -a-, -i-, -u-, гласные больше тяготеют к окончанию, чем к основе, причем они появляются только в некоторых косвенных падежах, но не в именительном и винительном; этот процесс в новоармянском языке полностью завершился в пользу перехода гласных в состав окончаний. Все же имея в виду двойную роль гласных, мы последуем традиции сравнительных исследований и рассмотрим гласные в составе основ.

Структуру модели древнеармянской именной основы можно представить следующей формулой:

$$R(s_1)\,(s_2)\,(s_3)\,(s_4)\,(s_5),$$

где R—корневая часть, s_1—первичный суффикс, s_2—вторичный суффикс, функционально не изменяющий первый, s_3—третичный суффикс, функционально изменяющий второй, s_4—четвертичный суффикс, функционально изменяющий или не изменяющий третий, s_5—гласный, образующий основу так называемых гласных склонений и частично соответствующий суффиксальному элементу s_8 в индоевропейской модели. При этом не учитывается, что при образовании отглагольных имен и причастий вместе с корнем может выступать и суффиксальный элемент глагольной основы (-ac^c-, -eac^c/-ec^c-, -oyc^c/-uc^c- и т. п.), так как это собственно относится к трансмоделированию и гетерогенным моделям; все же если обозначить их символом s_0, то получим более обобщенную модель:

$$R(s_0)(s_1)(s_2)(s_3)(s_4)(s_5).$$

Из элементов модели s_1 реализуется в многочисленных суффиксах, образующих существительные от глагольных основ и прилагательных и могущих быть производящими основами для других имен. Часть из них является продолжением индоевропейских суффиксов—обычно с затемнением их состава (иногда без отдельного употребления производящей основы) и непродуктивных, другая часть образована на базе суффигированных корней, третья часть заимствована. Из суффиксов первого типа укажем на -ak^c (t^{c}an-ak^c „чернила"), -an (gl-an „вал, цилиндр"),-(a, e, u)st (im-ast „знание", ut-est „еда", t^{c}ak^c-ust „скрытие"), -awri (aɫ-awri „мельница"), -awt^c (can-awt^c „знакомый"), -il (tes-il „вид"), -iwn (hnč^c-iwn „звук"), -und (sn-und) „питание" и др. Сюда же следует отнести -(a, e, i, u, o)l (mn-al „оставаться; ждать", gorc-el „обрабатывать, действовать, делать" и др.), -awl (gorc-awl „обрабатывающий, делающий"), -ič^c (gorc-ič^c „делающий"), образующие склоняемые имена действия и действующего лица, которые оцениваются как инфинитив и причастия[12].

Элемент s_2 реализуется в суффиксах, образующих существительные от других существительных и выражающих значения вмещения, уменьшительно-ласкательности, обладателя и т. п.: -(a, i, u)k (tn-ak „домик"), -(an)oc^c [xorhrd-anoc^c „совещательная комната, место совещания", dpr-(an)oc^c „школа"], -aran (xorhrd-aran „совещательная комната, место совещания"), -i (kaɫn-i „дуб") и др.

Элемент s_3 реализуется в суффиксах, образующих прилагательные, которые вторично могут употребляться как существительные: -akan (bn-akan „естественный"), -ayin (erkn-ayin „небесный), -awor (erkr-awor „земной"), -eay (arcat^c-eay „серебряный"), -i (aɫ-i „соленый"), -in (ver-in „верхний"), -u (has-u „достигающий, понимающий), -un (git-un „знающий") и др.

Элемент s_4 реализуется во вторичных суффиксах, образующих: а) имена существительные от глагольных основ, прилагательных, других имен существительных, в частности, в -ut^{c}iwn (beɫnawor-ut^{c}iwn „плодовитость"; б) прилагательные от прилагательных, в том числе—сравнительную степень: -a-goyn (mec-agoyn „больше"); в) наречия от прилагательных: -a-bar, -a-pēs (lrb-abar „нагло", ayl-abar, ayl-apēs „по-другому").

По отсутствию или наличию элемента s_5 в грамматической литературе выделяют две частные модели:

1) модели, не имеющие элемента s_5:

$$R(s_1)(s_2)(s_3)(s_4);$$

2) модели, имеющие его:

$$R(s_1)(s_2)(s_3)(s_4)(s_5).$$

Первая из двух моделей характерна для основ на сонанты -n, -r, -l-, большей частью типа -C(ə)n, -C(ə)r, -C(ə)l[13]: aregak(ə)n „солнце", ez(ə)r „край", ast(ə)l, но и другого типа: -yr (hayr „отец"), -wr (awr „день"), -un (šun „собака") и др. В этих основах происходит чередование гласных и дифтонгов, предшествующих сонантам.

Во второй модели s_5 реализуется в гласных -a-, -i-, -o-, -u-, причем иногда с чередованием: -i/a-, -o/a-. Эти основы известны под названием основ на гласные (гласные основы): titan „титан", род. -ay, get „река", род. -oy, sirt „сердце", род. -i, kov „корова", род. -u, am „год", род. -i, инстр. -aw, kogi „масло", род. -(w)oy, инстр. -(e)aw.

Кроме того, имеются основы, а) образующиеся как по первой, так и по второй модели (ср. astl „звезда", инстр. astel-b и astel-aw); б) наряду с гласными, имеющие в основе также сонантные элементы (так называемые гетероклитические гласно-сонантные основы), прчием и те и другие могут чередоваться (ср. barj-r „высокий", род. barj-u, инстр. barj-am-b).

По типам конечных элементов и их чередования можно выделить четыре группы падежных основ: 1) основы именительно-винительного ед. ч.; 2) основы именительно-винительного мн. ч.; 3) основы родительно-дательного ед. ч. и 4) основы инструментального ед. ч. и родительно-дательно-отложительно-инструментального мн. ч. Основы отложительного совпадают с основами то 1-й группы, то 3-й.

При гласных основах формы основ 1-й и 2-й групп совпадают, отличаясь от основ 3-й и 4-й групп, которые при основах на -a, -i, -o, -u совпадают, а при основах на -i/a-, -o/a- (слова на -i) не совпадают. Только в некоторых заимствованных словах могут совпадать формы основ всех групп, т. е. гласный основы может сохраняться в формах основ 1-й группы; при этом отсутствуют формы мн. ч.

При сонатных основах формы основ 1-й группы не совпадают с формами остальных основ, причем: а) при всех основах на -l, большинстве основ на -r и некоторых основах на -n формы 2-й, 3-й и 4-й групп совпадают; б) при части основ на -n формы основ 2-й и 3-й групп совпадают, отличаясь от 4-й; в) при части основ на -n и некоторых основах на -r формы основ 3-й и 4-й совпадают, отличаясь от 2-й.

При гетероклитических гласно-сонантных основах возможны все комбинации между формами 1-й, 2-й, 3-й и 4-й групп, причем имеется случай, когда форма основы инструментального падежа совпадает с формой основ 2-й, а не 4-й группы.

Соотношение чередований и совпадения форм основ можно представить в следующей таблице[14] (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы основ по конечным элементам / Группы по чередующимся элементам	Сонантные основы											
	(ə)ɬ/eɬ	(ə)r/er	ewr/er	∅/ur	oyr/or/eɬ/er	ayr/awr/ar	(ə)n/an	n/an	un (wn)/an	(ə)n/un/an	(ə)n/in/an	(ə)n/un/in/an
1-я группа	(ə)ɬ	(ə)r	ewr	r	oyr	ayr	(ə)n	n	un (wn)	(ə)n	(ə)n	(ə)n
2-я группа	eɬ	er	er	ur	or	ar	an	an	an	un	in	un
Формы основ отл. п. ед. ч.	eɬ	er	er	(u)r	eɬ	awr	ən	an	(a)n	(a)n	(a)n	(a)n
3-я группа	eɬ	er	er	ur	eɬ	awr	an	an	an	an	in	in
4-я группа	eɬ	er	er	ur	er	-ar	an	an	an	an	an	an

Продолжение таблицы 2

Типы основ по конечным элементам / Группы по чередующимся элементам	Сонатно-гласные основы								
	eɬ/i	r/u	r/u/ua	r/u/un	r/u/un/an	n/an (+ay/a)	(ə)n/an/a	(ə)n/in/an/i (a)	ean/c
1-я группа	∅	r	r	r	r	∅ (+ay)	(ə)n	(ə)n	∅
2-я группа	∅	—	u	un	un	∅(+a)	∅	∅	∅
3-я группа	eɬ	u	—	u	u(an)	n(+a)	an	in (an)	ean
Основа отл. падежа	i	u	—	u	u	n(+a)	an	an	ean
4-я группа	i	-(u)	an	un	an	an(+a)	a	i (a)	o

Продолжение таблицы 2

Типы основ по конечным элементам / Группы по чередующимся элементам	Сонатно-гласные основы			
	an	ean	(ənǰ)ean	uan
1-я группа	∅	∅	∅	∅
2-я группа	∅	∅	∅	∅
3-я группа	an	ean	(ənǰ)ean	uan
Основа отл. падежа	an	ean	(ənǰ)ean	uan
4-я группа	an	can	(ənǰ)ean	uan

Продолжение таблицы 2

Группы по чередующимся элементам \ Типы основ по конечным элементам	Гласно-сонантные основы					
	i/un	i/in/an	o/ur	o/ay [a(n)] (+i/a)	o/un/an	u/un/an
1-я группа	∅	∅	∅	∅(+i)	∅	∅
2-я группа	un	in	∅ (ur)	ay(+a)	ay	un
3-я группа	i	i	o	o(+i)	o	u
Основа отл. падежа	i	i	ur	o(+i)	a(n)	un (an)
4-я группа	i	an	ur	ay [a(n)](+a)	an [a(y)]	an

Продолжение таблицы 2

Группы по чередующимся элементам \ Типы основ по конечным элементам	Гласные основы						
	a	∅/a	∅/i	∅/o	∅/u	∅/i/a	∅/o/a
1-я группа	a	∅	∅	∅	∅	∅	∅
2-я группа	—	∅	∅	∅	∅	∅	∅
Основа отл. падежа	a	a	∅	o	u,∅	—	o
3-я группа	a	a	i	o	u	i	o
4-я группа	a	a	i	o	u	a	a

Как видно из таблиц, основообразующие элементы уже содержат некоторую информацию о числовых и падежных значениях: 1) различия 1-й и 2-й, в некоторых случаях (особенно при гетероклитических гласно-сонантных основах) также 3-й и 4-й групп выражают противопоставление единственного и множественного чисел; 2) различия между 1-й и 2-й, с одной стороны, и 3-й и 4-й, с другой, выражают противопоставление именительного и винительного остальным падежам как прямых—собственно косвенным. Эти общие противопоставления уточняются и дополняются окончаниями.

Из теоретически возможных шестнадцати типов сонантных основ одноэлементный (корневой), двухэлементные и трехэлементные типы представлены многочисленными примерами, четырехэлементные типы малочисленны, а пятиэлементный тип (корень и четыре суффикса: $Rs_1s_2s_3s_4$) крайне редок: при рассмотрении реализаций модели древнеармянской именной основы был приведен фактически только один (весьма продуктивный) суффикс существительных типа s_4: -ut^{c}iwn, относившийся к основам на сонанты (ср. tērut^{c}iwn «господство», род. -t^{c}ean). Кроме того, прилагательные, образованные от вторичных существительных с суффиксом s_2, являются относительными и из них не образуются прилагательные посредством суффиксов s_4, указывающих на усиление качества,—особенно прилагательные сравнительной

степени. Следовательно, нет имен на гласные основы, содержащих одновременно все предыдущие элементы основы; при существительных возможен только тип $R(s_1)(s_2)(s_5)$, при прилагательных — только тип $R(s_1)(s_3)(s_4)(s_5)$, т. е. не больше пяти элементов.

Среди древнеармянских основ с гетерогенной моделью также должны быть отмечены образования с редупликацией и словосложением. Нормальная редупликация в древнеармянском перестала действовать как живая закономерность. Усилительная редупликация не только действует в словообразовании, но и характеризует единственную форму аориста с удвоением: arari „я сделал" при aṙnem „делаю".

Сохранив типы и.-е. усилительной редупликации с видоизменением первого компонента, древнеармянский язык развил и другие типы, в частности, с видоизменением второго компонента; ср. doł-doj „дрожащий, шаткий" при doł „дрожь" (и.-е. *dhel- „дрожать, семенить"), boł-boj „почка, росток, побег" при boł(ik) „росток" (от *bhel- „распускаться, всходить" и др.).

Типы и.-е. словосложений в основном сохранились, хотя: 1) изменилось их соотношение, 2) преобладает число новообразований; сложных слов, непосредственно восходящих к соответствующим и.-е. словам, очень мало. Для различных типов и.-е. сложений ср. арм. 1) miǰ-awreay (miǰ-awrē) „полдень" (тип karmadhāraya), 2) hawr-elbayr „брат отца", mard-a-span „человекоубийца" (тип tatpuruṣa), 3) mecahogi „великодушный" (тип bahuvrīhi), 4) erko-tasan „двенадцать" (тип dvandva)[15].

Окончания. Собственные окончания армянского имени являются сериями согласных и одного дифтонга -ei (пишется ē), заменяющие друг друга для выражения числовых и падежных значений, иногда варьирующиеся по типам основ на гласные и на сонанты. Их можно передать формулой $f_0/f_1/f_2/f_3...$ В отличие от индоевропейского в армянском нет категории рода, число имеет только два терма противопоставления: единственное и множественное, падеж—шесть термов: именительный, винительный, родительный, дательный, отложительный и инструментальный.

Окончания дремнеармянского имени можно представить в следующей таблице:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Гласные осн.	Сонантные осн.	Гласные осн.	Сонантные осн.
Им.	-∅	-∅	-k^c	-k^c
В.	-∅	-∅	-s	-s
Р.	-y, -ǰ, -∅	-∅, -ǰ	-c^c	-c^c
Д.	-y, -ǰ, -m, -∅	-∅, -ǰ	-c^c	-c^c
О.	-y, -ē	-ē	-c^c	-c^c
Инстр.	-w, -v, -∅	-b	-wk, -vk^c	-bk^c

Из таблицы видно, что: 1) лишь окончания инструментального п. мн. ч. имеют агглютинативный характер, являясь сочетаниями собственных окончаний ед. ч. с окончанием -k^c мн. ч.; 2) окончания родительного, дательного, отложительного и инструментального ед. ч. и инструментального мн. ч. представлены обычно в двух и более вариантах, т. е. имеет место синонимия; 3) окончания многих падежных форм не различаются, т. е. имеет место омонимия, снимаемая пара-

дигматически (наличие различных окончаний при некоторых вариантах) и синтагматически [употребление предлогов: z—для определенного винительного и i/y—для отложительного; ср. zget «эту реку» при get «река, реку» и i getoy «от реки, из реки» при getoy «реки; реке»].

Варианты окончаний выступают в следующих условиях: а) -ǰ выступает лишь в некоторых основах на -o-, -o/a- (ср. teł̇i «место», род. teł̇woǰ); б) -m дательного выступает лишь в некоторых основах прилагательных на -o-, причем -o- переходит перед -m в -u- (ср. nor «новый», дат. norum); в) нулевое окончание (∅) в родительном и дательном выступает при основах на -i, -u, после которых полугласный -y не встречается, и гласные основы становятся единственными показателями падежных значений; г) нулевое окончание инструментального падежа выступает лишь при основах на -u, после которого окончание w выпадает; д) окончание -y отложительного падежа выступает после основ на -a- и основ на -o-, -o/a, если родительно-дательный не кончается на -ǰ или дательный—на -m; в этом случае и при остальных основах отложительный кончается на -ē [ср. i getoy „из (от) реки" при i teł̇woǰē „из (от) места", i srtē „из (от) сердца"]; е) окончания -v, -vkᶜ инструментального падежа выступают после -o-, а -w, -wkᶜ — после остальных гласных.

Не лишено интереса, отметить, что: 1) -kᶜ мн. ч. иногда имеет и словообразовательное значение, в частности, при pluralia tantum; 2) кроме kᶜ, могут выступать и другие форманты мн. ч. в сочетании с kᶜ (-aykᶜ, -ankᶜ, -ikᶜ, -inkᶜ, -oykᶜ, -unkᶜ) или без него [-an, -ani, -ean, -e(a)r, -ik, -akan, -near, -or(e)ay, -(o)ti, -uan, -ui], причем они обычно воспринимаются как суффиксы собирательности.

Таблица склонения. О всех возможных типах древнеармянского склонения дает представление следующая таблица[16].

I. Согласные (сонантные) основы

1. Основы на -ł-

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	astł[17]	asteł kᶜ
В.	(z)astł	(z)asteł s
Р.	asteł	asteł cᶜ
Д.	asteł	asteł cᶜ
О.	yasteł ē[18]	yasteł cᶜ
Ин.	asteł b	asteł b

2. Основы на -r-

а) **Тип с основным -e- элементом чередования**

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	dustr	ałbewr (-iwr)	blur[19]	kᶜoyr
В.	(z)dustr	(z)ałbewr (-iwr)	(z)blur	(z)kᶜoyr
Р.	dster	ałber[20]	bler	kᶜeł
Д.	dster	ałber	bler	kᶜeł
О.	i dsterē	yałberē	i blerē	i kᶜeł ē
Ин.	dsterb	ałberb	blerb	kᶜerb

	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	dsterkᶜ	ałberkᶜ	blerkᶜ	kᶜorkᶜ
В.	(z)dsters	(z)ałbers	(z)blers	(z)kᶜors
Р.	dstercᶜ	ałbercᶜ	blercᶜ	kᶜercᶜ
Д.	dstercᶜ	ałbercᶜ	blercᶜ	kᶜercᶜ
О.	i dstercᶜ	yałbercᶜ	i blercᶜ	i kᶜercᶜ
Ин.	dsterbkᶜ	ałberbkᶜ	blerbkᶜ	kᶜerbkᶜ

б) Тип с основными -aw/a- элементами чередования

	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	hayr	harkᶜ
В.	(z)hayr	(z)hars
Р.	hawr	harcᶜ[21]
Д.	hawr	harcᶜ
О.	i hawrē	i harcᶜ
Ин.	harb	harbkᶜ

в) Тип с основным -u- элементом чередования

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	awr	awurkᶜ
В.	(z)awr	(z)awurs
Р.	awur	awurcᶜ
Д.	awur	awurcᶜ
О.	yawrē	yawurcᶜ
Ин.	awurb	awurbkᶜ

3. Основы на -n-

а) Тип с основным -a- (-ea-) элементом чередования

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	kołmn	atamn	tun
В.	(z)kołmn	(z)atamn	(z)tun
Р.	kołman	ataman	tan
Д.	kołmaŋ	ataman	tan
О.	i kołmanē	yatamanē	i tanē
Ин.	kołmamb	atamamb	tamb
	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	kołmankᶜ	atamunkᶜ	tunkᶜ
В.	(z)kołmans	(z)atamuns	(z)tuns
Р.	kołmancᶜ	atamancᶜ	tancᶜ
Д.	kołmancᶜ	atamancᶜ	tancᶜ
О.	i kołmancᶜ	yatamancᶜ	i tancᶜ
Ин.	kołmambkᶜ	atamambkᶜ	tambkᶜ

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	anun	paštawn	gełardn	stin
В.	(z)anun	(z)paštawn	(z)gełardn	(z)stin
Р.	anuan	paštaman	gełard(e)an	stean
Д.	anuan	paštaman	gełard(e)an	stean
О.	yanuanē	i paštamanē	i gełardanē (-enē)	i stenē
И.н	anuamb	paštamamb	gełard(e)amb	steamb
	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	anuankᶜ	paštamunkᶜ	gełardunkᶜ	stinkᶜ
В.	(z)anuans	(z)paštamuns	(z)gełarduns	(z)stins
Р.	anuancᶜ	paštamancᶜ	gełard(e)ancᶜ	steancᶜ
Д.	anuancᶜ	paštamancᶜ	gełard(e)ancᶜ	steancᶜ
О.	yanuancᶜ	i paštamancᶜ	i gełard(e)ancᶜ	i steancᶜ
Ин.	anuambkᶜ	paštamambk	gełard(e)ambkᶜ	steambkᶜ

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	siwn	bazmut^{c}iwn	ankiwn	mrǰiwn (-imn)
В.	(z)siwn	(z)bazmut^{c}iwn	(z)ankiwn	(z)mrǰiwn (-imn)
Р.	sean	bazmut^{c}ean	ankean	mrǰean (-man)
Д.	sean	bazmut^{c}ean	ankean	mrǰean (-man)
О.	i seanē	i bazmut^{c}enē	yankiwne	i mrǰenē
Ин.	seamb	bazmut^{c}eamb	ankeamb	mrǰeamb
	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	siwnk^{c}	bazmut^{c}iwnk^{c}	ankiwnk^{c}	mrǰiwnk^{c} (-munk^{c})
В.	(z)siwns	(z)bazmut^{c}iwns	(z)ankiwns	(z)mrǰiwns (-munc^{c})
Р.	seanc^{c}	bazmut^{c}eanc^{c}	ankeanc^{c}	mrǰeanc^{c} (-manc^{c})
Д.	seanc^{c}	bazmut^{c}eanc^{c}	ankeanc^{c}	mrǰeanc^{c} (-manc^{c})
О.	i seanc^{c}	i bazmut^{c}eanc^{c}	yankeanc^{c}	i mrǰeanc^{c} (manc^{c})
Ин.	seambk^{c}	bazmut^{c}eambk^{c}	ankeambk^{c}	mrǰeambk^{c}

б) Тип с основными -i/a- элементами чередования

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	anjn	ezn	beřn	harsn
В.	(z)anjn	(z)ezn	(z)beřn	(z)harsn
Р.	anjin	ezin	beřin	harsin
Д.	anjin	ezin	beřin	harsin
О.	yanjnē	yezanē	i beř(a)nē	i hars(a)nē
Ин.	anjamb	ezamb	beřamb	harsamb
	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	anjink^{c}	ezink^{c}	beřink^{c}	harsunk^{c}
В.	(z)anjins	(z)ezins	(z)beřins	(z)harsuns
Р.	anjanc^{c}	ezanc^{c}	beřanc^{c}	harsanc^{c}
Д.	anjanc^{c}	ezanc^{c}	beřanc^{c}	harsanc^{c}
О.	yanjanc^{c}	yezanc^{c}	i beřanc^{c}	i harsanc^{c}
Ин.	anjambk^{c}	ezambk^{c}	beřambk^{c}	harsambk^{c}

в) Тип с основным -u- элементом чередования

	Ед. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	yogn	yogunk^{c}	erkok^{c}in (-ean)
В.	(z)yogn	(z)yoguns	(z)erkosin (-ean)
Р.	yogun	yogunc^{c}	erkoc^{c}unc^{c}
Д.	yogun	yogunc^{c}	erkoc^{c}unc^{c}
О.	i yognē	i yogunc^{c}	yerkoc^{c}unc^{c}
Ин.	yogumb	yogumbk^{c}	erkok^{c}umbk^{c}

II. Гетероклитические гласно-согласные основы

1. Тип с преобладанием гласной основы в единственном и согласной основы во множественном числе

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	ałaxin	kin	tikin
В.	(z)ałaxin	(z)kin	(z)tikin
Р.	ałaxnoy	knoǰ	tiknoǰ
Д.	ałaxnoy	knoǰ	tiknoǰ
О.	yałaxnoy	i knoǰē	i tiknoǰē
Ин.	ałaxnov	knaw, kanamb	tiknaw, -amb

	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	ałaxnaykᶜ	kanaykᶜ	tiknaykᶜ
В.	(z)ałaxnays	(z)kanays	(z)tiknays
Р.	ałaxnaycᶜ (-ancᶜ, -acᶜ)	kananᶜ (-acᶜ)	tiknancᶜ (-acᶜ, -aycᶜ)
Д.	ałaxnaycᶜ (-ancᶜ, -acᶜ)	kananᶜ (-acᶜ)	tiknancᶜ (-acᶜ, -aycᶜ)
О.	yałaxnaycᶜ (-ancᶜ, -acᶜ)	i kananᶜ (-acᶜ)	i tiknancᶜ (-acᶜ, -aycᶜ)
Ин.	ałaxnovkᶜ	knawkᶜ, kanambkᶜ	tiknawkᶜ, -ambkᶜ

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	ǰur[22]	kᶜar	inn	erēcᶜ
В.	(z)ǰur	(z)kᶜar	(z)inn	(z)erēcᶜ
Р.	ǰroy	kᶜari	ənni	ericᶜu
Д.	ǰroy	kᶜari	ənni	ericᶜu
О.	i ǰroy	i kᶜarē	yənnē	yericᶜuē
Ин.	ǰrov	kᶜariw	ənniw	ericᶜu (-amb)

	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	ǰurkᶜ	kᶜarinkᶜ	inunkᶜ	ericᶜunkᶜ
В.	(z)ǰurs	(z)kᶜarins	(z)inuns	(z)ericᶜuns
Р.	ǰurcᶜ	kᶜarancᶜ	ənnicᶜ	ericᶜancᶜ
Д.	ǰurcᶜ	kᶜarancᶜ	ənnicᶜ	ericᶜancᶜ
О.	i ǰurcᶜ	i kᶜarancᶜ	yənnicᶜ	yericᶜancᶜ
Ин.	ǰurbkᶜ	kᶜarambkᶜ	ənniw	ericᶜambkᶜ

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	manr	barjr	całr
В.	(z)manr	(z)barjr	(z)całr
Р.	manu	barju	cału
Д.	manu	barju	cału
О.	i manuē	i barjuē	i całuē
Ин.	manu	barju (-amb)	cału

	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	manunkᶜ	barjunkᶜ
В.	(z)manuns	(z)barjuns
Р.	manuncᶜ	barjancᶜ
Д.	manuncᶜ	barjancᶜ
О.	i manuncᶜ	i barjancᶜ
Ин.	manumbkᶜ	barjambkᶜ

2. Тип с преобладанием согласной основы в единственном и гласной основы во множественном числе

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	unkn[23]	akn[24]	duṙn[25]	otn	cnund
В.	(z)unkn	(z)akn	(z)duṙn	(z)otn	(z)cnund
Р.	unkan	akan	dran	otin (-an)	cnndean
Д.	unkan	akan	dran	otin (-an)	cnndean
О.	yunkanē	yakanē	i dranē	jotanē	i cnndenē
Ин.	unkamb	akamb	dramb	otamb	cnndeamb

	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	akanǰkᶜ	ačᶜkᶜ	durkᶜ	otkᶜ	cnundkᶜ
В.	(z)akanǰs	(z)ačᶜs	(z)durs	(z)ots	(z)cnunds
Р.	akanǰacᶜ	ačᶜačᶜ	dracᶜ	oticᶜ (-acᶜ)	cnndocᶜ
Д.	akanǰacᶜ	ačᶜačᶜ	dracᶜ	oticᶜ (-acᶜ)	cnndocᶜ
О.	yakanǰacᶜ	yačᶜačᶜ	i drac	yoticᶜ (-acᶜ)	i cnndocᶜ
Ин.	akanǰawk	ačᶜawk	drawkᶜ	otiwkᶜ	cnndovkᶜ

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	ayr	tēr	giwł (gewł)
В.	(z)ayr	(z)tēr	(z)giwł (gewł)
Р.	aṙn	teaṙn	geł̆
Д.	aṙn	teaṙn	geł̆
О.	yaṙne	i teaṙnē	i geł̆ē
Ин.	aramb	teramb	giwłiw
	Мн. ч.	**Мн. ч.**	**Мн. ч.**
И.	ark^{c}	teark^{c}	giwłk (gewłk^{c})
В.	(z)ars	(z)tears	(z)giwłs (gewłs)
Р.	aranc^{c}	teranc^{c} (tearc^{c})	giwłic^{c}
Д.	aranc^{c}	teranc^{c} (tearc^{c})	giwłic^{c}
О.	yaranc^{c}	i teranc^{c} (tearc^{c})	i giwłic^{c}
Ин.	arambk^{c}	terambk^{c}	giwłiwk^{c}

3. Тип с преобладанием гласной основы

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	artawsr	artasuk^{c}
В.	(z)artawsr	(z)artasus
Р.		artasuac^{c}
Д.		artasuac^{c}
О.		yartasuac^{c}
Ин.		artasuawk^{c}

4. Тип с преобладанием согласной основы

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	garun	manuk	tesil	tiw	mah[26]
В.	(z)garun	(z)manuk	(z)tesil	(z)tiw	(z)mah
Р.	garnan	mankan	teslean	tu(ə)nǰean	mahuan
Д.	garnan	mankan	teslean	tu(ə)nǰean	mahuan
О.	i garnanē	i mankanē	i teslenē	tu(ə)nǰenē	i mahuanē
Ин.	garnamb	mankamb	tesleamb	tu(ə)nǰeamb	mahuamb
	Мн. ч.	**Мн. ч.**	**Мн. ч.**	**Мн. ч.**	**Мн. ч.**
И.	garunk^{c}	mankunk^{c}	tesilk^{c}	tiwk^{c}	mahunk^{c}
В.	(z)garuns	(z)mankuns	(z)tesils	(z)tiws	(z)mahuns
Р.	garnanc^{c}	mankanc^{c}	tesleanc^{c}		mahuanc^{c}
Д.	garnanc^{c}	mankanc^{c}	tesleanc^{c}		mahuanc^{c}
О.	i garnanc^{c}	i mankanc^{c}	i tesleanc^{c}		i mahuanc^{c}
Ин.	garnambk^{c}	mankambk^{c}	tesleambk^{c}		mahuambk^{c}

III. Гласные основы

1. Основы на -a-

	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	titan	Aršak
В.	(z)titan	(z)Aršak
Р.	titanay	Aršakay
Д.	titanay	Aršakay
О.	i titanay	yAršakay
Ин.	titanaw	Aršakaw

	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	titank^{c}	K^{c}ušank^{c}
В.	(z)titans	(z)K^{c}ušans
Р.	titanac^{c}	K^{c}ušanac^{c}
Д.	titanac^{c}	K^{c}ušanac^{c}
О.	i titanac^{c}	i K^{c}ušanac^{c}
Ин.	titanawk^{c}	K^{c}ušanawk^{c}

	Ед ч	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	Anna[27]	Sibilla	Manē	Tigranuhi
В.	(z)Anna	(z)Sibilla	(z)Manē	(z)Tigranuhi
Р.	Annay	Sibilleay	Maneay	Tigranuheay
Д.	Annay	Sibilleay	Maneay	Tigranuheay
О.	yAnnay	i Sibilleay	i Maneay	i Tigranuheay
Ин.	—	Sibilleaw	Maneaw	Tigranuheaw

	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	Asia	Galilia	Kesaria[28]
В.	(z)Asia	(z)Galilia	(z)Kesaria
Р.	Asiay	Galileay	Kesariay (-ioy)
Д.	Asiay	Galileay	Kesariay (-ioy)
О.	yAsiay	i Galileay	i Kesariay (-ioy)
Ин.	—	Galileaw	Kesareaw

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	Łukas[29]	Vrt^{c}anēs	Aristakēs	Heraklēs
В.	(z)Łukas	(z)Vrt^{c}anēs	(z)Aristakēs	(z)Heraklēs
Р.	Łukay	Vrt^{c}anay	Aristakay (-eay)	Herakleay
Д.	Łukay	Vrt^{c}anay	Aristakay (-eay)	Herakleay
О.	Łukay	i Vrt^{c}anay	yAristakay (-eay)	i Herakleay
Ин.	—	Vrt^{c}anaw	Aristakaw	Herakleaw

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	Homeros	Kadmos	Timot^{c}ēos	Tiberios
В.	(z)Homeros	(z)Kadmos	(z)Timot^{c}ēos	(z)Tiberios
Р.	Homeray	Kadmeay	Timot^{c}eay	Tibereay
Д.	Homeray	Kadmeay	Timot^{c}eay	Tibereay
О.	i Homeray	i Kadmeay	i Timot^{c}eay	i Tibereay
Ин.	Homeraw	Kadmeaw	Timot^{c}eaw	Tibereaw

2. Основы на -i-

	Ед. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	sirt	sirtk^{c}	dik^{c}	erek^{c}
В.	(z)sirt	(z)sirts	(z)dis	(z)eris
Р.	srti	srtic^{c}	dic^{c}	eric^{c}
Д.	srti	srtic^{c}	dic^{c}	eric^{c}
О.	i srtē	i srtic^{c}	i dic^{c}	yeric^{c}
Ин.	srtiw	srtiw	(diawk^{c})	eriwk^{c}

3. Основы на -u-

	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	c^{c}ul	zard
В.	(z)c^{c}ul	(z)zard
Р.	c^{c}lu	zardu
Д.	c^{c}lu	zardu
О.	i c^{c}lē	i zarduc̄
Ин.	c^{c}lu	zardu

	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	cᶜulkᶜ	zardkᶜ	erku
В.	(z)cᶜuls	(z)zards	(z)erkus
Р.	cᶜlucᶜ	zarducᶜ	erkucᶜ
Д.	cᶜlucᶜ	zarducᶜ	erkucᶜ
О.	i cᶜlucᶜ	i zarducᶜ	yerkucᶜ
Ин.	cᶜlukᶜ	zardukᶜ	erkukᶜ

4. Основы на -o-

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	gayl	ordi	asacᶜeal
В.	(z)gayl	(z)ordi	(z)asacᶜeal
Р.	gayloy	ordwoy	asacᶜeloy
Д.	gayloy	ordwoy (-woǰ)	asacᶜelum
О.	i gayloy	yordwoy	yasacᶜeloy
Ин.	gaylov	ordwov	asacᶜelov

	Мн. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	gaylkᶜ	ordikᶜ	asacᶜealkᶜ
В.	(z)gayls	(z)ordis	(z)asacᶜeals
Р.	gaylocᶜ	ordwocᶜ	asacᶜelocᶜ
Д.	gaylocᶜ	ordwocᶜ	asacᶜelocᶜ
О.	i gaylocᶜ	yordwocᶜ	yasacᶜelocᶜ
Ин.	gaylovkᶜ	ordwovkᶜ	asacᶜelovkᶜ

	Ед. ч.	Ед. ч.	Ед. ч.
И.	hin	aṙaǰin	mi
В.	(z)hin	(z)aṙaǰin	(z)mi
Р.	hnoy	aṙaǰnoy	mioy (-oǰ)
Д.	hnum	aṙaǰnoy (-um)	mium
О.	i hnmē	yaṙaǰnoy (-mē)	i mioy (-oǰē)
Ин.	hnov	aṙaǰnov	miov

	Мн. ч.	Мн. ч.
И.	hinkᶜ	aṙaǰinkᶜ
В.	(z)hins	(z)aṙaǰins
Р.	hnocᶜ	aṙaǰnocᶜ
Д.	hnocᶜ	aṙaǰnocᶜ
О.	i hnocᶜ	yaṙaǰnocᶜ
Ин.	hnovkᶜ	aṙaǰnovkᶜ

5. Основы на -i/a-

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	am	amkᶜ
В.	(z)am	(z)ams
Р.	ami	amacᶜ
Д.	ami	amac
О.	yamē	yamacᶜ
Ин.	amaw	amaw

6. Основы на -o/a-

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	aygi	aygikᶜ
В.	(z)aygi	(z)aygis
Р.	aygwoy	aygeacᶜ
Д.	aygwoy (-woǰ)	aygeacᶜ
О.	yaygwoy	yaygeacᶜ
Ин.	aygeaw	aygeawkᶜ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

Процессы, приведшие к образованию древнеармянской системы именного склонения. Любая действующая естественная языковая система не может быть идеальной: ей присущи внутренние противоречия (аномалии и отклонения, остатки прежних систем и зачатки новых) и различия в степени распространенности и частотности употребления единиц, она варьирует социально и пространственно, подвергается влиянию других языковых систем. В языковой системе постоянно происходит замена одних элементов другими, возникновение новых элементов и явлений, изменение характера соотношения элементов[30]. Все это с течением времени приводит к коренному изменению существующей системы—появлению новой.

Индоевропейская система склонения не составляла исключения. К периоду интенсивного распада индоевропейской общности она характеризовалась не только внутренними противоречиями, но и ареальными различиями по степени сохранения архаизмов и по количеству инноваций. Об этом свидетельствует невозможность реконструирования общеиндоевропейской системы склонения во всех частностях так, чтобы непротиворечиво объяснить все стороны склонения отдельных индоевропейских языков, не являющиеся инновациями.

Из вышесказанного следует, что процессы, приведшие к образованию древнеармянского склонения, имели свои зачатки в период общности, усиливаясь под влиянием различных факторов—как внешних, так и внутренних. При этом следует констатировать неравномерность их протекания в разных сферах и в разные периоды.

Кроме собственно морфологических процессов, на образование древнеармянского склонения и спряжения воздействовали также различные фонетические и лексико-семантические процессы. Основные морфологические процессы сводятся к следующим.

1) **Аналогия и выравнивание парадигмы.** Если фонетические процессы, действующие независимо от выражаемых значений, приводят к постоянным отклонениям и нерегулярностям, то в противовес им происходят постоянные процессы выравнивания парадигмы, преобразования нерегулярных форм под влиянием регулярных и более распространенных, образования все новых и новых единиц по наиболее распространенным и привычным моделям. Под аналогией и выравниванием парадигмы прежде всего следует понимать замену редких моделей более распространенными, уменьшение количества частных моделей и реализаций элементов.

Частными выражениями указанных процессов являются атематизация тематических и тематизация атематических основ, если под атематическими основами древнеармянского языка понимать основы склонения на -n-, -r-, -l-, а под тематическими—основы на гласные -a-, -i-, -o-, -u-. Как увидим ниже, в результате выпадения и ослабления конечных слогов многие и.-е. тематические основы на *-no-, *-ro-, -tro-, *-lo- перешли в основы на -n-, -r-, -l- и, напротив, многие и.-е. основы на согласные в результате выпадения и ослабления конечных слогов и других фонетических процессов перешли в разряд основ на -i-, -o-, -u-, -i/a-, -o/a-[31].

Другим частным выражением рассматриваемых процессов является депараллелизация атематических и тематических суффиксов. При рассмотрении индоевропейских суффиксов была показана параллельность многих атематических и тематических суффиксов—наличие и тех и других вариантов одних и тех же суффиксов: *-en- и *-(e)ro-,

*-er и *-(e)ro-, *-ter- и *-t(e)ro-, *-ek- и *-(e)ko- и др. В результате выравнивания парадигмы и фонетических процессов эта параллельность была упразднена и суффиксы стали формантами основ либо на сонанты, либо на гласные.

Третьим частным выражением процессов аналогии и выравнивания парадигмы является отмирание одних моделей, возникновение и оживление других.

Наконец, частным выражением этих процессов является значительная регуляризация распределения слов по различным основам склонения. Если в значительной своей части различия в принадлежности слов к тем или другим именным основам обусловлены их происхождением (ср. *mɾ-to-$>$mard, -оу „человек“, *aig'i-$>$ayc, -i „коза“, *sьmā$>$am, инстр. -aw „год“ и др.), то в других случаях распределение по тем или иным основам определяется фонетическим оформлением слов (количество слогов, характер конечных гласных и согласных), их семантическими и функциональными особенностями (см. **Ջահուկյան**, 1958, 115—122; **Джаукян**, 1978, 160—162).

2) **Опрощение**. В ходе исторического развития и в связи с некоторыми фонетическими процессами в слове иногда происходит стирание грани между различными элементами модели, слияние двух и более элементов: многие производные основы перестают восприниматься как таковые, в связи с затемнением грани между отдельными суффиксами они воспринимаются как единые. Потеря многих производящих основ в условиях сохранения производных (ср. *arətrom$>$arawr, -оу „орало, соха“ и *arəu-$>$harawunkᶜ «пашня» при отсутствии в древнеармянском отдельного рефлекса корня *ar-), представление производных основ единичными или очень редкими примерами (ср. *alətrijo-$>$alawri «мельница» при alam «мелю»), затемнение значения суффикса и его превращение в непродуктивный и даже мертвый—все эти факты являются частными выражениями процессов опрощения.

3) **Переразложение.** Под переразложением подразумеваются сдвиги в составе модели—переход элемента одной микромодели в элемент другой, изменение морфологических границ элементов модели. В этом отношении очень типично переразложение компонентов тематических суффиксов—отделение тематического гласного, его переосмысление как некоторой характеристики типа склонения, потери его связи с предыдущим суффиксом. Так, и.-е. суффикс *-lo- в древнеармянском стал формантом инфинитива и причастия прошедшего времени (ср. berel «приносить», bereal «принесенный»), причем при их склонении тематический гласный -o- (род. bereloy «приношения» и bereloy «принесенного») не воспринимается как часть суффикса.

Из фонетических процессов, сыгравших роль в образовании древнеармянской системы склонения, следует упомянуть: а) ослабление и выпадение конечных гласных и слогов, определивших судьбу окончаний; б) изменение структурной модели слогов и перемещение его границ, в частности, упрощение некоторых сочетаний (*-sk'-$>$cᶜ, *-sr-$>$ŕ), метатеза r (ср. *dhabh-ro-$>$darb-in «кузнец»), спирантизация и сонантизация смычных согласных перед смычными (ср. *pətros$>$hawr «отца»); в) изменение характера многих согласных, гласных и дифтонгов; г) замена тонического и свободного ударения динамическим и связанным; д) изменение, ослабление и выпадение некоторых гласных и дифтонгов в предударных слогах; е) явления ассимиляции и диссимиляции.

Из лексических процессов, повлиявших на образование системы склонения, следует указать на: а) образование новых слов по новым моделями, усиление их роли; б) увеличение продуктивности

одних суффиксов и ограничение роли других; в) заимствование стандартным (resp. литературным) языком диалектных слов; г) заимствование из иранских, кавказских и других языков слов, характер конечных слогов которых приводят к перестановке основ по типам склонения; д) изменение значений, появление новых значений, возникновение новых ассоциаций и стирание других, новые соотношения смысловых полей и т. д.

Именно многочисленность указанных процессов затрудняет сохранение единого принципа при рассмотрении всех фактов происхождения компонентов именных словоформ. Если во всех случаях выбрать направление от и.-е. языка к древнеармянскому, то мы не будем иметь последовательного перехода от одной части системы склонения к другой ввиду изменения соотношения атематических и тематических основ, возникновения новых фактов и новых отношений. С другой стороны, если во всех случаях исходить только из древнеармянской модели, многие факты останутся вне поля зрения, так как переразложение и опрощение привели к стиранию и перемещению границ элементов многих и.-е. моделей. Поэтому пришлось выбрать средний путь: рассмотрение вести по системе склонения древнеармянского языка и его моделям, в пределах же каждой части системы—при генетической интерпретации и объяснении фактов исходить из и.-е. модели.

Корневое чередование. О роли и происхождении чередования в склонении и спряжении речь пойдет в соответствующих разделах. Здесь же будет рассмотрено отражение и.-е. чередования в корневых и словесных дублетах армянского языка. Этот вопрос имеет три аспекта: ареальный, собственно словообразовательный и диалектологический.

Ареальный аспект заключается в раскрытии ареальных параллелей для того или другого случая чередования в армянском языке, в частности, совпадения той или иной ступени огласовки слова или корня. Этот аспект частично освещается в конце книги—в связи с рассмотрением вопроса ареальной характеристики армянского языка. Среди черт, осуществляющих ареальное противопоставление, следует учесть также наличие или отсутствие одинаковой огласовки или одинаковой чередующейся ступени. О чередовании гласных в связи с суффиксацией говорится в связи с рассмотрением основообразования.

Собственно словообразовательный аспект заключается в раскрытии словообразовательной роли индоевропейского чередования в армянском языке. В частности, имеется в виду наличие словесных и корневых дублетов, выступающих фактически в качестве отдельных лексических единиц или отдельных частей речи.

Из консонантных чередований группы с *s mobile и без него были рассмотрены в разделе фонетики, где были приведены соответствующие примеры для *sp(h)/*p(h): spṙem при pᶜṙem „стелю, расстилаю“ и др. Чередование *r/*n действует в области склонения как еще живая закономерность, но нашло отражение также в паре hur „огонь“ и *hun-ocᶜ>hnocᶜ „горн“.

Более важна роль вокалического чередования в армянском словообразовании. Если оставить в стороне чередование *ā/*ə, нейтрализующееся на армянской почве (оба чередующиеся элемента отражаются одинаково: *ā>a, *ə>a), то можно говорить о чередованиях 1) *e/*o/нуль и 2) *ē/*ō/*ə, которые в неконечной позиции дают соответственно: 1) e/o/a (перед носовыми—i/u/a или нуль) и 2) i/u/a. Че-

редования в дифтонгах *ei/*oi/*i и *eu/*ou/*u отражаются в армянском в виде ē(=ei)/i и oy/i, т. к. *ei и *oi, *eu и *ou дают одинаковые рефлексы. В связи с переходом *r̥, *l̥, *m̥, *n̥ в ar, al (al), am (an), an возникают также новые типы соотношений различных лексических единиц, отражающих и.-е. чередования *er/*or/*r̥, *el/*ol/*l̥, *em/*om/*m̥, *en/*on/*n̥. Приведем лишь несколько примеров для этих типов чередований: -berj (второй компонент сложных слов)—barj-r „высокий“ (*bherg'h-/*bhr̥g'h-); gel „скрюченный“ — gil „катание; валун“ — gal-ar „извилина, свиток“, диал. gal „скрюченное“ (*g̑el-/*g̑ēl/*g̑l̥-); helelem—ołołem „наводняю“—halem „топлю, плавлю“ (*pel-/*pol-/*pl̥- или *pьl-); het „след“ — otn „нога“ (*ped-/*pod-); ker „еда“ — kokord „горло“—kur (в kerakur „еда“) (*gʷer-/*gʷor-/*gʷōr); -sin „напитанный, накормленный“—sun-, snanim „питаюсь“—san „питомец, воспитанник“ (*psen-/*pson-/*psn̥-); šel „косой“ — šil „косой, косоглазый“—šalim „ошибаюсь“, šalalem „искривляю, коверкаю“ (*skhel-/*skhēl-/*skhl̥- или *skhəl-).

Диалектологический аспект заключается в раскрытии диалектных вариантов чередований для слов литературного языка. Имеется значительное количество диалектных слов, сохранивших отличную от литературной ступень чередования. Укажем на некоторые примеры: borb „пылкий“, borbokʿem—диал. berbel „раздувать“ (*bhobhr-/*bhebhr-); galem, golem—диал. gelel „скрывать“ (*g̑l̥-/*g̑ol-/*g̑el-); pelem—диал. polel „рыть, пахать, раскапывать“ (*bel-/*bol-).

Имеются типы чередования, не входящие в приведенные формулы индоевропейских чередований, но отмечаемые исследователями.

Наряду с регулярными формами arʿnem „делаю“ (аор. arari), y-arem „кладу вплотную, связываю“ (ср. также ard „образ, форма“, z-ard „украшение“), восходящими к *ar- „прилаживать“, Р. Ачарян (ЭС, 2²,57) приводит eriwr „прилаженный, удобный“, eriwrel „прилаживать, слагать, сочинять“, допуская наряду с *ar- также форму с *er-. Однако здесь, по-видимому, правильнее допустить первичную форму основы типа *rēi-/*rī-, как в лат. rī-tus „ритуал“, гот. rai-d-jan „устанавливать“ и др.

Для слова ezn „вол“, сравниваемого с др.-инд. ahī „корова“, ср.-ирл. ag „крупный рогатый скот, корова“ и др., следует предположить разновидность *eg'h- —наряду с *ag'h-, приводимой в словарях.

Слово ostin „сухой, безводный“, наряду с azazim (*az-g'h-) „высыхаю“ возводимое к *as- „жечь, гореть“, показывает соотношение *o:*a. Такое же соотношение наблюдается также при holm „ветер“, сравнимое со словами, восходящими к *an(ə)- „дышать, дуть“.

Глагол uranam „отрицаю“ (ср. urast „отрицание“) обычно сравнивают с греч. ἀρνέομαι с тем же значением, восходящим к *ar-; для армянского можно предположить контаминацию *ar- с *ōr- „говорить, звать“.

Корневые детерминативы. В отношении детерминативов между индоевропейским и армянским (особенно древнеармянским) уровнями

можно установить следующие типы соотношений: 1) на индоевропейском уровне выделяются «чистый» корень и детерминатив, но армянский сохранил только «чистый» корень или, что в данном случае нас интересует, только детерминированный корень: 2) индоевропейское соотношение между «чистым» и детерминированным корнем сохранилось и в армянском; 3) армянский развил новые детерминативы, причем в некоторых случаях на базе уже детерминированного корня, т. е. рядом встречаются два детерминатива, один из которых выделяется на индоевропейском уровне, другой—на армянском.

При первом типе соотношений нельзя говорить о собственном детерминативе в армянском корне: он выделяется только исторически—на основании внешней реконструкции. Так, в слове surb „чистый, святой", восходящем к *k'ubhro-, исторически выделяются корень *k'eu-/*k'u- „светить, светлый", детерминатив *-bh- и суффикс *-ro-, но на древнеармянском уровне surb воспринимается как неразложимый корень. Если даже правомерен переход k'u̯>š наряду с *k'u̯>>sk, и šoł „луч" (*<k'u̯o-lo-), šuk^{c} „блеск; тень" (*k'u̯ō-ko-) восходят к данному корню, все же связь между surb и šoł, šuk^{c} следует считать утерянной. Между тем древнеиндийский сохранил все три уровня: „чистый" корень в śvaḥ „завтра", детерминированный корень в śubha- „красивый, приятный, хороший" и детерминированный корень с суффиксом (как армянский) в śubhra- „красивый, блестящий", причем связь между последними двумя уровнями явно ощущается. Таким же образом и.-е корень *u̯el- „желать, выбирать" в армянском представлен только с детерминативом: gel-j „сильное желание", между тем как греческий сохранил как „чистый" корень λείω, λήω „желаю", так и детерминированные формы ἔλπομαι „надеюсь", ἔλδομαι „желаю". Все сказанное относится также к atał-j „дрова" (*dhol-/*dhl̥- „колоть, вырезывать, искусно обтесывать")[32], na-y „плавный" (*snē-, *snə-t- "течь; влажность"), ołb „плач, вопль" (*el-/*ol- — звукоподражательный корень), ya-g- в yagenam „насыщаюсь" (*sā-u̯- „сытый, насыщать") и др.

Случаи четкого выделения детерминативов на индоевропейским и древнеармянском уровнях довольно многочисленны; ср. har-k-anem „бью, ударяю" при аор. hari, а также harem „бью", может быть и hṙem „толкаю" от *per-, *-g- „бить, ударять" (ср. др.-ирл. orcaid „убивает" и ст.-сл. *перǫ, пьрати*, русск. *пру, переть*); k^{c}er-c-em „царапаю", k^{c}er-p^{c}-em, k^{c}er-t^{c}-em „деру, сдираю, скоблю" при k^{c}erem „скоблю, соскабливаю, деру", k^{c}orem „скоблю, чешу" [от *(s)ker-, *-bh-, *-d-, -t(h)- „резать, отрезать"; ср. русск. *чертить, скрести* при *кора, черенок*]; y-ar-m-ar „удобный" при y-arem „кладу вплотную, связываю*, aṙnem „делаю" (аор. arari) (от *ar-, *-m- „прилаживать"; ср. греч. ἁρμός „связь, сустав" при ἁραρίσκω „кладу вплотную, складываю, прилаживаю") и др.

В ряде случаев в армянском явно выделяются детерминативы, не имеющие параллелей в других языках; ср. deł-b „желтый", deł-j „персик", deł-j-an „желто-золотистый" при deł „растение, трава; лекарство", deł-in „желтый" (от *dhel- при *dhăl- „цвести, зеленеть"),

хотя возможно установить детерминатив для германских форм, если они действительно относятся сюда: др.-в.-нем. toldo „верхушка растения“ при tola „виноградная лоза“); gal-t-ni „скрытый“, диал. gol-t-uk при galem, golem „скрываю“ (от *ǧel- „обманывать“) и др.

В следующих формах, наряду с детерминативами, восходящими к и.-е. уровню, выделяются новые детерминативы, характерные только для армянского: наряду с lirb „бесстыдный, наглый“, восходящим к *(s)li-bh-ro от *slei- „слизистый, скользкий“ [ср. греч. ὀλιβρός „скользкий“<*(s)li-b-ro-] существуют формы с метатезой первичного *-b- и дополнительными детерминативами -c, -š, -t-: lpir-c, lpr-c-uk „скользкий“, lpir-š, диал. lpr̀-t-uk „наглый, бесстыдный“; наряду с orcam „изрыгаю“, восходящим к *ru-g- (*reu-g- при *reu-b-; ср. греч. ἐρευγομαί при др.-исл. gypta) существует orc-k-am с дополнительным детерминативом -k-.

ОСНОВЫ

Как известно, наиболее поддающимися заимствованию частями речи являются имена, особенно имена существительные. Хотя именных основ индоевропейского происхождения в древнеармянском языке гораздо меньше, чем заимствованных, однако можно сказать, что эти основы по употребляемости и словообразовательной способности все же превосходят заимствованные.

Рассмотрение происхождения именных основ приводится ниже согласно модели древнеармянского языка, причем в той последовательности, в которой они представлены в таблице основ склонения, т. е. сначала рассматриваются сонантные, затем гетероклитические сонатно-гласные и, наконец, гласные основы. Этот порядок рассмотрения несколько необычен для грамматик древнеармянского языка, начинающих рассмотрение с более распространенных и регулярных, но он лучше отражает как характер модели, так и историческую последовательность образования основ.

Основы на сонанты

Основы на -l-. Основ на -l- в древнеармянском языке немного, причем и.-е. происхождение только двух из них не вызывает сомнения: astl „звезда“ и etl „место“.

Из них astl сравнивают, с одной стороны, с греч. ἀστήρ, имеющей, как и армянская, протетический гласный, с другой, — с лат. stēlla, имеющей, как и армянская, *-l- на месте обычного *-r других языков; последнее обстоятельство можно объяснить либо чередованием *r/l, либо результатом восхождения и.-е. названий звезды к близким корням *ster- и *stel- „рассыпать“ (имеется в виду звездная россыпь на небе; см. **Ernout—Meillet**, 1959⁴, 646). Для латинского слова восстанавливают первичную форму *stel-nā (для *-n- ср. гот. stairnō при sun-no „солнце“ и арм. lusin, -oy „луна“). Для армянского вероятнее всего предположить древнюю атематическую основу на *-l- (*əstēl- при греч. ἀστήρ, род. *əstel-os при греч. ἄστερος, им. п. мн. ч.

*əstel-es при греч. ἀστέρες; ср. **Godel**, 1975, 93), однако возможно также допустить либо восхождение к форме на *-nā, аналогичной латинской (для *-ā ср. род.-дат. мн. ч. astełacᶜ)[33], либо, наряду с формой на *-l, наличие параллельной формы с собирательным значением (ср. греч. ἀστήρ при коллект. ἄστρα), распространенную затем на инстр. ед. ч. (astel-a-w наряду с astel-b).

Чередование (ə)l/el, т. е. наличие графически не передаваемого редуцированного гласного ə в им. и вин. п. ед. ч. и гласного e в остальных формах, является результатом внутриармянских фонетических процессов—установления ударения на предпоследнем слоге, приведшего к ослаблению или выпадению конечных слогов: *əstēl-> >*ástil>ast(ə)l, *əstelos>*astélos>astel, *əstéles>astełkᶜ.

Для etl „место“ предполагают первичную форму *sed-lo- (< *sed-tlo-) или *sed-lā от *sed- „сидеть“ (ср. галл. sedlon, гот. sitls, русск. *седло* и греч. лак. ἕλλά, лат. sella) через вторичную *sedel- (ср. аналогичное нем. Sessel). Иначе говоря, гласный -e- является результатом аналогии и выравнивания парадигмы. От etl вторично образованы формы tel, teli „место“.

Возможно допустить также и.-е. происхождение для angl „гриф, хищная птица“ от *ank-, *ang- „сгибать“, откуда арм. ank-ɫwn „угол“ (имеется в виду форма клюва; ср. тох. A oṅkaläm, B oṅkolmo „слон“ при тох. A añcäl „лук“, B aṅkär „бастион, зубчатая стена“).

Основы на -r-. Основы на -r- можно разбить на две группы: «регулярные» формы, параллельные формам на -l-, и «нерегулярные», представленные единичными примерами для каждой подгруппы. Среди «регулярных» можно отметить следующие две подгруппы основ индоевропейского происхождения: а) собственно основы на -r- и б) основы на -ewr-, у которых в соответствующих падежных формах на *-ewer- происходит стяжение группы *-ewe- в -e-: aɫbewr (aɫbiwr) „источник“, род.-дат. *aɫbewer>aɫber.

„Регулярные“ основы с чередованием (ə)r/ér аналогичны основам на -(ə)l/él- и их склонение установилось на основании и.-е. основ на *-ĕr-, *-ĕro-: dust(ə)r, -er „дочь“<*dhukter<*dhug(h)əter (ср. др.-инд. duhitā, duhitár-, ав. duγ(ə)dar-, греч. θυγάτηρ, гот. daúhtar и др.); ezr, -er „край“ <*eg'her(o)- [ср. лит. ẽžeras, латыш. ezers, ст.-сл. *езеро*, русск. *озеро*, фриг. Αζαρα, Εζαρα (назв. мест.) при балт. *ežĮā „межа“]; taygr, -er „деверь“<*dāiu̯ēr (ср. греч. δᾱήρ, -έρος, лит. dieverìs, русск. *деверь*). Для ustr, -er „сын“, восходящего к *su-ɟu- от *seu- „рождать“ (ср. греч. υἱύς, υἱός, тох. B soyä „сын“) предполагается видоизменение под влиянием dustr, -er „дочь“ (ср. usters ew dsters „сыновей и дочерей“, вин. п. мн. ч.), хотя Гюбшман сравнивает это слово с др.-англ. suhterga „племянник“[34]. По- видимому, первичную основу на *-er(o)- следует предположить и для kolr, -er „ветвь, сук“ <*gol-er(o)-, хотя соответствующие славянские формы имеют другую основу (ср. русск. *голья*). Для вышеприведенного aɫbewr (aɫbiwr), род. aɫber (<*aɫbewer) обычно восстанавливается

форма *bhrēu̯ɾ [ср. греч. φρέαρ (*φρᾱFαρ), -ατος — основа на *-r/n-]; следует предположить, что армянский, во-первых, обобщил форму на -r этой первичной основы на *-r/n- и во-вторых, конечное сочетание -ar из *ɾ изменил в -er по ассимиляции с первым гласным e (из i <*ē перед w или из *e?) и по аналогии. Выравнивание по аналогии следует предположить также для aliwr (alewr), род. aler (*alewer) „мука", имеющего также основу на *-o- (род. alewroy), как соответствующее греч. ἄλευρον[35] (от *al- „молоть"), а также для azdr, -er „бедро" < *ozdhur<*ost-dhur? (от *ost- „кость"; ср. греч. ὀσφῦς)[36] и tarr, -er (>taṙ, -i, -ic^{c}) „первоначало, элемент, стихия, буква" (при tarranam „утверждаюсь, твердею, укрепляюсь, крепну" и tram „крепкий") <*dəruro- от *dŏru- „дерево; крепкий", если эти два слова правильно этимологизированы нами.

Чередования в основах «нерегулярных» форм имеют различное происхождение.

В awr, -ur „день" наблюдается чередование r/úr, аналогичное чередованию (ə)r/ér и (ə)l/él, т. е. обусловленное местом ударения; гласный же -u- перед -r восходит к и. -e. *-ō- в праформе *āmōr, хотя греч. гом. ἦμαρ, -ατος (атт. ἡμέρα) имеет другую огласовку. Имея в виду, что m в древнеармянском языке переходит в w перед согласным (ср. paštawn „культ", при род. paštaman, а также mrǰiwn, -ean „муравей" при mrǰimn, -man), следует предположить контаминацию и выравнивание по аналогии; из первичных форм им. п. ед. ч. *āmōr и род. п. *āmrós (для нулевой огласовки ср. греч. ион. μεσαμβρίη „полдень") развились им. ед. ч. áwur>awr, где -w- является результатом влияния форм косвенных падежей (-wr-<*-mr-), и awur, где -u- является результатом влияния огласовки им п. и выравнивания парадигмы[37].

Парадигмы склонения k^{c}oyr „сестра", род. k^{c}eṙ, им. мн. ч. k^{c}ork^{c} и hayr „отец", род. hawr, mayr „мать", род. mawr и eṙbayr „брат", род. eṙbawr более или менее удовлетворительно объяснимы на основании соответствующих индоевропейских парадигм и фонетических изменений в армянском языке: 1) им. ед. ч. k^{c}oyr восходит к *su̯esōr (переход *su̯ в k^{c}, выпадение интервокального *s и переход *eu в oy), род. ед. ч. k^{c}eṙ — к *su̯esros (переход *sr в ṙ и выпадение окончания), им. мн. ч. k^{c}ork^{c} — к *su̯esores [ср. др.-инд. svasar- (svasā) и др.-ирл. siur (*su̯esōr), лат. soror, -is, греч. им. п. мн. ч. ἔορες (Гез.) и др.]; 2) -yr им. ед. ч. hayr, mayr, eṙbayr восходит к *-tēr (hayr<*pətēr, mayr<*mātēr, eṙbayr<*bhrātēr), род. ед. ч. -wr к -trós; ср. греч. πατήρ, -τρός, лат. pater, -tris; греч. μήτηρ, -τρος, лат. māter, -tris, лат. frāter, -tris и др. Некоторую трудность для объяснения представляют формы следующих основ: 1) k^{c}er- в инстр. k^{c}er-b, k^{c}er-bk^{c} и род.-дат.-отл. мн. ч. k^{c}er-c^{c}; 2) har- в инстр. har-b, har-bk^{c} и род.-дат.-отл. мн. ч. har-c^{c}. В первом случае для инстр. п. мы ожидали бы форму *k^{c}earb(k^{c}) из *su̯esɾbhi(s), однако имеется k^{c}erb,

по-видимому, под влиянием формы род. п. kᶜeɫ: форма же kᶜercᶜ образована позже по аналогии. Во втором случае форма инстр. п. harb(kᶜ) восходит к *pətɽbhi(s), и следует предположить развитие *pətɽbhi> >*haw(a)rb>harb[38]; форма же harcᶜ является результатом аналогии, как при kᶜerb(kᶜ)—kᶜercᶜ.

Основы на -n-. Основы на -n- по чередованию предыдущего элемента распадаются на несколько групп[39].

1. Чередование (ə)n/an по происхождению и по характеру аналогично чередованию в основах на -l- и в „регулярной" группе основ на -r-: -(ə)l/él-, -(ə)r/ér-, т. е. оно зависит от различия в месте ударения между именительно-винительным ед.ч. и остальными формами; при этом, однако, можно допустить потерю первичного типа чередования; сюда относятся ǰermn „лихорадка", koɫmn „сторона", sermn „семя", а также akn, -ankᶜ „драгоценный камень" (при akn, мн. ч. aǰᶜ-k „глаза" и akn, мн. ч. -unkᶜ „источник", причем типы -unkᶜ и -ankᶜ являются поздними образованиями по аналогии). Как видно из приведенных примеров, все слова, кроме akn, -ankᶜ, оканчиваются на суффикс -mn, восходящий к и.-е. *-men-/*-mn̥-. Ступень *-mn̥- выступала в инструментальном падеже: *-mn̥-bhi>*-man-b>-mamb (koɫmamb), *-mn̥-bhis>*-manbkᶜ>-mambkᶜ (koɫmambkᶜ), а также в местном мн.ч., форма которого в армянском совпала с винительным мн.ч. [ср. мест. мн.ч. i koɫmans и вин. мн.ч. koɫmans) при и.-е. мест. мн. ч. *-n̥-su и вин. мн. ч. *-(e)n-n̥s]. Выпадению *-n- перед *-s помешали, во-первых, наличие -n- во всей парадигме и, во-вторых, восприятие окончания -s в армянском как такового и вставка редуцированного гласного ə перед ним: форма koɫman-s произносилась koɫman-əs. Все слова рассматриваемой группы имеют индоевропейское происхождение, причем наряду с формами на -mn сохранились также формы без -mn как имена существительные, частично и как глагольные основы (об akn речь будет впереди): ǰermn „лихорадка" <*gu̯hermn̥ от *gu̯her- „горячий, теплый" при ǰer, -oy „теплота; теплый", ǰeɫnum „греюсь" (ср. греч. θέρμα „жара, теплота"); koɫmn<*gol-mn̥ от gol-? при koɫ „бок", koɫm „сторона" (ср. тох. B kälymiye „сторона")[70]; sermn< <*k'ermn̥ от *k'er- „расти; растить, питать" при ser „род, племя", serem „рожу, произвожу", serm „семя" (ср. лит. sėrmens, прус. sermen „поминки").

2. О чередовании n/an, представленном малочисленными примерами—словами, имеющими исход на -in и -un, можно делать лишь более или менее вероятные предположения. По-видимому, это чередование также обусловлено первичным характером ударения, которое падало на предпоследний гласный в им.-вин. ед. ч. и на последний гласный (на гласный основы) в остальных падежах. Однако отсутствие надежных параллелей делает это предположение лишь рабочей гипотезой: в свою очередь она предполагает наличие особого условия, допускающего хотя бы в некоторых косвенных формах, низшую ступень огласовки (*-n̥->арм. -an), —с дальнейшим обобщением. Реконструированные

различными учеными исходные формы не дают более или менее целостной картины.

Для anun «имя» одни исследователи восстанавливают тематическую основу *onomno-, чтобы объяснить переход *m в w перед n (Мейе), другие *-onōmn̥ или *onomn̥, чтобы объяснить наличие основы на -an (Гюбшман, Годель), при этом ссылаясь на греч. ὄνομα. В первом случае не объясняется основа на -an, во втором случае — наличие w в место *m. Вопрос станет ясным, если иметь в виду приведенное выше объяснение происхождения awr „день", род. awur из *āmōr-, *āmr-. Первичной формой anun является *onomn̥ (*onōmn̥?) с развитием *onoman> *anóman>anomn>*anown>anun и с распространением w на остальные формы: *anomán->*anowán->anuán.

Для jeĭun, род. jeĭuan „потолок; нёбо" восстанавливают праформу *g'helunā, сравнивая с греч. χελῦνη при χεῖλος „губа; край, берег" (ср. также герм. формы: др.-исл. giǫlnar „челюсть", швед. gäl, дат. gjoelle „жабры"). Дальнейшее развитие слова не совсем ясно. Если для формы jeĭuamb предположить основу *g'helu̯n̥- (*g'helu̯n̥bhi>>jeĭuamb), то следовало бы для им. п. соответственно восстановить атематическую основу на *-ŭn (? Ср., однако, *ōn в грет. χελώνη при χελύνη). Не исключена связь jeĭun с jol „шест" (ср. Pokorny, 1955, 103), который сравнивают с лит. žúolis от *g'hel- „резать?".

Наконец, stin, род. stean „(женская) грудь" возводится к *stēno- [ср. др.-инд. stána-, греч. στηνίον (Гез.)], при которой остается также необъясненной основа косвенных падежей stean.

Вопрос о jeĭun и stin можно было бы решить, допуская сохранение первичного ларингала *-ə- в косвенных падежах с обычным его переходом в a: *g'helu̯ən->jeĭuan, *steən->stean.

3. Чередования un/an и wn/an отражают и.-е. чередования *ōn/*ən, *on/*n̥, *ōm/*əm, *om/*m̥. Среди основ на -wn/an- следует выделить производные основы с суффиксами *-i-ōn>-iwn, *-ti-ōn>-tᶜiwn; оба эти суффикса были значительно продуктивными, причем -tᶜiwn в соединении с -u- (-utᶜiwn) является одним из самых продуктивных[41]. Имеются также параллельные образования на -(i)wn и -(i)mn: mrǰiwn и mrǰimn „муравей", gočᶜiwn и gočᶜumn „крик" и т.п., предполагающие переход *-men-/*-mon-/*-mn̥->*-mn. Рассмотрим три подгруппы, восходящие к первичным атематическим основам:

а. šun „собака"<*k'u̯ōn, инстр. šamb<*k'u̯m̥bhi (ср. греч. κύων, лит. suõ и др.); tun „дом"<*dom [при tanu-(tēr) „хозяин"<*dʰmu-], инстр. tamb<*dm̥bhi; ср. др.-инд. pátir dan „хозяин", греч. ἔν-δον „дома, в доме".

б. jiwn „снег"<*g'hiu̯ōm, род. jean<*g'hiu̯ənos (или *g'hiu̯ьnos?)[42], инстр. jeamb<*g'hiu̯m̥bhi (или *g'hiu̯əmbhi? Ср. греч. χίων, род. -όνος);

siwn „столб, колонна" <*k'iu̯ōn[43], род. *k'iu̯ənos (-ьnos?), инстр. *k'iu̯əmbhi (ср. греч. κιών, -όνος).

Петерсон восстанавливает для orkᶜiwn, род. orkᶜean „язва" праформу *orkiu̯ōno-, имея в виду лат. ricinus „клещ" [и.-е. *erek-, *eregh-,

откуда арм. o(r)ǰil „вошь"], однако сравнение сомнительно (ср. ЭС, 3², 589). Что касается ankiwn „угол" (<*ang- „сгибать"), ardiwn „результат, продукт" (*ɾt от *ar- „связывать, присоединять, прилаживать"), heriwn „шило" (<*per- „переходить, проходить; переводить, проводить"), то можно предположить первичные основы на *-i- с дальнейшим их переходом в основы на *-ŏn-, т. е. *-i-ŏn- (контаминация основ на *-i- и *ŏn-). Для *-i- ср. прасл. *jęčьmen- „ячмень" (от *ank- при *ang-), др.-инд. *ɾti- „вид, способ", греч. ἀρτι- „крепкий, здоровый" (*ar-); для *-ŏn- ср. греч. ἀγκών „(локтевой) сгиб; изгиб; край", др.-англ. onga (*ankon) „острие, жало" (*ank при *ang), греч. περόνη „булавка, шпилька, заколка" (*per-). Для ariwn, -ean „кровь" можно предположить контаминацию основ прямого п. на *-r и косв. на *-n- (и.-е. *esɾ-, род. *esnes; ср. хетт. ešhar, род. ešḫanaš) с добавлением -i- по аналогии (?). Основы *-r/n- в армянском часто представлены с подобной контаминацией; ср. garun „весна" от *ǥes-ɾ, род. *ǥesnes.

Для koriwn, -ean „львенок" О. Хаас (**Haas**, 1966, 249) восстанавливает праформу *gʷorebhn̥t-, сравнивая с фриг. κορβαντ „зародыш, дитя" (?), ст.-сл. *жребę* (русск. *жеребенок*)[44]. Если восстановление правильно, то часть основ на -i-wn/-e-an- может восходить к основам на *-n̥t-.

в. К основам на -(i)-mn (-u-mn)/-i-wn принадлежат mrǰiwn, -ean (mrǰimn, -man) и многочисленные имена действия звукоподражательного характера на -iwn и -umn, по всей вероятности, позднего образования. Табуированность форм, обозначающих муравья, и многочисленность их вариантов в армянских диалектах затрудняют восстановление точной праформы армянских основ от первичных *mor(ǫ)ī-, *meur- (*mōrį-? *murį-?).

4. Основы на -n с чередованиями (ə)n/un/an, (ə)n/in/an и (ə)n/un/in/an считаются наиболее „регулярными" типами, с которых начинают рассмотрение сонантных основ грамматисты древнеармянского языка. Если ко второму и третьему типам могут принадлежать только двусложные основы, кроме kaŕapᶜn, -in „голова; череп", то верхний порог количества слогов в основах первого типа неограничен: здесь встречаются, кроме двусложных, также трехсложные и даже четырехсложные основы. Этот тип является наиболее продуктивным, охватывающим также многие заимствования. Особенно продуктивны слова на -u-m(ə)n, род. -man, им. п. мн. ч. -munkᶜ, являющиеся именами действия. При этом слова, в им. п. мн. ч. имеющие основу на -in-, становясь вторым компонентом сложного слова, могут переходить в основу на -un-: anjn „личность, персона", мн. ч. anjinkᶜ при mianjn „монах, отшельник", мн.ч. mianjunkᶜ[45]. Здесь соотношение основ является примерно таким, как при гласных основах на -o-, которые в качестве вторых компонентов могут переходить в основы на -i/a- (особенно при обозначении композитой лица): gorc „дело", род. gorcoy, инстр.

gorcov при mecagorc „великолепный; творящий великие дела", род. mecagorci, инстр. mecagorcaw.

Если в рассматриваемых типах редуцированный гласный (ə) может отражать любую ступень огласовки качественного и количественного чередования и противопоставляться всем остальным гласным — в результате влияния ударения на армянской почве (безударность конечного слога в им.-вин. ед. ч. и ударность остальных форм), то чередования un/an, in/an, in/un/an отражают соответствующие ступени индоевропейских чередований в основах на *-n- (*on/*n̥, *ōn/*ən, *en/*n̥, *ēn/*ən, *en/*on/*n̥, *ēn/*ōn/*ən), как и в основах на *-m-, перешедших в армянском в конечной позиции в основы на -n. При этом: 1/-in-k^{c} и -un-k^{c} им. п. мн. ч. восходят к *-ĕn-es и *-ŏn-es (ср. греч. ποιμένες „пастухи", φρένες „мысли", ἄφρονες „безумные"), а также -ĕn-ā, *-ĕn-ə и *-ŏn-ā, *-ŏn-ə существительных среднего рода (ср.др.-инд. brā́hmāni „молитвы", гот. haírtona „сердца")—с дальнейшим распространением на них форманта мн.ч. -k^{c}; 2) -an и -in род. и дат. п. ед. ч. отражают: а) *-n̥-s, *-ən-e/os, *-ьn-e/os род. п., *-ən-ei, *-ьn-ei дат. п. и б) -ĕn-e/os род. п. и *-ĕn-(e)i дат. п. (ср. для -in греч. ποιμέν-ος, ποιμέν-ι, др.-инд. brahman-aḥ „молитвы"); при -an- можно допустить влияние также форм инстр. п.; 3) -amb и -ambk^{c} инстр. п. восходят к *-m̥-bhi, *-əm-bhi и *-m̥-bhis, *-əm-bhis инстр. п.

Основы на -un/an-, -in/an-, -in/un/an- восходят в первую очередь к корневым именам с исходом на *-m, *-n, *-m̥, *-n̥, а также к именам с суффиксами: а) *-en-/*-on- (этот суффикс выступает также в виде *-ēn-/*-ōn-, образуя слова от тематических основ: *-e- + *-en-, *-o- + *-on-) и б) *-men-/*-mon-/*-mn̥-. Однако древнеармянские основы на сонанты могут восходить и к тематическим основам на *-mo-, *-no-, *-meno-/*-mno-, которые с потерей тематического гласного перешли в основы на сонанты. Кроме того, состав древнеармянских основ на -n- расширился за счет смешения форм им. и вин. падежей, т.е. перехода форм вин. п. на *-m, *-m̥, (диал. *-n, *-n̥) в именительные. Встречаются и другие основы, подвергшиеся тем или другим необычным изменениям.

Среди рассматриваемых основ на -n- можно выделить две разновидности: 1) собственные основы на -(ə)n/un/an-, -(ə)n/in/an-, -(ə)n/in/un/an- и 2) основы на -m(ə)n/mun/man-.

Первая разновидность отражает индоевропейские атематические основы на *-n- и *-m-, частично и соответствующие тематические основы на *-no- и *-mo-. Еще в период и.-е. общности намечалось сосуществование обоих типов основ для одних и тех же слов—с семантической дифференциацией или без нее. Процесс тематизации атематических форм продолжался и в период отдельного существования и.-е. языков; наблюдался и обратный процесс—атематизация тематических, например, переход древних женских основ на *-os в основы на *-ā. Поэтому не случайно, что среди параллеле йармянских основ на -n- мы

находим как соответствующие атематические, так и тематические образования. В некоторых же случаях армянский стоит особняком, и иногда трудно определить, сохранил ли он древние и.-е. атематические основы или развил их самостоятельно в результате как выпадения окончаний в основах на *-no-, *-mo-, так и распространения окончания вин. п. *-m, *-m̥, (диал. *-n, *-n̥) на именительный.

Сначала рассмотрим основы на -n-, восхождение которых к и.-е. основам на *-n-, *-m- не вызывает сомнения, хотя иногда в других языках имеются и параллели с тематической основой: anjn, -in, -ink^{c} „личность, персона“ <*angh'en- (ср. др.-ск. angi „запах“, др.-швед. ange „пар“); aṙn, -in „дикий баран“ <*ǰsen- (ср. др.-инд. ǰṣabháḥ<*ǰsn̥-bho-s „бык“, ав., др.-перс. aršan „мужчина“, греч. гом. ἄρσην, атт. ἄρρην „мужской, мужчина“; сюда же ἀρνειός „баран“); eln, -in „олень“<*elen- (от *el-; ср. греч. ἔλαφος<*eln̥-bho-s, ст.-сл. *елень*, русск. *олень* и др.); gaṙn, -in „ягненок“ <*g̑hьrēn [ср. иран. *vārən- в *vārən-ǰar-, греч. гом. (F)αρήν]; oln, -in (позднее -an), -unk^{c} „спина, хребет; позвоночник, позвонок“ <*olēn-, род. *olenos (от *el- „гнуть“) при uln, -an, -unk^{c} „шея“ <*olēn- и aɫ-eln, -an „лук, дуга; радуга“ <*əl-ēlēn-? [ср. греч. ὠλήν, -ένος при ὠλένη „локтевая часть руки“, лат. ulna (*olinā), кимр. elin (*olīnā) „локоть“, гот. aleina (*olīnā), др.-в.-нем. elina „локтевая кость, локоть“ и др.]; p^{c}aycaln, -an „селезенка“ [p^{c}ayceln, -clan при диал. *p^{c}acayl(n) и *spayln]<? [и.-е. (s)p(h)elg'hen-, *spleng'h-, *splĕg'h-; и.-е. формы табуистически изменены; ср. др.-инд splīhán-, ав. spərəzan-, греч. σπλήν из *σπληγχ, лат. lien и др.].

Восхождение следующих слов к тематическим основам не вызывает сомнения: beṙn, -in, -ink^{c} „груз, бремя, ноша“ <*bher-no- (от *bher- „нести“; ср. греч. φέρνη „приданное“, а также алб. barrɛ<*bhor-no- „бремя, груз“); kuṙn, -an, -unk^{c}<*gurn̥os (от *geu- „гнуть, сгибать“; ср. лит. gurnas „лодыжка, пятка“); toṙn, -an, -unk^{c} „пест“ („деревянный“)<*doru-no- (от *doru- „дерево“; ср. др.-инд. dārun̥á- „твердый, крепкий“, drun̥a-m „дуга, меч, сабля“, dróṇam „корыто, деревяная бочка“, др.-ирл. dron „крепкий“ и др.); t^{c}ekn (<*t^{c}ēkn), род. t^{c}ikan, им. мн. ч. t^{c}ikunk^{c} „рука, плечо, спина“ <*tolg̑u-no- [от (*s)teig̑u-; ср. ст.-сл. *стьгно* „бедро“, русск. *стегно*];

Имеются случаи, когда при восстановлении праформ следует сделать выбор между тематическими и атематическими основами, и исследователи либо больше учитывают характер и значение армянского слова, чем данные других языков, либо затрудняются указать на первичный тип основы: erkn, -an, -unk^{c} „родовые муки, мука, боль“ <*ed-u̯ōn-? (от *ed „есть“; ср. греч. эол. ἔδυνα, атт. ὀδύνη „боль, мука“ при ὠδίς, -ῖνος „родовые муки“)[46]; t^{c}oṙn, -in, -amb, -unk^{c} „внук“ <*torno- или *torēn? (ср. др.-инд. tarn̥a- „детеныш, теленок“, лит. taṙnas „слуга“ при греч. τέρην „нежный“).

Следует особо сказать о нескольких семантических группах основ на -n-, в образовании которых большую роль сыграла аналогия: назва-

ния животных, растений, частей тела, времен года, некоторые имена числительные.

Названия животных по формальным признакам распадаются на три группы: а) основы с редупликацией; б) основы на -kn и в) другие основы.

К названиям животных с редупликацией относятся cicaĭn (ciceĭn), -cĭan, -unk^{c} „ласточка“ и t^{c}it^{c}eĭn, -t^{c}ĭan, -t^{c}ĭunk^{c} „бабочка“. Первое слово восходит к звукоподражательному корню *g′ar-, а для звукоподражательных корней редупликация является характерной, хотя в данном случае армянский не имеет параллелей; t^{c}it^{c}eĭ-n восходит к *pter- от *pet- „летать“, куда кроме t^{c}ĭč^{c}im „летаю“ возводятся также редупликативные образования t^{c}rt^{c}ĭem „иду подпрыгивая“, t^{c}it^{c}ĭem (t^{c}ĭtĭam) „подпрыгиваю, летаю“. Редупликация весьма распространена в названиях бабочки.

Редупликацией характеризуются также некоторые другие слова на -(ə)n/an/un-: aleĭn „лук; дуга; радуга“, приведенное выше, siseĭn „горох“, t^{c}it^{c}eln „металический лист, пластинка, тонкий пласт“. Из них второе слово сравнивают с макед. κίκερροι, лат. cicer „горох“, являющимися также редупликативными образованиями. Третье слово, по-видимому, восходит к *ptel- от *pet- „простирать“, откуда греч. πέταλον „лист металлическая пластинка“, др.-в.-нем. fedel-gold „листовое золото“[47].

Кроме aleĭn, все остальные, приведенные выше редупликативные основы образованы по одной и той же модели. Для cicaĭn восстанавливают праформу *g′oi-g′ăr-ŏn, для siseĭn — *k′oi-k′er-ŏn или *k′ei-k′er-ŏn. Соответственно для t^{c}it^{c}eĭn и t^{c}it^{c}eln можно было бы восстановить праформы *(p)toi-(p)ter-ŏn и *(p)toi-(p)tel-ŏn, если не предположить вторичное образование по известной модели.

К группе с элементом -kn относятся jukn „рыба“ и mukn „мышь“, первое из которых возводится к *g′h(d)ū- или *g′hi̯ū- [ср. греч. ἰχθύς, -ύος, лит. žuvìs, žuk-, прус. suckis (вин. мн. ч. suckans)], второе — к *mūs-. Элемент -kn обычно оставляют без объяснения. Лишь Г. Зольта (**Solta,** 1960, 319) указывает на то, что „гуттуральное расширение в jukn всецело напоминает прус. suckans, с которым, однако, следует объединить лит. žuklýs, žuklė „сеть, невод“, žuklauti „ловить рыбу“. Как увидим ниже при рассмотрении названий частей тела, для jukn, по всей вероятности, следует восстановить праформу на *-kon; -k- вместо ожидаемого -k^{c}- является результатом позиционного влияния -n (в древнеармянском нет слов на -k^{c}n, а только на -kn). -kn в mukn, по-видимому, является результатом воздействия, с одной стороны, jukn, с другой — mukn в значении „мышца“[48]. Наличие формы krunkn „журавль“ наряду с krunk (*gēron-g- или *g^{u}r-? от *ger- „хрипло кричать“) следует считать результатом аналогии.

Третью группу образуют названия животных без особых примет. Об основах на -(ə)n/in/an-: aĭn „дикий баран“ (*ḫsen-), gaĭn „ягненок“ (*ǧьgēn-), eln „олень“ (*elen-), восходящих к соответствую-

щим основам на -n-, мы говорили выше. К этим же основам относятся также ezn „вол, бык“ и xašn „стадо мелкого рогатого скота“. Происхождение xašn неизвестно. Ezn возводится к *eg'h-, побочной форме *ag'h-, куда относятся др.-инд. ahī „корова“, ср.-ирл. ag (основа на *-s-) „крупный рогатый скот, корова“ и др.; основа на -n- в армянском стоит особняком и, по-видимому, является новообразованием по аналогии. О происхождении koṙiwn „львенок“, mṙǰiwn „муравей“ и šun „собака“ также было сказано в связи с рассмотрением основ на -wn/an- и -un/an-. Большую группу образуют основы на -(ə)n/un/an-, охватывающие, кроме рассмотренных основ с редупликацией и слов на -kn, также и значительное количество неисконных существительных: bndeṙn (-iṙn, pᶜndeṙn) „жук-скарабей“, čpuṙn „кобылка, цикада“, ǰaylamn „страус“ (из семитского источника?)[49], ordn „червь“, šaṙawn „верблюд“, taṙeln „аист“[50].

Названия растений принадлежат к основам на -(ə)n/un/an-, т. е. к наиболее продуктивному типу основ на -n-. Кроме рассмотренного выше siseṙn „горох“, относящегося к редупликативным основам, следует указать на gaǰn „повилика“ (при geǰ), daǰn „мята“, eṙerd(n) „цикорий“, eṙēgn „тростник, камыш“, kaṙančᶜann „молочай“, kotim(n) (основа на -m(ə)n-?) „кресс, настурция“, nuṙn „гранат“, oloṙn „чина, горох“[51], oromn [основа на -m(ə)n-?] „плевел“, ospn „чечевица“, sunk(n) „гриб“, xolorǰn „вика“. Из этих слов исконно-индоевропейскими считаются gaǰn (наряду с geǰ), daǰn и, с некоторой оговоркой, sunk(n), для которых нет достоверных параллелей в образовании основ на -n-, Р. Ачарян (ЭС, 2², 505—506, 616) возводит gaǰn к *ǵel- „крутить, вертеть“, а daǰn к *dhăl- „цвести, зеленеть“, откуда арм. dalar „зелень; зеленый, молодой“, dalukn „желтуха“. Арм. sunkn, начиная с С. Бугге (KZ, 32, стр. 65), сравнивают с греч. σπόγγος (σφόγγος) „губка“ и лат. fungus „гриб“ (последнее считается заимствованием из греческого или из какого-то средиземноморского источника). Хотя Р. Ачарян (ЭС, 6, стр. 359) восстанавливает и.-е. праформу *spongos[52], однако более вероятно предположить не и.-е. источник, а заимствование из общего источника.

Слова на -(u)kn как в названиях животных, так и частей тела образуют специальную группу, причем происхождение -u- неясно: предполагается влияние формы mukn „мышца“. В эту группу, кроме mukn, входят также armukn „локоть“, krukn „пятка“. Из них arm- в armukn возводится к *arə-mo- „рука“ [от *ar(ə)- „прилаживать“; ср. ав. arəma-, гот. arms „рука“, лат. armus „предплечье“], k(u)r- в krukn- — к *gu-ro- (от *geu- „гнуть, сгибать“; ср. арм. kuṙn „спина“, лит. guṙnas „лодыжка; пятка“, латыш. gùrus „ляжка“)[53]. С этой группой связаны слова, относящиеся собственно к гетероклитическим сонантно-гласным основам, однако во вторичных значениях выступающие как основы на -(ə)n/un/an-: akn „исток“ при akn, мн. ч. ačᶜ-kᶜ „глаз“ и unkn „ушко“ при unkn, мн. ч. akanǰ-kᶜ „ухо“. В первичных своих значениях

формы мн. ч. этих слов отклоняются от общей модели формообразования как выражения двойственности. Таким же образом duɨn „дверь", кроме древней формы мн. ч. dur-k^{c}, имеет также новую форму по аналогии—drun-k^{c}. Из слов на -kn akn в первичном своем значении сравнивается с греч. ὄκκον „глаз", засвидетельствованным у Гезихия, хотя одновременно указывается и на древнюю гетероклитическую основу на *-n- в косвенных падежах. Образованные от него aregakn „солнце (*„глаз солнца, солнечный глаз"), p^{c}aylakn „молния (*„сверкающий глаз") склоняются по распространенному типу -(ə)n/un/an-. Для unkn восстанавливают праформу *us-on-ko-m (от *ōus-, *us-), имея в виду, с одной стороны, основу на *-n- в греч. гом. род. ед. ч. οὔατος (-α-< <*-n̥-) и гот. род. ед. ч. ausins (ср. **Solta,** 1960, 55). Как было показано Шпехтом (**Specht,** 1947, 174, 208), посредством *-n- и *-k/g- образованы многие названия частей тела в и.-е. языках. Суффикс *-k- засвидетельствован в ὠχίδες „серьги" у Гезихия (греческое или, может быть, фрак. или фриг. диалектное слово; ср. **Solta,** 1960, 55).

Кроме слов на -(u)kn, имеются и другие названия частей тела на -n. Часть из них была уже рассмотрена в связи с теми или иными формальными и генетическими особенностями: ariwn, -ean „кровь", kuɨn, -an „спина", oɨn, -in „спина, позвоночник, позвонок", p^{c}aycaɨn, -an „селезенка", stin, -ean „женская грудь", t^{c}ekn, -an „спина", uln, -an „шея". Здесь укажем на buɨn, -an „горсть", gagat^{c}n, -an „темя; вершина", elungn, -an „ноготь", kaɨap^{c}n, -in „череп, голова", koɨ(n), -in „ребро, бок, сторона", matn, -in „палец", šurt^{c}n, -an „губа", pčeɨn, -an „лодыжка; нога, нижняя часть ноги; копыто", ɨungn „нос, ноздря", tutn (и ttun, -oy) „конечность, хвост". Сюда же относятся также формы ед. ч. слова jeɨn „рука", otn „нога", принадлежащие к гетероклитическим основам. С некоторой оговоркой сюда же можно отнести слова, имеющие отношение к организму: кроме рассмотренного erkn „муки рождения", также elundn, -an „опухоль на теле", knčiɨn, -an „морщина" (а также „узел, узы"), k^{c}irtn, -an „пот", lorjn, -in „слизь, слюна, плевок, сопли". Часть рассматриваемых слов относится к основам на -m(ə)n-: atamn, -an „зуб", beɨmn „сперма", geɨmn, -an „руно, шерсть",

Несомненно, в основообразовании приведенных слов большую роль играла аналогия. Лишь в некоторых случаях можно говорить о носовом элементе основы, имеющем надежные параллели, в остальных случаях следует указать на преобразование существительных среднего рода на *-o-m, на переходе вин. п. в им. п. и вообще на преобразование основ по аналогии.

Из приведенных выше названий частей тела на -n несомненно исконно-индоевропейское происхождение лишь следующих слов: elungn „ноготь", и.-е. параллели которого значительно расходятся по форме, и для которого восстанавливают праформу либо *e-nungn> (с диссимиляцией) elungn (Мейе), либо *ongh-l-> (с метатезой)

*longh-$>$elung-n (Ачарян, Джаукян) при *ongh-, *nogh-, *ŋgh-, *noghli- (**Pok.**, 1, 780; для кельтских форм предполагается суффиксальная форма на -īnā: *ŋghu̯-īnā); tungn, мн. ч. -unk^c „нос, ноздря“, которое сравнивают с греч. ῥύγχος „морда, клюв“ (*srungho- или вместе с ῥέγχω „храплю, соплю, фыркаю“ к *srenk-: при начальном r-, необычном для армянского, допустима заимствованность арм. слова). Кроме них, возможно и.-е. происхождение kol(n) „ребро, бок, сторона“ при kolmn, -an, -ank^c „сторона“, которые А. Мейе (MSL, 17, 294) сравнивает с тох. A kälyme, B -iye „сторона“ и восстанавливает общую праформу *gol-[54], и tutn „конечность, хвост“, которое Г. Петерсон (**Petersson,** 100) сравнивает с н.-исл. toti „морда“, норв. диал. tota „выступ“, ср.-англ. tote „край, конец“ (герм. *tutan-) и восстанавливает праформу *dud- (арм. *dudon-?); однако в последнем случае более вероятно предположить, что мы имеем дело с детскими словами типа хетт. titita- „нос“ (с редупликацией). Слово matn, -in, -unk^c „палец“ сравнивают с кельтскими словами (др.-кимр. maut, ср.-брет. meut „большой палец“) и восстанавливают общую праформу *mat-; основа на -n- является армянским нововведением (здесь, как k^c при akn, t^c дезаспирируется перед -n).

Из других слов elundn „опухоль“ является древним образованием от el- в elanem „выходить“, k^{c}irtn „пот“ восходит к *su̯idrom [от *su̯eid- „потеть“; ср. греч. ἱδρώς, латыш. мн. ч. svîêdri, алб. dirsə, djersə (*su̯idrōt-); для греч. и арм. слов В. Пизани (**Pisani,** 1951, 52 и сл.) предполагает остатки гетероклитического склонения на *-r/n-].

В группе на -m(ə)n можно установить образования на *-men-/ *-mn̥-, обычно вторичного характера; в первичных основах иногда прослеживается *-n-: atamn „зуб“ от *odn̥t- (при *edont- от *ed- „есть“), belmn „сперма“ от *bhel- „раздувать, вздувать(ся); бить ключом, струиться“ [для -n- ср. герм. *bhel-n- в гесс. bille „penis“, *bhol-n- в др.-англ. bealluc „(семенное) яичко“], gelmn „руно, шерсть“ от *u̯el- „волосы, шерсть“ откуда *u̯l̥-nā „шерсть“.

Из названий времен года jmeln, -ran „зима“ (при jiwn „снег“$<$ $<$*g'hi̯ōm) обычно возводится к прилагательному *g'himerinos „зимний“ [при *g'heim(e)rinos; ср. греч. χειμερινός, лат. hibernus]. Соответствующее amaln „лето“ (при am „год“$<$*sьmā) не имеет параллелей в образовании основы в других языках, и следует предположить влияние jmeln; для amaln обычно восстанавливают праформу *sьmьrom (для *-r- ср. др.-в.-нем. sumar, др.-англ. sumor „лето“). Два других названий времен года: garun, -an „весна“ и ašun, -an „осень“ относятся к гетероклитическим основам, именительный и винительный ед. ч. и мн. ч. которых имеют формы, характерные для гласных основ, остальные падежи—основы на сонанты. Первое из них возводится к основе на *-r/n-: *u̯esr̥, род. *u̯es-n-es, причем -un является суффиксом, возникшим частично под влиянием ašun, частично в результате одновременного сочетания в одной основе двух компонентов гетероклитических форм (ЭС, 1^2, 524; **Solta,** 1960, 140). Парадигма же склоне-

ния, как и у ašun, образовалась под влиянием jmeɫn, -ran и amaɫn, -ran. Здесь затруднение вызывает допущение перехода *u̯esɾ- в *gar-; обычно предполагается *u̯esɾ-><*gehar->gar-, но возможность перехода *gehar- в gar- не может быть доказана (наличие -a- вместо ожидаемого *-ea-><*-e-). Здесь, как и при возведении ar-iwn „кровь" к *esɾ-, по-видимому, следует предположить редуцированный гласный: *u̯ьs-ɾ-><*gahar>gar-.

Что касается ašun, то его обычно сравнивают с германско-балтийско-славянскими формами (ср. гот. asans „лето, жатва", др.-в.-нем. aran „жатва", прус. assanis „осень", ст.-сл. *есень*, русск. *осень*), для которых восстанавливают праформы *es-en-, *os-en-, *os-er- (**Pokorny**, 1, 343). Однако восстановление точной праформы для армянского вызывает сомнение: следует, по-видимому, предположить вторичное образование на *-skh-: *-skh-on[55], если, конечно, ašun не относится к побочному и.-е. слою в армянском языке и не является вкладом какого-то другого и.-е. языка, как предполагалось в наших „Очерках..." (**Джаукян**, 1967, 255).

Из числительных ewtᶜn, -an „семь", tasn, -in, -unkᶜ „десять", inn, -an, -unkᶜ (поздн.) „девять" имеют основу на -n и склоняются как основы -(ə)n/in/un- и -(ə)n/an/un-, хотя inn может иметь в косвенных падежах также основы на -i- и -u-, т. е. выступать как гетероклитическая основа. Основы этих числительных отражают соответствующие и.-е. формы на *-m̥, *-n̥: *septm̥, *dьk'm̥, *enu̯n̥, а их склонение явно вторично, образованное по аналогии (эти и.-е. числительные не склонялись).

Основы на -m(ə)n- (-m(ə)n/mun-/man-) распадаются на две группы: 1) конкретные имена существительные и 2) абстрактные имена существительные (имена действия). О некоторых существительных из первой группы было сказано выше; сюда относятся в первую очередь названия частей тела, животных, растений: atamn „зуб", beɫmn „сперма", geɫmn „руно, шерсть", ǰaylamn „страус", mrǰimn (при mrǰiwn) „муравей", kotimn (при kotim, kotem) „кресс, настурция", oromn „плевел". Было установлено, что часть из них (atamn, beɫmn, geɫmn, mrǰimn) исконно-индоевропейского происхождения, но основа на -m(ə)n- является армянской инновацией, другая часть (названия растений и животных ǰaylamn, kotimn, oromn)—неиндоевропейского происхождения. Во всех этих случаях условия возникновения основ на -m(ə)n- не совсем ясны, кроме, может быть, ǰaylamn. К основам на -m(ə)n- относятся также dahamn „дар, подарок", eɫeamn „иней", himn „основа, основание". Из них только himn имеет явную параллель в хетт. šamana- „краеугольный камень; основа, фундамент", на основании которого для армянского можно восстановить основу на *-men-/*-mn̥-. О sermn, -an, -ankᶜ „семя" было сказано в связи с рассмотрением основ на -(ə)n/an- (от *k'er-men-, *-ьn-es?). Не зная происхождения арм. kamn „молотильная доска", невозможно установить принадлежность

-m- к корню или к суффиксу[56]. О возможной связи арм. kolmn, -an, -ankᶜ с тох. A kälyme, B -lye „сторона" уже было сказано.

Из имен действия лишь некоторые являются исконными; ср. ǰermn, -an, -ankᶜ „лихорадка" (при ǰer „теплота", ǰerm, -oy „теплый, теплота" от *gu̯her-; ср. греч. θέρμα, -ατος „жара, теплота" при θέρος „лето", θερμος „теплый). Среди широко распространенных имен действия на -u-mn лишь в редких случаях можно найти первичную основу на -u-, как erdumn „клятва" при erd-n-um (*erdu-n-um), аор. erdu-ay „клянусь". В остальных случаях налицо распространение -u- по аналогии, причем оно сначала играло роль упразднителя необычного для армянского стечения согласных при образовании имен действия от глаголов; ср. ǰer-mn, ser-mn, kolmn при arbumn „попойка, пьянство, опьянение", bekumn „разлом", hnčᶜumn „звук, звучание" и др.

Гетероклитические основы на сонанты и гласные

Общая характеристика. Гетероклитические сонантно-гласные основы в подавляющем большинстве исконно-индоевропейского происхождения. Среди них можно выделить два хронологических пласта. Одни отражают наиболее архаичные особенности индоевропейского склонения, другие основы являются инновациями—результатом выпадения конечного элемента основы в «прямых» падежных формах или преобразования прежних основ по аналогии. В отдельных основах причудливо сочетаются архаизмы и инновации. О некоторых из них мы говорили в связи с рассмотрением отдельных групп основ на сонанты, в частности, названий частей тела и времен года, имен числительных с основами на -n-.

Если оставить в стороне числительное inn, наряду с формами на -n- имеющее поздние формы на -i-: ənniw, ənnicᶜ и т. п., то остальные гетероклитические сонанто-гласные основы распадаются на имена существительные и прилагательные. Прилагательные образуют морфологически характерную группу основ с чередованием сонантов r/n. Существительные как морфологически, так и семантически не единообразны. Среди них следует отметить в первую очередь слова, формы множественного числа которых обычно выражают двойственность, т. е. парные предметы, в частности, парные части тела. Кроме того, имеются узкие группы названий лиц. Остальные имена существительные с гетероклитической основой не образуют семантически единой группы.

Основы с двойным историческим чередованием. В отношении чередующихся элементов можно выделить два типа: 1) слова с двойным историческим (не зависящим от ударения) чередованием морфологических компонентов: корневой части и собственно основообразующего элемента; 2) слова с чередованием только основообразующих элементов.

К словам с двойным чередованием относятся kin „жена, женщина“ (и ti-kin „госпожа“), ayr „муж, мужчина“ (и tēr<*ti-ayr „господин, хозяин“), giwł (gewł) „село, деревня“, а также akn „глаз“ и, может быть, unkn „ухо“.

Двойное чередование в слове kin и образованном от него tikin относится к индоевропейской эпохе. Еще в и.-е. эпоху корень *gᵘen выступал в разновидностях *gᵘen-/*gᵘēn-/*gᵘьn- или *gᵘn- (ср. **Мейе**, 1938, 327). Таким образом, им. ед. ч. kin восходит к *gᵘen- (ср. др.-ирл. ben, прус. genna, русск. *жена*), kan- в им. мн. ч. kan-a-yk^{c} —к *gᵘьn- (ср. греч. атт. γυναῖκες, беот. βαν-). Чередование же kin/k(ə)n- является армянской инновацией—результатом ослабления гласного i в предударной позиции. Что касается чередования основообразующих элементов -o- (в род. и дат. п. ед. ч. kn-o-ǰ), -a- [в инстр. п. kn-a-w(k^{c}) и род. и дат. мн. ч. kan-a-c^{c} при kan-an-c^{c}, инстр. п. kan-am-b(k^{c})], -ay- (в им. п. мн. ч. kan-ay-k^{c} и вин. п. мн. ч. kan-ay-s), то из них -a- отражает формант *-ā- женского рода, -ay- имеет параллель в греческом (kan-ay-k^{c}: γυν-αῖ-κες)[57], а -o- не имеет удовлетворительного объяснения; А. Мейе (**Meillet**, 1936², 84) считает последний результатом влияния основ на -o-, однако возможно, что здесь налицо архаичное явление—реликт древних женских основ на *-o-, как nu, -oy „сноха, невестка“ (Ջահուկյան, 1959, 183)[58]. Формы с основой на -an-: kanan c^{c}, kanamb(k^{c}) следует считать результатом влияния форм склонения ayr „муж, мужчина“: aranc^{c}, aramb(-k^{c}). Склонение слова ałaxin „служанка“, происхождение которого неясно, аналогично склонению tikin „госпожа“.

В склонении ayr выступает чередование ay/a в корне: им.-вин. п. ед. ч. -ayr, остальные падежные формы— -ar-. Соответственно tēr (*ti-ayr) имеет чередование ē(<i-ay)/ea(<*i-a), причем ea в предударной позиции переходит в e. Одновременно нулевому основообразующему элементу им.-вин. п. ед. и мн. ч. (ayr, ar-k^{c}) противопоставляются -n- род.-дат.-отл. ед. ч. и -an- остальных падежей: -∅/n/an-. Исконно-индоевропейское происхождение этого слова не вызывает сомнения, но имеются разногласия при определении конкретного источника: Г. Гюбшман (**Hübschmann**, 1, 1895, 418) возводит к тому же источнику, что и aɾn „дикий баран“, причем им. п. выводит из род. п. *ɾsnos (!); С. Бугге (**Bugge**, 1890, 53) и А. Мейе (**Meillet**, 1936², 55, MSL, 9, 151 и 11, 18) возводят к *aner- „муж, мужчина“ (с эпентезой y и выпадением n); Э. С. Манн (**Mann**, 1963, 135) возводит к *arįo- „господин“. Во всех этих объяснениях имеется изъян и, по-видимому, следует предположить контаминацию основ — гетероклитическое происхождение; ayr, возможно, восходит к *anr-įo- с контаминацией с *arįo- [для перехода *-rį-><-yr- ср. *alįos>ayl „другой“, *ųɾįi- (от *ųer-)>gayt „ил, тина, грязь, болото; блевотина“; для выпадения -n- перед -r- ср. *antrįo->ayr „пещера“ при *antrom>греч. ἄντρον], род. aɾn- к *anros>*arnos (если не предположить основу косвенного падежа на *-r-, как предполагает Ц. Арутюнян). В формировании форм

им. п. ед. ч. ayr и мн. ч. arkᶜ могло играть роль также влияние форм им. п. ед. ч. hayr „отец", mayr „мать", elbayr „брат" и мн. ч. harkᶜ, markᶜ, elbarkᶜ (ср. Աճառեան, 1959, 184).

Происхождение giwł (gewł) неизвестно[59]. В корне происходит чередование ew (iw)/e, причем наличие e в род.-дат. geł-ǰ следует объяснить как переход *ewe в e: *geweł̆->geł̆, как *albewer>alber от albiwr (albewr) „родник". При этом формы на сонантную основу аналогичны формам на -ł, формы на -i (giwł-i-w, giwł-i-cᶜ) являются инновациями по аналогии.

В akn мн. ч. ačᶜ-k „глаз" происходит чередование согласных k/čᶜ, обусловленное влиянием гласных: в отличие от akn (из *okᵾkᵾon?) в ačᶜ- из *okᵾ̆ под влиянием последующего окончания дв. ч. *-ī происходит палатализация *-k с последующим его переходом в -čᶜ [ср. греч. ὄσσε (*okᵾje), ст.-сл. *очи* при *око*] и добавлением -kᶜ мн. ч. При этом в ед. ч. обобщается основа с -k-, в мн. ч. — основа с -čᶜ-, при этом в ед. ч. сохраняется основа на -n (akn, akan, akamb), в мн. ч. — основа на -a-: ačᶜ-a-cᶜ, acᶜ-a-wkᶜ, т. е. вторично выступает основообразущий элемент -a- по аналогии.

Как форме ед. ч. akn соответствует форма мн. ч. ačᶜ-kᶜ, так и unkn (-an, -amb) „ухо" соответствует форма akanǰ-kᶜ (-acᶜ, -a-wkᶜ). Однако происхождение формы akanǰ-kᶜ неясно; если она восходит к тому же корню, к которой восходит unkn, то следует предположить влияние ačᶜ-kᶜ, хотя у нас пока нет возможности реконструировать первичную форму; если же она не восходит к одному и тому же корню, что и unknᶜ[60], то можно говорить не о чередовании, а о супплетивном сочетании форм ед. и мн. ч.

Основы со значением двойств. числа форм мн. ч. Из основ с чередованием только основообразующего элемента следует выделить прежде всего jeťn, -in, -acᶜ „рука", otn, -in, -icᶜ „нога", cunr (и cung, поздн. cungn), мн. ч. cung-kᶜ, -acᶜ „колено" и duťn, -ran, -racᶜ (и drancᶜ) „дверь", формы мн. ч. которых, наряду с akn, -an, ačᶜacᶜ „глаз" и unkn, -an, akanǰacᶜ имеют фактически значение двойственного числа, хотя формы мн. ч. без -kᶜ не всегда формально восходят к прежним формам двойственного числа, а формы единственного, характеризующиеся конечным -n, не всегда восходят к основам на -n.

Хотя ван Виндекенс (**Windekens**, 1951, 207 и сл.; ср. **Solta**, 1960, 317) указывал на формы дв. ч. на -n- в тохарском (A tsarāṃ, B ṣarne), однако едва ли арм. форму ед. ч. jeťn „рука" можно сравнить с тох. формами дв. ч. Следует согласиться с А. Мейе (**Meillet**, 1936², 83) и другими исследователями, возводящими jeťn к форме вин. п. ед. ч *g'ʰesr-m̥ [ср. греч. χεῖρα при χείρ, -ος при тох. A tsar, B ṣar, алб. dorë (*g'ēra), хетт. keššar-]. Следует иметь в виду и наличие формы инстр. п.ед. ч. без -n-: jerb в jerbakalel „схватывать". По-видимому, к форме вин. п. ед. ч. *pod-m̥ восходит также otn „нога" (ср. греч. πόδα при им. п. πώς, атт. πούς, род. ποδός). Форма ед. ч. duťn „дверь" также считается самостоятельным новообразованием армянского языка[61]; как

известно, и.-е. форма на *-r имела сама по себе значение двойственного числа (duale tantum) и лишь затем были образованы формы на *-o- и *-ā- с собирательным значением. Форму мн. ч. dur-k^{c} сравнивают с лат. forēs „двери“ (так и ot-k^{c}<*podes), хотя для форм drac^{c}, drawk^{c} можно указать на греч. основу -ā- (дв. ч. θύρα при мн. ч. θύραι). Во всех остальных случаях основы косвенных падежей на -a- вышеприведенных слов следует считать результатом распространения первичного *-ā- с собирательным значением, независимо от того, можно ли в формах им. п. без -k^{c} обнаружить остатки первичных форм дв. ч. или нет.

Несклоняемая форма ед.ч. cunr (наряду с cung/k, cung/kn) относится к основам на *-u- с добавлением архаичного форманта среднего рода *-r к форме прямого (им.) п. (*g'onu-r; ср. греч. γόνυ); форму мн. ч. cung-k^{c} А. Мейе (**Meillet**, 1936^{2}, 84) считает продолжением формы дв. ч. *g'onu̯ī (+k^{c}), однако Г. Зольта (**Solta**, 1960, 166, прим. 29) оспаривает это мнение, считая *-g->-k распространителем, так же, как и в других названиях частей тела. Что же касается форм ед.ч. cung/k и cungn, то следует либо их считать вторичными образованиями от формы мн. ч., либо допустить параллельное существование с самого начала cunr и cunk—с функциональной дифференциацией.

Основы на -r в им. п. ед. ч. Как cunr, древнюю основу на *-u- (частично на *-ō-?) имеют и некоторые существительные и прилагательные; при этом многие существительные характеризуются неполной парадигмой, в которой -(ə)r (<*-u-r) им.-вин. п. ед. ч. противопоставляется основообразующему элементу -u- (в одном случае— -u/ua-) остальнык падежей, а прилагательные имеют полную парадигму с характерным для них чередованием r/n (в одном случае—с дополнительным чередованием гласного -u- с -a-). Все существительные этого типа и большинство прилагательных исконно-индоевропейского происхождения, причем как основы на -u-, так и чередование на -r/n- имеют надежные параллели.

Существительными рассматриваемого типа на -(ə)r в им. п. ед. ч. являются, кроме cunr, также asr, род. asu „шерсть“, cal̥r, род. cal̥u „смех, насмешка“, mel̥r, род. mel̥u „мед“ (singularia tantum) и artawsr (только формы им.-вин. п., как при cunr), мн. ч. artasuk^{c}, -uac^{c} „слезы“. Из них asr восходит к *pok'u- (или *p'ьku-?) при *pek'u- с контаминацией с *pok'o-s (ср. др.-инд. paśu-, лат. pecū, др.-в. нем. fihu „скот“ при греч. πόκος „шерсть, руно“); cal̥r—к *g'ьlu- при *g'elo- [ср. греч. γέλως „смех, насмешка“; ср. также арм. cicał „смех“ (при cicałim „смеюсь“) <*g'oi-gl̥-]; mel̥r—к *mel̥u- от *melit при *medhu- (контаминация); artasu-(k^{c}) — к *drak'u- от *drak'ru-<*dak'ru- (ср. греч. δάκρυ), причем форма им. п. ед. ч. восходит к той же форме с добавочной -r и эпентезой -w- (для -w ср. mawt „близко“ при mat-ĕ^{c}-im „подхожу“).

Прилагательными рассматриваемого типа на -(ə)r в им. п. ед. ч. являются: a) barjr, род. ед. ч. -ju, им. мн. ч. -juns, род. дат. мн. ч.

-janc^{c} „высокий“ и б) anawsr, -su, -sunc^{c} „неплотный, редкий, жидкий“, canr „тяжелый“, karcr „твердый, жесткий, жестокий“, k^{c}aɫc^{c}r „сладкий“, manr „мелкий, тонкий“, p^{c}ok^{c}r „маленький“. Падежные формы barjr образовались, по-видимому, с контаминацией двух основ: основы на -u- (*bhrg'hu-; ср. хетт. parku-š) и на -nt- (ср. др.-инд. bṛhant-, ав. bərəzant-) при -berj (barjraberj)<*bherg'h- и baɫnam „гружу, погружаю“<*bhrg'h-nā-mi. Из прилагательных второй группы установлено исконно-индоевропейское происхождение karcr, k^{c}aɫc^{c}r, manr и p^{c}ok^{c}r(?), причем первичную основу на -u- можно восстановить для manr, восходящего к *manu-r [ср. греч. атаман. μανυ (Гез.), др.-ирл. menb, а также арм. manu-k „мальчик“] и для k^{c}aɫcr, восходящего, по-видимому, к *suād- (ср. др.-инд. svādú-) при *dḷku- (ср. греч. γλυκύς) и *saldu- (ср. лит. saldùs, ст.-сл. *сладъкъ*). Karcr восходит к *gar(ə)g'-, среди континуатов которого нет слов с основой на -u- [ср. греч. γοργός „страшный, грозный“, ст.-ирл. garg(g) „грубый, суровый, дикий“, русск. *грозный*]. Р. Ачарян (ЭС, 4^{2}, 530) сравнивает pok^{c}r с лат. paucus „малый, небольшой“, др.-в.-нем. foh „мало“, восходящим к *pōu-/*pəu-/*pu- с суффиксом *-ko-, и для арм. восстанавливает *phokuиз *phuku- (для *ph- указывает на греч. φαῦλος „ничтожный“, основываясь на **Ernou—Meillet;** см. 1959^{4}, 707). При правильности этимологии последних двух слов следует констатировать специфичный характер армянских основ.

Среди основ на -r в им. п. ед. ч. специальную группу образуют корневые основы на -ur: ǰur „вода“ и hur „огонь“. Наряду с основой на -o- часто встречаются также формы инстр. п. ед. ч. ǰurb, hurb, род.-дат. мн. ч. ǰurc^{c}, инстр. мн. ч. ǰurbk^{c}, напоминающие формы awr „день“, инстр. п awurb(k^{c}), род.-дат. мн.ч. awurc^{c}. Для ǰur восстанавливают основу на *ǰuro- от *ǰer-, *ūr- (для основы с начальным *ǰ- ср. лит. júra „море“, фрак. назв. реки Iuras). При правильности данной этимологии формы ǰurb(k^{c}), ǰurc^{c} следует считать новообразованиями по аналогии. Hur восходит к гетероклитической основе на *-r/n-: *pur/n-, причем армянский обобщил основу на -r (как, например, греческий: πῦρ, род. πυρός), сохранив при этом также основу на -n- в hn-oc^{c} (*hun-oc^{c}) „горн, печь“. Для армянского обычно восстанавливают основу на *-o-. Однако возможно реликтовое сохранение формы инстр. п., если не допустить здесь инновацию по аналогии. Не исключено, что hur относится к основам, от которых началось распространение подвижного ударения на основу в им. п. (*púr) и на окончания в косвенных падежах (*purós; ср. греч. πυρός).

Слова с дополнительным основообразующим элементом, содержащим конечный -n. Имеется значительное количество слов, обычно относимых к основам на -n-, но в действительности являющихся сочетаниями двух типов основ: к словам с формами, характерными для гласных основ, добавляются основообразующие элементы с конечным -n: -an-, -ean-, -uan-, -un/an-. Иначе говоря, вместо ожидаемых регулярных форм основ на гласные, иногда и наряду с ними, выступают фор-

мы, имеющие дополнительные основообразующие элементы, характерные для основ на сонанты, как бы внося нерегулярность в парадигму склонения.

Рассматриваемые слова можно разделить на три группы: 1) слова, характеризующиеся гласной основой в единственном и сонантной основой во множественном числе: erēcᶜ, -u, -unkᶜ, -ancᶜ „старший; пресвитер", kᶜar, -i, -inkᶜ, -ancᶜ „камень", paṙaw, -oy(?), -unkᶜ, -ancᶜ „старуха", а также čiran, -i, -kᶜ, -acᶜ и -unkᶜ, -ancᶜ „коготь", mkan -i, -kᶜ, -acᶜ и -unkᶜ, -ancᶜ „мышца" и др.; 2) слова, характеризующиеся гласной основой в им.-вин. п. ед. ч. и сонантной основой в остальных падежах: а) слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами -(u)k, -ik: ałǰ-ik (от ałiǰ), -an, -unkᶜ, -ancᶜ „девушка, девочка", caṙik„ цветок", manuk „ребенок" (при manr, -u „мелкий") и др.; б) собирательная форма слова mard „человек": mardik, -an, -amb(kᶜ), часто заменяющая собственную форму мн. ч. mard-kᶜ, -ocᶜ; в) слово mah, -uan, -unkᶜ, -ancᶜ, наряду с -u, -kᶜ, -ucᶜ „смерть"; г) многие слова, потерявшие -n в им.-вин. п. ед. ч. и сохранившие его в остальных падежах (при этом иногда сохраняются полные парадигмы как для основ на -n-, так и для основ без -n-; выпадение -n чаще в более поздний период развития древнеармянского языка)[62]; 3) слова, характеризующиеся гласной основой в им.-вин. п. ед. и мн. ч. и сонантной основой в остальных падежах: а) слова на суффиксы -il (tesil, -ean, -kᶜ, -eancᶜ „вид, зрелище, явление; видение, привидение"), -ist (hangist -i и -ean „отдых, покой"), -ust (galust, -i и -ean „прибытие", так же korust „потеря", pᶜaxust „бегство", tᶜakᶜust, „укрытие"), -und (cnund, -oy и -ean „рождение"), -urd (žołovurd, -oy и -ean „народ"), б) названия времен года, рассмотренные выше: ašun, -an, -kᶜ, -ancᶜ „осень", garun „весна", в) слово tiw, tu(ə)nǰean, tiwkᶜ „день".

Формы мн. ч. первой группы слов, несомненно, вторичны, образованные после того, как -unkᶜ и -inkᶜ стали осознаваться в качестве самостоятельных формантов собирательного значения. Из слов, входящих в эту группу, erēcᶜ возводят к *preisk′u-, имея в виду греч. πρεσβύς „старый, старший, почтенный" и лат. prīscus „старинный, древний", однако греч. слово предполагает первичный *-gu̯- (**Solta,** 1960, 417—418; **Frisk**, 2, 19, 593), а лат. слово восходит к *preis-ko-s, и, таким образ арм. слово не имеет по основообразованию достоверных параллелей. Слово mkan, будучи и.-е. происхождения, также не имеет по основообразованию достоверных параллелей. И.-е. происхождение kᶜar вызывает сомнение; Р. Ачарян (ЭС, 4², 558—559) возводит к *kar- „твердый", однако возможно возведение также к *(s)ker- „резать" (ср. **Pokorny,** 1, 531—532), если оно не является заимствованием. Paṙaw является заимствованием из иранского источника (*pārāv) и -unkᶜ явно вторично. Происхождение čiran „коготь" неизвестно.

Для большинства слов второй и третьей групп можно сделать три предположения: 1) первичной является сонантная основа—с дальнейшим выпадением -n в им.-вин. п.; 2) напротив, первичной является глас-

ная основа, а формы остальнех падежей образовались по аналогии или в результате употребления прилагательных на -n- в качестве родительного падежа (genetivus possessivus), как в славянских и тохарских языках; ср. тох. В perne poisiññe „блеск Будды" (**Краузе**, „Тохарские языки", 60—61); 3) сохранилось архаичное противопоставление прямого и косвенных падежей—первого без -n и второго на -n-; ср. хетт. ḫaraš, род. ḫaran-aš, тох. А käṣṣi „учитель", косв. п. käṣṣiṃ, аллатив käṣṣinac, комит. käṣṣinaśś и др. (**Иванов**, „Тохарские языки", 24—25).

Точнее было бы в каждом отдельном случае установить один из возможных путей. Так, известно, что слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами -ik, -ak, -uk в большинстве случаев относятся к гласному склонению -i/a-; для слов же, имеющих рассматриваемый тип склонения, можно предположить *-k-ŏn (ср. akn, unkn и др.), род. *-ənos или *-ьnos, т. е. manuk<*manukn<*manu-k-ŏn, род. mankan<<*manuk-ən-os (*-ьn-os?). Хотя -u- в manuk принадлежит к основе, но в древнеармянском -uk явно осознавался как самостоятельный суффикс. Склонение собирательной формы mardik „люди" (от mard, -oy<*mr̥-to-) по этому же типу является результатом аналогии. Слово caṙik „цветок" возводят к корню *g'el- „светлый, светло сиять, быть веселым, смеяться", откуда caṙr, -u, cicaṙ „смех". .

Для слов второй группы, имеющих в косвенных падежах основу на -ean, иногда наряду с основой на гласный, можно предположить форму прилагательного в роли родительного падежа (ср. arewmt-ean „западный" от arewmut-k^{c} „запад", serk-ean „сегодняшний" от serk „сегодня" и др.). Менее вероятно предположить сохранение древней основы -i- в образованиях на -st (*-sti-; ср. хетт. -asti, русск. *-ость*) и -und (*-onti-?) и добавление основообразующего элемента -an в косвенных падежах, хотя для подтверждения этого мнения у нас имеется пример: mah „смерть" (*mr̥tu-, через иранский источник—северный диалект с переходом *rt>rh>h)[63] наряду с формой род. п. mah-u имеет также форму mah-u-an. Функционирование прилагательного в качестве род. п. особенно явно прослеживается в формах косвенных падежей tiw „день": tu-(ə)n-ǰean, -enē, -eamb; tiw восходит к *diu̯- от *dei- „сиять", хотя для tu(ə)n-ǰ- можно предположить основу на *-n-(*diu̯-en-) с распространением, но -ean имеет явно вторичный характер. По-видимому, под влиянием tu(ə)nǰean появились формы mštnǰean от mišt „всегда" (<иран.?), vaṙnǰean от vaṙ „рано" (<?)[64].

Об образовании склонения ašun „осень" и garun „весна" по аналогии с jmeṙn „зима" и amaṙn „лето" мы говорили в связи с рассмотрением основ на -n-.

Большинство корней с вышеприведенными суффикасами исконно-индоевропейского происхождения, причем для слов на -st, -und, -il сохранились соответствующие глаголы: tes-il при tes-an-em „вижу" (<*derk'- при *spek'-), hangist при hang-č-im „отдыхаю" (*kʷeiə-, *kʷī-) и т. п.

Основы на гласные

Типы гласных основ. Среди гласных основ на «чистый» -a- нет слов исконно-индоевропейского происхождения, т. е. основы на «чистый» -a- не восходят к соответствующим и.-е. основам; здесь -a- либо отражает гласный исход слов, заимствованных армянским, либо появился в результате действия аналогии: как известно, к основам на «чистый» -a- относятся главным образом собственные имена (личные имена и географические названия), а также этнические названия. При этом в одних словах -a- сохраняется во всей парадигме (ср. Anna, род.-дат. Annay), в других, как в остальных типах гласных основ, отсутствует в им.-вин. п.; при этом в именах греческого происхождения в им.-вин. сохраняются греческие окончания -os, -ēs и т. п. (ср. личные имена Homeros, -ray, Akʿillēs, -lleay и др.), а в древних иранских заимствованиях также, как в исконно-индоевропейских словах, -a- основы выпадает (ср. личные имена Aršak, -ay <Aršaka, Anahit, -ay<Anāhita и др.),

Остальные основы как на «чистые» гласные, так и с чередованием гласных образовались на базе соответствующих и.-е. основ, хотя не всегда имеются прямые свидетельства. Процессы аналогии и многочисленные заимствования привели к тому, что большинство слов грабара склоняется по типам -i- и -i/a-, причем в дальнейшем многие основы на -o- и -u- переходят в основы на -i-, и в современном восточноармянском литературном языке -i в род.-дат. п. становится преобладающим; при этом в силу процессов переразложения и опрощения -i осознается как окончание, а не как основообразующий гласный.

Рассмотрим сначала основы на „чистые" гласные -i-, -u-, -o-, затем основы на -i/a-, -o/a-.

Основы на -i-. Древнеармянские основы на -i- восходят главным образом к и.-е. атематическим основам на *-i-, *-ī-. Кроме собственных основ на *-i-, характерных для имен среднего рода и смешавшихся с основами на *-ei/oi-, сюда относятся также основы на *-ti-, *-ni- [в том числе, *-s-ti-, *-eu-ti-(?), *-au-ti-(?)], образующие абстрактные существительные, в частности, имена действия, а также имена на *-ri-.

Количество основ на -i, восходящих к и.-е. основам на *-i- (*-ī-), значительно. Сюда относятся: ał „соль" <*sali- (от *sal-; ср. ст.-сл. *соль*, тох. B sālyi-) при alt, -i „соль" (*sald-); awj „змея" <*aug'hi-<*angu̯hi- (ср. лат. anguis, лит. angis, прус. angis); ayc „коза"< *aig'i- (ср. греч. αιγι- в сложениях, фрак. Αἰζιχή — назв. мест., дак. Αἰζισίς — назв. мест.); iž „гадюка"<*ēgu̯hi- (ср. др.-инд. áhi-, ав. azi-, греч. ὄφις „змея" при ἔχις „гадюка"); orj (-i, -icʿ засвидетельствованы в поздний период) „самец" <*org'hi- при orji- (в mi-orji, am-orji-kʿ) „яичко" <*org'hi̯o- (для -i- ср. ав. ərəzi- „мошонка", греч. ὄρχις „яичко" и др.).

Основу на -i- восстанавливают также для sirt „сердце" <*k'ērdi-.

По А. Мейе (**Meillet,** 1936², 76) аус „коза“ и gort -i, -icᶜ (наряду с -o-) „лягушка“ восходят либо к основе и.-е. женского рода на *-i̯ā- или *-i̯ē-, имеющие в им. п. *-ī, либо, может быть, к основе на *-ī-; для аус он не приводит убедительных доказательств, а для gort указывает на латыш. warde<*u̯ard-yē.

Основы, восходящие к и.-е *-ni-, образующему в основном имена действия, редко имеют достоверные параллели и в других и.-е. языках: ban „речь; разум“ <*bhā-ni- при baṙ „слово“, bay „слово, высказывание, глагол“, bam „говорю“ (от *bhā- „говорить“; для -n- ср. др.-англ. bēn, др.-исл. bœn „молитва“, др.-н.-нем. ban „изгнание“); gan „побои, битье“ <*gu̯hn̥-ni-? (или *gu̯hn̥-i-? от *gu̯hen- „бить“) при ǰin „палка“, ǰnem „бить“; tawn „праздник, празднество“ <*dāp-ni- [от *dā-p- „жертвенная трапеза“; для -n- ср. др.-ск. tafn (*dap-no-) „жертвенное животное, жертвенная трапеза“ при лат. damnum „убыток“, греч. δαπάνη „расход“]; tᶜan „жидкая пища, похлебка, суп“ <*tā-ni- при tᶜanam „смачиваю(сь)“ [от *tā(i)- „таять, растворяться, разлагаться“; для -n- ср. др.-англ. tan „влажный, мокрый“, ст.-сл. *тина*]; tᶜawn „ливень, проливной дождь“ <*tap-ni- при tᶜatᶜawem „макаю, обмакиваю“ [от *tap- „нырять; влажность“[65]; Р. Ачарян (ЭС, 2², 150) возводит к *tā(i)-; ср. tᶜan].

Довольно многочисленны основы на -i-, восходящие к суффиксу *-ti-, *-t- которого после гласного переходит в y, после дифтонгов и смычных — в tᶜ, после s — в t и после сонантов — в d; основы на *-ti- образовывали имена действия, в армянском частично перешедшие в конкретные имена: awtᶜ „ночевка“ <*au-ti- (от *au- „ночевать, спать“); bay „слово, речь, глагол“ <*bhə-ti-s (от *bhā-; ср. греч. φάτις „молва; весть; речь“); bard „стог; сложный“ <*bhr̥-ti-s? [от *bher- „(при)носить“; ср. др.-инд. bhr̥tiḥ „ношение; плата“, лат. fors, -tis, гот. gabaúrþs „рождение“]; əncay „дар, подарок“ <*enghəti-? ср. др.-инд. aṁhiti-)? kartᶜ „крючок; коготок; нога“ <*gr̥̄b-ti- (от *gerəb- от *ger- „вертеть, крутить, вить“); nay „мокрый, влажный, мягкий, плавный“ <*snəti- или *snə-t-i-? [от *snā- „течь; влажность“; для *snə-t- ср. вен. назв. реки Natisō(n), н.-в.-нем. Netze „влажность“]; sast „выговор, упрек“ <*k'əs-ti- (от k'ās- „наставлять, делать выговор“; ср. др.-инд. śiṣṭi- „наказание; указание, наставление“; арм. слово может быть иранским заимствованием); sard „паук“<*„плетущий“ <*k'r̥-ti-? при sarikᶜ „узы, оковы“ (от *ke'r- „нить; плести, привязывать“). Хотя tᶜertᶜ „лист“ (наряду с tᶜer „сторона“) имеет основу на -i-, но здесь вероятнее предположить распространение, а не суффикс *-ti-.

Суффикс *-ti- во многих и.-е. именах являлся вторичным, вместе с суффиксом *-es- образуя имена существительные; в отличие от славянских и хеттских имен существительных, образованных от имен прилагательных (ср. хетт. dalugašti- при ст.-сл. *длъгость*), в армянском *-(e)s-ti- образует имена действия (ср. при этом лит. gailestis „жалость, сожаление“): utest „еда“ при utem „ем, кушаю“ (от *ōd- при *ed-), imast „значение“ при imanam „узнаю“ (от *em-

„брать, схватывать"), hangi-st „отдых, покой" при hang-č^{c}-im „отдыхаю, покоюсь" (от *kʷī- при *kʷeiə- „покоиться") и т.п. Часть слов на -st является новообразованиями, в том числе от глаголов иранского и неизвестного происхождения (ср. pahest от pahem „храню" <сев. иран. pahr-). Как было сказано при рассмотрении гетероклитических основ, часть основ на *-sti- перешла в гетероклитические основы на -ean, иногда с одновременным сохранением основы на -i; ср. t^{c}ak^{c}ust, -i и -ean „скрытие" при t^{c}ak^{c}-č^{c}-im „скрываюсь" (*ptā-k- от *pet- „летать"). Вообще следует считать вторичными многие образования на -u-st, где -u- играет ту же роль, что и при образовании имен действия на -u-mn-.

Возможно допустить восхождение имен действия на -oy-t^{c} (род. -u-t^{c}i) к *-eu-ti-, *-ou-ti- (ср. erew-oyt^{c} при erewim „являюсь, показываюсь" <*prep-).

По-видимому, многочисленность основ на *-ti- способствовало вовлечению в рассматриваемый тип многих слов, оканчивающихся на -y-, -t, -t^{c}, но первоначально имеющих другие основы.

Некоторые прилагательные и существительные с основой на -i- восходят, как было сказано, к образованиям с суффиксом *-ri-, являющимся разновидностью суффикса *-ro-; последний образовывал прилагательные, которые в армянском частично субстантивировались. Если *-r- основы часто имеет параллели в других языках, то -i- обычно является спецификой армянского языка и в некоторых случаях выступает также наряду с -o-: lar (также -oy, -ac^{c}) „веревка, струна" <*u̯lə-ri- [от *u̯el- „вертеть, крутить, катать"; ср. греч. εὔλητρα (мн. ч.) „возжи", лат. lōrum „ремень; узда"]; lir „полнота" <*plē-ri- (от *pel- „лить"; ср. греч, πλήρης „полный", лат. plērus-que „большая часть"); nurb (позднее также -oy) „тонкий" <*snōbh-ri- (ср. др.-исл. snœfr „узкий"). Возможно, к основам на *-ri относится и bar „слово" <*bhāsri-? при ban, -i, -ic^{c} „речь; разум", bay, -i, -ic^{c} „речь, высказывание, глагол" (от *bhā- „говорить").

В некоторых случаях гласный основы сохранился в древних образованиях: hovi-w „овечий пастух" <*(H)ou̯i-pā-, ardeawk^{c} „действительно, конечно; неужели" от ardi- (+-a-w-k^{c}) <*ar-ti- или *ɣ-ti- „прилаженный".

В слове di-k^{c} (plurale tantum) „бог; боги" -i- основы восходит к *-ē-: di-k^{c} <*dhēs-es.

В erek^{c}, -ic^{c} „три" -i- косвенных падежей имеет параллели и в других языках; ср. для формы вин. п. eris др.-инд. trīn, гот. þrins; -i- основы сохраняется и в сложениях типа eream „три года" <eri-am, как др.-инд. tri-, греч. τρι- (**Meillet**, 1936^{2}, 99). Основы на -i- в č^{c}ork^{c}, -ic^{c} „четыре", hing, -i, -ic^{c} „пять", vec^{c}, -i, -ic^{c} „шесть", ut^{c}, -i, -ic^{c} „восемь" являются результатом аналогии[66].

Некоторые слова индоевропейского происхождения перешли в основы на -i- вторично—под воздействием внутренних закономерностей; ср. anurǰ (позднее также -o-) „сон, сноведение" <*onōr-i̯o- (ср. греч.

ὄνειρος), hast „толстый“ <*pasto-, karkut „град“ <*ga-grōd-o-, layn „широкий“ <plə̄te-no- (ср. греч. πλατάνος „платан“, др.-ирл. lethan „широкий“), net „стрела“ <*nedo- (ср. др.-инд. nadá- „тростник“) и др. Среди них имеются и.-е. основы на согласные (в том числе, на *-n/r-), по внутренним закономерностям армянского языка преобразованные в основы на -i-: leard „печень“<*l̥iekᵘr̥t- при *l̥ekᵘr̥t- [ср. др.-инд. yákr̥t, род. yaknáḥ, греч. ἦπαρ, -ατος (*-n̥tos)], neard „нерв“<*snē-u̯r̥t- (ср. др.-инд. snāvan- „сухожилие“ при ав. snāvarə-) и др. Особенно многочисленны имена действия, совпадающие с „чистой“ основой (корнем) глагола и изменяющиеся по этому склонению: aṙ „взятие (ср. aṙnum „беру“), ber (также -oy) „приношение“ (ср. berem „приношу“), cin „рождение (*g'enos-) (ср. cnanim „рождаю“), darj „возвращение“ (ср. daṙnam „возвращаюсь <*dhr̥g'h-nā-mi), ertᶜ „хождение“ (ср. ertᶜam „иду“), harcᶜ „вопрос“ (ср. harcᶜanem „спрашиваю“) и др.

Имеются производные прилагательные на -i, которые отдельно склоняются по другим типам: angorc-iw „безработным“, но gorcov „делом“ (ср. лат. exsomnis „бессонный“, но somnus „сон“).

Основы на -u-. Древнеармянские основы на -u- восходят к и.-е. основам на *-u-, *-tu-, иногда и на *-ō-. К основам на -u- восходит hortᶜ „теленок“<*porthu- (от *per- „рождать“; ср. др.-инд. pr̥-thu-ka- „скот; теленок; детеныш“). На основании армянских форм восстанавливают для aɫuēs, -u „лиса“ и cᶜuł, -u „бык“ основы на -u-: *alōpe-k'u-[67] и *sk'ulu-, хотя нет соответствующих параллелей в других и.-е. языках; близкие формы греч. языка имеют другие основы: ἀλώπεξ, -εκος „лиса“ и σκύλαξ, κύλλα (Гез.) „щенок; собака, детеныш“. Хотя tun „дом“ относится к основам на -n-, однако в древнем сложении tanu-tēr „хозяин дома“ сохранилась основа на *-u-, имеющая параллель в лат. domus, род. -ūs.

К и.-е. основам на *-tu- восходят z-gest (диал. gest) „одежда“ <*u̯es-tu- при z-genum „одеваюсь“ <*u̯es-numi (от *u̯es- „одевать“; для -t- ср. лат. vestis „одежда“), ard „образ, форма“, z-ard „украшение“ <*ar-tu- или *r̥-tu [*ar-t-, *r̥-t- „прилаженный“; ср. др.-инд. r̥tú-ḥ „срок, время; порядок, правило“, греч. ἀρτύς „порядок, строй, устройство“ (Гез.), лат. artus „сочленение сустав“]. -u- в erk-u, род. -ucᶜ „два“ отражает *-ō-: erku<*du̯ōu, причем в сложениях выступают варианты erki-<*du̯i- (ср. erkeam<erki-am „два года“) и erko-< *du̯o- (ср. erko-tasan „двенадцать“ при лат. duodecim).

Значительное количество основ на -u- преобразовано по аналогии: многие слова на -w и названия животных в древнеармянском имеют основы на -u, причем иногда первичная основа сосуществует наряду с основой на -u: haw „дед“ от *(H)au̯o- (ср. лат. avus), haw „птица, курица“ от *(H)au̯ei-, inj „барс“ от *simg'ho- (ср. др.-инд. simháḥ „лев“) и arǰ медведь (также -oy)<*r̥kto- (с преобразованием под влиянием aṙǰn „темный, темно-коричневый“) или *r̥ktḭo-? (ср. греч. ἄρκτος), ul „козленок“ (также -oy)<*pō-lo- [ср. лат. paul-(l)us „малый, небольшой“].

Особенно легко переходят в древнеармянские основы на -u- и.-е. атематические основы с исходом на *-u-, *-u̯-, вся парадигма склонения которых преобразуется под влиянием конечного гласного или дифтонга; ср. формы род. п. kov-u „коровы“ при *gu̯ou̯-os, naw-u „корабля“ при *nau̯-os.

Основы на -o-. Древнеармянские основы на -o- в подавляющем большинстве восходят к и.-е. тематическим основам на *-e/o- с обобщением -o- для всех падежей, где гласный основы сохранился. Под тематическими основами следует подразумевать как основы, состоящие из корня и тематического гласного, так и основы с тематическими типами суффиксов: *-mo-, *-no-, *-to-, *-ro-, *-tro- и т. д.

Как известно, и.-е. тематический гласный выполнял некоторые словообразовательные функции. В частности, следует отметить следующие из них.

Во-первых, имелись случаи, когда тематический гласный образовывал от атематических именных основ тематические именные основы, частично с новым значением производной основы по отношению к производящей, частично без четкой семантической дифференциации двух типов основ—с их сосуществованием как конкурирующих дублетов. В этом отношении интересна судьба и.-е. *ped-/*pod- «нога» и *pedo- «след» в армянском. Не имея атематических основ на смычные, древнеармянский для первого слова развил своего рода гетероклитическую парадигму, уже рассмотренную нами: в ед. ч. оно выступает как основа на сонант: otn (род.-дат. otin, инстр. otamb), т. е. продолжает форму и.-е. винительного падежа с выравниванием парадигмы; в мн. ч. оно имеет основу на -i- (род.-дат. oti-c^{c}, инстр. ot-i-wk^{c}); им. п. мн. ч. otk^{c} восходит к форме *podes. Тематическая же основа *pedo- продолжает существовать как основа на -o-: het, -oy.

Во-вторых, тематический гласный образовывал от глаголов названия предметов и имена действия—с ударением на корне и средней ступенью огласовки последнего при высокой ступени огласовки глагола; ср. греч. ὄχος, русск. *воз* при *везу*, греч. τρόχος „бег“ при τρέχω „бегу“, русск. *ток* (ст.-сл. *токъ*) при *теку* и т. п. Древнеармянский язык не сохранил этого соотношения чередования, обобщив одну из ступеней, и иногда вторично образовывал деноминативные глаголы. Вообще образований такого типа армянский сохранил немного, причем не всегда имеются надежные параллели как для основообразующего гласного, так и для огласовки корня; последнее обстоятельство объясняется действием как аналогии (не только в армянском, но и в других и.-е. языках), так и некоторых фонетических процессов.

В-третьих, тематический гласный образовывал имена действия, а также прилагательные, характеризующие деятеля. В отличие от имен действия в этих именах ударение падало на тематический гласный, причем в древнеиндийском, греческом сохранились противопоставленные пары; ср. др.-инд. vára- „выбор“ при varás- „жених“, греч. τόμος „разрез“ при τομός „режущий“ и др. В некоторых случаях корневой

гласный мог выступать в долгой ступени (*-ō-): *(H)ōmos „сырой“> др.-инд. āmá-, греч. ὠμός, арм. hum.

Если основа входила в состав сложения в качестве второго компонента, она обычно имела нулевую огласовку: *ni-zd-o-s (от *sed- „сидеть“)>др.-инд. nīḍáḥ „место отдыха, лагерь; гнездо“, лат. nīdus, ср.-ирл. net, др.-в.-нем. nest „гнездо“ при арм. nist, -oy „сидение, заседание; место сидения“; *o-zd-o-s (от *sed- „сидеть“)>греч. ὄζος, гот. asts при арм. ost, -oy „ветвь“ и др.

Основообразующий гласный при существительных обычно образовывал основы мужского (*-o-s) и среднего (*-o-m) родов в отличие от женского рода, характеризующегося формантом *-ā. Вследствие выпадения конечных слогов и.-е. тематических основ в древнеармянском и распространения форманта мн. ч. -kᶜ на слова, относящиеся к среднему роду, невозможно восстановить первичный родовой характер слов с тематическими основами. При расхождении данных других языков и отсутствии дополнительных признаков (значение слова и особенности его оформления) восстановление словоформы вообще невозможно. Прилагательные с основой на -o- могли восходить к *-o-s и к *-o-m. Как будет видно из рассмотрения основ на -i/a-, -o/a-, в последних сохранились и следы и.-е. основ на *-ā-. В ниже приводимых примерах *-s и *-m обозначаются лишь в случаях достоверности восстановления.

Как известно, и.-е. язык не всегда четко проводил формальную дифференциацию по родам. Имелись существительные, оканчивающиеся на *-o-s, но обозначающие лиц женского пола. Из подобных существительных армянский сохранил nu, -oy „сноха, невестка“<*snusos, имеющее параллели в греч. νυός и лат. nurus; в других языках основа перешла, как правило, в форму женского рода.

Кроме упомянутых выше слов, в древнеармянском имеется значительное количество основ на -o- (как существительные, так и прилагательные), многие из которых имеют более или менее достоверные параллели в других и.-е. языках (последние указываются):

1. amp (amb), -oy „облако“<*m̥b(h)o- от *embh- (*nebh-) „влажный, вода; пар, туман, облако“ (ср. др.-брет. Ambo-glanna „берег реки“); buc, -oy (-i, -acᶜ) „ягненок, козленок“ <*bhug′o-s (при *bhukko-s „козел, баран“; ср. ав. buza-, герм. *bukka- и др.); gorc, -oy „дело“ <*g̊org′om (<*g̊erg′om от *uerg′- „делать“) при gorcem „делаю“ [ср. греч. (F)ἔργον „дело, труд, работа“ при (F)ὄργανον „орудие“, др.-в.-нем. werc „дело, труд, работа“]; gog, -oy „лоно; вогнутый“<*ghogho- (от *ghegh- „гнуть“) при gogem „делаю углубление, вгибаю; выгибаю; охватываю“ и gug „голень (?)“ (ср. лит. gùgas „холка“) (?); orb, -oy „сирота“<*orbho- [ср. др.-инд. árbha- „маленький, слабый; ребенок“, греч. ὀρφο-(βόται) (Гез.) при ὀρφανός „сирота“]; pᶜorj, -oy (-i, -icᶜ) „испытание, проба; попытка“ <*phorg′ho-? (от *per- „испытывать, пробовать, попытаться“)[68];

2. cer, -oy „старый; старик“ <*g′ero- (от *g′er- „стареть, стать старым, зрелым“); hin, -oy „старый, древний“ <*senos (ср. др.-инд.

sánaḫ, лит. sẽnas, др.-ирл. sen); hum, -oy(?) „сырой“<*(H)ōmos (ср. др.-инд. āmáḫ, греч. ὠμός).

Некоторые основы на -o- восходят к и.-е. атематическим основам на *-es-, представляющим собою главным образом абстрактные существительные среднего рода. Нетрудно восстановить пути перехода этих основ в основы на -o-: род. *-es-os>*-os-os (при форме им. п. на *-os)>-oy: erek, -oy (и erek-oy) „вечер“ <*regu̯os- „темнота, мрак“ (ср. др.-инд. rájas-, греч. ἔρεβος, гот. riqis); get, -oy „река“<*u̯edos-? [от *au̯ed- „смачивать, увлажнять, течь“; ср. греч. ὑδεσ- в дат. ὕδει (ὑδ- по ὕδωρ), др.-инд. út-s-aḫ „источник“, макед. (?) ’Εδεσσα (*u̯edesi̯ā)][69]; hot, -oy „запах“<*odos- от *od- „пахнуть“ (ср. лат. odor при др. odōs „запах“, греч. εὐ-ώδης „благовонный); sut, -oy „ложь“ <*psudos-? (ср. греч. ψεῦδος).

Большинство основ на -o- восходит к и.-е. тематическим основам на *-mo-, *-no-, *-mno-, *-to-, *-ko-, *-go-, *-tro-, *-ro-, *-u̯o-, *-i̯o-.

-mo-: hoim „ветер“ <(H)on(ə)-mo- при *anəmo-? [от *an(ə)- „дышать, дуть“; ср. греч. ἄνεμος при тох. В onolme „живое существо“?]; ǰerm „теплый; теплота“<*gu̯hermo- при ǰer, -oy „теплота“, ǰermn „лихорадка“ (от *gu̯her- „жаркий, теплый“; ср. греч. θερμός, фрако-фриг. germo- в назв. мест. и др.); melm „нежный, мягкий, кроткий“ <*mel-mo- при melk, -i, -ic^{c} „мягкий, нежный; слабый“ (от *mel- „молоть, растирать; нежный, мягкий, слабый“); olorm „жалость; жалкий“ <*or-or(bh)-mo-? (от *orbh-? Ср. гот. arms „бедный, несчастный“) или *ol-ol-mo- (от *el-, *ol-; ср. др.-исл. jalmr „шум“, арм. alm-uk „шум“).

-no- (-eno-, *-ono-, *-i-no-): beran, „рот“ (*„отверстие“)<*bherə-no- (от *bher- „резать, колоть“; для -n- ср. лит. burnà „рот“, болг. *бърна* „губа“, а также др.-ирл. bern „ущелье, отверстие“); c^{c}in „коршун“<*ktinos при *ki̯inos? (ср. греч. ἰκτῖνος при др.-инд. śyenáḫ „орел, сокол“?); gin „цена“ <*u̯es-no-[70] [от *u̯es- „покупать“; ср. др.-инд. vasná-, греч. гом. ὦνος „цена, плата“, лат. venum (вин. п.) „продажа“ и др.]; kaiin „желудь, орешек, дуб“ <gu̯ul-eno- при kaini „дуб“ < <*gu̯ul-en-i̯o-? (от *gu̯el- „дуб“; ср. греч. βάλανος<*gu̯ul-ənо- „желудь; дуб“); k^{c}un „сон“ <*su̯opnos (от *su̯ep- „спать“; ср. др.-инд. svápna-, ав. xšafna-, лат. somnus и греч. ὕπνος, др.-ск. svefn, лит. sãpnas, ст.-сл. *сънъ* и др.); lusin „луна“ <*luk-eno- при loys, -oy „свет“ и lusn „бельмо“ (от *leuk- „светить; светлый“; для -n- ср. лат. lūna, русск. *луна*); mun „комар, мошка; вошь; зуд“ <*mus-no- или *mū-no-? (от *mū-, *mus- „комар, муха“); us „плечо“ <*omsos при *omesos (ср. др.-инд. áṃsaḫ, греч. ὦμος).

Имеется значительное количество прилагательных на -un, род. -noy, частично субстантивизированных. Состав этого суффикса, по-видимому, генетически неоднороден.

Если согласиться с А. Мейе (**Meillet**, 1936^{2}, 130), который возводит суффикс -un, образующий отглагольные прилагательные, к суффиксу

медиального причастия *-omno- (ср. ав. -amna-, лат. -umnus в alumnus „питомец"), то все же для -un, образующего прилагательные от существительных, следует предположить другое происхождение: было бы правильнее его возвести к *-ŏno- или, как полагают, к основе глагола unim „имею, держу" (со значением „имеющий"). Ср., с одной стороны, aẑazun „высохший" при azazim „высыхаю", zeɫun „переполненный" при zeɫum, zeɫanim „переполняюсь", ererun „шаткий" при ererim „шатаюсь" и др., с другой — imastun „мудрый" от imast „значение, смысл; знание; мудрость" и др.

-to- (-eto-, *-oto-, *-əto-, *-ьto-)>-d (после сонорных), -y или нуль (после u?)], -t^{c} (в остальных случаях): arcat^{c} „серебро" <*arg′ətо- или *arg′n̥to-? [от *ar(ə)g′- „блестящий, белый"; ср. др.-инд. rajatám, ав. ərəzata-, лат. argentum „серебро"); hiwt^{c} „(влажное) вещество; сок" <*sip-to- при niwt^{c} „вещество" (от *seip- „выливать, процеживать, течь, капать"; ср. др.-англ. siftan „просеивать"); lu „услышанный" <*k′lu-to-? (ср. др.-инд. śrutá-, греч. κλυτός, лат. in-clutus, др.-ирл. cloth-); ku „навоз" <*gū-to-? (или через koy от *gu̯ōu-, *gu̯ū- „навоз, нечистоты, кал; выделять нечисоты, загрязнять"; ср. др.-инд. gū-tha- „кал", ав. gū-ϑa- грязь нечистоты")[71]; mard „человек" <*mr̥-to- (от *mer- „умереть"; ср. др.-инд. mr̥-tá-, ав. mərəta- „умерший", греч. βροτός „смертный; человек" при др.-инд. már-ta-, др.-перс. martiya- „смертный, человек").

*-tro->-wr: arawr „соха, орало" <*arətrom [от *ar(ə)- „пахать"]; mur „копоть, сажа" <*mū-tro- (от *meu- „влажный; гнилой; грязная жидкость; загрязнять"; ср. др.-инд. mútra- „моча", ав. mūϑra- „грязь", ср.-ирл. mothar „гуща", ср.-н.-нем. modder „ил, тина")].

Разновидность рассматриваемого суффикса *-tlo- армянский язык использовал для образования причастия настоящего времени -awɫ< <*-ā-tl-, однако эти причастия, как обозначения действующего лица, склоняются по типу -i/a-.

*-sko-, *-sk′o->-c^{c}: boc^{c} „пламя" <*bhok′-sko-? (от *bhok′- „пылать, палить")[73]; c^{c}uc^{c} „торжественное шествие, торжество, песня и пляска, зрелище" <*sku-sko- при c^{c}oyc^{c} „показ", c^{c}uc^{c}anem „показываю" <*skeu-sk- [от *(s)keu- „обращать внимание, смотреть"].

Хотя для суффикса -oc^{c} А. Мейе (1951, 293) приводит форму род. п. на -oy и возводит к *-o-skos, однако слова на -oc^{c} изменяются по склонению с основой на -i/a- (ср. sioc^{c}, -i, -ac^{c} „пила"—происхождение неизвестно).

-ro- (-ero-, *-oro-, *-əro-, *-ьro-)>-r: ardar „праведный, правдивый" <*ardhəro- (от *ar- „прилаживать"; ср. ав. arədra- „верный, надежный, благочестивый"); gišer- „ночь" <*g̑eikero- или *g̑eiskh-ero- (при *g̑ekero-, *g̑espero- „вечер"; ср. греч. ἕσπερος, лат. vesper, русск. *вечер*); dalar „зелень; зеленый, свежий" <*dhalьro- (от *dhăl- „цвести, зеленеть"; ср. греч. θαλερός „юный, цветущий"); lur „молва, слух, весть" <*k′lu-ro- (от *k′leu- „слышать, слушать"); nor „новый<*noy̯oro-? (от *neu̯o-s „новый"; ср. греч. νεαρός „молодой, све-

жий, новый"); sēr „любовь" <*k'eiro- (от *k'ei- „лежать; лагерь, жилище, приют; милый, любимый"; ср. др.-англ. hēore, hīere „приветливый, кроткий"); sor „дыра, полость, нора" <*k'oṷoro- <*k'oṷəro- (от *k'eu- „вздуваться; свод; впадина, пустой, полый"; ср. ав. sūra- „дыра"); sur „острый; меч" <*k'ō-ro- (от *k'ē- „заострять, точить"); surb „чистый; святой" <*k'ubh-ro- (от *k'eu- „светить, светлый"; ср. др.-инд. śubhra- „красивый, блестящий, светлый"); tur(-k^{c}) „подача; дар, подарок" (от *dō- „давать"; ср. греч. δῶρον, ст.-сл. *даръ*).

В слове amprop „гроза" -o- сохранился в подударной позиции: ampro- восходит к *m̥b-ro- от *emb(h)- „влажный, вода; пар, туман, облако", откуда amb, amp „облако"; ср. др.-инд. abhrá- „туча; атмосфера", ав. awra- „облако", лат. imber „ливень".

*-io-> -l: joyl „литой" <*g'heu-lo- при jew, -oy „форма" < *g'heṷo- (от *g'heu- „лить"); ul „козленок" <*pō-lo- [от *pōu- „маленький, малый; незначительный"; ср. греч. πῶλος „жеребенок; молодое животное, детеныш", алб. pelɛ, pēlɛ „кобыла" (ж. р. от *pōlos), гот. fula, др.-в.-нем. folo „жеребенок"].

Армянский язык широко использовал суффикс *-lo- для образования инфинитива и причастия прош. вр.; инфинитив сохраняет соответствующий гласный перед -l (-el-, -il, -al, -ul), причастие прош. вр. оканчивается на -eal из *-i-s-ā-lo-.

Широко представлены в армянском основы, восходящие к основам на *-i̯o- и *-iio-[74].

В образованиях от первой разновидности этого суффикса (*-i̯o-) -o- выпадает, сохраняясь лишь под ударением в косвенных падежах, а *-i̯- в зависимости от предыдущей фонемы подвергается различным изменениям: исчезает после гласных *-i-, *-u-, а после других гласных сохраняется как y, смягчает предыдущий согласный (*dhi̯>ǰ, *ki̯>č^{c} и т. п.), подвергается метатезе — переходит назад (после сонорных, особенно после *-l-): aǰ „правый" <*sədhi̯os [от *sē(i)dh- „прямо идти к цели"; ср. др.-инд. sādhya- „добиваемый"]; ayl „другой" <*ali̯os (ср. греч. ἄλλος, лат. alius); gēǰ „сырой, влажный" <*gᵘheidhi̯o- (от *gᵘheidh- „влажность"?)[75]; ji „лошадь конь" < <*g'hēi̯os [от *g'hei-, *g'hēi- „торопить(ся)"; ср. др.-инд. háya-ḥ „конь"]; mēǰ „середина" <*meidhi̯o-<*medhi̯o- (ср. др.-инд. mádhyas, греч. μέσος, лат. medius „средний"). Арм. ju, -oy „яйцо" обычно возводят к *i̯ōi̯om от *ō(u̯)i̯o-m, однако переход *i̯>j все же остается необъяснимым: более закономерен переход начального *i̯ в ǰ-. Слово li, -oy „полный" более вероятно возвести к *plē-i̯o-s от pel- „наполнять" (ср. греч. гом. πλεῖος, ион. πλέος, атт. πλέως), чем к *plē-to-s. Если правильно сравнение арм. t^{c}i, -oy „лопата, весло" с греч. πτέον (при πτύον „веяльная лопата, веялка"), с сомнением относимым к *peu- „очищать" (ср. **Pok.**, 1, 827), то для армянского можно восстановить праформу *ptēi̯om.

Вторая разновидность рассматриваемого суффикса (*-iio-) в древнеармянском представлена словами, оканчивающимися на -i. Большая

часть этих слов относится к основам на -o/a-, однако встречаются слова, относящиеся к основам на -o- (кое-где имеющие также формы мн. ч. на -ea- по аналогии). Последние, по всей вероятности, сохранили основы мужского и среднего рода на *-o-s, *-o-m, в отличие от основ на -o/a-, сохранивших одновременно и основу женского рода на *-ā-. Сюда относятся прежде всего односложные слова, сохранившие основообразующий гласный без изменения: mi, -oy (или mioǰ)<*smiǰo- (от *sem- „один, вместе“) при греч. ж. р. μία<*smiə. Среди неодносложных слов можно отметить следующие: gini, -woy „вино“<<*ǫoiniǰo-[76] от *ǫoinom; kogi, -woy „масло“ („коровье“)<*gʷoǫiǰo- от *gʷou- „крупный рогатый скот“, откуда kov „корова“; ordi, -woy „сын“ <*portiǰo- от *per- „рождать“, откуда hortᶜ, -oy „теленок“. Слово gari, -woy „ячмень“, относящееся к этой же группе, обычно сравнивают с греч. χρῖ, κριθή, лат. hordeum и др., в восстанавливаемой праформе которых *g'herzd(h)- палатализованный *g'h- основывается только на алб. drith. Однако если сюда относится лит. girsa „костер (Bromus)“, то можно предположить, наряду с палатализованным, также непалатализованный вариант, причем армянское слово может относится лишь к первичной форме корня *gher- „выступать, выдаваться“: *ghьriǰo->gari?

Отдельную группу образуют слова с суффиксом -cᶜi, указывающим на происхождение из той или иной местности (ср. vracᶜi „грузин“ от Vir-kᶜ „Грузия“) и восходящим к *-sk-iǰo-.

Основы на -i/a-. Значительная часть основ на -i/a- восходит к и.-е. именам на *-ā (*-ə-), причем -i- мы склонны возводить к суффиксу -i (из *-iǰo-, *-iǰā-), приобретшему словоизменительную функцию: переход совершен также как при -cᶜ— показателе род.-дат.-отл. мн. ч., восходящем к *-sko-. Возможно, здесь сыграло роль также влияние основ на -i-[77].

Среди древнеармянских основ на -i/a-, восходящих к и.-е. основам на *-ā- (*-ə-), можно выделить: а) основы, относящиеся в и.-е. языке к ж.р., б) основы, обозначающие в и.-е. языке лиц мужского пола, и в) основы, имеющие в и.-е. языке собирательное значение, т. е. являющиеся формами мн. ч. имен ср. р.; здесь не всегда имеются прямые соответствия между армянским и другими и.-е. языками.

Как известно, и.-е. имена женского рода могли обозначать как лиц женского пола и самок животных, так и одушевляемые предметы, воспринимаемые как таковые или исторически относимые сюда; некоторые имена действия также относились к женскому роду (ср. греч. φυγή, дор. φυγά „бегство“): am „год“ <*sьmā (от *sem-; ср. др.-инд. samā „полугодие; время года, сезон; год“); lezu (диал. lizu) „язык“ <*leig'huā [от формы *dn̥g'hn̥ā „язык“, видоизмененной под влиянием lizem „лижу“ <*leig'h-; ср. др.-инд. jihvā, ав. hizvā, лат. lingua при др. dingua]; mawru „мачеха“ (основа на -i/a- засвидетельствована позднее) <*mātruǰā (от *māter- „мать“; ср. греч. μητρυιά); skesur „свекровь“

<$*k'u̯ekurā (<*su̯ek'urā; ср. греч. ἑκυρά); skund „щенок“<*k'u̯ontā при šun „собака„ (*k'u̯on-, -t-)?

Имена лиц с основой на -i/a- в большинстве случаев являются первичными или вторичными производными и сложными словами, относящимися к склонению с основой на -i/a- по аналогии. Из подобных производных отметим aɫkᶜ-at „бедный“ от *olik- (при *leig/k-; ср. греч. ὀλίγος „небольшой, малый“); darbin „кузнец; мастер, ремесленник“ <*dhabhrino- (от *dhabh- „прилаживать, подходящий“, *dhabh-ro-). Из сложных слов следует отметить многие образования со вторым компонентом -ag <*ou̯- (ср. vayr-ag „дикий“), -gēt (ср. amenagēt „всезнающий“) при gitem „знаю“ <*u̯oid- и др. Для слова ənker „товарищ“ <ənd-ker („едящий с . . ., сотрапезник“) А. Мейе (**Meillet**, 1936², 74) предполагает такую же основу на *-ā-, как в греч. ὀρνιθοθήρας „птицелов“, лат. agricola „земледелец“, ст.-сл. *воевода*, причем -ker „еда“ отдельно склоняется как основа на -o-. Hoviw „овечий пастух“ является явно индоевропейским образованием, восходящим к *ou̯i-pā- (*ou̯i- „овца“ и *pā- „кормить, пасти“; ср. др.-инд. go-pā „коровий пастух“). Такие же первичные основы на *-ā- предполагаются и для основ на -(a)wor (ср. erkn-awor „небесный“) <*-bhorā (при греч. -φορος), -ičᶜ (ср. gričᶜ „писец“)<-*ikiā (при ст.-сл. *-ичь* в *которичь* и др.).

Многие прилагательные, указывающие на свойства лиц, относятся к основам на -i/a-: heɫg „медлительный, ленивый“ <*selk- „тянуть“, luɫ „молчаливый“ <*k'lus-r- (от *k'leu- „слышать, слушать“), sēg „гордый“<*k'ei-g'h- „быстрый, сильный“, šil „косоглазый“<*skhēli и xeɫ „хромой“ <*khel- [от *(s)kel- „сгибать, согнутый, кривой“].

И.-е. слова собирательного значения на *-ā в древнеармянском либо выступают как pluralia tantum, либо употребляются чаще во мн. ч. Сюда относятся в первую очередь названия частей тела: eres- „лицо“, мн. ч. eres-kᶜ, -acᶜ <*prepsā (от *prep- „бросаться в глаза; явление, вид, образ“); ənder-kᶜ (pl. tant.) „внутренности“ <*enterā (ср. греч. ἔντερον, мн. ч. ἔντερα „внутренности, кишки“); kᶜim-kᶜ (pl. tant.) „нёбо“ <*ku̯ēmā (от *ku̯em- „хлебать, глотать“)[78]; lind „десна“, мн. ч. lind-kᶜ, -acᶜ <*lendhā (от *lendh- „бедро; почка“)? Сюда относятся также приведенные при рассмотрении гетероклитических основ названия частей тела, имеющие формы мн. ч. на -acᶜ, -awkᶜ. Сюда же, по-видимому, следует отнести ǰil (ǰiɫ) „жила“, употребляемое обычно во мн. ч. (в ед. ч. преобладает переносное значение „сила“), хотя славянские слова (ср. русск. *жила*) относятся к женскому роду.

Основа на -a- имен действия meɫ-kᶜ „вина“ и miṫ-kᶜ „мысль, дума“, употребляющихся обычно в форме мн. ч., по-видимому, восходит к форме мн. ч. основ среднего рода на *-es-ā-; ср. для meɫ-kᶜ греч. μέλεος [из *μελε(σ)ος] „напрасный, несчастный, бедственный“, ср.-ирл. mell (<*mel-s-os) „ошибка, промах, заблуждение“ (от *mel- „ошибаться, промахнуться, обманывать“) и для miṫ-kᶜ—греч. мн. ч. μήδεα „забота; совет“. Большинство же имен действия относится к основам на -i-. Возможно предположить аналогичное развитие также

для gil „катание; валун“, однако здесь более вероятно допустить первичную форму ед. ч. на *u̯ēlā (от *u̯el- „вращать, крутить“), особенно если иметь в виду развитие конкретного значения „валун“. Для kean-kᶜ (pl. tant.) „жизнь“ при keam „живу“ следует предположить образование на *-nā. Модель образования здесь, по-видимому, такая же, как при kᶜēn „злоба, месть“ из *ku̯oi-nā (от *ku̯ei- „обращать внимание“; ср. русск. *цена*), перешедшем в дальнейшем в основы на -u-.

Первичную основу на *-ā- или *-ə- следует предположить для bir „палка, тычина, кол, батог“ [от *bhei(ə)-, *bhī- „бить“ или *bher- „резать, колоть“?], mawr „ил, тина, грязь, болото“ (от *meu- „влажный; грязный, илистый“), mec „большой, великий“ [от *meg′(h)-], mēg „туман“ (от *meigh- „мерцать, мигать; темный“), stēp „спешка“ (также -oy) [от *steib(h)- „сжимать“], jin „палка, батог“ (от *gu̯hen- „бить“): эти слова не имеют особых смысловых или формальных показателей, характерных для основ на -i/a-.

Среди слов, относящихся к рассматриваемым основам по формальным признакам, следует выделить слова: а) на заднеязычные и особенно на -ak, -ag, -akᶜ, б) неодносложные на -u, частично уже рассмотренные (lezu «язык»), в) на -an. Основообразующий гласный -a- некоторых из них первичен, и именно эти слова, наряду с многочисленными иранскими заимствованиями на -ak, -an и т. п., стали основой для распространения указанных формальных признаков и на другие слова. Приведем несколько примеров: 1) jaik „палка, ветвь; порка, побои“ <*ghalgā [от *g′halg(h)- „(гибкая) ветвь, палка, прут“], olokᶜ (olog) „большая берцовая кость; нога“ (от *el- „сгибать, гнуть“, *el-ek-), sag „гусь“ <*k′au̯ā (от *kau-, *k′au- — звукоподражательный корень; ср. лит. kóva „грач“ <*kāu̯ā, русск. *сова* и др.); 2) mawru-kᶜ „борода“ <*smḭ-kru̯ā? (при *smek-, *-ru-, *-rā), meɫu „пчела“ при meɫr, род. meɫu „мед“ (от *meli-t при *medhu-) и др.; 3) damban „могила“ при dambaran (от *dhm̥bh- „копать“), erastan-kᶜ „зад“ <*prək′to-(?), geran „бревно“ <*u̯erɫnā (ср. алб. vertε <*u̯ernā „серебристый тополь“, брет. gwern <*u̯ernā „мачта“), hawran „стадо“ <*pā-tro- (от *pā- „кормить, пасти“) и др.

Основы на -o/a-. Как было отмечено при рассмотрении основ на -o-, основы на -o/a- восходят к и.-е. суффиксальным основам на *-iḭ-o-s (муж. р.), *-iḭ-o-m (ср. р.), *-iḭ-ā (ж. р.), причем форма женского рода формально (и генетически?) совпадает с мн. ч. слов среднего рода ед. ч. на *-iḭom, мн. ч. *-iḭā[79]. Таким образом, -o- восходит к *-o-s или *-o-m, -a-—к *-ā-, причем последний элемент может либо быть показателем женского рода, либо иметь собирательное значение. Хотя суффикс *-iḭo- в основном образовывал прилагательные, но уже в общеиндоевропейскую эпоху многие из них субстантивировались. Древнеармянские основы на -o/a- являются прилагательными и существительными.

Некоторые имена на -o/a- обозначают лиц женского пола или самок животных и -o- здесь является результатом выравнивания пара-

дигмы в условиях потери армянским женского рода: kᶜeni „свояченица“ <*sụenii̯ā [от *s(e)ụe-; ср лит. sváine]; makᶜi (-woy, -eacᶜ) „овца“ <*mьkii̯ā (от *mek- „блеять“); mari „самка птицы“ <*mьrii̯ā (при *merio- „молодой человек“; для арм. значения ср. *mьrĭ- „молодая женщина“ в лат. marītus „супруг; самец“); yli „беременная“ <*plēi̯ā? (от *pel- „наполнять“, откуда арм. li „полный“) или *(i-)pōl-nii̯ā [от *pō(u)-lo-s от *pō(u)- „маленький; детеныш“, откуда арм. ul „козленок“, греч. πῶλος „жеребенок; детеныш; девушка, юноша“].

Отдельную группу образуют названия деревьев, оканчивающиеся на -i и частично образованные вторично—от названий плодов и фруктов, частично восходящие к и.-е. *-ii̯ā: как известно, названия деревьев в индоевропейском женского рода. Сюда относится прежде всего hacᶜi „ясень“<*oskii̯ā. Название дуба kaini, если только оно не являтся вторичным образованием от названия желудя — kaiin <*gᵘьl-eno-, может восходить k *gᵘьleniii̯ā. По аналогии образовано eiewni „пихта“ с добавочным -i от eiewin <*el-eu- (от *el-, откуда русск. *яловец*)[80].

В слове aygi „виноградная лоза; фруктовый сад, виноградник“, восходящем к *oiụii̯ā (от * ei- „красный, пестрый“, откуда русск. *ива*), по-видимому, сочетаются обычное значение (*„виноградная“ от *ayg- „виноград“) с собирательным.

В некоторых случаях армянский, наряду с производными основами на -i, сохранил соответствующие производящие или близкие к ним основы,—хотя их связь не всегда осознается,—в других случаях основы на -i стоят особняком и могут быть анализированы только на основании родственных форм и соответствующих реконструкций. Так, наряду с geri «пленник», имеется глагол gerem «беру в плен, пленяю» от *ụer- „находить, брать“; наряду с hogi „душа“<*poụii̯o-—hov, -oy (-u) „ветер, прохлада“ <*poụo- (от *peu- „дуть, раздувать“); наряду с уже приведенным kogi „масло“ („коровье“)<*gᵘoụii̯o- —kov „корова“ <*gᵘou-; наряду с aiawri „мельница“ <*ailətrii̯o-— aiam „мелю“ (от *al- „молоть“; с точки зрения только армянского языка сочетание -wr- не имеет статуса отдельного суффикса). Хотя наряду с makᶜi „овца“ <*mьkii̯ā (от *mek- „блеять“) в диалектах сохранился глагол mkkai „блеять“, но их связь не ощущается. Из других слов на -i (основы на -o/a-) можно указать следующие: ali-kᶜ „волна; седой волос, седина“ <*polii̯o- (от *pel- „серый, блеклый“); auji-kᶜ „воротник“ <*aughii̯o- (от *auj „шея“ <*augh- „затылок“, откуда греч. αὐχήν „шея, затылок“); arcui „орел“ <*ɾg′ipii̯o- [от *reg′- „прямой, направлять“; ср. др.-инд. ɾji-rya- „прямо бросающийся вверх“ (эпитет слова śyēná- „орел, сокол“), ав. ərəzi-iya- „орел“]; ozni „еж“ <*og′hinii̯o- (от *eg′hinos „змеиный; змееед, еж“); uli „путь“ <*uliii̯o- при awi „кольцо“ <*au-io- (от *au-lo-s „труба, продолговатая полость“, откуда русск. *улица*); sami-kᶜ „яремная притыка; руль“ <*k′ьmii̯ā или *k′amii̯ā (от *k′em- или *k′am- „шест, жердь, палка“; ср. др.-инд.

śámyā „палка, трость; деревянная опора; затычка, втулка"); stori „навой ткацкого станка" <*storiio- (от "ster- „жесткий, твердый; ствол"; ср. греч. στεῖρα „стем, форштевень")[81].

Имеются случаи, когда -i не восходит к *-iio- (*-iiā), а появляется в результате выпадения конечных слогов; eri „переднее предплечье, передняя нога" сравнивается с балтийско-славянскими словами (лит rietas „бедро; ляжка", латыш. riēta „нога"; ст.-сл. *рить* „podex") и восстанавливаются праформы *rēito-, *rēiti-. Слово teli „место" образовано вторично от tel, являющегося преобразованием etl „место" (основа на -l).

ОКОНЧАНИЯ

Древнеармянские окончания именного склонения частично происходят из соответствующих индоевропейских окончаний, частично являются новообразованиями на базе суффиксов и частиц, приобретших словоизменительную функцию.

1) При рассмотрении древнеармянских окончаний было констатировано нулевое окончание для именительного и винительного падежей единственного числа. Однако это положение следует понимать в буквальном смысле лишь для большинства гласных основ. В остальных случаях либо функцию окончаний полностью или частично берет на себя чередование, либо какой-либо конечный элемент основы выступает в качестве собственного окончания: а) в склонении основ на -o/a- форма им. и вин. п. ед. ч. характеризуется конечным гласным -i, чередующимся перед o с -w-, перед a—с -e- и входящим в первом случае в состав трифтонга -woy, во втором случае—трифтонга -eaw; если считать дифтонги и трифтонги едиными образованиями, то гласный -i, восходящий к *-iio-, *-iiā-, целиком противопоставляется этим трифтонгам: им.-вин. aygi „сад", род.-дат. aygwoy, отл. yaygwoy, инстр. aygeaw (ср. мн. ч.: им.-вин. aygi-k^{c}, род.-дат. aygeac^{c}, отл. yaygeac^{c}, инстр. aygeawk^{c}, в которых явно выделяются собственные окончания); б) в склонении основ на сонанты чередование элементов, предшествующих сонантам, иногда играет роль окончания [ср. ast(ə)l „звезда"; род. astel], иногда выступает как дополнительное средство наряду с собственными окончаниями, если иметь в виду, что, кроме им.-вин. ед. ч., остальные падежи образуются от основы род.-дат. п. и имеют собственные окончания (ср. отл. п. ед. ч. yastelē, инстр. ед. ч. astelb, им. мн. ч. astelk, вин. мн. ч. astels, род.-дат. мн. ч. astelc^{c}, отл. мн. ч. yastelc^{c}, инстр. мн. ч. astelbk^{c}); в) в склонении гетероклитических основ имеется различное соотношение конечных элементов, но можно сказать, что здесь наряду с нулевым окончанием им.-вин. ед. ч. типа garun „весна" при род.-дат. ед. ч. garn-an часто в роли окончания выступают чередования различных типов (ср. otn „нога" при род.-дат.

ед. ч. otin и им. мн. ч. otkᶜ; barjr „высокий“ при род.-дат. barju), иногда — в дополнение к собственным окончаниям (ср. otn „нога“ при инстр. ед. ч. otamb; barjr „высокий“ при инстр. ед. ч. barjamb). В общем же древнеармянское нулевое окончание частично продолжает и.-е. нулевое окончание основ на сонанты (кроме *-i-, *-u-), частично является результатом выпадения индоевропейских окончаний и гласных основ.

2) Нулевое окончание родительного падежа — результат выпадения собственного окончания род. п. *-es/-os/-s атематических основ в отличие от им. п. мн. ч., где гласный перед *-s выпадает, а *-s сохраняется, переходя в -kᶜ. Окончание -y, характерное для основ на -o-, являющихся в большинстве случаев продолжением бывших тематических основ, восходит к *-sio, т. е. *-oy<*-osio. Вторично оно распространилось на основы с исходом на -a- (ср. им.-вин. Anna, род.-дат. Annay и им.-вин. Trdat, род.-дат. Trdatay). Что касается -ǰ, являющегося окончанием род.-дат.-местного, то Х. Педерсен (KZ, 38, 223—224) и А. Мейе (**Meillet,** 1936, 143) склонны возвести его к частице *-dhi, выступающей в греческом в качестве форманта слов типа наречий со значением места: ἄλλοθι „в другом месте“, οἴκοθι „дома“ и др.[82] В условиях потери окончания местного падежа его формы смешались с формами род.-дат. п. Следует сказать, что Р. Годель (**Godel**, 1975, 104) подвергает мнение Х. Педерсена и А. Мейе сомнению, но сохранение -ǰ также перед окончанием отл. п. -ē (ср. i teɫwoǰē „из места“ при i teɫwoǰ „в месте“), как в греч. наречиях со значением „откуда“ (ср. οἴκοθεν „из дома“ при οἴκοθι „дома“), говорит в пользу данного предположения (хотя, конечно, происхождение арм. -ē совершенно другое). Укажем также на употребление -θεν в качестве форманта род. п. личных местоимений в эолийском диалекте у Гомера (см. **Шантрен**, 1953, 98).

С выпадением и.-е. окончаний род. и дат. п. атематических основ они полностью совпали, что, по мнению многих исследователей, привело к совпадению род. и дат. падежей и при тематических основах. Однако, как было отмечено автором, можно предположить для додревнеармянского периода морфологически обусловленное ударение, т. е. в формах косвенных падежей род. п. на *-osio, дат. на *-ōi, отл. на *-ōd, мест. на *-oi и инстр. на *-ō(+*-bhi) и т. д. ударение падало на *-o-, *-ō-, а в им. и вин. п.—на предыдущий гласный; посредством выравнивания парадигмы и в условиях совпадения форм родительного, дательного и местного падежей прежних атематических основ должно было происходить то, что мы видим в древнеармянском склонении—установление единой формы род., дат. и отл. падежей для прежних тематических основ. Можно говорить также о сохранении окончаний с выравниваем парадигмы—независимо от ударения, по аналогии с атематическими формами и при необходимости сохранения противопоставления «прямых» (им.-вин.) и косвенных форм.

3) Из вышесказанного стала ясной наша точка зрения на проис-

хождение окончания дат. п., в основном совпадающего с окончанием род. п. В формах, где дат. п. отличается от род. п., имея окончание -m, последнее является результатом влияния местоименных форм. Однако, если в славянском и германском влияние местоименного склонения на склонение прилагательных было полным, в армянском оно охватило лишь некоторые именные формы: как увидим при рассмотрении местоименного склонения, -m восходит к элементу *-sm-.

4) Формы отл. п. основ на -o-, также как и на -a-, совпадают с формами род.-дат. п. В остальных случаях выступает соответственно окончание -ē (i tanē „из дома", i srtē „из сердца" и др.) =-ey, второй элемент (y) которого сравнивают с t в др.-инд. -taḥ (ср. mukhataḥ „изо рта"), лат. -tus (ср. funditus), греч. -τος (ср. ἐν-τός — наречие) и восстанавливают праформу *-tes/*-tos (формант наречия)[83].

5) В формах инструментальных падежей на -b, -w, -v выступает формант *-bhi, который налицо также в *-bhis мн. ч. Арм. -b не стоит особняком: его можно сравнить, с одной стороны, с греч. гом. -φι, выражающим различные падежные значения (**Meillet**, 1936², 73)[84], с другой, со ст.-сл. -*мъ* — формантом тв. п., где *-m- ареально соответствует *-bh-. Следует учесть, что после -u- окончание инстр. п. -w выпадает.

6) Окончание им. п. мн. ч. -k^{c} восходит к и.-е. окончанию им. п. мн. ч. *-es атематических и *-ōs (<*-o-es) тематических основ: *podes>otk^{c} „ноги", *mr̥tōs>mardk^{c} „люди" и др. Если *-es находилось не в конечной позиции, то в нем *-e- сохранялся; ср. č^{c}orek^{c}- в č^{c}orek^{c}tasan „четырнадцать"[85].

7) Окончание вин. п. мн. ч. -s восходит к окончанию вин. п. мн. ч. *-(V)ns, *-n̥s—с выпадением первичного *-n-, *-n̥-, а также гласного, если он имелся: *pod-n̥s>ots „ноги", *mr̥tōns>mards „людей" и др. С формой вин. п. мн. ч. совпала форма мест. п. мн. ч. на *-s(V), сохранившегося после согласных основ и по аналогии распространившегося на гласные основы. При формальном совпадении окончаний вин. и мест. падежей мн. ч. армянский развил дополнительный различительный элемент: форма мест. п. всегда сопровождается предлогом i (y-), как и форма отл. п.

8) Окончание род.-дат.-отл. п. мн.ч. -c^{c} со времен С. Бугге возводят к суффиксу *-sko-, приобретшему, таким образом, словоизменительную функцию. Изменение функции произошло на базе родительного и распространилось на остальные по аналогии; ср. -oy в род.-дат.-отл. п. ед. ч. и -oc^{c} в род.-дат.-отл. п. мн. ч. основ на -o-. Сравнение с хеттским окончанием отл. п. -z(a) остается лишь вероятной гипотезой, пока не полностью выяснено его происхождение (<*-ts при *-tos или *-tio- или *-dhi-?)[86].

9) Наконец, окончание инстр. п. мн. ч. -b/-w/-v-k^{c} восходит к и. е. *-bhis (ср. др.-инд. -bhiḥ)[87], причем армянский осуществляет противопоставление ед. и мн.ч. посредством отсутствия или наличия -k^{c}<*-s.

2. МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

Структура индоевропейской местоименной словоформы. Отсутствие в эпоху индоевропейской общности единой языковой нормы особенно ярко проявляется в области местоимений, для различных категорий и типов которых нельзя восстановить одинаковые для всех ареалов реализации. Можно говорить лишь о некоторой минимальной общности корней; основообразование сильно меняется от ареала к ареалу, а формы склонения для различных диалектов имеют мало общего.

Среди местоименных форм можно выделить два типа: «чисто» местоименный тип и именной тип, т. е. тип, аналогичный именному. Местоименный тип присущ, в частности, личным и указательным формам, характеризующимся супплетивностью корней и основ. Говоря о местоименном основообразовании, мы имеем в виду образование основ в пределах местоимения; нами не рассматривается образование прилагательных от местоименных основ, например, посредством суффикса *-ĵo- (ср. *al-ĵo-$>$арм. ayl „другой"), в результате которого слово склоняется как имя.

Рассмотрение местоименного «склонения» как единой системы сразу же показывает непригодность общей формулы модели именной словоформы R(t)(f): для выражения одних и тех же значений здесь часто выступают различные корни и основы, причем в некоторых из них невозможно выделить соответствующие окончания или основообразующие элементы, т. е. среди супплетивно сочетающихся единиц имеются линейно неразложимые, целостные образования, противопоставляющиеся другим единицам. Это значит, что первичная модель местоименных словоформ аналогична собственно не модели именной словоформы, а микромодели окончаний. Как было сказано выше, индоевропейские окончания в основном заменяют друг друга («чередуются») в виде единых линейных элементов для выражения различных грамматических значений, т. е. каждый раз одно и то же окончание выражает одновременно все соответствующие термы противопоставлений грамматических категорий, присущих имени; так, например, в форме *u̯|kʷ-o-s окончание *-s выражает: 1) мужской род (мужской терм категории рода), 2) единственное число (единственный терм категории числа) и 3) именительный падеж (именительный терм категории падежа); при этом оно противопоставляется другим окончаниям, как линейно разложимым (имеющим свои микромодели), так и неразложимым. Приблизительно таково же положение с местоимениями: выражение лица, числа, частично падежа и рода является их сущностью, а не побочным «грамматическим» значением, как при именах. Лишь по аналогии с именами и по необходимости они получают дополнительные основообразующие элементы и окончания, аналогичные именным, для выражения значений маркированных термов. Таким образом, хотя местоименные формы в основном соотносятся между собой как окончания, однако, в отличие от них, во многих случаях имеют микромодели, аналогичные именным. Если обобщить эти последние и формы *eg′(h)(ō) „я", *tŭ «ты» и др. рассматривать также по формуле модели именной словоформы R(t)(f), имея в виду возможность нулевого выражения (t) и (f), то модель местоименных словоформ можно выразить следующей формулой:

$$R_1(t_{0,1}, \ldots)(f_{0,1}, \ldots)/R_2(t_{0,1}, \ldots)(f_{0,1}, \ldots)/R_3(t_{0,1}, \ldots)(f_{0,1}, \ldots)/\ldots$$

Согласно этой формуле, местоименная форма, лишенная особых основообразующих элементов и окончаний, в качестве $R_1(t_0)(f_0)$ мо-

жет быть заменена $R_2(t_0)(f_0)$, $R_3(t_0)(f_0)$ и т. д. для выражения трех термов категории лица [1-го, 2-го и 3-го; ср. *eg′(h)(ō) „я“/tŭ „ты“], трех чисел [единственного, двойственного и множественного; ср. *eg′(h)(ō) „я“/*u̯ĕ „мы двое“/*u̯es или *mes „мы“], двух термов падежа (прямого или номинативного, и косвенного) и двух термов «рода» (одушевленно-активного и неодушевленно-пассивного). Таким образом близость и отдаленность, определенность и неопределенность, вопросительность и утвердительность и т. д. выражаются отдельными местоименными формами. Конечно, в некоторых случаях можно отметить различие не корней, а основ (ср. *tŭ „ты“ при *te- или *te-u̯e- косвенного падежа с чередованием в *te-u̯e- и первого и второго *-e-), но, имея в виду нерегулярность образования, лучше данное соотношение рассмотреть по общей формуле.

Несмотря на то, что в приведенной формуле не ставится ограничений замены местоименных корней и основ между собой для выражения различных категориальных значений, однако в действительности для различных классов местоимений такие ограничения имеются; так, классу вопросительных местоимений не присуща категория лица, классу собственно личных местоимений 1-го и 2-го лица—категория рода, классу возвратного местоимения—противопоставления прямого (именительного) падежа косвенному (отсутствует форма именительного падежа) и т. д. Таким образом, местоимения не образуют единого класса слов (части речи), характеризующегося одними и теми же грамматическими категориями. Их можно объединить семантически как группу слов с ситуативным значением.

Говоря о супплетивности парадигм местоимений и аналогичности моделей отдельных членов супплетивно связанных единиц именным, все же следует отметить, что реализации членов элементов моделей у имен и местоимений не всегда совпадают: собственно местоименное склонение значительно отличается от именного. Для более полной характеристики местоименной словоформы следует добавить, что, во-первых, кроме основных местоименных форм, носящих тон, имеются в некоторых падежах и побочные формы, лишенные его; во-вторых, в отдельных языках наблюдается влияние форм прямого (именительного) падежа на формы косвенных и, напротив, форм косвенных на прямые.

Выше были приведены основные формы личных местоимений. Остановимся на основообразовании и формообразовании отдельных членов супплетивно связанных единиц. При этом исключим из рассмотрения двойственное число, не оставившее в древнеармянском языке никаких следов. В отличие от местоименных форм 1-го л. им. п. ед. ч. *eg(h)ō(m)[88] и *tŭ в соответствующих формах мн. ч. *u̯es или *mes „мы“ (ср. греч. лест. ἄμμες<*u̯s-mes)[89] и *i̯ūs „вы“ можно выделить собственное окончание: *-(e)s мн. ч. (ср. арм. mekᶜ „мы“, dukᶜ „вы“), хотя формы без этого показателя не совпадают с местоименными формами 1-го л.ед.ч. Что же касается собственных основ косвенных падежей 1-го и 2-го лиц, то в ед. ч. они имеют формы *(e)me- и *te-(u̯e), в мн. ч.—*nes- и *u̯es-. При этом в отдельных ареалах встречаются также другие формы основ и наблюдается переход форм основ именительного в формы косвенных падежей и напротив. При образовании отдельных падежных форм, особенно тонических, большую роль играют некоторые частицы [*-g′he, *-g′e, *-bhi; ср. арм. in-j<

<*em-g'hi, умбр. mehe <*me-ghi „мне", др.-инд. tu-bhya(m), лат. tibi, русск. *тебе*] и основообразуюшие элементы *-m-/*-n- (ср. др.-инд. род. п. mama, ст.-сл. *мене* „меня"), падежные же окончания имеют некоторые особенности.

Формы возвратного местоимения аналогичны формам косвенных падежей 2-го л. ед. ч.; ср. *se-(u̯e)-, *se-bhi и т. п.

Указательные местоимения различали предметы известные или упомянутые и неизвестные или неупомянутые, близкие и отдаленные. Местоимения, указывающие на близкий (*k'o-, *k'i-) или на отдаленный предмет (*e-no-, *e-u̯o-, *e-lo-), по склонению аналогичны именам. Что касается местоимения, указывающего на известный или упомянутый предмет и фактически играющего роль артикля, то оно включает супплетивно соотнесенные единицы, различающиеся по одушевленно-активности и неодушевленно-пассивности, именительному и и косвенному падежам: одушевленно-активные формы характеризуются в именительном падеже корневым согласным *s- (с поздним различением мужского и женского родов: *so- и *sā-), в косвенных— *t-, неодушевленно-пассивные — во всех падежах согласным *t-. Как в косвенных падежах личных местоимений, здесь также имелись особенности образования: в ед. ч. играл особую роль основообразующий элемент *-(s)m- (ср. ст.-сл. *тому*, др.-инд. tásmāi); им. п. муж. р. в мн. ч. имеет форму на *-i: *toi, т. е. окончание отличается от соответствующего именного окончания, причем оно в некоторых языках становится окончанием именных основ; *toi фактически является не только формой им. п. мн. ч., но и служит основой косвенных падежей.

Что касается относительного (*i̯o-) и вопросительно-неопределенных местоимений (*ku̯e-, *ku̯o-, *ku̯i-), то их склонение в основном аналогично именному.

Структура древнеармянской местоименной словоформы. Количество классов слов, изменяющихся по местоименному склонению, в древнеармянском по отношению к индоевропейскому гораздо расширилось: по специальным типам местоименного склонения изменяются не только личные, возвратные и указательные, но и вопросительные, неопределенные, относительные местоимения. При этом, хотя склонение некоторых местоимений похоже на именное, оно обычно сохраняет отдельные особенности, распространенные и на некоторые группы имен прилагательных: в частности, это—окончание -m дательного падежа; ср. or «который», род. oroy, дат. orum и т. п. (основа на -o-).

Личные местоимения в основном сохранили индоевропейскую модель склонения с супплетивным сочетанием корней и основ для противопоставления по первому и второму лицу (ср. es «я»: du «ты», mek^{c} «мы»: duk^{c} «вы») по единственному и множественному числу (ср. es «я»: mek^{c} «мы») и именительному и косвенному падежу (ср. es «я»: im «мой, меня», du «ты»: k^{c}o «твой, тебя», duk^{c} «вы»: jer «ваш; вас»); противопоставление по одушевленно-активности и неодушевленно-пассивности не сохранилось. Лишь в вопросительных и неопределенных местоимениях наблюдается супплетивное противопоставление лица и не-лица. Если элементы -n- ед. ч. и -nǰ мн. ч. отл. п. считать

частью собственного окончания, то модель склонения древнеармянских личных местоимений можно представить как в индоевропейском:

$R_1(t_{0,1}, \ldots)(f_{0,1}, \ldots)/R_2(t_{0,1}, \ldots)(f_{0,1}, \ldots)/R_3(t_{0,1}, \ldots)(f_{0,1}, \ldots)/R_4(t_{0,1}, \ldots)(f_{0,1}, \ldots)$

В отличие от форм именительного п. ед. ч. es «я» и du «ты», формы именительного п. мн. ч. и косвенных падежей ед. и мн. ч. являются разложимыми. В формах mek^c „мы" и duk^c „вы", как в соответствующих праформах *mes и *jūs, можно выделить формант мн.ч. -k^c. При этом, в силу преобразования по аналогии, duk^c „вы" формально выступает в качестве множественного числа du „ты".

Основы косвенных падежей имеют следующий вид:

Ед. ч.	Мн. ч.
1. im/i(n)-	me-
2. k^{c}o/k^{c}e-	je-

Как видно, 1) основа косвенных падежей 1-го л. мн. ч. в древнеармянском, в отличие от индоевропейского, совпадает с основой именительного; 2) основа 1-го л. ед. ч. оканчивается на сонант, выпадающий перед -s, основы остальных форм косвенных падежей— на гласный -o или -e-. Винительный падеж всегда сопровождается предлогом z.

Собственные окончания форм косвенных падежей имеют следующий вид:

	Ед. ч.		мн. ч.	
	1-е лицо	2-е л.	1-е л.	2-е л.
В.	-s	-z	-z	-z
Р.	-∅	-∅	-r	-r
Д.	-j	-z	-z	-z
О.	-ēn (-e-yn)	-yn?(-ēn?)	-ynǰ?(-ēnǰ?)	-ynǰ? (-ēnǰ?)[90]
И.	-ew (-e-w)	-w	-wk^c	-wk^c

Из таблицы видно следующее: 1) формы отложительного и инструментального падежей ед. ч. 1-го л. образованы по аналогии с остальными формами и поэтому содержат лишний гласный элемент основы, т. е. основа на сонант получает дополнительный гласный элемент -e- и переходит в гласную основу; 2) окончания ед. и мн. чисел совпадают лишь в редких случаях; 3) если сравнить окончания отложительного и инструментального падежей ед. и мн. чисел как друг с другом, так и с окончаниями именных форм, то можно установить разложимость окончаний: а) инструментального падежа мн. ч. (собственное окончание инстр. п. -w+формант мн. ч. -k^c; ср. du : duk^c им. п.) и б) отложительного падежа ед. и мн. чисел: в ед. ч. имеется дополнительный по отношению к именному элемент -n, в мн. ч. кроме -n- также -ǰ. В целом склонение древнеармянских личных местоимений выглядит следующим образом:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	1-е л.	2-е л.	1-е л.	2-е л.
И.	es	du	mek^{c}	duk^{c}
В.	(z)is	(z)k^{c}ez	(z)mez	(z)jez
Р.	im	k^{c}o	mer	jer
Д.	inj	k^{c}ez	mez	jez
О.	(y)inēn	(i) k^{c}ēn	(i) mēnǰ	(i) jēnǰ
И.	inew	k^{c}ew	mewk^{c}	jewk^{c}

Для древнеармянского местоименного склонения можно установить, помимо приведенной выше, еще одну, отличную от именных, модель, характеризующуюся супплетивностью не корней (если исключить супплетивность по категории лица-нелица), а основ:

$$(R_1)R(t)(f_1)(p)(f_2),$$

где R обозначает собственный корень, R_1—примыкающий к нему корневой элемент, t—тематический элемент, f_1—первичное окончание, p—элемент (частица, формант), следующий за первым окончанием, f_2—вторичное окончание, для которого форма с первичным окончанием (с изменением или без изменения) является своего рода тематическим элементом—в одной и той же модели образуется сочетание двух склоняющихся элементов. Эта общая модель может иметь несколько частных выражений.

Частная модель $R_1R(f)$ характеризует склонение указательных местоимений в роли препозитивных определений (определяющих слов, предшествующих определяемым): ay-s «этот (у меня)», ayd «этот, тот (у тебя)» ay-n «тот (у него)». Эти местоименные формы распределенные в армянском по трем лицам, имеют вид атематических основ, к которым непосредственно примыкают окончания, значительно отличающиеся, особенно в единственном числе, от соответствующих именных окончаний согласных (сонантных) основ. Для сравнения приведем парадигму местоимения ays и существительного kołmn «край»:

	Ед. ч.	Мн.	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	ays	ays(-k^{c})	kołmn	kołman-k^{c}
В.	(z)ays	(z)ays	(z)kołmn	kołman-s
Р.	ays-r	ays-c^{c}	kołman	kołman-c^{c}
Д.	ays-m	ays-c^{c}	kołman	kołman-c^{c}
О.	(y)ays-m	(y)ays-c^{c}	(i) kołman-ē	(i) kołman-c^{c}
И.	ays-u	ays-u(?)	kołmam-b	kołmam-b

Самыми характерными чертами местоименного склонения следует считать -r род. и -m дат. падежей, причем, как было отмечено, -m характеризует склонение также некоторых имен прилагательных.

Частная модель $R(f_1(f_1))$ характеризует склонение вопросительных местоимений o(v)[21] «кто», (z)i «что»[22], причем в первом случае происходит чередование o/oy/u, во втором случае—i/e:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.
Им.	o(v)	oy-k^{c}	(z)i
В.	(z)o(v)	(z)oy-s	(z)i
Р.	oy-r	oy-c^{c}	ē-r
Д.	u-m	oy-c^{c}	i-m
О.	(y)u-m-ē	(y)oy-c^{c}	(y)i-m-ē
И.	—	—	i-w

Частная модель R(t)(f$_1$(f$_2$)) характеризует склонение притяжательных местоимений im „мой", k^{c}o, k^{c}oy „твой", mer „наш", jer „ваш", iwr „свой" и относительного or „который". Из них k^{c}o может иметь двойную основу: k^{c}o-, k^{c}oyo-. Склонение этих местоимений аналогично склонению основ на -o- с той разницей, что дательный падеж имеет, как некоторые именные основы на -o, окончание -m, а отложительный падеж образуется от формы дательного падежа:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	im	im-k^{c}
В.	(z)im	(z)im-s
Р.	im-o-y	im-o-c^{c}
Д.	im-u-m	imoc^{c}
О.	(y)im-m-ē (*im-u-m-ē)	(y)im-o-c
И.	im-o-v	im-o-wk^{c}

Частная модель R(f$_1$)p(f$_2$) характеризует склонение неопределенных местоимений o-mn, o-k$_c$ «кто-то, некто», i-mn, i-k^{c} «что-то, нечто», причем: 1) им.-вин. ед. ч. местоимения ik^{c} обычно заменяется неопределенным местоимением i-nč^{c}, род., дат. и инстр. п. местоимения imn—формами местоимения i-k^{c}; 2) кроме omn, остальные местоимения не имеют форм мн. ч., а формы мн. ч. omn вполне аналогичны формам склонения имени kolmn; 3) происходит чередование гласных как собственного корня (o/u-), так и следующей за первым окончанием части (-∅/u/e-) и самой частицы -mn (∅/a):

	Ед. ч.			
Им.	o-mn	o-k^{c}	i-mn	(i-nč^{c})
В.	(z)o-mn	(z)o-k^{c}	(z)i-mn	(i-nč^{c})
Р.	u-r-umn	u-r-uk^{c}	*i-r-imn	i-r-ik^{c}
Д.	u-m-emn	u-m-ek^{c}	*i-m-emn	i-m-ek^{c}
О.	(y)u-m-emn-ē	(y)u-m-ek^{c}-ē	(y)i-m-emn-ē	(y)i-m-ek^{c}-ē
И.	o-mam-b	—	*i-mam-b	i-w-ik^{c}

	Мн. ч.
Им.	o-man-k^{c}
В.	(z)o-man-s
Р.	o-man-c^{c}
Д.	o-man-c^{c}
О.	(y)o-man-c^{c}
И.	o-mam-bk^{c}

Частная модель $R(t)(f_1)p(f_1)$ характеризует склонение указательных местоимений sa «этот (у меня)», da «этот, тот (у тебя)», pa «тот (у него)» в роли существительных и soyn «этот же (у меня)» doyn «этот, тот же (у тебя)», poyn «тот же (у него)» в роли как существительных, так и прилагательных; при их склонении наблюдается следующее: 1) перед первичными окончаниями может выступать основообразующий элемент -o-; 2) в роли p выступают либо элемент -a перед гласным, переходящий в -an-, либо -yn/-in (-un)/-an.

Ед. ч.

Им.	s-a	s-o-yn
В.	(z)s-a	(z)s-o-yn
Р.	s-o-r-a	s-o-r-in
Д.	s-m-a	s-m-in
О.	(i) s-m-an-ē	(i) s-m-in
И.	s-o-v-a-w	s-o-v-in (-im-b)

Мн. ч.

Им.	s-o-k^c-a	s-o-k^c-in (s-o-yn-k^c)
В.	(z)s-o-s-a	(z)s-o-s-in (s-o-yn-s)
Р.	s-o-c^c-a	s-o-c^c-in,-un(-c^c)
Д.	s-o-c^c-a	s-o-c^c-in,-un(-c^c)
О.	(i) s-o-c^c-an-ē	(i) s-o-c^c-un-c^c
И.	s-o-k^c-a-wk^c	s-o-v-im-bk^c (s-o-k^c-um-bk^c)

Частная модель $Rtf_1p(f_2)$ характеризует склонение местоимений amenek^{c}in (-ean), bolorek^{c}in (-ean) „все вместе", при склонении которых в роли t выступает -e-, в роли p—in (-ean)/un, причем имеются только формы мн. ч.

Им.	amen-e-k^c-in (-ean)
В.	(z)amen-e-s-in (-ean)
Р.	amen-e-c^c-un (-un-c^c)
Д.	amen-e-c^c-un (-un-c^c)
О.	(y)amen-e-c^c-un-c^c
И.	amen-e-k^c-um-bk^c

Наконец, частная модель $R_1R(t)(f_1)(p)(f_2)$ характеризует склонение указательных местоимений ays «этот (у меня)», ayd «этот, тот (у тебя)», ayp «тот (у него)» в роли постпозитивных определений, причем в роли p выступают супплетивно сочетающиеся элементы -ik/-an-

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	ays	ays-o-k^c-ik
В.	(z)ays	(z)ays-o-s-ik
Р.	ays-o-r-ik	ays-o-c^c-ik
Д.	ays-m-ik	ays-o-c^c-ik
О.	(y)ays-m-an-ē	(y)ays-c^c-an-ē
И.	ays-u-ik	[ays-o-k^c-i-wk^c]

Следует добавить, что местоимения ink^{c}n „он сам“ (род. ink^{c}an), (z)mimeans „друг друга“, amenayn „весь“ (род. amenayni) склоняются по типам именного склонения.

Происхождение древнеармянских местоименных основ. В результате рассмотрения моделей древнеармянских местоименных словоформ было установлено два типа моделей, первая из которых ближе к индоевропейской и характеризует склонение личных местоимений.

Местоименная форма 1-го л. им. п. ед. ч. es «я» восходит к одной из ареальных словоформ, характеризующейся согласным *g′ (а не *g′h), как в греческом (ἐγώ), латинском (ego) и германском (гот. ik), и отсутствием *-ō; *c в конечной позиции переходит в s и, таким образом, устанавлвается древнеармянская es из *ec. В форме 2-го л. им. п. ед. ч. du „ты“, восходящей к *tŭ наблюдается вторичное ослабление и озвончение *t- как в указательном местоимении 2-го л. d-a, ay-d (**Meillet**, 1936², 33—34)[93]. Форма 1-го л. им. п. мн. ч. mek^{c} „мы“ восходит к ареальной форме *mes (ср. греч. ἡμεῖς, слав. *мы*, лит. mēs). Форма 2-го л. им. п. мн. ч. duk^{c} „вы“ восходит к *i̯ūs, перешедшей, как предполагают, в *y̆uk^{c} и под влиянием формы du „ты“ видоизменившейся в duk^{c}.

Формы род. п. ед. ч. 1-го и 2-го лиц личных местоимений im и k^{c}o, выполняющих функцию также притяжательных, образовались на базе форм род. п. *eme «меня» и *tu̯o «тебя», хотя, по-видимому, в окончательном их установлении сыграли роль соответствующие притяжательные формы: *emos, *tu̯os.

В формах (z)is «меня» (вин. п.) и inj «мне» (дат. п.) ед. ч., восходящих соответственно к *em(e)-g′e и *em(e)-g′he, как видно, восстанавливается первичная основа *eme-, причем вследствие ослабления и выпадения второго *-e-, *-m- перед согласным перешел в -n, в свою очередь выпавший перед s (из *-c<*-g′e)[94]. Эта же форма основы in- по аналогии выступает в формах отл. и инстр. падежей (y)inēn, inew.

Что касается основ косвенных падежей 2-го л. ед. ч. k^{c}(e)- [вин. (z)k^{c}ez, дат. k^{c}ez, отл. (i) k^{c}ēn, инстр. k^{c}ew], 1-го л. мн. ч. m(e)- [вин. (z)mez, дат. mez, отл. (i) mēnĭ, инстр. mewk^{c}] и 2-го л. мн. ч. j(e)- [вин. (z)jez, дат. jez, отл. (i) jēnĭ, инстр. jewk^{c}], то: 1) k^{c}(e)- восходит к основе косвенных падежей *tu̯e-; 2) m(e)- появилась в результате влияния основы им. п. 1-го л. мн. ч. me-k^{c} „мы“; 3) j(e)- образовалась как в результате взаимодействия форм им. *i̯ūs и косв. *u̯es и перехода начального *i̯- в j- (ср. *i̯ōi̯o->ju, -oy „яйцо“?), так и по аналогии форм 1-го л. мн. ч. и 2-го л. ед. ч.[95]

Из основ второй модели местоименного склонения притяжательные местоимения im «мой», k^{c}o «твой», как было уже отмечено, восходят к *emo-s, *tu̯o-s. Притяжательные же местоимения mer „наш“, jer „ваш“, iwr „свой“ содержат элемент -r, восходящий к суффиксу *-(e)ro- и как здесь, так и в других местоимениях фактически приобретший функцию окончания род. п. (ср. указательные ays-r, ayd-r, ayn-r при sor-a, dor-a, nor-a); таким образом, формы mer и jer образованы по аналогии, с одной стороны, с основами косвенных падежей личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч., с другой — с формами род. п. на

-r местоимения iwr и др.; iwr же непосредственно восходит к *seu̯o-ro-. И.-е. возвратное местоимение сохранилось также в in-kᶜ-n, род. in-kᶜe-an „сам“[96], -kᶜe- которого восходит к *su̯e-.

Элементы -s, -d, -n, употребляющиеся как артикли и выступающие в составе местоимения ay-s, ay-d, ay-n и s-a, d-a, n-a, восходят соответственно к *k'o-, *to-, *no-[97], причем гласный основы *-o- сохранился как во мн. ч. и косвенных падежах ед. ч. s-a, d-a, n-a (род. ед. ч. so-r-a, do-r-a, no-r-a, им. мн. ч. so-kᶜ-a, do-kᶜ-a, no-kᶜa и др.) и ay-s, ay-d, ay-n (род. ед. ч. ay-so-r-ik, ay-do-r-ik, ay-no-r-ik, им. мн. ч. ay-so-kᶜ-ik, ay-do-kᶜ-ik, ay-no-kᶜ-ik и др.), так и во всей парадигме so-yn, do-yn, no-yn (с переходом -yn в -in после согласного: род. ед.ч. so-r-in, do-r-in, no-r-in, им. мн. ч. so-kᶜ-in, do-kᶜ-in, no-kᶜ-in и др.).

Происхождение элемента ay- в ay-s, ay-d, ay-n не совсем ясно; вероятнее всего, что он восходит к частице *ati или, как полагает Г. Юнкер, разновидности местоименного корня *e(i)-: *āi- (āi-to-?).

Основы вопросительных и неопределенных местоимений o- [o(v) „кто“, o-kᶜ, o-mn „кто-то“, а также o-r „который“][98] и i- [(z)i, z-i-nčᶜ „что“, i-nčᶜ, i-kᶜ, i-nčᶜ „что-то“, а также ir „вещь“][99] восходят к соответствующим формам *ku̯o- и *ku̯ei-/*ku̯i-. Переход o в u перед m дат. п. является обычным для армянского. Элемент -y перед -r род. п. в oy-r „кого“ и ēr (=ey-r) „чего“ А. Мейе объясняет как остаток древнего родительного падежа: *ku̯o-syo>oy, *ku̯e-syo>ey (в письме ē) (с дальнейшим добавлением местоименнего окончания -r по аналогии). Однако тот факт, что oy- выступает не только в родительном ед. ч., но и в формах мн. ч. (oy-kᶜ, oy-s, oy-cᶜ), делает данное объяснение несколько сомнительным; можно ли предположить восхождение oyr к *ku̯otero- с дальнейшим переразложением oyr на oy- и -r и восприятием oy- в качестве самостоятельной основы? Am- в amēn „каждый“, amenayn „весь“, amenekᶜean „все вместе“ восходит к *sьmo- от *sem- „один; вместе“. То что мы имеем дело с древними образованиями, видно из сохранения -e- в amenekᶜ-, где -ekᶜ-<*-es.

Что же касается элементов -a (s-a), -an (y-ays-m-an-ē), -yn/-in (so-yn, род. so-r-in), -ik (ays-o-r-ik, aysm-ik) указательных и -nčᶜ, -kᶜ, -mn, -r вопросительных и неопределенных местоимений, то о них можно сказать следующее:

1. элемент -a указательных местоимений А. Мейе возводит к *āi; если эта точка зрения правильна, то -a имеет одинаковое происхождение с ay- в ay-s, ay-d, ay-n. Мнение Мейе основывается на наличии -y перед артиклем в nogay-n и т. п., что указывает на первичность формы -ay. Тот же элемент -a-, наращенный артиклем -n, выступает в формах отл. п. i sm-a-n-ē, i no-cᶜ-a-n-ē, y-ays-cᶜ-a-n-ē и т. д. В этих формах -n- фактически выступает в роли элемента, упраздняющего зияние при встрече гласных -a, -ē.

2. Элемент -in, ослабленный в -yn перед гласным, А. Мейе сравнивает с -ιν в греч. οὗτος-ίν „именно вот этот, тот самый“ при οὗτος

„вот этот"; в этой форме -ι(ν) выступает в качестве частицы. Однако тот факт, что -i(n) в конечной позиции в армянском не выпадает и несет на себе ударение, говорит о самостоятельном армянском новообразовании посредством суффикса -in (ср. yet-in „поздний", ver-in „верхний", ner-k^{c}-in „внутренний" и др.).

3. Элемент -ik в формах указательных местоимений восходит к суффиксу -ik и является явным новообразованием. И в настоящее время в диалектах он служит распространителем кратких форм (ср. es-ik „этот" от es<ays). Этот же суффикс выступает в местоименных формах awa-s-ik „вот этот (у меня)", awa-d-ik „вот этот, тот (у тебя)", awa-n-ik „вот тот (у него)"; отношение aw(a)- в этих формах к иран. указательной основе ava- не совсем ясно (заимствование? контаминация?). Эти же местоимения встречаются в соединении с aha „вот": ahawasik, ahawadik, ahawanik.

4. Происхождение элемента -r в o-r „который" такое же, как в ays-r, ayd-r, ayn-r.

5. Элементы же -k^{c} в o-k^{c}, i-k^{c} и -č^{c} в (z-)i-nč^{c} явно восходят к постпозитивной энклитической частице *kᵘe (ср. др.-инд. káś-ca, греч. ὅσ-τε, лат. quis-que, хетт. kuiš-ki); -n- в (z)i-n-č^{c} является первичным, сходным с -m в др.-инд. kim „что, что-то" — форме им.-вин. ед. ч. ср. р.

6. Элемент -mn в o-mn, i-mn восходит к какой-то первичной частице; можно было его сравнить с греч. утвердительной частицей μην (ослабленной в μεν), распространенной формой μᾶ (*sme, *smā). Неправдоподобно мнение А. Мейе (**Meillet,** 1936², 90) о восхождении omn к *somo- (ср. греч. ὁμός, гот. sama и др.; для значения ср. гот. sums „кто-то", греч. οὐδ-αμός „никто"), с сохранением o- перед -m под влиянием o-k^{c}, o-. Мейе не учитывает наличия параллельных форм местоимения i-mn.

Происхождение древнеармянских местоименных окончаний. Часть древнеармянских местоименных окончаний тождественна именным. Сюда относятся -ē отл. п. ед. и мн. ч., -w, -v, -b инстр. п. ед. ч., -k^{c} им. п. мн. ч., -s вин. п. мн. ч., -c^{c} род., дат. и отл. п. мн. ч. и -wk^{c}, -vk^{c}, -bk^{c} инстр. п. мн. ч. Однако следует отметить некоторые особенности дистрибуции этих окончаний: 1) -ē встречается не только в формах ед. ч., но и в некоторых формах мн. ч. указательных местоимений: (y)ays-c^{c}-an-ē, (i) so-c^{c}-an-ē и т. п.; 2) в условиях обязательного наличия предлога и падежной оформленности определяемого слова, препозитивные указ. местоимения soyn, doyn, noyn и ays, ayd, ayn фактически не обладают специальными окончаниями отложительного падежа: формы отложительного падежа заменяются формами дательного: i smin tanē „из этого же дома", yaysm tanē „из этого дома" и т. п.; 3) в формах род. и дат. п. мн. ч. местоимений soyn, doyn, noyn наличие вторичного окончания -c^{c} необязательно, причем оно выступает только при огласовке -u: soc^{c}-in, soc^{c}-un, soc^{c}-un-c^{c}; 4) в формах инстр. п. мн. ч. тех же местоимений возможны два ва-

рианта сочетания первичных и вторичных окончаний: наличие вторичного окончания -bk^{c} при форме либо инстр. п. ед. ч. (sov-im-bk^{c}), либо мн. ч. (sok^{c}-im-bk^{c}, sok^{c}-um-bk^{c}).

Говоря о специальных местоименных окончаниях, исследователи имеют в виду: 1) -r род. п.; 2) -j дат. п. личного местоимения 1-го л. (in-j); 3) -z дат. п. личных местоимений 2-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн, ч. (k^{c}e-z, me-z, je-z); 4) -m дат. п. ед. ч., обычно выступающее также в отл. п. в качестве основообразующего элемента; 5) -yn (-ēn?) отл. п. ед. ч. 1-го и 2-го л. личных местоимений (y-inēn, i k^{c}ēn) и 6) -ynǰ (-ēnj?) отл. п. мн. ч. 1-го и 2-го л. личных местоимений (i mēnǰ, i jēnǰ).

Происхождение -r, -j, -z было выяснено выше в связи с рассмотрением происхождения местоименных основ; было указано, что: 1) -r восходит к суффиксальному элементу *-r- (*-ro-, *-ero-), 2) -j и z — к частице *-g'he, перешедшей в j после носового сонанта и в z в интервокальной позиции. Окончание -m дат. п. ед. ч., выступающее также в мест. п., восходит к форме дат. п. *-(s)moi (ср. д.-инд. tásmāi, гот. þamma при прус. stesmu, лит. támui, ст.-сл. *томоу*, а также форму др.-иид. мест. п. tásmin). Элемент -ǰ в i mēnǰ „от нас" и i jēnǰ „от вас" идентичен -ǰ в формах род.-дат. п. ед. ч. mioǰ „одного, одному", knoǰ „женщины, женщине" и т. п., выступающему также перед -ē отложительного падежа, и восходит, как было указано, к *-dhi. Для -ēn отл. п. возможны два объяснения: либо ē является собственным окончанием отложительного падежа, и тогде -n не что иное, как форма артикля, сращенная с ним, либо -ēn является результатом сочетания основообразующего гласного -e- с собственным окончанием -yn. В последнем случае можно предположить такое же происхождение -yn, как в no-yn «тот же», но допустить контаминацию с окончанием отложительного падежа, сопровождающимся артиклем

СПРЯЖЕНИЕ

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА СПРЯЖЕНИЯ

Структура глагольной словоформы. Индоевропейская глагольная словоформа включает основу и окончание, причем основа состоит из корня в широком смысле (включая детерминативы) и основообразующих элементов. Если обозначить корень символом R, основообразующий элемент—символом t и окончание—символом f, то для индоевропейской глагольной словоформы, как для именной, получится следующая формула:

$$R(t)(f).$$

Структура глагольной основы. Индоевропейская глагольная основа—сложное образование, и под основообразующим элементом следует понимать разнородные форманты (аффиксы и «суперфиксы»): 1) аугмент как своеобразный префиксальный элемент, имеющий определенную семантическую нагрузку в том ареале, откуда вышел армянский язык; 2) элемент, возникающий в результате редупликации корня (так называемая грамматическая или нормальная редупликация) и при наличии аугмента следующий за ним; 3) инфиксальный элемент; 4) суффиксальные элементы четырех порядков: первичные, вторичные, третичные, четвертичные; 5) определенное чередование (аблаут) гласного корня и суффиксальных элементов; 6) переход тона на окончание в определенных условиях, в частности, при отсутствии третичного суффиксального элемента—собственно тематического гласного, т. е. при атематических основах.

Имея в виду обусловленность последних двух элементов наличием определенных типов суффиксальных элементов, при рассмотрении глагольной основы мы будем пользоваться несколько упрощенной формулой, по необходимости делая замечания о чередовании и изменении тона. Модель индоевропейской глагольной основы будет выглядеть следующим образом:

$$(a)(r)R(i)(s_1)(s_2)(s_3)(s_4),$$

где a—аугмент, r—редуплицированная часть корня, s_1, s_2, s_3, s_4—суффиксальные элементы четырех порядков. Следует при этом учесть, что если роль первых двух элементов явно реляционная—они сопровождают определенную личную глагольную форму (verbum finitum), то трудно строго относить суффиксальные элементы к реляционным или деривационным. Сказанное, в частности, относится и к суффиксальным элементам, во-первых, образующим глаголы от имен (так называемые деноминативные глаголы) и, во-вторых, совпадающим с именными; это—суффиксальные элементы вторичного, третичного и четертичного порядка.

Приведенная формула модели индоевропейской глагольной основы является обобщенной. Общая модель выступает в трех частных моделях, соответствующих трем видовременным основам: 1) презентной, 2) аористной и 3) перфектной.

Следует заметить, что: а) указанные три основы могут характеризоваться и некоторыми особенностями чередования и тона; так, например, перфект обычно характеризуется о-огласовкой; б) в дальнейшем в различных языках происходит изменение состава и типов моделей; так, например, в греческом развивается перфект с суффиксальным элементом -κ- (k), и на базе перфекта развивается форма плюсквамперфекта с аугментом, т. е. возникает новая модель. Имея в виду слабую выраженность перфектных основ в армянском, в дальнейшем подробно будут рассмотрены лишь презентные и аористные основы.

Презентные и аористные основы противопоставляются друг другу не только различием в конкретной реализации элементов модели, но и их наличием или отсутствием. Так, например, если в презентной основе наличествует (r), то в аористе он отсутствует, и, напротив, если он наличествует в аористе, то отсутствует в презенсе. Как будет видно из формул, имеются элементы, наличествующие только в презентной и отсутствующие в аористной основе [ср. элемент (i)] и обратно [ср. элемент (a)][1].

Презентные основы выражали длительность и незавершенность. В сочетании с так называемыми первичными окончаниями они обозначали настоящее и, с определенным суффиксом или в определенной ситуации и контексте,—будущее, в сочетании же со вторичными окончаниями в отдельных языках—прошедшее несовершенное (имперфект). Аористные основы выражали недлительность и завершенность и, сочетаясь только с так называемыми вторичными окончаниями, обозначали прошедшее совершенное. Перфектные основы не имели определенного видового значения, а в сочетании со специальными перфектными окончаниями выражали результатированное действие, т. е. некоторое состояние в настоящем как результат определенного действия в прошедшем; при этом в перфекте иногда превалирует обозначение результата, и он воспринимается как настоящее[2]. Соотношение презентных, аористных и перфектных форм можно представить следующей схемой:

Презенс ↑ Перфект
Аорист

Частные модели презентных, аористных и перфектных основ можно соотнести с общей моделью глагольных основ следующим образом:

1) модель презентной основы может иметь все элементы общей модели, кроме элемента (a), т. е. выражаться следующей формулой:

$$(r)\,R\,(i)\,(s_1)\,(s_2)\,(s_3)\,(s_4).$$

2) Модель аористной основы может иметь все элементы общей модели, кроме элемента (i) и (s_3), т. е. выражаться следующей формулой:

$$(a)\,(r)\,R\,(s_1)\,(s_2)\,(s_4).$$

3) Модель перфектной основы в отношении к двум предыдущим является более простым (малоэлементным) и включает, кроме корня R, элемент (r), т. е. выражается следующей формулой:

$$(r)\,R.$$

Отдельные элементы модели презентной основы реализуются следующим образом:

1) элемент (r) обычно реализуется в виде первого согласного корня с добавлением обычно гласного i (ср. *dí-dō- от *dō- „дать")причем: а) придыхательный согласный теряет придыхание, б) в санскрите иногда сохраняется гласный корня (*e>a), в) в санскрите при двух согласных сохраняется не первый, а второй. Элемент (r) обычно противопоставляет основу настоящего времени основе аориста без редупликации. Однако в некоторых случаях он имеет специальную смысловую нагрузку также в самых презентных основах, если наряду с редуплицированными формами существуют нередуплицированные; в этом случае он указывает на предусмотренность завершения действия, т. е. выполняет видоразличительную функцию (ср. греч. μίμνω при μένω «остаюсь»; ср. **Мейе**, 1938, 220)[3]. Как было сказано, эта грамматическая редупликация по форме и по значению отличается от интенсивной (ср. арм. hototim «нюхаю» при греч. ὄδωδα «я пропах»).

2) Элемент (i) реализуется в виде инфикса *-ne-/*-n-, который вставляется перед последним звуком корня в нулевой ступени огласовки (*ǰu-ne-g- от *ǰeug-/*ǰug- „присоединять"), причем: а) перед *-u- корня инфикс сливается с ним, фактически воспринимаясь как суффикс *-neu-/*-nu-, б) перед последующим ларингальным *-e- инфикса сливается с ним, переходя в *-ā-, и -nā- воспринимается как отдельный суффикс.

3) Элемент (s_1) реализуется в виде первичных суффиксов и суффиксальных элементов *-ā-, *-ē-/*-ō- и *-ī-, *-ĭ-, имеющих ареальную ограниченность и выражающих в основном состояние. В некоторых случаях трудно отличить суффиксальные элементы *-ā-, *-ē-/-ō- от соответствующих длительных гласных двусложных корней.

4) Элемент (s_2) реализуется в суффиксах и суффиксивных элементах *-sk- и *-s-. Первый из них либо выражает итеративность (в хеттском) или предельность (завершенность, начинательность), либо образует глаголы от именных и других глагольных основ. Именно по выражению завершенности он становится в армянском формантом аориста. Элемент *-s-, в сочетании с (s_4), иногда и с (s_3), даже с редуцированной формой (s_1): *-ə-, выступает в качестве форманта модально-временных форм в различных языках; первично он указывал на ожидаемое действие, затем в различных языках стал выражать будущее. По-видимому, сюда же следует отнести следующие суффиксальные элементы: а) *-n-, который в сочетании с (s_4) в различных языках, в том числе армянском, стал образовывать наст. время совершенного вида (в качестве новообразования) главным образом от аориста; б) *-e-, который в сочетании с элементами (s_3) и (s_4) выражает каузативность и итеративность; в) переднеязычные или заднеязычные согласные *-dh-, *-t-, *-k- и т. д., в сочетании с (s_4) или без него придающие настоящему времени видовое значение совершенности.

5) Элемент (s_3) реализуется в виде суффиксального элемента *-i-(*-ǰ-) который в сочетании с элементом (s_4) выполняет словообразовательную функцию, образуя глаголы от имен и от глагольных основ, имеющих или не имеющих в модели предшествующих элементов, т. е. от основ (r)R(i)(s_1)(s_2).

6) Наконец, элемент (s_4) реализуется в виде тематического гласного *-e-/*-o-, наличие которого характеризует тематические основы,

отсутствие—атематические. Оба эти типа основ соответственно обусловливают появление тех или других вариантов окончаний[4].

Из формулы первой частной модели можно вывести возможность 64-х типов (1 одноэлементный—корневой тип, 6 двухэлементных, 15 трехэлементных, 20 четырехэлементных, 15 пятиэлементных, 6 шестиэлементных и 1 семиэлементный), однако следует иметь в виду, что, во-первых, существуют определенные ограничения сочетаемости элементов, и, следовательно не все типы реализуются, во-вторых, каждый элемент может иметь более одной реализации, и поэтому конкретное количество всех выражений основ не сходится с количеством типов, в-третьих, некоторые реализации элементов, в частности (s_2) с (s_4), иногда и с (s_3) образуют единые суффиксальные комплексы, и их нельзя считать отдельными суффиксами, в-четвертых, существуют ареальные различия в реализации элементов модели[5].

Рассмотрим реальные выражения и основные типы реализации презентной модели.

Одноэлементный тип (корневая основа) представлен некоторыми односложными и двухсложными корнями, причем первые из них характеризуются подвижным ударением и соответствующим чередованием, вторые обычно имеют огласовку *e или *o в первом слоге и нулевую огласовку во втором: 1) *ed- „есть“, *ei- „идти“, *es- „быть“, *gu̯hen- „бить“, *kei- „лежать“, *u̯es- „одеваться“; 2) *reudə- „рычать, вопить“ и др.

Из шести двухэлементных типов представлены, иногда с ареальными ограничениями, следующие четыре типа: 1) rR: *di-dō- или *de-dō- от *dō- „давать“, *di-dhē- или *de-dhē- от *dhē- „класть“, *gu̯i-gu̯ā- от *gu̯ā- „идти“, *si-stā- или *ti-stā- от *stā- „стоять“; 2) Ri: *bhi-ne-d- от *bheid- „колоть, рассекать“, *i̯u-ne-g- от *i̯eug- „присоединять“, *li-ne-ku̯- от *leiku̯- „оставлять“, *k'i̯-ne-u- от *k'leu- „слышать“, *sti̯-ne-u- от *steru-/*streu- „простирать“; *pu-ne-ə-$>$*pu-nā- от *peu- „очищать“ и др.; 3) Rs_1: *gu̯ii̯-ā- от *gu̯ei- „жить“, *m(e)n-ā-, *mьn-ē, *mьn-ī- от *men- „думать“ и др.; 4) Rs_4: а) с ударением на корне: *bhér-e/o- „нести“, *beúdh-e/o- „бодрствовать“, *séku̯-e/o „следовать“ и б) с ударением на тематическом гласном и нулевой огласовкой корня в индийском и славянском: tud-é/ó- от *teu-d- „толкать, бить“ и др. Первые три типа, как атематические, следует отличать от Rs_4, который является тематическим, с соответствующим влиянием на характер окончаний. Что касается типов Rs_2 и Rs_3, то они не выступают без тематического гласного (т. е. возможны только трехэлементные тип Rs_2s_4 и Rs_3s_4); наличие будущего времени на первичный *-s- в литовском вызывает сомнение[6].

Довольно многочисленны имеющиеся трехэлементные типы и рассматривать их подробно—дело собственно сравнительной грамматики индоевропейских языков. Сделаем лишь несколько общих замечаний, имея в виду, в частности, цели настоящего исследования. Как и в остальных случаях, здесь также важно различие между тематическими и атематическими основами, т. е. типами с элементом (s_4) и без него. Преимущественно атематичны типы с элементами (r), (i)[7], вообще атематичен тип с элементом (s_1), почти только тематичны, как было сказано, типы с элементами (s_2), (s_3), образующими единые комплексы; иначе говоря, типы rRs_4, Ris_4 редки, тип Rs_1s_4 не встречается

(имеется, и то поздно, тип $Rs_1s_3s_4$), в типах Rs_2s_4, Rs_3s_4 комплексы s_2s_4 и s_3s_4 образуют единые суффиксы *-se/o-, *-ske/o-, *-i̯e/o-. Имеются ограничения также для сочетания двух элементов в атематических типах, обусловленные языковой тенденцией к экономии—избежанию избыточности: если один из элементов достаточен для противопоставления презентной основы аористной, то второй такой элемент с ним не сочетается. В частности, ограничены в своем употреблении с другими элементы (r), (i), а также элемент (s_1). Напротив, если элемент выражен согласным, как в случае *-s- (s_2), то выступает гласный элемент *-i- (s_3) или, как увидели выше, основообразующий гласный *-e/o-.

Все вышесказанное о причинах ограничения или реализации тех или иных сочетаний—тенденции к экономии и тенденции к избежанию непривычных сочетаний (в том числе хиатуса и недопустимых сочетаний согласных)—относится также к другим многоэлементным типам (четырех-, пяти- и шестиэлементным). Так, в глагольных основах встречаются комплексы *-āi̯e-, *-ēi̯e-, *-ei̯e-, но не *-āe-, *-ēe-, *-ee-, суффикс *-sk- сочетается с окончаниями посредством тематического гласного, но не непосредственно. Иначе говоря, элементы *-i̯- (*-i-) и *-e/o- (s_3 и s_4), кроме собственно морфологической функции, приобретают также собственно фонетические функции.

В некоторых случаях сочетаемость возможна при одной реализации элемента и невозможна при другой; так, суффиксальный элемент *-s- (s_2) сочетается с элементами *-i- (s_3) и *-e/o- (s_4), между тем как суффикс *-sk- (s_2) сочетается с *-e/o- (s_4), но с *-i- (s_3) сам по себе не сочетается. Возможность сочетания *-sk- одновременно с *-i- (s_3) и *-e/o- (s_4) сомнительна. Так, известно, что А. Мейе (**Meillet,** 1936², 109) возводил армянский глагольный суффиксальный элемент -č^{c}- к *-sk-i̯-, указывая на греческие параллели [ἐγρήσσω „бодрствую“ и δεδίσσομαι (атт. δεδίττομαι) „пугаю“ (при δεδίσκομαι „боюсь“) — арм. erknč^{c}im „пугаюсь, боюсь“]. Однако более вероятно возведение арм. -č^{c}- к *-k-i̯- или *-t-i̯- (как и соответствующих греч. форм), так как у нас нет другого примера восхождения č^{c} к *-ski̯- (единственный аналогичный пример *az-gi̯o-$>$ačiwn „пепел“ от *as- сомнителен).

Отдельные элементы модели аористной основы реализуются следующим образом:

1) элемент (a) реализуется в виде аугмента—префиксального гласного *e- в определенном ареале, к которому принадлежит также армянский—наряду с арийским, греческим, фригийским.

2) Элемент (r) реализуется в виде первого согласного корня с добавлением гласного *e при согласном начале и в виде всего корня—при гласном начале.

3) Элемент (s_1) реализуется в виде *-ē-, который наличествует в греческом и славянском, причем в греческом обозначает страдательность.

4) Элемент (s_2) реализуется в виде *-(i)s-, причем гласный *-i- наличествует только в армянском и латинском. Основы с этим элементом называются сигматическими.

5) Элемент (s_4), как в презентных основах, выступает в виде тематического гласного *-e/o-.

Если сравнить аористные основы с презентными, то окажется,

что, во-первых, элементы в модели аористных основ имеют меньше реализаций—по одному выражению на каждый элемент, во-вторых, здесь больше ареальных ограничений, в-третьих, меньше теоретически возможных типов основ—32 (1 одноэлементный, 5 двухэементных, 10 трехэлементных, 10 четырехэлементных, 5 пятиэлементных и 1 шестиэлементный). Однако, в отличие от презентных основ, в аористных меньше ограничений сочетаемости: все элементы, за исключением (r), могут сочетаться друг с другом, хотя с ареальными ограничениями. В связи с этим следует указать, что аугмент в индийском и армянском выступает при всех остальных элементах модели; таким же образом тематический гласный (s_4) встречается при всех предыдущих элементах, т. е. все типы могут иметь как тематические, так и атематические варианты.

Выявить одноэлементный тип («чисто» корневую основу) нелегко. В арийском, греческом, армянском (в последнем—с ограничением) он обычно сопровождается аугментом, в хеттском аориста нет, в других индоевропейских языках аорист и перфект обычно смешиваются. Но если аугмент является ареальной инновацией, то для индоевропейского глагола следует выделить именно первичный корневой (одноэлементный) тип основы. К такому типу возводятся, например, некоторые основы латинского перфекта; ср. fu- в fuī (арх. fūvī) от и.-е. *bhū- при греч. ἔ-φυ-ν, др.-инд. á-bhu-v-am (3-е л. ábhut) (**Тронский** 1960, 260). На этом основании можно констатировать первичный одноэлементный тип основы (корневую основу), в индийском и греческом, сопровождающийся аугментом и представленный односложными ит.н. двусложными корнями: 1) *dō- „дать", *dhē- „положить", *gᵘā-,*gᵘem- „прийти", *k'leu- „услышать", *pōi-, *pī- „выпить", *stā- „стать" 2) *plē- «наполнить». Как видно из приведенных примеров, состав глаголов, имеющих корневую основу аориста, отличается от состава глаголов, имеющих корневую основу презенса: аористные корневые основы сами по себе выражают недлительность и завершенность, презентные основы, напротив,—длительность и завершенность. Именно этим аористным основам соответствуют редуплицированные презентные основы.

Из вышесказанного становится ясным, что некоторые двусложные и многосложные типы, имеющие в своем составе элемент (a): аугмент, ограничены определенным ареалом. В двухэлементном типа (a)R ударение падает именно на аугмент. Двухэлементный тип Rs_1 в «чистом» виде нигде не сохранился: в греческом он встречается с аугментом (aRS_1) : ἔ-τραπ-η-ν «я был повергнут»[8], в славянском—в сочетании с *-s- и тематическим гласным ($aRs_1s_2s_4$) : **видѣхъ** (*u̯id-e-s-o-m). Двухэлементный тип Rs_2 сохранился, например, в латинском, а в арийском и греческом он сопровождается аугментом; ср. лат. перфектная форма из аориста dixi «я сказал» (*dik-s-i) при греч. ἔδειξα и др.-инд. ádikṣam. В арийском, латинском, славянском корневой гласный при сигматическом аористе обычно удлиняется. Редуплицированная основа может быть как атематической, так и тематической (rR, rRs_4), причем в арийском и греческом она сопровождается аугментом. В тематическом аористе, в отличие от презенса, ударение падает только на тематический гласный, причем корневой гласный имеет нулвую ступень огласовки.

Перфект может иметь, как показывает приведенная формула, только корневую (R) и редуплицированную (rR) основы. Корневая основа имеет в единственном числе огласовку o, во множественном—нулевую ступень огласовки (*u̯oid-/u̯id- от *u̯eid- „знать"). В редуплицированных основах r выражается корневым согласным и гласным *e: *le-loikᵘ- от *leikᵘ- „оставлять".

Кроме собственно гомогенных основ, индоевропейский глагол имеет и так называемые гетерогенные основы, которые образуются от гомогенных посредством формантов, в которых повторяются уже встречавшиеся элементы: это—основы наклонений, выражающие субъективную оценку говорящим отношения обозначаемого действия к действительности. Если считать повторяющиеся суффиксальные элементы лишь омонимичными, можно, конечно, включить форманты наклонений в общую модель основы индоевропейского глагола как реализации элемента (s_5).

Форманты наклонений реализуются в виде *-e/o- и *-ję̄-/*-ī- (для атематических основ), *-i- (для тематических основ)[9]. В глаголах с тематической основой форманты *-e/o- и *-i- сливаются с тематическим гласным, и получаются *-ē/ō- и *-oi;- в ведическом языке *-oi- стал самостоятельным формантом, выступая и в некоторых атематических основах. Формант *-e/o- образует так называемый конъюнктив, обозначающий ожидаемое или вероятное (с оттенками желательности или возможности) действие. Форманты *-ję̄-,*-ī-,*-i- образуют оптатив, выражающий желание, иногда и, как конъюнктив, ожидаемое действие—с меньшей долей вероятности.

Основы двух других наклонений—императива, выражающего побуждение (просьбу или требование), и индикатива, выражающего реальность действия, не имеют специальных суффиксальных формантов: императив отличается от индикатива повышением тона и характером окончаний[10].

Окончания. Собственные окончания глагола в канун распада индоевропейской общности, в отличие от глагольной основы, по-видимому, воспринимались говорящими как линейно неразложимые элементы, которые образовывали серии, заменяющие друг друга либо по своей основной функции (необходимость выражения того или другого грамматического значения, когда каждое окончание несет соответствующую реляционно-смысловую нагрузку), либо по обусловленности характером основы и ее элементов (дополнительно-избыточное выражение значений, уже выраженных в основе, иногда с целью их выделения, подчеркивания, уточнения). Во втором случае имеют место позиционно и исторически (традиционно) обусловленные варианты, к которым следует еще и присовокупить ареальные варианты выражения одних и тех же значений.

Модель индоевропейских глагольных окончаний можно представить в виде $f_0(k_1k_2k_3k_4k_5)/f_1(k_1k_2k_3k_4k_5)/f_2(k_1k_2k_3k_4k_5)/...$, где f обозначает окончания, k—выраженные ими категориальные значения: k_1—значения модальности, k_2—лица, k_3—числа, k_4—вида и времени[11] и k_5—залога. В этой формуле подчеркивается, что, в отличие от глагольной основы, где наличие предыдущих при последующих элементах необязательно, здесь последующие элементы не бытуют без предыдущих, и каждая новая серия окончаний выражает изменение одного из значений элементов.

Исходным для этой модели следует считать императив, выступающий во втором лице единственного числа настоящего времени активного залога, лишенный каких-бы то ни было окончаний (т. е. характеризующийся нулевым окончанием) и при атематических основах не имеющий никакого показателя (*ei «иди»), а при тематических сохраняющий тематический гласный -e (*bhere «носи»). В остальных случаях императив характеризуется серией специальных окончаний, которые противопоставляются сериям индикативных окончаний (кроме некоторых омонимичных случаев во 2-м л. мн. ч.). Как было уже сказано, в отношении выражения модальности коньюнктива и оптатив отлича-

ются друг от друга и от императива и индикатива наличием особых основообразующих элементов, а их окончания сходны с окончаниями индикатива—с некоторыми особенностями оформления, подчеркивающими их характер. Все эти серии окончаний во многих случаях варьируют по атематическим и тематическим основам.

Рассмотрим сначала окончания императива, затем индикатива. Хотя выше мы говорили, что 2-е л. ед. ч. наст. вр. активного императива совпадает с основой, однако в арийско-греческо-армянском ареале имеется специальное окончание для атематических основ: *-dhi, по-видимому, восходящее к какой-то частице. Его точная функция не совсем ясна: либо оно подчеркивало значение основы, либо имело какой-то оттенок значения. В армянском языке формант J, восходящий к этому окончанию, имеет некоторый модально-временной оттенок, выступая в так называемом увещевательном императиве (yordorakan hramayakan) и во 2-м л. будущего (по термину некоторых исследователей—второй формы конъюнктива). Большинство других окончаний, кроме 2-го л. мн. ч., обычно имеют ареальную ограниченность и не всегда одинаково оцениваются исследователями. Некоторые из них значительно архаичны, другие являются новообразованиями. К последним следует отнести окончание *-tōd, восходящее, по-видимому, к отложительному падежу местоимения *to- и употребляющееся в арийском и латинском для 2-го и 3-го, в греческом—только для 3-го лица. Считая первое употребление более общим и оценивая эти формы как принадлежащие будущему времени, можно сказать следующее:

1) k_2 основывается на противопоставлении 3-го лица 2-му, т. е. немаркированным членом является 2-е лицо, обозначающее непосредственно присутствующего собеседника, причем в формах единственного числа так называемого будущего в силу фонетических процессов это противопоставление фактические нейтрализуется;

2) если исключить из рассмотрения двойственное число, рано перестaвшее существовать в армянском, можно констатировать противопоставление множественного числа единственному как немаркированному члену;

3) k_4 основывается на противопоставлении будущего собственно императиву («настоящему времени» императива) как немаркированному члену;

4) наконец, k_5 основывается на противопоставлении среднего залога (медия, точнее—медиопассива) активному как немаркированному члену[12].

Соотношение реализаций элементов окончаний императива можно выразить следующей таблицей (см. **Szemerényi**, 1970, 229—230):

Простой императив

	Актив		Медиопассив
	Атемат.	Темат.	
Ед. ч. 2.	-∅, (-dhi)	-(e)	-so
3.	-t(+u)	-(e)t(+u)	-to
Мн. ч. 2.	-te	-(e)te	-dhụe
3.	-ent(+u)	-(o)nt(+u)	-nto

Императив будущего

Ед. ч. 2.	-tōd	-(e)tōd
3.	-tōd (<-t-tōd)	-(e)tōd [<(e)t-tōd]
Мн. ч. 2.	-tōd (<-te-tōd)	-(e)tōd [<-(e)te-tōd]
3.	-ntōd	-(o)ntōd

Проявления индикатива значительно отличаются от соответствующих проявлений императива:

1) k_2 основывается на противопоставлении не двух, а трех лиц: 1-го, 2-го и 3-го, причем нелегко установить немаркированный член противопоставления. Имея в виду первичность императива и необходимость иметь единый исходный член системы, условно можно считать здесь также немаркированным членом 2-е лицо, хотя оно во всех случаях имеет специальные окончания. В армянском и некоторых других языках немаркированным членом явно выступает 3-е лицо.

2) Трактовка k_3 для императива остается в силе и при рассмотрении выражения категории числа окончаниями индикатива.

3) k_4 основывается на противопоставлении не будущего времени (футурума) презенсу, а презенса—аористу, и обоих форм—перфекту. Как увидим ниже, при рассмотрении типов окончаний, можно констатировать маркированность окончаний презенса по отношению к аористу, хотя окончания презенса традиционно называются первичными, аориста—вторичными. Следует сказать, что во 2-м и 3-м лицах ед. ч. прошедшего времени и перфекта в некоторых языках (хеттском, древнеиндийском, армянском) имеется специальная характеристика *-u- (*-u̯-).

4) Наконец, k_4 при индикативе также основывается на противопоставлении медия (медиопассива) активному залогу. В формах медиопассива, кроме обычных окончаний, во многих индоевропейских языках сохранилась древняя характеристика *-r.

До того, как привести таблицу реализации модели окончаний индикатива, считаем необходимым сказать о следах их древних агглютинативных проявлений, по-видимому, частично ощущаемых членами индоевропейского общества, т. е. выделить специальный тип линейно-разложимых окончаний. Можно указать на две разновидности такого «агглютинативного» построения.

Первая разновидность представлена в окончаниях аориста и презенса всех трех лиц единственного и 3-го лица множественного числа; исходя из первичных аористых окончаний индикатива (с которыми в основном сходны окончания оптатива), для них можно построить следующую модель:

$$(f_1)f_2(f_3).$$

В этой модели (f_1) реализуется в виде элемента *-n-, обозначающего множественное число в противоположность нулевому элементу единственного числа, f_2—в виде элементов *-m, *-s, *-t, обозначающих соответственно 1-е, 2-е и 3-е лица, (f_3)—в виде *-i и *-ai для выражения презенса активного и среднего залогов.

Вторая разновидность:

$$f(f_1)$$

представлена в некоторых ареальных образованиях 1-го и 2-го лиц множественного числа, в которых элемент (f_1), если конечный *-s является остатком форманта мн. ч. (ср. *-mes>арм.-mk^c для 1-го и *-tes>арм. -yk^c для 2-го л. мн. ч.), в отличие от f_1 в первой разновидности, занимает конечную позицию.

По-видимому, можно вскрыть и другие ареальные следы первичных агглютинативных образований, но здесь мы находимся в области предположений.

Ниже приводится таблица реализаций модели окончаний индикатива.

Презенс

	Актив		Медиопассив
	Атем.	Тем.	
Ед. ч. 1.	-mi	-ō	-(m)ai
2.	-si	-(e)si	-sai
3.	-ti	-(e)ti, -ei	-tai
Мн. ч. 1.	-mes, -u̯es, -men	-mes	-me(s)-dha (-ā)
2.	-te(s)	-te(s)	-dhu̯e
3.	-nti	-(o)nti	-ntai, -r

Аорист

Ед. ч. 1.	-m/-m̥	-(o)m	-(m)ā
2.	-s	-(e)s	-so, -tha(s)
3.	-t	-(e)t	-to
Мн. ч. 1.	-me(s)	-(o)me(s) (-men)	-me(s)
2.	-te	-(e)te	-dhu̯e
3.	-nt/-n̥t	-(o)nt	-nto

Перфект

Ед. ч. 1. -a(<*-ha?), -ai
2. -tha
3. -e

Мн. ч. 1. -mes/-mos
2. -te, -a
3. -nt(i), -r-.

Окончания конъюнктива и оптатива вместе с соответствующими формантами выглядят следующим образом:

	Конъюнктив		Оптатив	
	Атем.	Тем.	Атем.	Тем.
Ед. ч. 1.	-ō	-ō	-i̯ēm	-oi̯m̥
2.	-es(i)	-ēs(i)	-i̯ēs	-ois
3.	-et(i)	-ēt(i)	-i̯ēt	-oit
Мн. ч. 1.	-ome	-ōme	-īme	-oime
2.	-ete	-ēte	-īte	-oite
3.	-ont	-ōnt	-īent (-i̯i̯ent)	-oi̯n̥t

ДРЕВНЕАРМЯНСКАЯ СИСТЕМА СПРЯЖЕНИЯ

Структура глагольной словоформы. Древнеармянская глагольная словоформа, как и индоевропейская, включает корень (R), основообразующий элемент (t) и окончание (f):

R(t)(f).

Структура глагольной основы. Древнеармянская глагольная основа по отношению к индоевропейской претерпела значительное упрощение. Учитывая, что здесь фактически нет разницы между тематическими и атематическими основами[13] и что гласные, предшествующие собственно основообразующим элементам и окончаниям, являются их необходимой частью, модель древнеармянской глагольной основы можно выразить формулой

$$(a/r)R(s),$$

где a—аугмент, r—повторяющаяся часть, s—основообразующий суффикс. Иначе говоря, (t) имеет два выражения—предшествующую часть (аугмент или повторяющийся корень) и суффиксальную часть, причем каждая из них состоит из одного элемента[14].

Эта общая модель выступает в виде двух частных моделей, одна из которых присуща презентной, другая—аористной основе, разница между которыми в основном видовая: презентная основа выражает длительное и незавершенное, аористная основа—недлительное и завершенное действие, причем от этих основ образуются различные времена: от презентной основы—настоящее, прошедшее и будущее, от аористной основы—прошедшее и будущее[15]. Следует, однако, сказать, что в древнеармянский период эта четкая видовая дифференциация между некоторыми проявлениями обеих основ значительно нарушена (**Meillet,** 1962, 93).

1) Модель презентной основы не имеет элемента (a/r) общей модели и выступает в виде

$$R(s),$$

2) Модель аористной основы имеет все элементы общей модели:

$$(a/r)R(s).$$

Противопоставление конкретных выражений форм презенса и аориста осуществляется, как увидим ниже, не только различными окончаниями, но и различными типами основ и их реализаций. Кроме аугмента, который выступает только при односложных основах, основы презенса и аориста противопоставляются следующим образом: 1) суффиксальной основе презенса (Rs) соответствует корневая основа (R) аориста, и, напротив, корневой основе презенса—суффиксальная основа аориста: през. mt-an-em «вхожу»—аор. mt-i «я вошел» (3-е л. e-mut «он вошел») и през. sir-em «люблю»—sir-ec^{c}-i «я полюбил»; 2) суффиксальной основе презенса соответствует также суффиксальная основа аориста, но в различных реализациях суффиксов: през. im-an-am «узнаю»—аор. im-ac^{c}-ay «я узнал»; 3) супплетивно сочетаются различные корни: gam «иду»—eki «я пришел», utem «ем, кушаю»—keray «я съел, покушал» (3-е л. keraw, e-ker). Имеются случаи, когда корневой основе презенса соответствует корневая основа аориста, и тогда противопоставление презентных и аористных словоформ осуществляется только посредством окончаний (в 3-м лице, в соответствии с количеством слогов—при односложных, также аугментом): през. ber-em «приношу»—аор. ber-i «я принес» (3-е л. e-ber «он принес»).

Из приведенных формул видно, что типы основ презенса и аориста в древнеармянском языке немногочисленны: презентные основы имеют два типа: R, Rs, аористные основы—четыре: R, aR (подтип rR), Rs, aRs.

Корневой тип презентной основы (R) представлен многочисленными примерами; это можно сказать—основной тип презентных ос-

нов. Если гласный, предшествующий собственному окончанию[16], считать частью последнего (хотя, как увидим ниже, генетически он иногда принадлежит корню), то почти все корневые основы презенса окажутся с конечными согласными: гласные основы типа ate-am (>*ati-am) очень редки.

Суффиксальный тип презентных основ (Rs) представлен следующими суффиксами (реализациями s), состоящими из элементов -n-, -č^{c}-, которые выступают либо отдельно, либо в сочетании друг с другом и с гласными: -n-, -an-, -en- (<-ean-), -č^{c}-, -nč^{c}-, -anč^{c}[17].

Нередки случаи, когда корневой тип заменяется суффиксальным или напротив (ср. liz-em/lizan-em „лижу"), один вид суффиксальной основы другим (ср. особенно p^{c}axn-um/p^{c}axč^{c}-im).

Корневой тип аористных основ (R) по количеству реализаций намного уступает корневому типу презентных основ. Здесь также корни обычно оканчиваются на согласные. Что же касается форм типа t^{c}ak^{c}eay, „я спрятался" из *t^{c}ak^{c}i-ay, где -i- является принадлежностью основы, то вследствие перехода i-a в единый дифтонг ea, весь комплекс -eay грамматистами обычно трактуется как единое окончание—разновидность -ay.

Префиксальный тип основы (корень с аугментом e-: aR) в армянском, в отличие от арийского и греческого, имеет более ограниченное употребление: как было сказано, он встречается только при односложных формах (обычно при односложных корнях и основах с нулевым окончанием) и поэтому характерен для 3-го л. ед. ч. Исключение составляет лишь глаголы dnem «кладу» и tam «даю», аорист которых имеет аугмент и в остальных лицах единственного и множественного чисел (где это допустимо по правилу): ед. ч. 1. e-di, 2. edir (-er), 3. ed, мн. ч. 1. e-dak^{c}, 2. e-dik^{c}, 3. e-din и ед. ч. 1. e-tu, 2. e-tur, 3. e-t, мн. ч. 1. tuak^{c}, 2. e-tuk^{c}, 3. e-tun. При глаголах с гласным началом аугмент принимает форму ē- (ē-awc „он помазал").

Редупликативный подтип (rR) характерен только для глагола aṙnem «делаю», основа аориста которого имеет форму ar-ar-.

Суффиксальный тип (Rs) среди аористных основ представлен наиболее многочисленными реализациями: сюда принадлежат все основы медиопассивного (нейтрального и пассивного) типа (с окончаниями, содержащими элемент -a-) и значительная часть активного типа (с окончаниями, содержащими элементы -i-, -e-, -ē-). В большинстве случаев суффиксом аориста является -c^{c}- с предшествующим дифтонгом или гласным: -ac^{c}-, -eac^{c}/-ec^{c}-. Такие основы, по названию буквы -c^{c}- (*g*) в армянском называют цойными. Типологически (а не генетически) они относятся к корневым основам приблизительно так, как индоевропейские сигматические основы.

В собственном императиве активного типа цойная основа в единственном числе теряет -c^{c}-: aṙa (<aṙac^{c}) „смели", sirea (<sireac^{c}) „полюби (во множественном числе -c^{c}- восстанавливается).

Наконец, предиксально-суффиксальный тип аористных основ (корень с аугментом и суффиксом—aRs) ограничен несколькими глаголами (ср. kam «стою, остаюсь»), и то только в третьем лице ед. ч.: ekac^{c}.

Если в глаголах типа im-an-am «узнаю»—im-ac^{c}-ay, вместо -n- презенса в основе аориста имеется -c^{c}-, то в глаголе tan-im «несу»—tar-ay вместо -n- выступает -r-, однако происхождение этого глагола неизвестно, и следовательно, невозможно установить суф-

фиксальный характер -r- на месте -n-. Таким же образом, основам baṙn-(am) „гружу, нагружаю", daṙn-(am) „возвращаюсь, становлюсь" в аористе соответствуют barj-(i), darj-(ay).

Кроме гомогенных моделей презентных и аористных основ, в древнеармянском языке имеется также несколько видов гетерогенных моделей, включающих рассмотренные типы презентных или аористных основ и один или два суффиксальных элемента: 1) $T_{през.}s_2(s_3)$, 2) $T_{аор.}s_2$ и 3) $T_{аор.}s_2(s_3)$.

Гетерогенная модель $T_{през.}\ s_2(s_3)$ характерна для основ имперфекта и конъюнктива (по терминологии армянских грамматистов—субъюнктива: storadasakan). Основа имперфекта образуется от основы презенса посредством суффикса -(a, e, o)y-, причем употребление гласных, заключенных в скобки, зависит от соответствующего типа спряжения—гласного элемента окончания с переходом -ey-, -iy- в -ē- и -oy- в неударной позиции в -u-[18]: mnay- от mn-am „остаюсь", sirē- от sirem „люблю", ankanē- от ankanim „падаю", tᶜołóy-/tᶜołu- от tᶜołum „оставляю". Основа конъюнктива образуется от основы имперфекта посредством основообразующего суффикса -cᶜ: mn-ay-cᶜ- от mn-am „остаюсь", (gorc-ē-cᶜ-/)gorc-i-cᶜ- от gorc-em „делаю, возделываю", (ankan-ē-cᶜ-/) ankan-i-cᶜ- от ankan-im „падаю", (tᶜol-oycᶜ-/) tol-ucᶜ- от tᶜolum „оставляю".

Гетерогенная модель $T_{аор.}s_2$ характерна для основ будущего времени индикатива, употребляемого также в качестве конъюнктива, и в увещевательной формы императива. Основа будущего времени образуется от основы аориста посредством основообразующего суффикса -(i,ay)cᶜ/ǰ-, причем употребление того или другого элемента, включенного в скобки, зависит от соответствующего типа спряжения—гласного элемента (включая и дифтонг) окончания. Имея в виду, что употребление i или ay для одного и того же глагола зависит от залогового значения (sirecᶜicᶜ „полюблю"—sirecᶜaycᶜ „меня полюбят"), можно на этом основании выделить гласный в отдельный формант и допустить нейтрализацию залоговых значений в некоторых лицах и некоторых основах, при которых -ay- не имеет специального залогового значения, употребляясь в зависимости от исторического (генетического) фактора и не заменяясь элементом -i-.

Основа увещевательного императива совпадает с основой 2-го л. мн. ч. будущего времени; ср. буд. gt-ǰ-ikᶜ „найдите" и увещ. имп. gt-ǰ-ir „найди", gt-ǰ-ikᶜ „найдите", si-res-ǰ-ikᶜ „полюбите" и sires-ǰ-ir „полюби", si-res-ǰ-ikᶜ „полюбите".

Наконец, гетерогенная модель $T_{аор.}s_2(s_3)$ характерна для основ каузативных глаголов, которые выступают в аористе в виде $T_{аор}s_2$ и в презенсе — в виде $T_{аор.}s_2s_3$. Суффиксальный элемент s_2 образуется посредством суффикса -óycᶜ/-ucᶜ-, выступающего в некоторых глаголах в виде -óys/-us- и -óyz/-uz-; в отличие от предыдущих моделей, тип спряжения не влияет на употребление этого суффикса. Суффиксальный элемент s_3 реализуется в виде -an-, образующего презентные основы. Таким образом, формы без -an- являются аористными, формы с -an- — презентными основами: sirecᶜ-ucᶜ-i „я заставил полюбить"

(3-е л. sirecᶜoycᶜ) и sirecᶜ-ucᶜ-an-em „язаставляю (по)любить", kor-us-i „я потерял" (от kor-nčᶜ-im „теряюсь") и kor-us-an-em „я теряю".

В древнеармянском имеются также глагольные формы, образуемые посредством причастий и личных форм глаголов em «я есмь» и linim «бываю»: sireal em «я любил», sirelocᶜ em «я буду любить» sir(ecᶜ)eal linēi «я был любим» и т. п. Из них формы на -eal em заменяют формы перфекта. Формы с причастием прошедшего времени -eal и глагола linim «бываю», кроме видового оттенка (выражение итеративности и длительности) по отношению к форме -eal em, могут выражать также пассивность и, при отсутствии специальных синтетических форм пассива, заменять их.

Окончания. Древнеармянские глагольные окончания, как и индоевропейские, представляют собой серии фонем и их сочетаний, противопоставленные как друг другу, так и нулевому окончанию некоторых форм и заменяющие друг друга для выражения значений модальности (наклонения), залога, лица, числа и времени. Здесь также употребление тех или иных серий или отдельных вариантов зависит главным образом от выражаемых значений и от характера основы и ее элементов, т. е. окончания по отношению друг к другу выступают то в качестве морфем, то алломорфов. При этом в некоторых случаях одно и то же грамматическое значение может выражаться не только основой или окончанием, но и одновременно и тем и другим. Так, залоговые значения в формах будущего времени в 1-м л. ед. числа выражаются основой (здесь окончание нулевое), в остальных лицах—окончаниями.

Используя традиционные названия индоевропеистики, для древнеармянского языка можно выделить два типа окончаний: первичные и вторичные, противопоставление которых имеет главным образом временной характер: вторичные окончания выражают прошедшее, первичные—непрошедшее (настоящее и будущее). Только окончания императива составляют исключение: совпадая со вторичными, они выражают непрошедшее значение[19]. В так называемых первичных и вторичных окончаниях медиопассивного типа обычно выделяются два элемента: гласный элемент и собственно окончание. Однако их граница не всегда проводится четко в силу следующих причин: 1) первоначальный комплекс ey (дифтонг) в древнеармянском письме передается через ē (է), затемняющий характер компонентов; 2) собственное окончание -y после i, u выпадает, и i, u остаются единственнными представителями всего окончания; 3) во вторичных окончаниях активного типа отсутствует иногда гласный, иногда согласный элемент, а иногда и тот и другой,—и весь комплекс окончаний медиопассивного типа противопоставляется то гласному, то согласному, то нулевому окончанию[20]; 4) имеются также случаи (например, в формах будущего времени) противопоставления всего комплекса первичных окончаний нулевому.

Если, во-первых, отвлечься от случаев фонетического слияния и выпадения и представить условно -ē как -ey, -i как -iy, -u как uy, во-вторых, вторичные окончания активного типа считать едиными собственными окончаниями, и как «нуль+собственное окончание» (причем последнее также может иметь нулевой характер) их противопоставить окончаниям «гласный+собственное окончание» медиопассивного типа, то весь комплекс древнеармянских окончаний можно представить как (f_1)f, где f_1—„тематический" гласный и f_2—собственное окончание. Соответственно можно различать два типа окончаний: „тематический тип—f_1f и „а тематический" тип—f.

F_1 в типе f_1f при первичных окончаниях представлен гласными a, e, i, o, u (причем гласный o появляется только в одном глаголе—gom «есмь существую»), при вторичных окончаниях медиопассивного типа—гласным a. Эти гласные сами по себе не выражают залоговых и других значений и обусловлены исторически: все они, кроме -o-, представленного лишь в одном глаголе, могут иметь как активное, так и неактивное значение: 1) sir-em «люблю» и k^{c}ayl-em «шагаю», 2) tan-im «несу» и ankan-im «падаю», 3)al-am «мелю» и gn-am «иду», 4) hel-um «лью» и zart^{c}n-um «пробуждаюсь». Однако следует сказать, что в глаголах на -em, -um преобладает активное, в глаголах на -am, -im (а также -n-um)—неактивное значение. Лишь в тех случаях, когда глаголы активного значения имеют первичные окончания с -e- и вторичные окончания без -a-, они могут переходить в формы с первичными окончаниями с -i- и вторичными окончаниями с -a- и выражать пассивное значение: sirem «люблю»—sirim «я любим, меня любят», sirec^{c}i «я полюбил»—sirec^{c}ay «меня полюбили». Однако это противопоставление нейтрализуется в имперфекте, где для глаголов на -em, -um невозможны окончания с -a-, а противопоставление гласных -e- и -i- в основе нейтрализуется. В этом и в других случаях, не отмеченных выше, активность и пассивность либо различаются лишь контекстом, либо противопоставлением синтетических и аналитико-описательных форм: sirēi „я любил, я был любим" и sir(ec^c)eal linēi „я был любим".

Два глагола в окончаниях аориста вместо обычных имеют другие гласные: elē „я был, стал" вместо -a- имеет -e-: elē (=eley), eler, elew, elak^c, elek^c, elēn, а etu „я отдал"—вместо i, e — u: etu, etur, et, tuak^c, etuk^c, etun.

F в типах f_1f и f представлен следующими собственными окончаниями презенса и аориста индикатива (особенности остальных форм отмечаются):

Первичные

Ед. ч.	Мн. ч.
1. -m; ∅ (буд.)	-mk^c; -uk^c (буд.)
2. -s; -r (запр.)	-yk^c; -ik^c (буд.)
3. -y	-n

Вторичные

	Акт. типа	Медиоп. типа	Акт. типа	Медиоп. типа
1.	-i	-y	-ak^c; -uk^c (буд.)	-k^c
2.	-er (-ir); -∅, -ǰir (имп.)	-r	-ēk^c; -ik^c (имперф.); -ǰik^c (имп.)	-yk^c, -ruk^c; -ruk^c (имп.)
3.	-∅[21]; -r (имперф.)	-w	-in	-n

Элемент f_2, кроме дополнительного выражения залоговых различий при вторичных окончаниях, выражает также модальность (наклонение), лицо, число и время. О выражении временных различий было сказано выше в связи с делением окончаний на первичные и вторичные. Что же касается лица и числа, то следует сказать, что древнеармянский глагол имеет: 1) все три лица для индикатива и конъюнктива и только 2-е лицо—для императива, 2) два числа: единственное и множественное.

Выражение модальных значений осуществляется несколько своеобразно.

Категория наклонения в древнеармянском языке имеет три терма: индикатив, императив и конъюнктив (по термину армянских грамматистов: субъюнктив—storadasakan), причем формы индикатива будущего и прошедшего времени могут выражать также значения, свойственные конъюнктиву: предположительность и желательность. Следует иметь в виду, что, во-первых, древнеармянский не имеет прошедшего времени для конъюнктива, и эту функцию берут на себя формы индикатива и, во-вторых, функции собственного конъюнктива и будущего индикатива не всегда четко дифференцированы: разница состоит, во-первых, в невозможности собственных форм конъюнктива, в отличие от будущего индикатива, самостоятельно выражать индикаивное значение, во-вторых, в первичном видовом противопоставлении первого второму по незавершенности и завершенности. Как в индоевропейском языке, в дервнеармянском коньюнктив отличается от индикатива главным образом особым типом основы, императив—ударением (в индоевропейском—тоном) и иногда окончаниями. При этом: а) собственный императив образуется от основы аориста, запретительный, сопровождающийся частицей mí, от основы презенса; б) залоговая дифференциация в императиве проводится более последовательно; в) в тех случаях, когда 2-е лицо единственного часла имеет нулевое окончание, -c^{c} аористной основы может выпасть (при -ac^{c}-i и -ec^{c}-i ед. ч. аориста обязательно, при -ec^{c}-ay необязательно): ała «смели» при ałac^{c}-i, sirea «полюби» при sirec^{c}-i, nayea или nayeac^{c} «посмотри» при nayec^{c}-ay, haso (<hasoyc^{c}) «доставь» при hasuc^{c}-i от hasuc^{c}anem (каузативный глагол); г) аугмент в императиве всегда выпадает, как при арийском инъюнктиве.

Таблица спряжения. Если традиционно выделить регулярые и нерегулярные формы, то паардигма регулярных форм будет выглядеть следующим образом[22]:

Формы, образованные от основы презенса

Презенс

Ед. ч.	1.	mnam	gorcem	cicałim	gelum
	2.	mnas	gorces	cicałis	gelus
	3.	mnay	gorcē	cicałi	gelu
Мн. ч.	1.	mnamk^{c}	gorcemk^{c}	cicałimk^{c}	gelumk^{c}
	2.	mnayk^{c}	gorcēk^{c}	cicałik^{c}	geluk^{c}
	3.	mnan	gorcen	cicałin	gelun

Имперфект

Ед. ч.	1.	mnayi	gorcēi	cicałēi	gelui
	2.	mnayir	gorcēir	cicałēir	geluir
	3.	mnayr	gorcēr	cicałēr	geloyr
Мн. ч.	1.	mnayak^{c}	gorcēak^{c}	cicałēak^{c}	geluak^{c}
	2.	mnayik^{c}	gorcēik^{c}	cicałēik^{c}	geluik^{c}
	3.	mnayin	gorcēin	cicałēin	geluin

Конъюнктив

Ед. ч.	1. mnaycᵉem	gorcicᵉem	cicaɫicᵉim	gelucᵉum
	2. mnaycᵉes	gorcicᵉes	cicaɫicᵉis	gelucᵉus
	3. mnaycᵉē	gorcicᵉē	cicaɫicᵉi	gelucᵉu
Мн. ч.	1. mnaycᵉemkᵉ	gorcicᵉemkᵉ	cicaɫicᵉimkᵉ	gelucᵉumkᵉ
	2. mnaycᵉēkᵉ	gorcicᵉēkᵉ	cicaɫicᵉikᵉ	gelucᵉukᵉ
	3. mnaycᵉen	gorcicᵉen	cicaɫicᵉin	gelucᵉun

Запретительная форма императива

Ед. ч.	2. (mí) mnar	(mí) gorcer	(mí) cicaɫir	(mí) gelur
Мн. ч.	2. (mí) mnaykᵉ	(mí) gorcēkᵉ	(mí) cicaɫikᵉ	(mí) gelukᵉ

Формы, образованные от основы аориста

Аорист

Ед. ч.	1. mnacᵉi	gorcecᵉi	cicaɫecᵉay	geli
	2. mnacᵉer	gorcecᵉer	cicaɫecᵉar	geler
	3. mnacᵉ	gorceacᵉ	cicaɫecᵉaw	(e)gel
Мн. ч.	1. mnacᵉakᵉ	gorcecᵉakᵉ	cicaɫecᵉakᵉ	gelakᵉ
	2. mnacᵉēkᵉ	gorcecᵉēk	cicaɫecᵉaykᵉ	gelēkᵉ
	3. mnacᵉin	gorcecᵉin	cicaɫecᵉan	gelin

Ед. ч.	1. mecacᵉay	lkᵉi	usay	ǰeɫay	(ayteay)
	2. mecacᵉar	lkᵉer	usar	ǰeɫar	(aytear)
	3. mecacᵉaw	(e)likᵉ	usaw	ǰeɫaw	(ayteaw)
Мн. ч.	1. mecacᵉakᵉ	lkᵉakᵉ	usakᵉ	ǰeɫakᵉ	(ayteakᵉ)
	2. mecacᵉayk	lkᵉēkᵉ	usaykᵉ	ǰeɫaykᵉ	(ayteaykᵉ)
	3. mecacᵉan	lkᵉin	usan	ǰeɫan	(aytean)

Футурум

Ед. ч.	1. mnacᵉicᵉ	gorcecᵉicᵉ	cicaɫecᵉaycᵉ	gelicᵉ
	2. mnascᵉes	gorcescᵉes	cicaɫescᵉis	gelcᵉes
	3. mnascᵉē	gorcescᵉē	cicaɫescᵉi	gelcᵉē
Мн. ч.	1. mnascᵉukᵉ	gorcescᵉukᵉ	cicaɫescᵉukᵉ	gelcᵉukᵉ
	2. mnasǰikᵉ	gorcesǰikᵉ	cicaɫesǰikᵉ	gelǰikᵉ
	3. mnascᵉen	gorcescᵉen	cicaɫescᵉin	gelcᵉen

Ед. ч.	1. mecacᵉaycᵉ	lkᵉicᵉ	usaycᵉ	ǰeɫaycᵉ	(ayteaycᵉ)
	2. mecascᵉis	lkᵉcᵉes	uscᵉis	ǰeɫcᵉis	(ayticᵉes)
	3. mecascᵉi	lkᵉcᵉē	uscᵉi	ǰeɫcᵉi	(ayticᵉē)
Мн. ч.	1. mecascᵉukᵉ	lkᵉcᵉukᵉ	uscᵉukᵉ	ǰeɫcᵉakᵉ	(ayticᵉukᵉ)
	2. mecasǰikᵉ	lkᵉǰikᵉ	usǰikᵉ	ǰeɫǰikᵉ	(aytiǰikᵉ)
	3. mecascᵉin	lkᵉcᵉen	uscᵉin	ǰeɫcᵉin	(ayticᵉen)

	Императив				
Ед. ч. 2.	mna	gorcea	cicaɫeacᶜ	gel	
	mnasǰir	gorcesǰir	cicaɫesǰir	gelǰir	
	mecacᶜir	likᶜ	usir	ǰeɫir	(aytir)
	mecasǰir	lkᶜǰir	usǰir	ǰeɫǰir	(aytiǰir)
Мн. ч. 2.	mnacᶜēkᶜ	gorcecᶜēk	cicalecᶜayk, -arukᶜ	gelēkᶜ	
	mnasǰikᶜ	gorcesǰikᶜ	cicaɫesǰikᶜ	gelǰikᶜ	
	mecacᶜaykᶜ, -arukᶜ	lkᶜēkᶜ	usaykᶜ, -arukᶜ	ǰeɫayk, -arukᶜ	(ayteaykᶜ, -erukᶜ)
	mecasǰikᶜ	lkǰikᶜ	usǰikᶜ	ǰeɫǰikᶜ	(aytlǰikᶜ)

Нерегулярными называются глаголы, при образовании аористных форм которых наблюдаются различные отклонения от вышеприведенных форм. Выделяются следующие типы нерегулярных глаголов.

1) Глаголы, основы презенса и аориста которых представлены супплетивно — различными корнями: gam „прихожу“ — eki, ertᶜam „иду“—čᶜogay, ǝmpem „пью“—arbi, linim „есмь, бываю“—elē, unim „держу, имею“—kaɫay, utem „ем, кушаю“—keray. При этом для форм аориста eɫe и kalay имеются собственные формы eɫanim „бываю, становлюсь“ и kal(n)um „держу“.

2) Глаголы, основы аориста которых имеют различные нерегулярности образования: редкий суффикс, видоизменение корня, редупликацию, необычную огласовку суффикса, нецойную основу вместо цойной и обратно и т. д.: а) aɫnem „делаю“—arari, čanačᶜem (<*canačᶜem) „узнаю“ — caneay, dnem „кладу“ —edi, harkanem „бью“—hari, lsem „слушаю, слышу“ — luay, meɫančᶜem „грешу“ — meɫay, yancᶜanem „совершаю преступление, ошибаюсь, грешу“ — yancᶜeay, yaɫnem „поднимаюсь, выздоравливаю“ — yareay, asem „говорю“ — asacᶜi, gitem „знаю“ — gitacᶜi, karem „могу“ — karacᶜi, martᶜem „могу“ — martᶜacᶜi, merkem „обнажаю, раздеваю, оголяю“ — merkacᶜi, acem „приношу“ — aci, berem „приношу“ — beri, hanem „вынимаю, извлекаю“ — hani, heɫusem „пригвождаю“ — heɫusi; б) nstim „сижу, сажусь“—nstay, tanim „несу“ — taray; в) baɫnam „гружу, нагружаю“ — barji, daɫnam — „возвращаюсь, становлюсь“ — darjay[23]; г) tam „даю“ — etu; д) ǝnkenum „бросаю“ — ǝnkecᶜi, ǝntᶜeɫnum „читаю“ — ǝntᶜercᶜay, lnum „наполняю“ — lcᶜi, xnum „затыкаю“ — xcᶜi, yenum „опираюсь, прислоняюсь“ — yecᶜay, zgenum „одеваюсь“ — zgecᶜay.

Имеется также ряд недостаточных глаголов с формами, образованными либо только от основы презенса, либо только от основы аориста (грамматисты обычно сюда включают также некоторые безличные конструкции): 1) глаголы только с презентной основой: em „есмь“, gom „я есмь, существую“, kay „есть, имеется“ (только 3-е лицо), čᶜikᶜ „нет“ (3-е лицо ед. ч. презенса), partim „я должен“; 2) глагол только с аористной основой и с формами для будущего времени и повелительного наклонения (нет 1-го л. ед. ч.): gog „скажи“ (gogcᶜē „скажет“ и др.).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ СИСТЕМЫ СПРЯЖЕНИЯ

Процессы, приведшие к образованию древнеармянской системы спряжения. При рассмотрении процессов, приведших к образованию древнеармянской системы склонения, мы отметили их многочисленность—одновременное воздействие как собственно морфологических, так и фонетических и лексических факторов. В образовании древнеармянской системы спряжения действовали в основном те же факторы, различны лишь их удельный вес и направление. Во избежании повторения, мы здесь не будем перечислять и отделять все процессы. Остановимся лишь на проявлении некоторых морфологических процессов в системе спряжения.

Действие аналогии и выравнивания парадигмы в области древнеармянского спряжения, в частности, приводит к снятию резкого противопоставления атематических и тематических основ.

Устанавливается некоторое равновесие между презентными основами, восходящими как к тематическим, так и атематическим основам: все гласные, фактически ставшие частью окончания играют в спряжении одинаковую роль и не влияют на характер собственных окончаний; при этом, во-первых, окончания атематических основ преобладают (ср. *-mi>-m вместо *-ō в первом лице ед. ч.); во-вторых, для всех основ используются одни и те же окончания (окончания унифицируются); в-третьих, чередование тематических гласных перестает действовать, и *-e- прежних тематических основ распространяется на все лица (ср. berem „приношу", beres, berē, beremkᶜ, berēkᶜ, beren); в-четвертых, сильное воздействие бытийного глагола на спряжение приводит к значительному единству его форм с окончаниями; ср. през. em, es, ē, emkᶜ, ēkᶜ, en и ber-em, ber-es, ber-ē, ber-emkᶜ, ber-ēkᶜ, ber-en; имперф. ēi, ēir, ēr, ēakᶜ, ēikᶜ, ēin и ber-ēi, ber-ēir, ber-ēr, ber-ēakᶜ, ber-ēikᶜ, ber-ēin; коньюнктив icᶜem, icᶜes, icᶜē, icᶜemkᶜ, icᶜēk, icᶜen и ber-icᶜem, ber-icᶜes, ber-icᶜē, ber-icᶜemkᶜ, ber-icᶜēkᶜ, ber-icᶜen.

В основах аориста стало преобладающим противопоставление корневого и суффиксального типов и вся система основ и окончаний реорганизовалась.

Тенденцией выравнивания парадигмы можно объяснить тот факт, что в 1-м л. ед. ч. глагола gom «есмь, существую», основа которого восходит к перфекту *u̯os-, -o- не перешло в -u-, а сохранился по аналогии с формами других лиц, т. е. gom, gomkᶜ при gos, goy и др.

Распространение форманта -cᶜ-, восходящего к и.-е. *-sk- (-sk′-), на аорист, будущее, императив, конъюнктив, каузатив и в связи с этим образование новых—гетерогенных—моделей приводят к реорганизации всей парадигмы спряжения.

При переходе индоевропейских глагольных словоформ в древнеармянские происходит как переразложение—изменение морфологических границ и состава отдельных элементов основы и окончания, так и опрóщение—превращение прежних разложимых компонентов и единиц в неразложимые. В частности, следует указать на следующие процессы. Перестает существовать как самостоятельный морфологический элемент носовой инфикс: последний либо становится частью корня, либо заменяется носовым суффиксом (ср. lkᶜ-an-em «покидаю»

вместо и.-е. *li-ne-kᵘ- от *leikᵘ-). Глагольный суффикс *-nā-, принадлежащий к основе, в древнеармянском делится между основой и окончанием, т. е. -a- переходит к окончанию, определяя тип спряжения; ср. *bhŗg'h-nā-mi>*barjnam>baṙ-n-am „гружу, нагружаю" (аор. barj-i). Тематический гласный, принадлежащий к основе, фактически становится элементом окончания.

Следует особо отметить унифицирующие тенденции в системе спряжения, в частности, уменьшение элементов и типов моделей глагольной словоформы, упразднение перфекта и сведение всех глагольных основ к двум: презентной и аористной, уменьшение количества наклонений и т. п. Эти процессы продолжаются и в дальнейшем: в современном армянском языке вместо четырех основных спряжений (-am, -em, -im, -um) сохранились только два: -am, -em, окончания аориста унифицировались для глаголов на -em, -im, -um и т. д. Вместо многоэлементной модели основы и.-е. глагола в древнеармянском для презентной основы установилась двухэлементная и для аористной основы—трехэлементная модель, причем употребление аугмента ограничено, и трехэлементный тип представлен единичными примерами. В новоармянском литературном языке аугмент вообще отсутствует, и гомогенная модель основ аориста может иметь не больше двух элементов: R(s).

ОСНОВЫ

1. Основы презенса

Древнеармянские глагольные основы индоевропейского происхождения лишь частично являются первичными, восходящими к индоевропейским глагольным основам. Значительная часть глагольных основ вторичного происхождения — результат распространения некоторых старых формантов, появления новых, увеличения числа деноминативных глаголов. Рассмотрим сначала презентные основы несуффиксальные (корневые), затем суффиксальные в порядке типов спряжения. Имея в виду, что глаголы на -em, в значительной своей части восходящие к индоевропейским тематическим основам, по количеству преобладают над остальными, согласно установившейся традиции рассмотрение глагольных основ начнем с них.

а) Несуффиксальные (корневые) основы

Основы глаголов на -em. Глаголы, относящиеся к спряжению на -em, в значительной своей части восходят к индоевропейским тематическим основам на *-e-, *-ję-, *-eję-; при этом: 1) тематический гласный переходит к окончанию, 2) *-eję- переходит в -e- (ср. для этого перехода *trejes>erekᶜ „три"), 3) -j- может привести к палатализации предыдущего согласного. Приведем примеры для *-e- и *-ję-:

*-e-: acem „привожу, приношу" (отсюда acanim „одеваюсь", aṙacim „верчусь, становлюсь", yacim „гуляю") <*ag'-e- (ср. др.-инд. ajāmi, греч. ἄγω, лат. agō „вожу" и др.); aracem (-anem) „пасу" <*trəg'-e- от *ter- (ср. греч. τρώγω „грызу, ем"); berem „приношу" (отсюда hamberem, əmberem „переношу") <*bher-e- (ср. др.-инд. barāmi, греч. φέρω, лат. ferō, ирл. berim „несу", русск. *беру*); čᶜuem „отправляюсь, перелетаю" <*kjeu̯-e- от *kēi- „двигать(ся)" (ср. др.-

инд. cuávatē „двигается, уходит“, греч. σεύω „гоню, преследую“); diem „сосу“ <*dhēi̯-e- от *dhē(i)- „сосать, кормить грудью“ [ср. др.-инд. dhayati (*dhəi̯eti) „сосет“, др.-швед. dīa „сосать“]; jewem „формирую“ <*g'heu̯-e- (ср. греч. χέ(F)ω „лью“; если jew-em не от jew, -oy „форма“); ǰnem „бью, бью палкой, мучаю“ <*gu̯hen-e- от *gu̯hen- „бить“ [ср. др.-инд. hanati „бьет“ (при hanti), лит. genù „гоню“]; kełem „мучаю“ <*gu̯el-e- от *gu̯el- „колоть; боль, смерть“ (ср. др.-в.-нем. quelan „мучиться“); krcem „грызу“<*gu̯rug'-e- от *gu̯r-ēug'(h)-, *gu̯rug'(h)- „скрежетать, грызть, кусать“ (ср. греч. βρύχω „кусаю со скрежетом, грызу“); kᶜerem „скребу, скоблю“<*ker-e- от *(s)ker- „резать, отрезать“ (ср. др.-исл. skera „резать, колоть“); kᶜertᶜem „сдираю, скоблю“ <*ker-th-e- от *(s)ker- „резать, отрезать“ (ср. алб. kjeth „стригу“, лит. kertù „рублю, срубаю“); łakem „лакаю“ <*łakk-e- от *łak(k)- (ср. лит. łakù, łàkti, русск. *лакать*); lizem (-anem, -um) „лижу“ <*leig'h-e- от *leig'h- „лизать“ (ср. греч. λείχω „лижу“); lsem (аор. luay) „слышу, слушаю“ <*k'lu-k'-e- от *k'leu- „слышать, слушать“; malem „раздробляю, крошу“<*mьl-e-? от *mel- „раздроблять, крошить“ (ср. кимр. malu при лат. malō „мелю“ от более ранней атематической основы); mizem „мочусь“ <*meig'h-e- от *meig'h- „мочиться“ (ср. др.-инд. mēhati, греч. ὀμείχω); sxalem (-im) „ошибаюсь“ <*skhьl-e-? от *skhel- „спотыкаться, ошибаться“ (ср. др.-инд. skhalatē „спотыкается, отклоняется, сбивается с пути“); topᶜem „бью, трамбую“ <*doph-e- от *dep(h)- „трамбовать; толкать, мять“ (ср. греч. δέφω „мну, разминаю“, серб. *депити* „лупить, хлестать“).

*-i̯e-: ačem „расту“ <*əg-i̯e-? от *ōg- „расти“; ałačᶜem „умоляю“ (при aławtᶜ-kᶜ „молитва“ и aławtᶜem „молюсь“) <*łət-i̯e- от *el- (звукоподражательный корень)[24]; gočᶜem „кричу, зову, призываю“ <*u̯ok-i̯e- от *u̯eku̯- „говорить“; ǰnǰem „чищу, очищаю, ресчищаю, искореняю, истребляю“ <*gu̯hen-i̯e- (при ǰnem „бью“) от gu̯hen- „бить“ (ср. греч. θείνω „убиваю“); kočᶜem „кричу, зову, призываю, называю“ <*gu̯ot-i̯e- от *gu̯et- „говорить“ [ср. герм. каузативы: др.-исл. kveđja „приветствовать, обращаться, требовать, призывать“, др.-сакс. queddian, др.-в.-нем. chetten „приветствовать“ („призывать к речи“)]; pᶜčᶜem (*pᶜhučᶜem) „дую“ <*phuk-i̯e- (при pᶜkᶜam, pᶜkᶜanam „вздуваюсь“) от *phu-k- „дуть, вздувать“; ščᶜem (*šičᶜem) „свищу, шиплю“ <*k'u̯ik--i̯e- от *k'u̯ei-k- „шипеть, свистеть“; tᶜrǰem (*tᶜurǰem) „мочу, смачиваю, увлажняю“ <*tūr-(k)i̯e- (при tᶜrem „мешу“, tᶜrmem „смачиваю; мешу“) от *tū-r- (и.-е. *tā-, *tāi-, *tī-, *tāu-, *tŭ- „таять, растворяться, растекать“).

В отдельных случаях глаголы на -em восходят к индоевропейским атематическим основам. Процесс перехода атематических основ в тематические начался очень рано, и древнеиндийский дает немало примеров подобного перехода. Так, наряду с атематической основой hanti «бьет» (=хетт. kuenzi «убивает») есть глагольная форма hanati, которая имеет параллель в армянском ǰnē „бьет“ (*gu̯hen-e-ti). Из

других атематических основ, перешедших в армянском в рассматриваемый тип, прежде всего следует указать на бытийный глагол em из *es-mi. Наряду с результативным атематическим презенсом типа *pī-pō-mi, *pi-bō-mi „пью“ в некоторых языках имеется тематический презенс *pi-bō, откуда, по-видимому, арм. əm-pem (3-л -pē=-pey из *pi-be-ti)[25]. Укажем также на utem „ем, кушаю“, восходящий, по-видимому, к *ōd-mi с дальнейшим переходом в *ōd-e-mi; этот переход был завершен рано — до выпадения *d перед m (если правильно *u̯ad-mi>gam „прихожу“)[26]. Корневая основа глагола *ed- засвидетельствована во многих языках, причем некоторые из них (ср. балто-славянские формы) имеют долгий гласный, как армянский: др.-инд. ádmi, хетт. edmi, ст.-сл. *ямь* (<*ēd-mi).

Некоторые основы образованы редупликацией интенсивного и экспрессивного характера, сохраняющейся во всей парадигме, в том числе—в формах аориста. Часть этих основ имеет параллели в других индоевропейских языках, другая часть присуща только армянскому. В редких случаях сохранились наряду с редуплицированными также нередуплицированные формы. Среди редуплицированных основ особое место занимают звукоподражательные образования экспрессивного характера. Ср. alalem „солю, дублю“ при alem „солю“ от al „соль“ <*sal- „соль“; arcarcem „раздуваю“ при arcnem „выжигаю, полирую“ (и arcatᶜ „серебро“) от *arg′ „блестящий, белый“; azazem „сушу“ от *az-g′h- (*as- „течь, гореть“); dadarem „перестаю, перекращаю“ при darem „покоюсь, успокаиваюсь, делаю привал“ от *dher- „держать, придерживать, поддерживать“ (ср. др.-инд. перф. dadhāra?)[27]; gelgelem „переливаюсь (о голосе), заливаюсь“ (при gelawn „песня“) от *ǧhel- „звать, кричать“; hayt(h)aytᶜem „сочиняю, слагаю, придумываю“ от *sēi-t- „связывать“; kalkanjem „визжу“ (при kolkolim „плачу, терзаюсь“?) от *gal- „звать, кричать“; karkačᶜem „рокочу, журчу, громко смеюсь“ от *ger- „хрипло кричать“ (звукоподражение); lmlmem „жую“ при lmem „жую, размельчаю“ от *lem- „ломать, разбивать“; mlmlem „растираю“ (при malem „дроблю, раздробляю, крошу“) от *mel- „раздроблять, крошить“; tatanem „колеблю, качаю“ от *den- „колебать, качать“? (ср. греч. δονέω „трясу, качаю, колыхаю“); tntlem „ищу, разыскиваю, разглядываю, приглядываюсь“ (при tlem „двигаю“, an-tłeli „неподвижный“) от *del- „шататься, качаться“? (ср. греч. δενδίλλω „многозначительно взглядыватю, подмигиваю“?); tᶜatᶜawem, tᶜatᶜaxem „макаю, обмакиваю“ от *tā-u-, *tā-kh- (*tā- „тягать, растворяться, растекать“); tᶜotᶜovem „лепечу“ при tᶜovem „чарую, очаровываю, заклинаю“ от *(s)teu- „громко хвалить“.

Многие глаголы на -em восходят к древним деноминативным образованиям на *-(e)je- и каузативам на *-eje-, причем в период отдельного существования армянского языка посредством -em продолжается образование глаголов от именных основ. Если для gorcem «делаю, возделываю» можно констатировать с большей или меньшей уверенностью индоевропейскую основу *u̯org′-eje- (**Meillet**, 1936², 105), то в других случаях это трудно утверждать даже для тех случаев, кото-

рые имеют параллели в других языках; ср. anuanem «именую, называю» от anun, род. anuan «имя» при греч. ὀνομαίνω «именую, называю»; gnem «покупаю» от gin «цена» при др.-инд. vasnayáti «торгует» от vasna- «цена»; mecarem «возвеличиваю, почитаю» от mecar- (mec «большой, великий») при греч. μεγαίρω «считаю чрезмерным» от *μεγαρ- и др. В остальных случаях древнеармянские глаголы образованы от именных основ, по-видимому, уже в период самостоятельного развития армянского языка и даже после выпадения конечных гласных именных основ, когда -em воспринималось как единое окончание и без каких-либо суффиксов образовывало глаголы: ałb-em „испражняюсь; удобряю" от ałb „испражнение, кал, нечистоты" <*sl̥po- (ср. хетт. šalp- „нечистоты"); ałem „солить", ałałem „солить, дубить" от ał „соль" <*sal-; artasuem „плачу, лью слезы" от artasu-kᶜ „слезы" <*drak'u- (ср. греч. δακρύω „плачу, лью слезы"); bardem „коплю, скапливаю, нагромаждаю" от bard „стог, скирда, копна" <*bhr̥ti- (*bher- „нести, приносить"); dełem „исцеляю; отравляю" от deł „трава, растение; яд" (*dhel- при *dhă- „цвести, зеленеть"); (əm)bn̥em „схватываю держу" от buṙn „горсть, кулак" (*bhōr- от *bher- „нести, приносить"?) jawnem „преподношу, дарю, посвящаю" от jawn „дар, посвящение" (и.-е. *g'hau- „звать, взывать"?); julem „отливаю, сплавляю" от joy „литой"<*g'heu-lo- (*g'heu- „лить") при jew „форма", jewem „формировать"; lambem (-im) „взваливаю" от lamb „петля" <*u̯l̥mbhi- (*u̯el- „вертеть, крутить"); mrkem „обжигаю, опаляю" от murk „что-то обожженное, опаленное; жареная пшеница"<*smug-ro- (*smeug- „дымить, дым"); sirem „люблю" от sēr „любовь"<*k'ei-ro- (*k'ei- „лежать; дорогой, любимый"); srbem „чищу, очищаю" от surb „чистый, непорочный святой" <*k'ubhro- (*k'eu- „светить, светлый"); srem „точу, заостряю" от sur „острый" <*k'ō-ro- [*k'ē(i)- „точить, заострять"]; tᶜamb-em „седлаю" от tᶜamb „седло" <*tm̥p- (*temp- „тянуть, натягивать, напрягать"); tawnem „праздную" от tawn „праздник" <*dəp-ni- (*dā-p- „разделять, разрезать"); ułem „посылаю" от uli „путь" <*ēuli̯o- (*au-l-, *ē-ul- „труба, продолговатая полость").

Сюда же относятся глаголы, образованные посредством суффиксов: 1) -ar-: gal-ar-em „кручу" при galar „свиток, извилина" (*u̯el- „вертеть; крутить"), y-ard-ar-em, z-ard-ar-em „украшаю" при ard, z-ard „украшение" <*artu- (*ar- „прилаживать"); 2) -or-: tog-or-em „погружаю, макаю, крашу" <*dou̯- (*deu- „погружаться, проникать"), y-ord-or-em „увещеваю" при yordor „увешевание" <*ordh- (*er- „приходить в движение, волноваться, сердиться; поднимать).

Основы глаголов gitem «знаю» и gom «есмь, существую» восходят к и.-е. перфектным основам *u̯oid- и *u̯os-. Как известно, в силу обозначения перфектом результативного действия, он во многих случаях приобретал значение настоящего времени. Это случилось также в армянском, где процесс завершился распространением презентных окончаний на перфектные основы.

Основы глаголов на -im. Основы глаголов на -im восходят частично к и.-е. атематическим основам на *-i̯- (*-ī-) (восточный ареал, причем в древнеиндийском и греческом им соответствует тематический тип *-i̯e-/*-i̯o-/*-i̯-[26]; менее вероятно восхождение -i- к *-ē- западного ареала),

частично являются новообразованиями по аналогии. Указанный суффикс, обозначавший состояние, после выпадения конечных (послеударных) гласных и дифтонгов и снятия индоевропейского противопоставления активного и медиопассивного залогов по окончаниям, стал основным носителем медиопассивного значения. В древнеармянском языке имеются большое количество глаголов на -im, воспринимаемых либо как пассивные формы, противопоставляемые формам на -em, либо как формы среднего залога без такого противопоставления, обозначающие состояние или действие само по себе, частично действие в пользу подлежащего, как при индоевропейских медиопассивных глаголах.

Установить первичный характер основ глаголов на -im не всегда удается. Хорошим примером может быть nstim «сижу, сажусь»< *ni-zd-i-mi при *ni-zd-ē-mi от *sed- „сидеть“ (ср. русск. *сидит* при лат. sedēo; для ni- ср. иранские формы: ав. ni-šaδaieiti, др.-перс. ni-yašādayam)[29]. Хотя А. Мейе -i- в hotim (*od-) „пахну“ при hototim „нюхаю“ считает вторичным, однако лат. oleō, -ēre „пахнуть“ показывает аналогичную основу (в других языках имеются образования на вторичный суффикс *-i̯o-: греч. ὄζω, лит. úodžiu). Есть случаи, когда армянские глагольные основы не имеют надежных параллелей, но их первичность, по-видимому, может быть установлена по нулевой ступени огласовки, характерной для основ на -i-: garšim „гнушаюсь, чувствую отвращение“ <*ghr̥s-i-mi от *ghers- „отвращение“ (?), mglim „прею, обжигаюсь (чернею); (диал.) покрываюсь тучами“ <*mighl-i-mi от *meigh- (>арм. mēg „туман“), spardim [диал.sp(a)rdnil] „бледнею“<*spr̥dh- от *sp(h)erd(h)- „вздрагивать“ (ср. греч. σπυρθίζω „подскакиваю“).

Оставляя в стороне пассивные формы, которые могут быть образованы от активных глаголов на -em без ограничения, укажем на несколько глаголов вторичного образования: cᶜawim „болею“ <*k′sā-p- при cᶜaw „боль“ (ср. др.-инд. каузат. kṣāpáyati „заставляет жечь“); dedewim „шатаюсь“ <*dheu- (ср. др.-инд. dō-dhavīti „трясет“, лат. suffiō, -īre „курить, окуривать“ от *dhu̯-ī-? См. **Ernou—Meillet,** 1969⁴, 663; в латинских глаголах 4-го спряжения -ĭ- обычно восходит к *-i̯e-/*-i̯o-/*-i-, реже к *-eie/o-; см. **Тронский,** 1960, 222); ererim „шатаюсь“ <*tres- „трястись, дрожать“; erewim „я видел, являюсь, показываюсь“ <*prep- „быть видным, заметным“ (ср. греч. πρέπω „я заметен, отличаюсь“); kᶜkᶜuim „плачу, воплю; громко смеюсь“ <*kū-kū- от *kāu-, kēu-, kū „выть“; kᶜrtnim „потею“ от kᶜirtn „пот“ <*su̯i-drom от *su̯eid- „потеть“; nergewim „отощаю, худею, хирею“ от nergew „тощий, худой“ (*„скрюченный, сморщенный“) <*(s)nerk- от *(s)ner- „вращать, крутить“; salarim „стесняюсь, прячусь, скрываюсь“ от salar „скрытый“<*k′əl- от *k′el „прятать, укрывать, покрывать“; tᶜaṙamim, tᶜaršamim „вяну; увядаю“ от tᶜaṙam, tᶜaršam „вялый, увядий“ <*tr̥s- от *ters- „сушить, высыхать, засыхать“ и др.

Кроме приведенных вторичных глаголов dedewim, ererim, kᶜkᶜuim следует указать и на другие глаголы на -im с редуплицированной основой: aɫkaɫkim „слабею“ от aɫkaɫk „бедный; негодный“<*l̥-g- (*elg-);

azazim „сохну, высыхаю, вяну“ от *az-g′h- (*as- „жечь, гореть“); cicaĭim „смеюсь“ при cicaĭ „смех“ от *g′el- „сиять, быть веселым, улыбаться, смеяться“; kerkerim „сиплю“ от *ger- „сипеть, хрипло кричать“ (менее вероянто возведение к *gᵛer- „поднимать голос“); paranjim „лелею“ при pind „крепкий“ <bn̥dh- (*bhendh- „связывать“); pᶜaĭpᶜaĭim (при pᶜoĭpᶜoĭem, pᶜoĭem, pᶜayem) „сверкаю, сияю“ от *(s)p(h)el- „блестеть, сиять, сверкать“; trtmim „грущу, печалюсь“ от trtum „печальный“ (*drom- от *der- „сиять“).

Глагол kɨnčᶜim „сжимаюсь, свертываюсь“, если он действительно восходит к *grenk-[30] от *ger- „вертеть, крутить“, то является образованием посредством *-ĭe-, как в некоторых других случаях, с переходом, в соответствии со значением, в глаголы на -im (форма *kɨnčᶜem не сохранилась).

Глагол unim „держу, имею“ (ənd-unim „принимаю“), возводимый к *ōp- (:*ēp- „хватать, брать, достигать“; ср. др.-инд. āpnóti „достигает, доставляет“, хетт. epmi „беру“ и др.), имеет древнюю суффиксальную основу с элементом -n-, который перестал восприниматься как таковой[31].

Основы глаголов на -am. Глаголы на -am восходят либо к индоевропейским атематическим корневым основам на *-ā-,*-ə-,-aC-, либо к суффиксальным основам на *-ā-, обозначающим состояние. Хотя А. Мейе для основ этого типа предполагает также вторичный суффикс *-ĭe- (*-ā-ĭe-), однако положение о фонетическом переходе *-ā-ĭe- в -a- недоказуемо (ср. глаголы с сочетаниями -aye-,-ayi-: cᶜayem «полощу», xnayem «жалею, берегу», hayim «смотрю»). Мнение Мейе можно принять лишь в случае, если допустить очень древнее стяжение *-ā-ĭ-e>*-ā- (как в персидском и латинском), что маловероятно. Вообще можно сказать, что оно основано на предвзятом мнении об армянском как о языке, сильно отклоняющемся от индоевропейского типа.

Среди глаголов на -am можно выделить односложные и многосложные. В односложных глаголах -a- в большинстве случаев восходит к вышеуказанным индоевропейским корневым гласным, в некоторых же случаях отражает первичный суффикс *-ā-, в частности, имеющий место в латинском и славянском.

Вопрос о принадлежности -a- в односложных глаголах древнеармянского языка к основе или к окончанию вызывает различные толкования (здесь положение такое же, как при gom «есмь, существую»), хотя в данном случае это не имеет существенного значения: bam «говорю“ (недостаточный глагол) <*bhā-mi от *bhā- „говорить“ [ср. греч. φημί „говорю, высказываю“ при лат. for <*bhā-ĭō(r), ст.-сл. *баю*, др.-англ. bōian]; gam „прихожу“<*ɡ̊adh-mi? от *ɡ̊ad- „идти, шагать“ (при лат. vadō, -ere, др.-англ. waden, др.-в.-нем. watan)[32]; lam „плачу“ <*plāk-mi? от *plāk- „бить“ (при греч. πλήσσω<*plākĭō „хлопаю, бью“, русск. *плачу*); tam „даю“ <*də-mi от *dō- „дать“ (ср. лит. dúomi, ст.-сл. *дамь*)[33]. Х. Педерсен (**Pedersen,** 1906) сравнивает глагольную форму kam „стою“ не с формами презенса, а аориста: др.-инд. a-gā-m „я ушел“, греч. ἔ-βη-ν „я отправился, взошел, поднялся (при редуплицированной форме настоящего времени: др.-инд. jí-gā-ti „идет“=греч. *βί-βη-σι). Однако более вероятно предположить для

армянского корневую основу презенса (если kam действительно восходит к *gu̯ā-, и если не прав Мейе, допускающий переход *-āi̯e-> -a-). Наконец, глагол keam „живу", по-видимому, восходит к архаичной форме *gu̯ii̯-ā-mi от *gu̯ei- „жить", хотя в остальных языках более обычны тематические формы или вторичные образования посредством *-i̯e-.

Среди двусложных и многосложных глаголов можно выделить первичные глаголы на *-ā- и вторичные глаголы.

Первичные глаголы, непосредственно восходящие к основам на *-ā- и имеющие параллели, немногочисленны; в других языках распространены вторичные образования на *-ā-i̯e- и другие глагольные основы: amam (-anam, -anem, -ayem) „наполняю, наливаю" <*sьm-ā- от *sem-„черпать, лить" (при греч. ἀμάω „чищу, убираю, сливаю, насыпаю", лит. semiù „черпаю" и др.; сюда же хетт. ḫan- „черпать"?); dołam „дрожу" <*dhol-ā- от *dhel- (при норв. диал. dalla, dulla „семенить"); eŕam „киплю, закипаю" (z-eŕam „кишу", может быть и heŕam „нахожусь в ссоре; таю злобу") <*ers-ā- от *ers- „быть в волнении, волноваться (при лат. errō, -āre „заблуждаться, блуждать, метаться"); ertᶜam „иду" *erth-ā- от *er- „приводить в движение, возбуждать, поднимать" (при алб. erdhā „я пришел", греч. ἔρχομαι „прихожу, иду")[34]; hewam „запыхаюсь, задыхаюсь" <*pe̯u̯-ā- от *p(e)u- „вздувать"; kardam „кричу, зову, призываю, именую; громко читаю, читаю" <*gu̯ṛdh-ā-? от *gu̯er- „поднимать голос, кричать" (при лит. girdėti „слышать"); mnam „остаюсь" <*men-ā- от *men- „оставаться" (при греч. μένω, μίμνω „остаюсь"); orcam (orckam) „рыгаю, изрыгаю" <*rug-ā- от *reug- „рвать, изрыгать, тошнить" (при греч. ἐρεύγομαι, лат. ērugō, -ere „изрыгаю, извергаю").

Вторичные глаголы либо восходят к именным основам индоевропейского происхождения, либо перешли в рассматриваемый тип из других типов по аналогии. Процесс перехода звукоподражательных глаголов среднего залога в глаголы на -am продолжается и в дальнейшем. Ср. anjk-am (-anam, -im) „тоскую, скучаю, сильно желаю" от anjuk „узкий, тесный, трудный; теснина; тоска, сильное желание" <*ang'hu- от *ang'h- „узкий, тесный"; geŀjam (-im) „страстно желаю" от geŀj „страстное желание" <*gu̯eld-i̯o- от *gu̯el- „желать"; heŀgam „медлю, ленюсь" от heŀg „ленивый, медлительный" <*selk- „тянуть" (ср. греч. ἕλκω „тяну, тащу, затягиваю", лат. sulkō, -āre „борозжу"); ǰanam „стараюсь, усердствую, радею" от ǰan-kᶜ „старание, усердие, усилие" <*i̯ə-ni- от *i̯ā- „быть возбужденным"; oŀb-am „плачу, оплакиваю, воплю" от oŀb „плачь, вопль" <*ol-bh-o от *el-, *ol- (звукоподражательный корень); pᶜkᶜam (ср. pᶜcᶜem) „дуюсь, вздуваюсь" от pᶜukᶜ „дуновение, воздух, вздутье" <*phu-k- от *p(h)(e)u- „вздувать"; teŀam (-em, -um) „лью (о дожде)" от teŀ „сильный дождь" (*del- „капать"?)[35]; tokam „выдерживаю, терплю" от tok „выдержка, терпение" <*dou̯o-g-o-(?) от *deu- „удаляться (в пространстве и времени)".

Для глагола alam „мелю, крошу“, обычно сравниваемого с греч. ἀλέω „мелю“ и возводимого к *al- „молоть, крошить“, восстанавливают праформу *al-na-mi с обычной для сочетания *ln ассимиляцией (ср. *pel-nu-mi>helum „лью“).

Основы глаголов на -um. Глаголы на -um восходят к и.-е. основам на *-u-, *-ō- и на суффикс *-nu- (в последнем случае — с ассимиляцией *-ln- в *-ll->-l-). Имеются также образования вторичного характера.

Для основ на *-u-, *-ō- не всегда имеются надежные параллели в других языках, но имея в виду, что глаголы на -um являются непродуктивными образованиями, следует констатировать первичный характер многих из них. Для некоторых глаголов А. Мейе предполагает также основы на *-u-ie-, но это предположение фонетически еще менее доказуемо, чем предположение о переходе *-ā-ie- в -a-, если иметь в виду обычные изменения -u- в серединной позиции. Здесь также с А. Мейе можно согласиться лишь в случае допущения очень раннего стяжения *-u-ie- в *-u-, что маловероятно[36]. Ср. cᵉelum (-em) „рассекаю, прорываю, рву“ <*skel-u- от *(s)kel- „резать, отрезать“ (ср. греч. κολούω „обрубаю, подрезываю“); gelum „кручу, скручиваю“ <*ǧelu- от *ǧel- „вертеть, крутить, мотать“ (ср. греч. ἑλύω „окутываю“, лат. volvō, -ere „катать, вращать, крутить“, гот. walwjan катать“); hanum (-em) „вынимаю, вырываю, выделяю“ <*sḷnu- при *senu- „одинокий, уединенный“? (ср. др.-инд. sanútar в стороне, в сторону от“); henum (hinem) „плету“ <*penu- от *(s)pen- „тянуть, натягивать; прясть“ при hanum „плету“ (ср. гот. spinnan „прясть“ <*spenǧe- при лат. pìnti „плести, вить“; ср. также и.-е. *pan- „ткань“). Повидимому, первичную основу на -u- имел также глагол krcum „грызу“ (наряду с krcem), восходящий к *gᵘrug′- при *gᵘrēug′h-, *gᵘrŭg′h- „скрежетать, грызть, глодать“.

Для глаголов helum „лью, выливаю“ и образованного от него zelum (*z-helum) „наполняюсь, переполняюсь“ предполагают первичную основу на *-nu-: *pel-nu-mi от *pel- „лить, наполнять“ (ср. др.-инд. pr̥nóti „наполняет“ при лит. pilù, pilti „лить, сыпать“). Если А. Мейе правильно возводит tᵉolum „оставляю, прощаю“ к *tel- „молчать“ (ср. русск. *у-толять*), присовокупляя сюда германские формы на *stel- (ср. др.-англ. stillan „успокаивать“ <*stel-n-), то здесь также можно предположить первичную основу на *-nu-: *tol-nu-mi.

Некоторые глаголы образованы от соответствующих именных основ: y-awelum (ai̯-awelum „прибавляю, добавляю“) от awel-i „больше“ (*obhel- „увеличивать“); argelum „запрещаю, заключаю в тюрьму“ от argel „запрет, заключение, тюрьма“ (*arek- „защищать, запирать“); kalum „хватаю, схватываю, овладеваю“ от *gᵘəl- „рука“? (*geu- „сгибать„). Можно предположить именное происхождение, по-видимому, и для yeium „нанизываю“ от *ser- „ставить в ряд, нанизывать, связывать“ (ср. др.-англ. sierwan „ставить сети, интриговать“ при searu „западня“). Для этих глаголов А. Мейе (**Meillet,**, 1936², 112), как и

в других случаях, предполагает вторичные образования на *-ō-ǰe- (ср. лит. -ū-ju, греч. δηλόω „делаю ясным“ от δήλος „ясный“) или на *u-ǰe- (ср. лат. statuō, -ere „ставить, устанавливать“ от statum).

В глаголе lezum (при lizum, lizanem) „лижу“ можно, по-видимому, отметить влияние lezu „язык“.

Для глагола gercum «брею» Х. Фриск (**Frisk**, 1944, 30) предполагает первичную аористную основу (сигматический аорист) *u̯erd-s-[37] от *u̯er- «разрывать, раздирать, царапать», распространенную на формы презенса. Обычно такую функцию выполняет, как увидим ниже, не -um, а -an-em, однако в данном случае наряду с формой на -an-em (gerc-an-em) имеются также формы на -um и -em. Если это предположение верно, то такую же первичную основу на -s- можно предположить также для kᶜercum „скоблю, соскабливаю, царапаю“ <*kerd-s- от *(s)ker- „резать, отрезать“.

б) Суффиксальные основы

Основы глаголов на -em. Древнеармянские суффиксальные основы глаголов на -em[38] оканчиваются на -an-,-n-,-ačᶜ-,-ančᶜ-. Наиболее распространенным и продуктивным является тип основы на -an-. Остальные типы основ представлены единичными примерами.

Глаголы на -an-em восходят к двум основным типам: 1) к инфиксальным назальным основам, ставшим в армянском суффиксальными основами, и 2) к суффиксальным основам на *-ne- с предшествующим *-ā- или *-ə, Этот суффикс образовывал тематические презентные основы[39].

Переход инфиксальных основ в суффиксальные, как было отмечено при рассмотрении моделей индоевропейского глагола, начался давно. В армянском этот переход был завершен полностью, и в древнеармянском языке нет никакого различия между глаголами, восходящими к инфиксальным и суффиксальным основам: awc-an-em „помазываю, мажу, натираю мазью“ <*aug-an- от *o-ne-gu̯- (*ogu̯- „мазать, натирать“; ср. др.-инд. anákti „мажет, намазывает, натирает“, лат. unguō, -ere „мазать, намазывать, натирать мазью“); bek-an-em „ломаю“ от *bhe-n-g- (*bheg-; ср. др.-инд. bhanákti „ломает“); buc-an-em „выращиваю, кормлю“ от *bhu-ne-g- (*bheug- „есть, вкушать, пользоваться“; ср. др.-инд. bhuńktḗ „ест, вкушает, пользуется“, лат. fungor, -i „осуществлять, исполнять“); diz-an-em „нагромождаю“ от *dhi-ne-g′h- (*dheig′h- „месить глину и намазывать ею, лепить стену“; ср. греч. θιγγάνω „прикасаюсь, дотрагиваюсь“, лат. fingō, -ere „прикасаться, образовывать, формировать“); gt-an-em „нахожу“ от *u̯i-ne-d- (*u̯eid- „замечать; видеть, знать, находить“; ср. др.-инд. vindáti, ав. vinasti „находит“); has-an-em „достигаю от *o-ne-k′-? (*ek′-/*ok′- „достигать, доходить“; ср. др.-инд. náśati „достигает“ при aśnóti „достигает, доходит“, лат. nanciscor „случайно получать, находить“); liz-an-em „лижу“ от *li-ne-g′- (*leig′h-; ср. лат. lingō, -ere „лизать“, также греч. λιχνεύω от *λι-ν-χ-); lkᶜ-an-em „покидаю, оставляю“ от *li-ne-ku̯- (*leiku̯- „покидать“; ср. др.-инд. rinákti „покидает, остав-

ляет", лат. linquō, -ere „оставлять"); muc-an-em „ввожу, вставляю" от *mu-ne-g- (*meug- „скользить, гладить, выскальзывать"; ср. др.-инд. munakti „освобождает, избавляет", лит. munkù, mùkti „вылезать, увязывать")[40].

Став продуктивным суффиксом, -an- образовывал основы также от прежних сигматических аористных основ; так, anic-an-em «проклинаю» образован от основы аориста *oneid-s-, хотя назальный суффикс настоящего времени имеет параллель в назальном инфиксе в древнеиндийском nindati «поносит, презирает». Вообще такое соотношение аориста и презенса становится распространенной моделью в древнеармянском.

Суффикс *-ne- (*-ā-ne-/-ə-ne-) образует тематические основы также в других индоевропейских языках (в греческом, балтийских, славянских и др.), причем часть из них—от основ аориста, как в армянском: ср. греч. πίνω «пью», лат. cernō «отделяю», лит. bùdinu «бужу», русск. *стану, тону* и др. Однако распространение этого суффикса относится к более поздней эпохе, когда старая система индоевропейского глагола стала уступать место новым системам, распространенным в отдельных индоевропейских языках (**Савченко,** 1974, 269). Для распространения этого суффикса сыграло роль переразложение инфиксальных основ, по-видимому, с преобразованием инфикса в суффикс. Глаголы этого типа можно разделить на несколько групп по характеру основы, от которой образуется основа настоящего времени:

1) Глаголы, образованные от корневой формы аориста: aɫoganem, oɫog-anem (при aɫogem) „орошаю, мочу" от aɫog-, oɫog-<*srou̯- (*sreu- „течь"; ср. ст.-лит. srāvinu „проливаю"); elanem „выхожу" от *el-<*el(ə)- „гнать, приводить в движение; двигаться, идти" (ср. греч. ἐλαύνω при ἐλαύω „гоню, привожу в движение"); iǰanem „спускаюсь" от ēǰ<*ei-gh-? (от *ei- „идти"; ср. греч. οἰχνέω при οἴχομαι „ухожу") или *ei-dhi (форма императива, преобразовавшаяся в форму аориста; ср. русск. *иду* при *иди*)[41]; kcanem (при kcem) „кусаю" от kic-<gig'- (*geig'- „колоть, жалить, кусать"); klanem „глотаю" от kul-<*gu̯l- (*gu̯el- „глотать"); lucanem „отпускаю, расторгаю, распускаю" от loyc- (*leug- „ломать"); mtanem „вхожу" от mut- (*mōd- „встречать, приближаться" или *mug- „скользить" с переходом *g'[42]>t как при *ag'ro->art „нива"); tesanem „вижу" от tes- [*derk'- „смотреть" с контаминацией со *spek- „высматривать, пристально смотреть" (А. Мейе)][43]; tᶜkᶜanem (-em, -um) „плюю" от tᶜukᶜ- <*tu-k-? [*(s)t(h)i̯ēu- при *(s)p(h)i̯ēu- „плевать"); steɫcanem „создаю" от steɫc- <*stel-g'- (*stel-, „ставить, воздвигать, поднимать")[44].

2) Глаголы, образованные от суффиксальных основ на *-sk'- с распространением последнего на основы аориста (ср. др.-инд. a-pr̥cch-at=арм. eharcᶜ при pr̥cchati „спрашивает"): cᶜucᶜanem от cᶜoycᶜ-<*skeu-sk'- (*skeu- „обращать внимание, смотреть"); harcᶜanem „спрашиваю" от harcᶜ-<*pr̥k'-sk'- (*perk'- „спрашивать, просить"); lucᶜanem „зажигаю" от loycᶜ- <*leuk-sk'- (*leuk- „светить, свет")[45].

Сюда же следует отнести каузативные глаголы, основа настоящего времени которых образуется от основы аориста. Моделью при этом могут служить вышеприведенные глаголы, имеющие переходное значение, в частности, $c^{c}uc^{c}anem$ от $c^{c}oyc^{c}$- (ср. 3-е л. аор. e-$c^{c}oyc^{c}$): iǰuc^{c}anem „спускаю“ (от iǰa-nem „спускаюсь“, аор. ēǰ-) — iǰoyc^{c}-, zarmac^{c}uc^{c}anem „удизляю“ (от zarmanam „удивляюсь“) — zarmac^{c}oyc^{c}- и др. В глаголах, в которых вместо -c^{c}- аориста выступают -s- ила -z-, основа презенса соответственно имеет форму на -us-an-em, -uz-an-em (korusanem „теряю“, eluzanem „вывожу“, ən-kluzanem „глотаю“, p^{c}luzanem „обрушиваю“).

3) Глаголы, образованные от основ аориста, восходящих к первоначальным сигматическим основам: anc^{c}anem „прохожу“ от anc^{c}- <*ant-s- (*ant- „напротив“, откуда греч. ἄντομαι „встречаю“ (**Pedersen,** 1906) или, точнее, *sn̥t-s- (*sent- „принимать направление, идти“, откуда арм. ənt^{c}anam „иду, шагаю“); ergicanem „рву, разрываю, взрываю, черчу, осмеиваю“ от *ergēc <*u̯reid-s- (*uer-, *u̯r-ei- „разрывать, вырезывать, царапать“)[46]; xacanem „кусаю“ от khād-s- (*khād- „раскусывать“; ср. др.-инд. khādati „раскусывает, жует“).

Несколько отличается от приведенной модели образование основы глагола harkanem „бью, ударяю“, который имеет *-g-><-k- в основе наст. вр. и выступает без него в основе аориста (hari, harer, e-har); *-g- имеет параллели в кельтском, тохарском и хеттском (ср. хетт. ḫark-, с носовым инфиксом ḫar-nin-k- „гибнуть, погибать“ и har-ganu- „уничтожать“, с -g- во всей парадигме). Фактически в армянском супплетивно выступают основы hark- и har-, причем образованные от них глаголы zarkanem и harum „бью, ударяю“ имеют также полные парадигмы.

В глаголах aṙnem „делаю“ и dnem „кладу, ставлю“ выступает вышеуказанный суффикс *-ne- без предыдущего гласного: *ar-ne- (*ar- „связывать, присоединять, прилаживать“) и *dhē-ne- (*dhē- „класть, ставить“; ср. русск. *дену*, серб.-хорв. *денēм* „кладу, ставлю, деваю“). Первый из этих глаголов имеет также несуффиксальный вариант основы y-ar-em „прилагаю, прикрепляю, присоединяю“ и форму со вторичным образованием yar-n-č^{c}-im „подхожу, прилаживаюсь“. По-видимому, тот же суффикс *-ne- имеется в y-aṙnem (аор. yareay, имп. ari) „поднимаюсь“ <*ṛ-ne-; в других языках выступает основа *er-ne-u- от *er-eu- (ср. арм. y-arew-anam „следую“?): др.-инд. ṛṇóti, ṛṇváti „поднимается, двигается“, греч. ὄρνυμι „привожу в движение, побуждаю, поднимаю“ [*er- „приводить (приходить) в движение, побуждать, поднимать“].

Два глагола выступают с элементом -č^{c}- с предыдущим назальным элементом или без него: *čanač^{c}-em (*canač^{c}-em — с ассимилятивным воздействием č^{c} на c) „узнаю“ (аор. caneay) и mełanč^{c}-em (mełanam) „грешу“. Элемент -č^{c}- может восходить к *-kį- или *-tį- (но не к *-skį-, как предполагает А. Мейе). Имея в виду соответствие t^{c} (*t): č^{c} (*tį) в aławt^{c}em „молюсь“ (aławt^{c}-k- „молитва“): ałač^{c}em

„молю, умоляю, прошу", можно в глаголе čanacᶜem при canawtᶜ „знакомый" предположить первичную основу на *-t- с дальнейшим вторичным образованием суффиксом *-je-. Для melanč'em можно допустить либо подобное же образование от основ на *-n̥t-, либо вторичное распространение -čᶜ- от -ičᶜ, о чем речь пойдет ниже.

Основы глаголов на -im. Суффиксальные основы глаголов на -im оканчиваются на -an- и на -čᶜ-, -nčᶜ-. Из них глаголы -an-im имеют параллели в глаголах на -an-em, рассмотренных выше. Во всех случаях — и в случаях, когда глаголы на -an-im . являются пассивными формами от глаголов на -an-em, и в случаях, когда они таковыми не являются,—при суффиксальных основах элемент -i- является вторичным, распространенным на эти основы по аналогии.

В редких случаях имеются параллели в назальном суффиксе в других языках: aganim (haganim) „одеваю(сь)" от *ou- (*eu- „одевать"; ср. лит. aunù, aũti „обувать"); jerianim (при jeranim, jernum) „нахожусь в жару, лихоражу" от *gu̯her-s- или *gu̯her-, если -r- на месте -r- возник под влиянием jernum, и jeranim является первичной формой (*gu̯her- „жаркий' теплый"; ср. арм. jerm̥um, др.-инд. ghṛmó̃ti „горит, светит"); usanim „учусь" от *euk- „привыкать" (ср. русск. *привыкнуть* при *учить*, лит. jaukinti „приучать, обуздать" при jùnkstu, jùnkti „привыкать").

Есть и сомнительные случаи: macanim (macnum, macčᶜim, позднее macanem) „липну, прилипаю, приклеиваюсь, сгущаюсь" от *mad-s- + -an-im [*mad- „влажный, сырой, жирный, откормленный"; ср. др.-инд. mandati при madati „бурлит, струится; сн рад" или алб. manj (*mad-nj̃ō) „откармливаю"] или *mag'-əne- (*mag'- „месить").

В других случаях нет соответствий: aganim „ночую" от *au- „ночевать, спать"; ankanim „падаю" от *sn̥gu̯- (*sengu̯- „падать, опус(каться"); cnanim „рождаю; рождаюсь" от *g'enə-ne- (*g'en- „рождать")[48]; el-an-im „есмь, бываю" (при elanem „выхожу") от *elə-ne-? *el- „гнать, приводить в движение, двигаться, идти"); hecanim „сажусь на коня, сижу на коне, езжу верхом" от сигматической основы ариста *sed-s-? (*sed- „сидеть", откуда арм. nstim „сижу, сажусь"); hiwcanim (-im) „истощаюсь, чахну" от sēug-? (*seug- „озабоченный, грустный, заболевший, больной")[50]; linim „я есмь, бываю" от *lei-ne- (*el- „гнать, приводить в движение, двигаться, идти", откуда арм. elanim „я есмь, бываю")[51]; melanim „умираю" от *mer-s- (*mer- „умирать"); pᶜlanim „рушусь, обрушиваюсь, обваливаюсь, разваливаюсь" от *phōl- (*phol- „падать, рушиться"); snanim „питаюсь" от *psen- (*psen-<*spen- „сосок, грудь")?

Суффиксальный элемент -čᶜ-, как было сказано выше, восходит к *-kj̃- или *-tj̃-: k- и -t- имеют параллели в других индоевропейских языках, а -j̃-, по-видимому, относится к тематическому суффиксу *-je-. Как известно, согласные элементы *-k- и *-t- образовывали „определенный" вид и выражали целенаправленность действия (**Шантрен**, 1951, 192). Из них *-k- находится, например, в греч. ἐρύκω „удер-

„живаю при ἐρύω „тащу", ὀλέκω при ὄλλυμι „гублю", а также в аористе греч. ἔθη-κ-α „я положил" при лат. fē-c-i „я сделал", фриг. αδδα-κ-ετ „он сделал"; тохарский -k- может отражать не только и.-е. *-k-, но и другие заднеязычные; *-t- также не чужд греческому глаголу: ср. ἀνύτω при ἀνύω „совершаю, завершаю".

В глаголах на -čᶜim и -nčᶜ-im перед суффиксами восстанавливается гласный -i-, который выступает также в аористе и, по-видимому, в императиве: 1) hangčᶜim (*hangičᶜim; ср. аор. hangeay<*hangi-ay, имп. hangi-r) „покоюсь, успокаиваюсь, отдыхаю, почиваю; гасну, угасаю; умираю", matčᶜim (аор. mateay, имп. matir) „подхожу, приближаюсь", tᶜakᶜčᶜ-im (аор. tᶜakᶜeay, имп. tᶜakᶜir) „прячусь", tᶜřčᶜim (аор. tᶜřeay, имп. tᶜřir) „летаю, лечу"; 2) erknčᶜ-im (*erkinčᶜim; ср. аор. erkeay, имп. erkir) „боюсь", martnčᶜim (аор. marteay, имп. martir) „сражаюсь, воюю, борюсь", yarnčᶜim (аор. yareay, имп. yarir) „подхожу, приличествую" при yarim „присоединяюсь". Этот гласный -i- восходит к гласному корня или основы; ср. han-g(i)-čᶜ-im „покоюсь" (и han-gi-st „покой") от *kᵘi-, с озвончением *kᵘ после *n (*kᵘei- „покоиться, приятно отдыхать"); erk(i)-n-čᶜim „боюсь" от *dᵘi- (*dᵘei- „бояться"); yar(i)-nčᶜ-im „подхожу, приличествую" от *ari- (*ar- „привязывать, присоединять, прилаживать"; ср. греч. ἀραρίσκω „кладу вплотную, сплачиваю, прилаживаю" = арм. araṙicᶜ „сделаю"?).

Назальный элемент -n глаголов на -nčᶜ-im иногда имеет параллели в других языках; ср. для martnčᶜim „сражаюсь" др.-инд. mṛdnāti (вместо mṛṇatti <*mṛ-ne-d-ti?) „растирает, раздавливает; стирает; убивает" (*mer-, -d- „растирать")[52]. Если erknčᶜim „боюсь" связан с erkn „муки рождения", как полагает Р. Ачарян, тогда -n- в этом глаголе не относится собственно к суффиксу. В yarnčᶜim „подхожу, приличествую" следует также предположить первичную основу на *-n-: *ari-n-.

Хотя некоторые глаголы на -n-čᶜim имеют параллели в глаголах на *-i-sko- в других языках (erknčᶜim: греч. δε(i)δίσκομαι, třčᶜim: πτερίσκω от *pet- „кидаться, лететь, падать", откуда также арм. tᶜakᶜ-čᶜim <*ptāk- или *ptək-), однако, как было сказано, фонетически -čᶜ- не возводим к *-skį-, не говоря о возможности сочетания суффиксов *-sk- и *-ie- вообще.

Глагол matčᶜim „подхожу, приближаюсь" восходит к *məd- (*mōd- „встречать, подходить, приближаться").

Возможно допустить, что армянский язык сохранил и развил более древнее состояние, когда *-k-, *-t- и другие согласные элементы имели более широкое употребление. Возможно при -nčᶜ- допустить также вторичные образования на базе имен действующих лиц, о чем речь будет ниже.

Примером модели образования глаголов на -nčᶜ- может служить, по-видимому, глагол dṙnčᶜem „оглашаю" [при dṙnčᶜim „звеню (в ухе)"], восходящий к *dhrenkie- [*dher- — звукоподражание; ср. др.-ирл. drēcht (*dhrēnkta) „песня, рассказ", словен. drok (*dhrṇk-) „трамбовка", может быть и тох. A träṅk-, B trenk- „говорить"].

Основы глаголов на -am. Суффиксальные глаголы имеют основы на -n-, -an-, -en-. Будучи продуктивным суффиксом, -an- образовывал деноминативные глаголы, показывая процесс перехода в качество или в объект, обозначаемый именем. Поэтому большинство глаголов на -an-am является новообразованиями; ср. alkᶜat-an-am „беднею" от alkᶜat „бедный" <*olik- [*(o)leig/k- „скудный, бедный"], bark-an-am „сержусь" от bark „едкий, острый, горячий, сердитый" <*bhru̯- [*bher-(e)u- „кипеть, волноваться"], gol-an-am „краду" от gol „вор" <*u̯ol-(*u̯el- „крутить"), himn-an-am „обосновываюсь" от himn „основа" (*sĕmu̯? Ср. хетт. šamana- „фундаментный камень, фундамент"; **Laroche,** 1963; **Djahukian**, 1969), hn-an-am „старею" от hin „старый" <*seno- „старый", jewanam „формируюсь, образовываюсь" от jew „форма" <*g'heu- „лить", lerk-an-am „оголяюсь" от lerk „голый, гладкий" <lerg- „гладкий, ровный, скользкий", ostanam „расту" от ost „ветвь, сук" <*o-z-d-o-, tamkanam „мокну, увлажняюсь" от tamuk „мокрый, влажный" <*dā-mo- (*dā- „текучий, течь"), ucanam „охладеваю" от oyc „холодный" <*oug- „холодный".

Явно вторичны также глаголы armanam (z-armanam, əndarmanam) „удивляюсь" при armn „корень" от *er- „приводить в движение, побуждать", meɬanam „грешу" при meɬančᶜem от meɬ „грех" (*mel- „промахнуться, обманывать"), z-ayranam „сержусь" при ayrem „жгу" от *āter- [*āt(e)r- „огонь"].

Древнеармянские глаголы на -n-am восходят к и.-е. глаголам на *-nā-mi (др.-инд. -nā-mi: li-nā-mi „прилипаю", pṛ-nā́mi „наполняю", sṛ-nā-mi „ломаю"; греч. -νη-μι: δάμ-νη-μι „укрощаю", κίρ-νη-μι „смешиваю", πέρ-νη-μι „продаю" и др.), хотя прямых соответствий между глаголами армянского и других языков, образованными посредством *-nā-, почти нет. Глаголы на -an-am имеют тот же формант *-nā-, но с предшествующим a из *-ā- или *-ə-. Глаголы на -en-am являются вторичными образованиями посредством -an-am от основ (корней), оканчивающихся на -i- (*-i-, *-ē-)[53].

Рассмотрим сначала двусложные глаголы, восстановление праформ которых не вызывает особых трудностей: banam „открываю, толкаю" <*bhə-nā-mi [от *bhā- „блестеть, сиять, светить"; для *-n- ср. греч. φαίνω „свечу(сь), являю, показываю", алб. bâj (гег.), bəj (тоск.) „делаю"]; baṙnam (am-baṙnam, ham-baṙnam) „поднимаю, нагружаю, упраздняю, уничтожаю" <*bhṛg'h-nā-mi (от *bhereg'h- „вращать, вертеть; крутить"; ср. хетт. tarna- „оставлять"?)[54]; oṙnam „реву, вою, завываю" <*ru-nā-mi [от *reu- „реветь"; для -n- ср. ср.-в.-нем. rienen (*reunōn) „жаловаться; сетовать" и др.-в.-нем. rūnēn, др.-англ. rūnian „шептать"); spaṙnam „угрожаю" <spṛ-nā-mi [от *(s)p(h)er- „отталкивать, ногой; вздрагивать, трепетать"; для -n- ср. лат. spernō, -ere „отстранять, отвергать, презрительно отзываться"); stanam[55] „получаю" <*stə-nā-mi (от *stā- „стоять, ставить"; для -n- ср. ав. fra-stanvanti „продвигаются", греч. крит. στανύω „ставлю", лат. prae-stinō, -āre „покупать, приобретать", алб. shtonj „увеличиваю, умножаю",

прус. postānimai „мы станем“, русск. *стану*, тох. B stäm- „стоять“?); tᶜanam „увлажняю, мочу“ <*tə-nā-mi (от *tā- „таять, растворяться, разлагаться“; для -n- ср. др.-англ. dinam „отсыреть, увлажняться“, danian „быть сырым, влажным“, dawenian „смачивать, мочить“).

В некоторых из этих глаголов основа на назальный суффикс находится в процессе опрощения, и поэтому наряду с формой аориста oɨnacᶜay встречается oɨnacᶜi (oɨnam „вою“), наряду с spaɨnacᶜay — spaɨnacᶜi. Глаголы же banam, baɨnam, tᶜanam имеют аористы bacᶜi, barji, tᶜacᶜi при darjay от daɨnam, stacᶜay от stanam, обычных для глаголов на -anam (ср. goɨanam „ворую“ — goɨacᶜay, imanam „узнаю“ — imacᶜay и др.).

Среди трехсложных и многосложных глаголов на -an-am меньше первичных, особенно таких, для которых можно найти надежные параллели: loganam „купаюсь“ <*lou̯ə-nā-mi [от *lou̯(ə)- „мыть“ (основа на -n- является результатом влияния luanam „мыть“?], luanam „мою, стираю“ <*plu̯ə-nā-mi? (от *pleu- „течь, струиться; плавать; купать, лить“; для -n- ср. греч. πλύνω „мою, стираю“), uranam „отрекаюсь, отвергаю, отрицаю“<*(ō)rə-nā-mi? [от *ar- „отказывать, отвергать, отрицать, отрекаться“ при *ōr- „говорить, звать“; для -n- ср. греч. ἀρνέομαι „отрицаю, отказываю(сь)“, алб. nɛrroj (*rrɛnoj) „отрицаю, отвергаю“ (rr<*rn)].

В некоторых случаях, несмотря на отсутствие параллелей, можно допустить первичность образования, имея в виду глагольный характер соответствующих и.-е. корней и другие особенности: ənt^{c}anam „бегу, бегаю, быстро иду“ <*sentə-nā-mi? (от *sent- „направлять, идти“), imanam „узнаю, понимаю, рассуждаю, полагаю, чувствую“ (от *em- „брать“?)[56], moɨanam „забываю“ от *mor-s- (*mer-, -s- „мешать, презирать; забывать“), slanam „мчусь, устремляюсь“ от *k′ul- „лететь, мчаться, нападать, устремляться“?[57]

Явно вторичного характера глаголы на -en-am: arbenam „пьянею, хмелею“ от *arbi- при arb-<*sr̥bh- (*srebh-, *serbh- „хлебать, потягивать“; ср. лат. sorbeō, -ēre „хлебать“, лит. srebiù, surbiù „сосу, хлебаю“), merjenam „подхожу, приближаюсь“ от *merji, позднее merj <*me-g′h-ri- (*me- „среди, посредине“; ср. греч. μέχρι), tᶜerenam „отделяться; отчуждаться, сторониться, отстраняться“ от *tᶜeri- при tᶜer „сторона“ (*pter- „кидаться, летать, падать“), yagenam „насыщаюсь“ (при yagim) от *yagi-<*sau̯-iio-? (*sā-, -u- „сытый; кормить досыта“).

Основы глаголов на -um. Суффиксальные глаголы на -um имеют основы на -n-. Древний их слой восходит к и.-е. основам на *-neu-/*-nu- хотя некоторые из них отличаются от соответствующих древнеиндийских форм по типу чередования: aɨnum „беру“<*ar-nu-mi [от *ar- „давать; уделять; (мед.) присваивать“; ср. ав. ar- (през. ərənav-, rənv-) „предоставлять, обеспечивать“, греч. ἄρνυμαι „добываю, получаю“, хетт. arnumi „приношу“], ǰeɨ-nu-m (-anim) „греюсь“ <*gu̯her-nu-mi (от *gu̯her- „жаркий, теплый“; ср. др.-инд. ghr̥nóti „горит, светит“), lnum „наполняю“<*plē-nu-mi [от *pel(ə)-, *plē- „наполнять“; ср. др.-инд. pr̥ṇōti, pr̥ṇāti „наполняет“], z-genum „одеваюсь“ <*u̯es-nu-mi (от u̯es- „одевать“; ср. греч. ἔννυμι „одеваю“, ἕννυμαι „одеваюсь“).

О глаголе helum „лью“ от *pel-nu-mi, перешедшем в разряд несуффиксальных вследствие перехода *-ln- в -l-, было сказано выше.

Некоторые глаголы на -n-um как будто имеют параллели в назальных образованиях других индоевропейских языков: aytnum „опухаю“ <*oid-nu-mi [от *oid- „опухать“; ср. др.-инд. i-n-dra- „сильный“, i-n-du- „капля“(?), русск. *ядро, ядреный* (*i-n-dro)], hartᶜnum (-čᶜim) „вскакиваю от испуга, пугаюсь“, z-artᶜnum „пробуждаюсь“ (при artᶜun „бодрствующий, бдительный“)<*pr̥th-nu-mi [от *(s)p-(h)er-, -dh-, -th-? „вздрагивать; вскакивать“; ср. др.-исл. spretta (*sprintan) „наезжать, вскакивать“, русск. *прянуть*, а также арм. sparnam „угрожаю“, др.-инд. spr̥nóti „отбивает, отпускает, избавляет“ spr̥nāti „убивает“), macnum (-anim) „липну, прилипаю, приклеиваюсь, сгущаюсь“ от *mad-i- или *mad-s- „влажный, сырой; жирный, откормленный“; ср. др.-инд. mandati при madati „волнуется, струится; радуется“) или может быть, *mag'- „месить“. Однако более вероятно говорить о вторичности этих глаголов (aytnum, hartᶜnum, zartᶜnum, macnum), имея в виду, что первичные смычные в позиции перед -n- не выпадают; здесь, конечно, можно предположить выпадение интерконсонантного гласного (-u-; см. ниже).

Хотя глаголы ənkenum „бросаю, кидаю, складываю, сбрасываю“ и ən-ternum „читаю“ не имеют назальных параллелей, но их каузативное значение говорит о первичности *-neu-/*-nu- (ср. хеттские каузативы, в том числе деноминативные, причем ənkenum противопоставлен ank-an-im „падаю“). Первый из них восходит к *sengu- „падать, опускаться“, второй является аблаутной формой *tor- „громкий, внятный“, куда Петерсон (**Petersson,** 1916, 90) возводит арм. tᶜrtᶜrak (*tōr-tōr-) „оратор“[58].

В глаголе sarnum (-čᶜim, -anam) „мерзну, замерзаю“ -n- восходит к -n в sarn „холодный“, от которого он образован.

Ряд глаголов на -n-um, по-видимому, образован, как соответствующие глаголы на -an-em (-an-im), от основ аориста: cᶜacnum „спускаюсь, снижаюсь, оседаю, смягчаюсь“ от *(s)k'ad-s- (*k'ad- „падать“), cᶜas-num „сержусь, бешусь“[59] от *k'sāp-s- (*k'sā-, -p- „жечь“), erd-num „клянусь“ от erdu- <*u̯rēdhu-? (erdu-ay „я поклялся“) при erdu-mn „клятва“ от *u̯er- „торжественно говорить“[60], kᶜalcᶜ-num (-en-am) „голодаю“ от kᶜalcᶜi- (kᶜalcᶜeay „я проголодался“ при kᶜalcᶜ „голод“<*su̯ld-sk'- от *su̯el- „тлеть, гореть, жечь“). Ср. также tᶜrnum при tᶜranim „лечу, летаю“ от *ptēr-s- (*pet- „кидаться, лететь, падать“).

Можно высказать следующее предположение о происхождении большей части вторичных основ наст. времени. Как известно, многие глаголы на -um имеют параллельные формы на -čᶜim: ostnum—ostčᶜim „прыгаю, скачу, выскакиваю“, pᶜaxnum—pᶜaxčᶜim „убегаю“ и др. Некоторые же из них имеют параллели также в глаголах на -anem, -anim (причем иногда активному значению глаголов на -num соответствует неактивное значение глаголов на -anim): hecnum — hecanim „сажусь, на коня, езжу верхом“, jernum — jeranim „греюсь“ и др.

Выше было сказано, что для форм на -č^{c}im можно восстановить первичную основу на -i-, причем элемент -i- выступает в аористе[61]. Для глагола erdnum „клянусь" мы установили первичную основу на -u- (ср. аор. erdu-ay, глагольное имя erdumn). Нетрудно на этом основании прийти к мысли о совпадении основ древнеармянских глаголов на -č^{c}im (*-ič^{c}-im) с именами действующего лица на -ič^{c}, заменяющими причастия активного залога (ср. gorcič^{c} „делающий" от gorcem „делаю, возделываю"); А. Мейе (**Meillet**, 1936², 75) -ič^{c} возводит к *-ik-jā. Имеются также случаи, когда образования на -ič^{c} выступают как имена действия: t'ič^{c}-k^{c} „полет" при t^{c}'č^{c}-im „летаю". Таким образом, можно допустить образование многих вторичных глаголов на -č^{c}im от именных форм на -ič^{c}, как, например, matč^{c}im „подхожу, приближаюсь" от *matič^{c} „приближающийся".

Таким же образом вторичные глаголы на -num можно возвести к отглагольным именам на -un (с допущением ассимиляции гласных глагольных окончаний: -ič^{c} : *-ič^{c}-im, -un : *-un-um). Ср. (z)art^{c}-un „бодрствующий" и zart^{c}num (*z-art^{c}un-um) „пробуждаюсь, просыпаюсь", macun „сгущенное и вязкое молоко: простокваша, мацони" (от mac) и macnum „липну, прилипаю, становлюсь вязким, сгущаюсь", t^{c}ak^{c}un „скрытый" и t^{c}ak^{c}num (-č^{c}im) „скрываюсь". Прилагательные на -un А. Мейе (**Meillet**, 1936², 48, 130) частично возводит к древним причастиям на *-omno- (-owno-$>$-un).

Подобные же образования причастного типа могли лежать в основе некоторых форм на -an- в -an-am (также с ассимиляцией гласных?)—еще до того, как -anam стал восприниматься как единое целое, образующее отыменные глаголы от форм без -an-. Если в этих случаях действительно имела место ассимиляция гласных, то глаголы на -enam $<$*-eanam из *-i-an-am можно также объяснить на этой же основе: arbenam „пьянею"$<$*arbean-am от *arbi-, yagenam „насыщаюсь, наедаюсь"$<$*yagean-am от *yagi- и др.

Труднее допустить такие образования для вторичных глаголов на -an-em и -an-im. Что же касается глаголов на -anč^{c}- и -nč^{c}-, то в них можно видеть сложные образования на *-anič^{c}- и *-nič^{c} или *-inč^{c}-.

Формы, образуемые от основ презенса. Формы основ отрицательного (запретительного) императива полностью совпадают с формами основ презенса: през. gorc-es „делаешь, возделываешь", мн. ч. gorc-ēk^{c}, запр. имп. mí gorc-er, mí gorc-ēk^{c}; през. mełanč^{c}-es „грешишь", мн. ч. mełanč^{c}-ēk^{c}, запр. имп. mí mełanč^{c}-er, mí mełanč^{c}-ēk^{c}; през. mn-as „остаешься", мн. ч. mn-ayk^{c}, запр. имп. mí mn-ar, mí mn-ayk^{c}; през. iman-as „узнаешь", мн. ч. iman-ayk^{c}, запр. имп. mí iman-ar, mí iman-ayk^{c} и т. п. Из остальных двух форм, образующихся от основы презенса, основа конъюнктива, как было уже отмечено, отличается от основы имперфекта лишь наличием форманта -c^{c}-: имперф. gorcē-i „я делал",—конъюнк. gorci-c^{c}-em (*gorcē-c^{c}-em); имперф. mnay-i „я оставался" — конъюнк. mnay-c^{c}-em; имперф. t^{c}olu-i „я оставалял" — конъюнк. t^{c}olu-c^{c}-um. Имея в виду, что основа конъюнктива образована на базе индоевропейского оптатива, и что имперфект выполняет

также функцию прошедшего конъюнктива (со значением и оптатива)[62], можно принять гипотезу о восхождении основы имперфекта к индоевропейскому оптативу[63], причем тематических—к тематическим, атематических—к атематическим. Иначе говоря, -y- имперфекта (mnay-i) является не средством избежания хиатуса, а отражением индоевропейского форманта оптатива: и.-е. *-oi-> арм. -ē- (ср. и.-е. *bheroi-> арм. berē-i „я приносил"), и.-е. *-ā-i̯ē-> арм. -ay-i (ср. и.-е. *menā-i̯ē-> арм. mnay-i „я оставался"), и.-е. *-u-i̯ē-> арм. -u-i (ср. и.-е. *arnu-i̯ē-> арм. aṙnu-i „я брал"). Собственная примета конъюнктива -c^{c}- является результатом дальнейшего обобщения и.-е. *-sk′- (*sk-) в условиях армянского языка для обозначения предполагаемого действия (ср. -c^{c}- в будущем, выполняющем также функцию конъюнктива: berec^{c}-ic^{c} „принесу"). Имеется предположение о происхождении форм коньюнктива от соответствующих форм конъюнктива бытийного глагола ic^{c}em, ic^{c}es, ic^{c}ē, ic^{c}emk^{c}, ic^{c}ēk^{c}, ic^{c}en (см., в частности, **Godel,** 1975, 115). При этом предположении остается необъясненным наличие -u- в окончаниях конъюнктива глаголов на -um: aṙnuc^{c}um, -uc^{c}us и др., и трудность объяснения -c^{c}- не снимается, так как все же необходимо объяснить -c^{c}- в ic^{c}em[64]. Возможно допустить образование конъюнктива от основы оптатива, не отрицая при этом влияния форм ic^{c}em от em „есмь" на его парадигму.

2. Общая характеристика

Нецойные типы основ аориста. Нецойные основы аориста, как было уже отмечено, в древнеармянском языке могут выступать в двух основных типах: с аугментом и без него. Первый тип присущ односложным, второй—неодносложным корням. Аугмент выступает, таким образом: 1) в 3-м л. ед. ч. основ, состоящих из односложных корней и характеризующихся нулевым окончанием, 2) во всех лицах аориста, глаголов dnem «кладу, ставлю» (аор. edi) и gam «прихожу» (аор. eki), а также tam «даю» (аор. etu), кроме 1-го л. мн. ч. Формы с аугментом обычно имеют соответствия в аористных основах древнеиндийского, греческого и фригийского языков (греч. ἐ-, фриг. ε-, др.-инд. á-): e-ber „он принес": др.-инд. ábharat, греч. ἔ-φερε; e-d „он положил, поставил", др.-инд. á-dhāt, фриг. ε-δαες и др. В глаголах с односложными корнями, начинающимися с гласных, первоначально аугмент вообще отсутствовал и лишь вторично, по аналогии и для удлинения кратких форм, появился ē-, кроме случаев перед e- и ē-; ср. ē-ac „он привел" (*ag′-), ė-awc „он помазал" и др., но el „он вышел", ēǰ „он сошел" и др.

Нецойные аористы без аугмента имеют три разновидности: 1) формы без удвоения и суффиксальных элементов, составляющие подавляющее большинство, 2) формы с суффиксальными элементами -i- и -u-, выступающими только перед медиопассивными окончаниями некоторых глаголов, о которых речь уже была в связи с рассмотрением презентных основ[65], и 3) формы с удвоением, присущим только одному глаголу—agag-i «я сделал» при aṙnem «делаю».

Если сопоставить аористные основы с презентными, то можно констатировать, что нецойные типы аориста присущи следующим презентным формам глаголов: 1) всем глаголам на -em и -im с суффиксальными основами: lkᶜ-an-em „покидаю"—lkᶜ-i „я покинул", us-an-im „учусь" — us-ay „я научился", čan-ačᶜ-em „узнаю" — cane-ay (*cani-ay) „я узнал", meł-ančᶜ-em „грешу" — meł-ay „я согрешил", tᶜakᶜ-čᶜ-im „скрываюсь" — tᶜakᶜe-ay (*tᶜakᶜi-ay) „я скрылся", erk-nčᶜ-im „боюсь, пугаюсь" — erke-ay (*erki-ay) „я испугался", d-n-em (*di-n-em) „кладу, ставлю" — e-dl „я положил, поставил" и др.; некоторые суффиксальные глаголы на -em и -im, частично уже отмеченные, имеют основы необычного (в том числе — супплетивного) типа: aŕ-n-em „делаю" — arar-i „я сделал", čanačᶜem „узнаю" — caneay „я узнал", dnem „кладу" — edi „я положил", hark-an-em „бью" — har-i „я побил", eł-an-im, łi-n-im „есмь, бываю" — ełē „я стал", u-n-im „держу" — kal-ay „я подержал", tan-im „ношу, несу" — tar-ay „я унес"; 2) всем несуффиксальным и большинству суффиксальных глаголов на -um, причем многие основы суффиксальных глаголов в аористе кончаются на -i-, основа глагола erd-n-um „клянусь"—на -u- (erdu-ay): heł-um „лью"— heł-i „я полил", aŕ-n-um „беру" — aŕ-i „я взял", ayt-n-um „опухаю"— ayte-ay (*ayti-ay) „я опух" и др.; 3) некоторым несуффиксальным глаголам на -em, имеющим: а) одинаковые основы для презенса и аориста: ac-em „привожу" — ac-i „я привел", ber-em „приношу" — ber-i „я принес" (так же ham-berem „переношу" — ham-ber-i „я перенес"), han-em „вынимаю" — han-i „я вынул", helus-em „пригвождаю" — helus-i „я пригвоздил"; б) супплетивные основы для презенса и аориста: əmpem „пью" — arb-i „я попил, выпил", ls-em „слышу" — lu-ay „я услышал", ut-em „ем" — ker-ay „я поел" (3-е л. keraw и e-ker); 4) редким односложным несуффиксальным глаголам на -am, основы которых с основами аориста образуют супплетивные пары: ertᶜam „иду" — čᶜog-ay „я пошел", gam „прихожу" — ek-i „я пришел" (3-е л. ед. ч. ekn „он пришел"), tam „даю" — e-tu „я дал"; 5) двум суффиксальным глаголам на -n-am (но не -an-am, -en-am), имеющим в аористе приметy -j- (<*-g'h-) и теряющими ее в основе презенса перед -n-: baŕ-n-am (<*barjnam) „гружу, нагружаю" — barj-i „я нагрузил", daŕ-n-am (<*darjnam) „я возвращаюсь, становлюсь" — darj-ay „я вернулся, стал"; -j- этих двух глаголов воспринимается обычно параллельным с -cᶜ- формантом, хотя -j- принадлежит к корню.

Древнеармянские нецойные типы аористных основ частично восходят к индоевропейским корневым аористам (тематическим или атематическим), а также к сигматическим аористам и к имперфектам древнейшего типа, частично являются новообразованиями, появившимися в результате либо аналогии и выравнивания парадигмы, либо пополнения глагольной системы деноминативными образованиями.

Аористные основы, восходящие к атематическим корневым основам, немногочисленны и имеют место в тех случаях, когда древние и.-е. атематические корневые основы оканчивались на долгие гласные или на сонанты[66]: e-kn „он пришел" <*e-gᵛen-t<*e-gᵛem-t (*gᵛem- при *gᵛā- „идти, приходить"; ср. др.-инд. á-gan; для формы *gᵛā- ср.

др.-инд. a-gā-t, 1-е л. a-gā-m, греч. ἔ-βην, параллельных, может быть, арм. презентной форме kam „стою, существую"), e-t „он дал"<*e-dō-t (*dō- „давать"; ср. др.-инд. a-dāt), e-d „он положил, поставил"<*e-dhē-t (*dhē- „класть, ставить").

Основы, восходящие к индоевропейским тематическим аористам как асигматического, так и сигматического типов, более многочисленны. Тематический гласный здесь как бы служил для упразднения необычного стечения согласных. Об и.-е. сигматических аористах, отраженных в древнеармянских нецойных основах на согласные -c^c-, -c-, -ŕ- из *-d-s-, *-t-s- (*-g-s-, *-k-s-), *-r-s-, было сказано в связи с обсуждением презентных основ, образованных от аористных: anēc-(<*oneid-s-) при anic-an-em „проклинаю", gerc-<*ǥerd-s- при gercum „брею", yeŕ-<*ser-s-, при yeŕ-um „нанизываю" и др. Здесь приведем некоторые аористы, восходящие к и.-е. тематическим аористным основам и имеющие параллели в других языках (в том числе — основы с древними суффиксом *-sk′-, воспринимаемым в армянском как часть корня"): e-git „он нашел"<*e-ǥid-et (ср. др.-инд. á-vidat) при gt-an-em „нахожу"; e-harc^c „он спросил"<*e-pṛksk′-et (ср. др.-инд. á-pṛc-chat) при harc^c-an-em „спрашиваю" (элемент -c^c- отражает древний суффикс *-sk′-, воспринимаемый как часть корня и проходящий, как и в древнеиндийском, по всему спряжению); e-lik^c „он покинул"<*e-likᵘ-et (ср. греч. ἔ-λιπε) при lk^c-an-em „покидаю".

Сюда же следует, по-видимому, отнести (ē-)aŕ „он взял" при aŕ-n-um „беру", если -ŕ- возник по аналогии с -ŕ- презенса. Если форму аориста arar-i „я сделал" (при aŕnem „делаю") правильно сравнивают с греч. аористом ἤραρον (arar=ἔραρε), который соотносится с редуплицированым презенсом ἀραρίσκω, то aŕnem и arari соотносятся супплетивно.

Имеются отдельные параллели корневых аористов также для основ некоторых глаголов, получающих медиопассивные окончания: cn-aw „он родил(ся)"<*g′en- (*g′en- „рождать"; ср. греч. ἐγένετο „родился"); č^{c}og-aw „он пошел"<*kịou- [*kei- „приводить в движение, двигать(ся)"; ср. греч. κίε „он пошел" — без *-ou-); erke-aw „он испугался"<*dụi- (*dụei- „бояться"; ср. греч. δίε „он испугался"); ker-aw при e-ker „он съел"<*e-gᵘer- [*gᵘer- „глотать"; ср. др.-инд. (вед.) атем. аор. конъюнк. garan?]; lu-aw „он услышал"<*k′leu- „слышать" (ср. греч. ἔ-κλυε „он услышал"); nst-aw „он сел"<ni-sēd- [*sed- „садиться, сидеть"; ср. др.-инд. (вед.) á-sād-i].

В некоторых случаях древнеармянский аорист отражает не и.-е. аорист, а древнейший имперфект. Имперфект отличался от аориста огласовкой корня, сохранением редупликации презентной основы при простой основе аориста и т. п. Однако в обоих формах аугмент и окончание совпадали. Так например, форма аориста e-lēz „он лизнул" по огласовке может восходить к имперфекту типа *e-leig′h-et (*leig′h- „лизать") при аористной форме *e-lig′h-et.

Цойные типы основ аориста. Цойные типы основ аориста, как и нецойные, выступают в двух основных типах: с аугментом и без него. Как при нецойном аористе, цойный аорист с аугментом выступает при

односложных основах активного типа образования: e-bac^{c} „он открыл“ от banam „открываю“ (*bhā- „сверкать, сиять, светить“), e-kac^{c} „он остановился, стал“ от kam „стою“ (*gu̯ā- „идти, приходить“?), e-keac^{c} „он пожил“ от keam „живу“ (*gu̯ei- „жить“, *gu̯iḭā-), e-lac^{c} „он заплакал“ от lam „плачу“ (*lā- — звукоподражательный корень или *plā-k- „бить“), e-lic^{c} „он наполнил“ от lnum „наполняю“ (*pel- „лить; наполнять“), e-xic^{c} „закупорил“ от xnum „закупориваю“ (<? Отсюда образована презентная основа xc^{c}anem наряду с xnum).

Цойные основы аориста соответствуют всем презентным основам, не перечисленным в связи с рассмотрением нецойных основ аориста: I) большинству несуффиксальных глаголов на -em, -im: gorcem „возделываю“ — 3-е л. ед. ч. аор. gorceac^{c}, erewim „показываюсь“ — erewec^{c}-aw; 2) почти всем несуффиксальным и суффиксальным глаголам на -am: mnam „остаюсь“ — mnac^{c}, imanam „узнаю“ — imac^{c}-aw, merjenam „приближаюсь“ — merjec^{c}-aw; 3) нескольким суффиксальным глаголам на -n-um: ənkenum „кидаю, бросаю“ — ənkeac^{c} (ənkēc^{c}), ənt^{c}ernum „читаю“ — ənt^{c}erc^{c}-aw, lnum „наполняю“ — e-lic^{c}, xnum „закупоривaю“ — e-xic^{c}, yenum „прислоняюсь“ — yec^{c}-aw, zgenum „одеваюсь“ zgec^{c}aw.

Как видно из вышеприведенных примеров, основообразующий суффикс цойного аориста имеет две разновидности: -a-c^{c} для глаголов на -am и -eac^{c} (-ec^{c}-) для глаголов на -em, -im, -n-um. Несколько глаголов на -em имеют основу аориста на -ac^{c} вместо -eac^{c}: asem „говорю“ — asac^{c} „он сказал“, gitem „знаю“ — gitac^{c}, karem „могу“ — karac^{c}, mart^{c}em „умею“ — mart^{c}ac^{c}, merkem „раздеваю“ — merkac^{c}. Элемент -a- отражает и.-е. *-ā-, выступающий в некоторых языках не только в презенсе, но и в претерите; ср. лат. er-am (*es-ā-m) „я был“, др.-инд. bá (*bhu̯-ā-m) „я был“, лит. bė̃gau (-ā- + -u), ст.-сл. *бьра* (*-ā-), тох. A kälpā-t, B kälpā-te „он достиг“ (**Перльмуттер**, 1977, 94—96). Это видно на примере вышеупомянутых односложных глаголов, -a- которых восходит либо к корневому (ср. ba-c^{c} „он открыл“ от *bhā-), либо к суффиксальному *-ā- (ср. kea-c^{c} „он пожил, прожил“ от *gu̯iḭ-ā-). Что же касается элемента -e- в -ea-, то исследователи склонны возводить его к суффиксу *-is- сигматического аориста: *-is-ā- >-e-a- (**Mariès**, 1930; **Meillet**, 1936^{2}, 115—116); ср. др.-инд. ajiw-iṣ-am „я пожил“, лат. ēg-is-tī „я погнал“. Возможно, однако, видеть в -e- элемент презентной основы, через имперфект перешедший в аорист (некоторые аористы цойного типа восходят, как увидели, к древним имперфектам) (ср. **Godel**, 1975, 114, 127)[67].

Согласно общепринятому мнению, элемент -c^{c}- восходит к и.-е. *-sk- (*-sḱ-) с расширением его функции и распространением на аористные основы[68]. Подобное расширение функции *-sk- намечается и в греческом, где посредством него образовывались итеративные формы от имперфекта и аориста; ср. имперф. ἔφασκε при ἔφε, ἔφατο „он сказал“, аор. στάσκε при ἔστη „он поставил“ и др. (**Godel**, 1975, 127; для греч. форм. ср. **Шантрен**, 1953, 191—192). Если иметь в виду, что и.-е.

суффикс *-sk- образовывал настоящее время „совершенного вида" (**Мейе**, 1938, 236), то легко объяснить переход форм на *-sk- через имперфект в аористы[69].

Возможно допустить расширение функции *-sk-$>$-c^c- через контаминацию с сигматическими аористами корней, оканчивающихся на *-k-, *-t- (*-k-s-, *-t-s-$>$c^c), а также за счет деноминативных глаголов, образованных посредством *-sk- и не имеющих собственных аористов в индоевропейский период; ср. греч. γερά́σκω „старею" от γῆρας „старость" при арм. сегас^c-ау „я постарел".

Формы, образуемые от основ аориста. От основы аориста, как было уже отмечено, образуются будущее (или, как иногда называют, второй конъюнктив), каузатив и императив. Основы первых двух форм по отношению к основе аориста имеют дополнительные основообразующие элементы, основа же собственного императива в основом совпадает с основой аориста—иногда с выпадением согласного основы. Что касается так называемого увещевательного императива, то его формант -ǰ-, восходящий к специальной частице, воспринимается как дополнительный основообразующий элемент и к тому же совпадает с основообразующим элементом 2-го л. мн. ч. будущего, чередующегося с -c^c-.

Будущее образуется от основы аориста посредством -ic^c/-c^c-, который того же происхождения, что и -c^c- аориста. Об этом свидетельствует такая параллель, как арм. arariс^c «я сделаю»— греч. ἀραρίσκω «кладу вплотную, сплачиваю, прилаживаю» (греч. форма считается новообразованием от основы аориста: ср. **Chantraine**, 1948, 317; **Frisk**, 1, 1960, 129)[70]. Воспринявшийся как специальный основообразующий суффикс, *-iske/o- мог в дальнейшем распространиться на все формы и регулярно образовывать будущее от основы аориста—как нецойной, так и цойной. Лишь 2-е л. мн. ч. вместо -c^c- имеет -ǰ-, идентичный с -ǰ- императива. При этом -c^c- аориста в односложных основах остается без изменения, а в неодносложных переходит в -s- перед -c^c-,-ǰ- (диссимилятивное воздействие):

	Ед. ч.	Мн. ч.
1.	lac^c-ic^c „заплачу"	lac^c-c^c-uk^c
2.	lac^c-c^c-es	lac^c-ǰ-ik^c
3.	lac^c-c^c-ē	lac^c-c^c-en
1.	mnac^c-ic^c „остаюсь"	mnas-c^c-uk^c
2.	mnas-c^c-es	mnas-ǰ-ik^c
3.	mnas-c^c-ē	mnas-c^c-en

По аналогии с неодносложными основами последний -r- основы arar- также переходит в -s- перед -c^c-:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1.	arar-ic^c „сделаю"	aras-c^c-uk^c
2.	aras-c^c-es	aras-ǰ-ik^c
3.	aras-c^c-ē	aras-c^c-en

Если -i- в mnac^c-ic^c является первичным, восходящим к *-i- в *-i-ske/o-, то в 1-м л. ед. ч. медиопассивных форм -ау- перед -c^c

является вторичным, возникшим по соотношению активной и пассивной форм аориста 1-го л. ед. ч.: gt-i „я нашел" — gt-ay „я нашелся, меня нашли" и, соответственно, gt-i-c^{c} „я найду" — gt-ay-c^{c} „я найдусь, меня найдут". Иначе говоря, элемент основы -i- в -ic^{c} будущего времени и окончание -i 1-го л. ед. ч. аориста воспринимаются как один и тот же элемент.

Следует заметить, что конечный -i- аористных основ сохраняется при образовании основы будущего:

Ед. ч.	Мн. ч.
1. t^{c}ake-ayc^{c} „спрячусь"	t^{c}ak^{c}i-c^{c}-uk^{c}
2. t^{c}ak^{c}i-c^{c}-es	t^{c}ak^{c}i-ǰ-ik^{c}
3. t^{c}ak^{c}i-c^{c}-ē	t^{c}ak^{c}i-c^{c}-en

Хотя глаголы ert^{c}am „иду" и tam „даю" сочетаются с супплетивными основами č^{c}ogay „я пошел" и etu „я дал", однако формы будущего времени образуются от основы презенса—как бы через соответствующую (несуществующую) основу аориста: ert^{c}ayc^{c}, ert^{c}ic^{c}es, ert^{c}ic^{c}ē..., tac^{c}, tac^{c}es, tac^{c}ē ...

Каузативная основа образуется, как было отмечено, от основы аориста посредством суффикса -óyc^{c}/-uc^{c}-, в некоторых глаголах выступающего в вариантах -óys|-us- (koroys при korus-an-em „теряю" от kor-nč^{c}-im „теряюсь") или -óyz/-uz- (p^{c}loyz- при p^{c}luz-an-em „обрушиваю" от p^{c}l-č^{c}-im „обрушиваюсь"). Элемент -c^{c}-, несомненно, имеет то же происхождение (*-sk-,-sk′-), что и основообразующий элемент цойных основ, причем в дальнейшем произащло распространение первичных образований также на цойные основы. А. Мейе считает -óy-|-u- древним формантом типа -ευ- в греческом ὀρούω от ὀρ-ευ-ι-ω „устраняюсь" (**Meillet**, 1936^{2}, 116). Таким образом, греч. ὀρυ-ι- и арм. y-aroy-|y-aru- в yaṙ-uc^{c}anem „поднимаю" (при yaṙ-nem „поднимаюсь", аор. yareay) первоначально совпадали, образуя армяно-греческую изоглоссу. Для -s- и -z- следует предположить либо другое происхождение, чем для -c^{c}- (*-k′-?, *-g′h-?), либо фрикативизацию -c^{c}- в конечной позиции и контаминацию с именными формами на -oys и -oyz. Интересно отметить, что формы на -oyc^{c}, -oys и -oyz могут быть вторыми компонентами некоторых словосложений типа mart-usoyc^{c} „обучающий борьбе" (ср. mart „борьба" и usuc^{c}anem „обучаю"), а также выступать как суффиксальные элементы формы типа saṙ-oyc^{c} „лед" (от saṙ-č^{c}-im „замерзну, замерзаю").

Основа императива полностью совпадает с основой аориста только в неконечной позиции; при нулевом же окончании -c^{c}- вместе с предшествующим у (если таковой имеется) обычно выпадает: sireac^{c}, —sireá „полюби", mnac^{c}—mná „останься", matoyc^{c}—mató „приблизь придвинь", koroys—koro „потеряй" и т. д.

Увещевательный императив на -ǰ-ir (ед. ч.), -ǰ-ik^{c} (мн. ч.) восходит к формам с частицей *-dhi [ср. др.-инд. -dhi (-hi), греч. -θι]: *-dhi-> -ǰ- перед окончаниями -ir, -ik^{c}, или *-dhi-> -ǰ-?

Первичные окончания. Первичные окончания древнеармянского глагола являются собственно показателями непрошедших времен — настоящего и будущего. Они выступают в формах, образующихся как от основы презенса, так и от основы аориста. Иначе говоря, если основы выражают видовые, то окончания обозначают временные различия. Исключение составляют формы императива, которые параллельны соответствующим окончаниям аориста, лишь частично совпадающим с окончаниями презенса.

Из рассмотрения происхождения глагольных основ выяснилось и происхождение гласных элементов окончания: они восходят к различным гласным как тематических, так и атематических основ, выступающим как самостоятельно, так и в качестве элементов различных суффиксов, иногда и корней, т. е. -e- восходит к *-e- тематических основ (без чередования с *-o- и без изменения в -i- перед -m), *-i- — к *-i- или *-ī-, -a-—к *-ā- или *-ə-, -u-—к *-u-, *-ū- или *-ō-, -o- — к *-o- (без перехода в -u- перед -m). В частности, -u- в -uk^{c} будущего времени (ta-c^{c}-uk^{c} „дадим“, mnas-c^{c}-uk^{c} „останемся“) объясняется как рефлекс *-ō- индоевропейского конъюнктива.

Вопрос происхождения собственно личных окончаний презенса не вызывает особых трудностей: 1) -m 1-го л. ед. ч. восходит к *-mi, распространенному и на тематические основы: em „есмь“ <*es-mi, berem „приношу“ от *bherō; 2) -s 2-го л. ед. ч. восходит не к *-si (*-s- в интервокальной позиции выпадает), а к *-ssi бытийного глагола (es „еси“ <es-si; ср. гомер. ἐσσι, др.-лат. ess), распространенного и на другие глаголы; 3) -y 3-го л. ед. ч. (ср. mn-a-y „остается“ при berē „приносит“ =berey, nsti „садится, сидит“ <*nstiy, heł-u „льет“ <*heł-uy) восходит к *-ti тематических и атематических форм: berē =berey<*bhereti, причем здесь имеет место обратное воздействие на бытийный глагол, который вместо ожидаемого est (др.-инд. ásti, греч. ἔστι) имеет форму ē (=ey); 4) 1-е л. мн. ч. -mk^{c} восходит к *-mes (ср.др.-инд. -maḥ, греч. дор. -μες, лат. -mus)[71]; 5) 2-л. мн.ч. -yk^{c} (mnayk^{c} „остаетесь“ при gorcēk^{c}=gorceyk^{c}, nstik^{c}<*nstiyk^{c}, lnuk^{c}<*lnuyk^{c}) восходит к окончанию *-te с добавлением форманта мн. ч. *-s>-k^{c} по аналогии, как в латинском -tis; 6) наконец, 3-е л. мн. ч. -n восходит к *-nti (ср. en „суть“ <*s-enti).

Как показывает параллель арм. henum „плету“ — греч. πένομαι „тружусь“ [*(s)pen- „тянуть, натягивать, прясть“], окончания презенса могут восходить в некоторых случаях (при глаголах на -um) к окончаниям и.-е. медия. В этом случае -u- в -u-m отражает тематический гласный -o-: -u-m<-o-mai.

Окончания презенса без каких-либо изменений бытуют также в формах конъюнктива. Между тем в формах будущего («второго конъюнктива») и запретительного императива имеются некоторые отклонения, не всегда имеющие удовлетворительное объяснение. Так, 1-е л. ед. ч. будущего времени вместо -m имеет нулевое окончание (tac^{c} „дам“, mnac^{c}ic^{c} „останусь“), а 1-е л. мн. ч. вместо -mk^{c} — -uk^{c} (tac^{c}-uk^{c} „дадим“, mnasc^{c}-uk^{c} „останемся“). Первое из них лег-

ко объяснить, если правильна параллель araric^{c} „сделаю" — греч. ἀραρίσκω „кладу вплотную, сплачиваю, прилаживаю": оно восходит к окончанию 1-го л. ед. ч. тематических форм на *-ō, выпавшего в конечной позиции. Что касается -uk^{c}, единого окончания для активного и пассивного залогов, то элемент -k^{c} остается пока необъяснимым (-u-, как было отмечено, восходит к *-ō- конъюнктива); он, конечно, восходит к элементу *-s множественного числа, но его отношение к собственному окончанию 1-го л. мн. ч. конъюнктива *-me неясно (оно выпало, но как?). О связи -ǰ-ik^{c} 2-го л. мн. ч. с формой увещевательного императива на *-dhi было уже сказано; следует добавить, что здесь также наличествует формант множественного числа -k^{c}<*-s.

Не вполне ясно также происхождение собственного окончания 2-го л. ед. ч. запретительного императива -r: mí mnar „не оставайся" при mí berer) „не приноси", mí nstir „не садись, не сиди", mi helur „не лей". Оно совпадает с формантом 2-го л. ед. ч. аориста и 2-го и 3-го л.ед.ч. имперфекта. А. Мейе (**Meillet,** 1936[2] 119) сравнивает -r императива с греч. ῥα „как раз, именно, ведь, же", лит. ir „и" и возводит к первичной частице *-rV, давшей возможность сохранить конечный гласный[72]. Однако мы склонны отождествить -r императива и прошедших времен и сравнить с соответствующими формами тохарских языков: как и армянский, тохарские языки сильно развили формы на -r, образуя посредством него главным образом медиопассивные формы, в том числе импернтив ед. ч. на -r[73]. Если при этом -ур имперфекта можно сравнить с фриг. -τορ (berēr «он приносил»<*bhereter[74] при фриг. αβ-βερετορ), а древняя форма beriwr действительно восходит к *bheretre, то можно согласиться с В. В. Ивановым в том, что «источником медиопассивных форм на -r, по-видимому, является предикативное употребление отглагольных имен на -ter в безличном значении. Возможно, что при предикативном употреблении имен на *-ter *t в этих именах соотносилось с глагольным окончанием *t в 3-м л. ед. ч. (*t во вторичном окончании, *ti в первичном)» («Тохарские языки», 1959, 31).

Вторичные окончания. Если первичные окончания древнеармянского глагола прямо возводимы к индоевропейским первичным окончаниям, то здесь много еще неясного и проблематичного.

При анализе модели вторичных окончаний было установлено два их типа f$_1$f и f. Первый тип присущ глаголам медиопассивного, второй—активного залога. В первом случае окончание четко распадается на примету -a- (f$_1$) и собственные окончания (f), во втором случае примета -a- отсутствует, причем наблюдается варьирование собственных окончаний активного и пассивного залогов в самом аористе.

	Актив		Медиопассив	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1.	-i	-ak^{c}	-a-y	-a-k^{c}
2.	-er,-ir	-ēk^{c}	-a-r	-a-yk^{c}
3.	-∅, -n	-in	-a-w	-a-n

При рассмотрении основы аориста было отмечено, что -a- в основообразующем суффиксе (-e)-ac^{c} восходит к *-ā-, который выступает в прошедшем времени (претерите) многих индоевропейских языков. В медиопассивных окончаниях аориста примета -a- имеет одинаковое происхождение, выступая сначала в нецойных («корневых») основах, затем распространяясь на цойные. В аористных формах глаголов linim, elanim „я есмь, существую" вместо гласного -a- выступает -e- (elē=eley, eler, elew, elēk^{c}=eleyk^{c}, elen), по-видимому, отражающий гласный *-e- (ср. le-r „будь").

Хотя для активного залога мы условно констатировали неразложимые окончания, имея в виду, во-первых, отсутствие приметы -a- и, во-вторых, нулевое окончание 3-го л. ед. ч. (при -n в глаголе ekn «он пришел»), противопоставляемое остальным, однако легко прослеживается генетическая разложимость двухэлементных окончаний.

Можно выделить четыре разновидности активных окончаний аориста. Первые три из них характеризуют единичные глаголы, восходящие к корневым основам. Четвертая присуща всем остальным глаголам, в частности: 1) несуффиксальным и суффиксальным глаголам на -em (grem „пишу" — grec^{c}-i, lk^{c}anem „покидаю" — lk^{c}-i), 2) большинству несуффиксальных глаголов на -am (mnam „остаюсь" — mnac^{c}i) и некоторым суффиксальным глаголам (banam „открываю" — bac^{c}-i, baṙnam — „нагружаю" — barj-i, luanam „мою" — luac^{c}-i, merkanam или merkem „раздеваю" — merkac^{c}i, t^{c}anam „мочу" — t^{c}ac^{c}-i), 3) несуффиксальным глаголам на -um (t^{c}olum „оставляю" — t^{c}ol-i) и некоторым суффиксальным глаголам (aṙnum „беру" — aṙ-i, ənkenum „кидаю" — ənkec^{c}-i, lnum „наполняю" — lc^{c}-i, xnum „затыкаю" — xc^{c}-i). При этом, как было отмечено, собственно активные глаголы по необходимости (по значению) получают также окончания пассивного залога.

Первая разновидность активных окончаний представлена в формах аориста глагола tam „даю": ед. ч. 1. e-tu, 2. e-tur 3. e-t, мн. ч. 1. tuak^{c}, 2. e-tuk^{c}, 3. e-tun. Здесь легко прослеживается гласный -u- (во всех лицах, кроме 3-го л. ед. ч.), восходящий к корневому гласному *-ō-: tu- <*dō-.

Вторая разновидность представлена в формах аориста глагола dnem „кладу, ставлю": ед. ч. 1. e-di, 2. e-dir (e-der), 3. e-d, мн. ч. 1. e-dak^{c}, 2. e-dik^{c}, 3. e-din. Если исключить 3-е л. ед. ч. и побочную форму 2-го л. ед. ч. e-der. возникшую по аналогии с распространенной парадигмой, то здесь ясно выделяется гласный -i-, восходящий к корневому гласному *-ē-: di-<*dhē- (о собственном окончании 1-го л. мн. ч. -ak^{c} см. ниже).

Третья разновидность представлена в супплетивных формах аориста глагола gam „прихожу": ед. ч. 1. e-ki, 2. e-kir, 3. e-kn, мн. ч. 1. e-kak^{c}, 2. e-kik^{c}, 3. e-kin. Здесь также четко выделяется гласный -i-, отсутствующий в 3-м л. ед. ч. (о -ak^{c} 1-го л. мн. ч. см. ниже). Известно, что e-kn „он пришел" имеет параллель в др.-инд. á-gan и восходит к *é-kin из *e-gu̯en-t <*e-gu̯em-t. Сохранение -i- в остальных лицах (кроме 1-го л. мн. ч.), без сохранения носового элемента, следует считать результатом как аналогии, так и наличия какого-то

последующего элемента, содержащего гласный и выпавшего в конечной позиции.

Наконец, четвертая разновидность, охватывающая все остальные глагольные формы, представлена следующим образом: ед. ч. 1. -i, 2. -er (-ir), 3. -∅, мн. ч. 1. -ak^{c}, 2. -ēk^{c}, 3. -in. В этих окончаниях, если исключить 3-е л. ед. ч. и 1-е л. мн. ч., можно выделить элементы, для которых трудно восстановить единые первичные источники; а) -i- 1-го л. (частично и 2-го) ед.ч., по всей вероятности, восходит к первоначальному суффиксу *-ē-, обозначающему состояние и прослеживающемуся в греческом и славянском аористах, причем в славянском — перед *-s- сигматических основ: греч. ἐ-χάρην „я обрадовался", ἐ-δάην „я узнал", ст.-сл. *мьнѣ-хъ* (*minē-s-om), *горѣ-хъ* (gorē-s-om); б) -ēk^{c} 2-го л. мн. ч. состоит из гласного -e- и собственного окончания -yk^{c} (ср. -a-yk^{c} медиопассива); -e- 2-го л. ед. и мн. ч. может восходить к тематическому гласному; вероятнее всего здесь предположить воздействие по аналогии первичного окончания -ēk^{c} глаголов на -em (тематический гласный -e-+собственное окончание -yk^{c} при -ayk^{c} глаголов на -am); в) -i- 3-го л. мн. ч. в -in может восходить как к *-ē-, так и к тематическому -e-, перешедшему в -i- перед носовым. Если правильна гипотеза о восхождении -i- в остальных лицах к *-ē-, то, по-видимому, здесь также мы имеем дело с его рефлексом.

Чем объяснить выпадение гласных элементов основы в 3-м л. ед. ч. и их сохранение в остальных лицах? Здесь возможны два объяснения: либо допустить ограничение действия фонетических процессов морфологическими при необходимости сохранения противопоставлений, либо предположить наличие каких-то последующих элементов с гласными. Мы склонны допустить наличие обоих условий. Большинство исследователей акцентирует второе условие, предполагая первоначальную аористную форму на *-s- (сигматический аорист), как ст.-сл. *дахъ*, алб. dašε „я дал" и ст.-сл. *дѣхъ* „я дел, положил" и восстанавливая для арм. etu<*e-dō-s-om и edi<*e-dhē-s-om[75]. В предположении Дж. Бонфанте о том, что гласный -i 1-го л. ед. ч. в форме e-d-i «я положил, поставил» был воспринят как окончание и в дальнейшем распространен на другие формы, имеется два слабых места: 1) не до конца выяснены условия выпадения конечного носового ед. числа (ср., с одной стороны, *dom>tun „дом", *g'hi̯om>jiwn „снег", *edu̯en>erkn „муки рождения" и др., с другой — *i̯ug-om>luc „ярм", *su̯opnom (вин. п.)>k^{c}un „сон" и др.); 2) для 3-го л. ед. ч. фактически допускается несигматическая, для других лиц—сигматическая форма. Если все же допустить такую возможность, одновременно учитывая воздействие процессов аналогии и выравнивания парадигмы, то о происхождении -r 2-го л. ед. ч. следует сделать то же предположение, что для -r запретительного императива.

Гласный -a- в -ak^{c} 1-го л. мн. ч. можно объяснить как рефлекс нулевой огласовки *-ē-: *-ə- (**Godel,** 1970, 149; 1975, 127), хотя в других языках такого чередования нет (*-ē- выступает без изменения); -k^{c} в этом случае является таким же показателем множественности (<*-s) как -k^{c} 2-го л. мн. ч. (*-yk^{c}<-te-s). Воспринявшись

как единое окончание, комплекс -ak^c в дальнейшем мог распространиться на 1-е л. аориста как глагола tam (tu-ak^c „мы дали"), так и медиопассивных форм, где -ak^c, по-видимому, восходит к -a- + -ak^c. Происхождение -ēk^c 2-го л. мн. ч. выяснилось выше.

В окончании -in 3-го л. мн. ч. элемент -n восходит к собственному окончанию 3-го л. мн. ч. *-nt, а об элементе -i- было сказано выше[76].

В установлении окончаний аориста могли сыграть роль окончания имперфекта, если его основа действительно связана с основой оптатива, и если некоторые формы аориста действительно восходят к первоначальным формам древнейшего имперфекта. Элемент *-ē- бывшего оптатива *-i̯ē- мог восприниматься как самостоятельное окончание и усиливаться, контаминируясь с *-ē- аориста; ср. греч. опт. εἴην, εἴης, εἴη, εἶμεν, εἶτε, εἶεν и арм. имперф. ēi, ēir, ēr, ēak^c, ēik^c, ēin при и.-е. *si̯ēm, *si̯ēs *si̯ēt, *sīme, *sīte, *sīi̯ent. В этом случае становится ясным также -y в окончании -ay 1-го л. ед. ч. медиопассивных форм, где -y- может восходить через -i- к *-ē-, с ослаблением -i в -y после гласного. Остальные собственно личные окончания медиопассивных форм, кроме 3-го л. ед. ч., совпадают с соответствующими окончаниями активных форм (-r 2-го л. ед. ч., -yk^c 2-го л. мн. ч., -n 3-го л. мн. ч.), и о них уже была речь выше. Что касается элемента -w в окончании -a-w 3-го л. ед. ч., то он восходит к архаичному форманту *-u̯- (*-u-), который выступает в перфекте и претерите различных языков; ср. вед. jajñaw, лат. nō-v-i „я узнал", хет. ḫark-u-n „я держал", тох. A prak-w-a „я спросил"[77].

Медиопассивные окончания получают, кроме соответствующих пассивных форм действительного залога, 1) все несуффиксальные и суффиксальные глаголы на -im (nst-im „сажусь, сижу" — nst-ay, us-an-im „учусь" — us-ay), 2) некоторые несуффиксальные глаголы на -am, имеющие либо только медиопассивные окончания (gt^c-am „жалею", -ac^{c}ay, p^{c}ut^c-am „спешу", -ac^c-ay, xit^c-am „забочусь, я озабочен", -ac^c-ay, yusam „надеюсь", -ac^c-ay), либо наряду с активными также медиопассивные (dołam „дрожу, -ac^c-i или -ac^c-ay;ołbam „оплакиваю", -ac^c-i или -ac^c-ay, oł̇nam „вою", -ac^c-i или -ac^c-ay и др.), 3) суффиксальные глаголы на -am и -um, кроме упомянутых при рассмотрении активных окончаний[78].

Окончания имперфекта и аориста в основном идентичны. Можно указать лишь на: а) собственное окончание 3-го л. ед. ч. имперфекта -r против нуля, б) -n и -w аориста и в) огласовку -i- во 2-м л. ед. и мн. ч. -ir, -ik^c против -er, -ēk^c аориста. Об их происхождении уже было сказано выше. Активная форма императива в ед. ч. имеет нулевое окончание, а во мн. ч.—окончание -ēk^c, совпадающее с окончанием 2-го лица мн. ч. как аориста, так и презенса. Что касается медиопассивной формы ед. ч. императива, то его окончание либо нулевое, но без выпадения конечного -c^c- основы (ср. xawseac^c „говори" от xawsim, 2-е л. аор. xawsec^{c}ar), либо в регулярных глаголах всегда имеет форму -ir (*-ē-r? Ср. gołac^c-ir „воруй" от gołanam, 2-е л. аор. gołacar, erk-ir „испугайся" от erknč^{c}im, 2-е л. аор. erkear; zart^{c}ir „пробуждайся" от zart^{c}num, 2-е л. аор. zart^{c}ear), а в нерегулярных глаголах с нецойными (корневым) типом аориста — -r с соответствующим гласным ос-

новы (ср. tu-r „дай“ от tam, 2-е л. аор. e-tur; dir „положи, поставь“ от dnem, 2-е л. аор. e-dir; ler „будь“ от linim, elanim, 2-е л. аор. e-ler; lu-r „услышь“ от lsem, 2-е л. аор. lu-ar). -r этих окончаний имеет одинаковое с -r запретительной формы происхождение.

Окончание мн. ч. медиопассивного императива имеет две разновидности: 1) -ayk^{c}, совпадающую с окончанием 2-го л. мн. ч. аориста и при основах на -i- выступающую в форме -eayk^{c} (-i- + -ayk^{c}): usayk^{c} „учитесь“, z-armac^{c}-ayk^{c} „удивляйтесь“, t^{c}ak^{c}eayk^{c} „спрячьтесь“ и 2) -aruk^{c}, имеющую более широкое употребление в регулярных глаголах и при основах на -i- выступающую в форме -eruk^{c} (-i-aruk^{c}>-earuk^{c}>-eruk^{c}): usaruk^{c}, z-armac^{c}aruk^{c}, t^{c}ak^{c}eruk^{c}; последнее окончание также иногда употребляется в индикативе: uaruk^{c} „услышьте“ и „вы услышали“. Для -aruk^{c} пока нет удовлетворительного объяснения. Мы склонны выводить это окончание из формы 2-го л. ед. ч. медиопассивного императива (первоначально, по-видимому, имеющей безличный характер и не обозначающей именно единственного числа): usar „ты научился“, t^{c}ak^{c}ear „ты спрятался“, imac^{c}ar „ты узнал“ и др. с добавлением формы местоимения 2-го л. мн. ч. *us (позднее выступающей собственно как основа косвенных падежей при *ǰu- им. п., откуда арм. duk^{c}<*ǰuk^{c}<*ǰus).

АРЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Из истории вопроса. Со времени выдвижения Г. Гюбшманом (**Hübschmann,** 1875) положения о том, что армянский образует самостоятельную, отдельную от иранской ветвь и.-е. языков, встал вопрос о месте армянского среди этих языков, о степени его близости к каждому из них. Сам Гюбшман пришел к выводу, что армянский занимает среднюю позицию между иранскими и балтийско-славянскими языками. Это его положение долгое время оставалось господствующим в условиях строгого деления индоевропейских языков на группы centum и satəm и отнесения армянского вместе с иранскими, балтийскими и славянскими к языкам группы satəm. Впервые стал сомневаться в правильности этого положения Х. Педерсен (**Pedersen,** 1906, 336 и сл.), который указал на особо близкие связи армянского языка с таким языком группы centum, каким является греческий. Он же первым указал на довольно тесные связи этих двух языков также с албанским.

А. Мейе, впервые широко применивший к индоевропейским языкам методы лингвистической географии и тщательно разработавший вопросы индоевропейской диалектологии (**Meillet,** 1908, 1922[2]), посвятил специальную статью о диалектной позиции армянского языка (**Meillet,** 1895). Он говорил о тесных связях армянского языка с греческим, арийскими и балтийско-славянскими языками. Для своих выводов об и.-е. диалектах А. Мейе использовал не только фонетический и морфологический, но и лексический материал.

Положение об особой близости армянского с греческим остается незыблемым во всех последующих исследованиях. Относительно стабильно также положение о значительной близости армянского к арийским и славянским языкам. Эти положения подтверждаются дальнейшими исследованиями, посвященными как общей оценке ареального взаимоотношения индоевропейских языков [в частности, в статьях А. Л. Кребера и К. Д. Кретьена (**Kroeber-Chrétien,** 1937; 1939), давших количественную оценку близости и.-е. языков на основании фонетических и морфологических изоглосс, и в известной книге В. Порцига (**Porzig,** 1954) о диалектном членении и.-е. языковой области], так и характеристике отношения армянского к другим и.-е. языкам. Однако в этих работах выдвигаются также некоторые частные положения, при этом иногда диаметрально противоположные, и уточняются отдельные факты и формулировки. Укажем на некоторые из них.

1. В большинстве случаев не вызывает сомнения, что армянский с арийскими языками имеет довольно тесные связи, характеризующиеся не только фонетико-морфологическими, но и лексическими, в том числе—эксклюзивными изоглоссами. В частности, Ф. Шпехт (**Specht,** 1935, 1—74; 1944) выдвигает положение о том, что армяне вместе с греками и арийцами раньше других выделились из и.-е. общности и имеют значительное количество общих инноваций. Хотя П. Тиме ны-

тается доказать общеиндоевропейский характер этих изоглосс (**Thieme,** 1954, 48—56), но его доказательства порою шатки, а некоторые этимологии неубедительны (**Макаев,** 1967, 453—454). Если даже не согласиться с положением Ф. Шпехта, все же следует отметить значительную близость армянского и арийского языков. Армяно-индийские лексические изоглоссы, подвергнутые анализу Е. А. Хачатуровой (1973; 1975), говорят о позднем их возникноении в результате контактов предков армян и индийцев.

2. Если мнение о значительной близости армянского и славянских языков поддерживается, можно сказать, всеми, то положение о близости армянского к балтийским вызывает сомнение. Х. Карстин (**Karstien,** 1955, 469—471) приводит 52 армяно-славянские фонетические, морфологические и лексические изоглоссы, пытаясь доказать положение о позиции армянского между греческим и славянским языками. Однако вопрос о подобной же тесной связи армянского с балтийскими языками оспаривается, например, Д. А. К. Греппином (1976; **Greppin,** 1976), который настроен весьма скептически в этом отношении, вообще отрицая наличие тесных связей между армянским и балтийскими. Армяно-славянские языковые связи, в частности, их семантическое взаимоотношение в последние годы стали предметом специального исследования Л. А. Сараджевой (1973; 1976; 1979), посвятившей этим вопросам монографию и ряд статей.

3. В свое время на довольно близкие связи армянского и греческого с кельтскими языками указывал Х. Педерсен в уже упомянутой работе. Еще раньше об армяно-кельтских связях писал А. Глейе (1902). В дальнейшем в этом отношении мнения расходились, однако можно сказать, что преобладало положение об отсутствии особо близких связей. Э. А. Макаев в статье, посвященной армяно-кельтским изоглоссам (1974), пытается доказать отсутствие особо тесных связей и близкого контактирования.

4. Первоначально вообще не говорилось о более или менее тесных связях армянского с германскими (ср. **Meillet,** 1895; **Bartoli,** 1931—1933). Исключение составляет статья С. Бугге (**Bugge,** 1895), содержащая, однако, много неверных этимологий и более повредившая, чем способствовавшая изучению взаимоотношений армянского и германских языков. Из новейших исследователей Г. Р. Зольта в известной книге о лексических изоглоссах армянского языка (**Solta,** 1960) приходит к выводу о значительной близости этих языков: количество армяно-германских лексических изоглосс уступает лишь армяно-греческим и армяно-древнеиндийским. Выводы Зольта, хотя несколько неожиданные, говорят о важности изучения связей между языками восточного и западного ареалов. Следует упомянуть также А. А. Асмангулян, посвятившую армяно-германским лексическим соответствиям специальные работы (1952; 1956) еще до выхода книги Зольта.

5. Весьма противоречивы мнения об армяно-хеттских языковых связях. Если Х. Педерсен (**Pedersen,** 1945) и вслед за ним Г. Р. Зольта (**Solta,** 1960) и А. Камменхубер (**Kammenhuber,** 1961) не только отрицают близкие связи между армянским и хеттским, но и считают их антиподами—наиболее отдаленными друг от друга языками, то Д. Бонфанте (**Bonfante,** 1939) выдвигает положение о том, что армянский занимает позицию между греческим и хеттским языками. По предварительным же данным автора (**Քահրկյան,** 1970) истина находится где-то в середине: армянский не обнаруживает особо тесных связей с хеттским но и не является его антиподом.

6. Особняком стоят работы Х. Педерсена (**Pedersen,** 1900) и В. Пизани (**Pisani,** 1951, 1955), высказавших мнение о значительно

тесных связях армянского с албанским. В действительности же между этими языками, принадлежащими к группе satəm, как увидим ниже, особо тесных связей не наблюдается.

7. Много толков вызвал вопрос об армяно-фригийских языковых связях. Одни авторы (**Bonfante,** 1946; **Ֆյակոճով,** 1956; **Дьяконов,** 1951; **Георгиев,** 1957; 1958 и др.) говорят об особенно тесных связях армянского с фригийским вплоть до объединения их в одной группе (ветви), другие отрицают наличие близкого родства (**Hübschmann,** 1895, 450; **Meillet,** 1912, 7; 1936², XIII; **Աճառյան,** 1940, 133 и др.). О. Хаас (**Haas,** 1966, а также 1939; 1961a, b) развивает мысль о трех фригийских слоях и о близости армянского к первому, так называемому дофригийскому слою. В нашей книге, упомянутой выше (**Ջահուկյան,** 1970), сопоставляя все данные, мы склоняемся к мысли, что фригийский занимает наиболее близкую позицию к греческому и армянскому, затем к балтийским и славянским, несколько дальше— к фракийскому языку.

Хотя менее интенсивно, но все же обсуждались вопросы армяно-тохарских (**Meillet,** 1912; 1913; **Benveniste,** 1936; **Pedersen,** 1941; **Иванов,** «Тохарские языки», 1959), армяно-италийских (**Агабекян,** 1974), армяно-фракийских (**Tomaschek,** 1893—1894; **Detschew,** 1952, 198—200; **Георгиев,** 1957, 74—77; 1958, 138—141; **Ջահուկյան,** 1970, 44—61; **Дуриданов,** 1976, 123 и сл.), армяно-дако-мизийских (**Ջահուկյան,** 1970, 66—79; **Ֆրեպիճ,** 1976), армяно-иллирийских, армяно-древнемакедонских (**Ջահուկյան,** 7—22, 23—43) отношений.

Таблицы фонетических и грамматических изоглосс. Для ареальной характеристики армянского языка нами составлены таблицы фонетических и грамматических изоглосс, охватывающих соответственно 27 и 35 пунктов. По степени достоверности и архаичности среди них выделены как важнейшие 16 фонетических и 16 грамматических изоглосс.

С целью объективной оценки степени близости к армянскому языковые группы в таблицах расположены в основном по географическому принципу—с востока на запад и с юга на север. При этом в таблицах фонетических изоглоссс учтены все группы: индийская, иранская, тохарская, хетто-лувийская, славянская, балтийская, фригийская, фракийская, греческая, албанская, иллирийская, венетская, италийская, кельтская, германская. В таблицу же грамматических изоглосс фракийский, иллирийский и венетский языки не включены из-за скудости их данных.

Наличие характерного для армянского ареального признака обозначается плюсом (+) и оценивается в один балл, частичное наличие (неполное выражение) признака—плюс-минусом (±) и оценивается в полбалла.

№№	Изоглоссы, характеризующие и армянский язык	И	Ир	Т	Х	Сл	Б	Ф	Фк	Гр	А	Ил	В	Ит	К	Г
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
	I. Фонетические изоглоссы															
+ 1	Сохранение противопоставления *bh, *dh, *gh: *b, *d, *g	+	−	−	−	−	−	+	+	−	−	−	±	±	−	+
+ 2	Сохранение противопоставления *b, *d, *g: *p, *t, *k	+	+	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+?	+	+	+
+ 3	Наличие противопоставления *p, *t, *k: *ph, *th, *kh	+	+	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−
+ 4	Наличие противопоставления *gh, *g, *k: *g′h, *g′, *k′	+	+	±?	−	+	+	±	+	−	+	±	−	−	−	−
+ 5	Отсутствие противопоставления *gh, *g, *k: *g^{u}h, *g^{u}, *k^{u}	+	+	±?	−	+	+	±	+	−	−	+	−	−	−	−
+ 6	Передвижение согласных	−	−	−	±?	±	−	±	+	−	−	−	−	−	−	+
7	Озвончение глухих смычных после r	−	−	−	−	−	−	−	±	−	−	−	−	−	−	±
8	Фрикативизация начального *p-: *p>h (+) при *p>f (±)	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	±
+ 9	*s>h, —	−	+	−	−	−	−	±	−	+	±	−	−	−	−	±
10	*rs>rš	+	+	−	−	±	+	−	−	−	±	−	−	−	−	−
+11	Сохранение начального ларингального (H)	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
12	*-tt->-st	−	+	−?	−?	+	+	+?	+	+	−	+	?	−	−	−
13	Несохранение групп смычных типа *pt, *kt и т. п.	−	−	−	−	+	−	−?	+	−	+	−?	−	−	+	+
+14	*sr>hr, r(r) (>арм. ṙ)	−	+	+?	−?	−	−	−	−	+	−	−	−?	−	−	−
+15	Наличие протетических гласных перед определенными словами с начальными *l-, *m-, *n-, *st-	−	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−
16	Отсутствие слов с начальным r-	−	−	−	+	−	−	−	−	±?	−	−	−	−	−	−
+17	Сохранение противопоставления r:l	±	−	+	+	+	+	±	+	+	+	+	+	+	+	+
+18	Переход конечного *m в n	−	−	+?	−	+	+	+	+	+	?	+	±	−	+	+
19	Переход начального *i̯ в шумный согласный	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+?	?	?	−	−	−
20	Переход начального *u̯ в смычный	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
+21	*r̥, *l̥>ar, al (арм. ar, al, aṙ)	−	−	+	+	−	−	+	−	+	−	−	−	−	−	−
+22	*m̥, *n̥>am, an при *m̥, *n̥>a (±)	±	±	+	±	−	−	±	−	−	−	−	−	−	−	−
+23	Сохранение противопоставления *o: *a	−	−	−?	−	−	−	+	−	+	−	+?	+	+	−	−?
+24	Сохранение тембра e	−	−	±?	±	+	+	+	+	+	±	+	+	±?	+	+
+25	*ə>a	−	−	+	+	+	+	+	+	±	+	+	+	+	+	+
26	Выпадение *ə в интерконсонантной позиции	−	+	−	?	+	+	?	?	−	?	?	?	?	?	+
27	*ь>a	+	+	+	+?	−	−	+?	?	±	+?	?	?	+	+	−
	II. Грамматические изоглоссы															
+ 1	Суффикс действующего лица *-tel-/*-tl- в отличие от *-ter-	−	−	−	+	+	−	−?	−	−	−	−	−			
+ 2	Употребление основ на *-l(o)- в качестве причастных форм	−	−	+	−	+	−	−	−	−	−	−	−			
3	Наличие существительных женского рода с основой на *-o-	−	−	−?	+	−	−	−	+	−	+	−	−			
4	Описательная форма образования степеней сравнения прилагательных	−	−	+	+	−	−	−?	−	−	−	−	−			
+ 5	Формант *-bhi (мн. ч. *-bhis) инструментального падежа	+	+	±	−	−	−	−?	+	−	−	+	−			
6	Падежный формант *-bh- в отличие от *-m-	+	+	±	?	−	−	?	+	?	+	+	−			
7	Отсутствие вторичного окончания *-oi им. п. мн. ч. мужского рода	+	+	−?	+	−	−	−	−	−	−	−	−			
8	Формант *-s- (*-su, *-si) мест. п. мн. ч.	+	−	−	−	+	+	?	+	+?	−	−	−			
+ 9	Отсутствие специального основообразующего элемента *-m/n- в род. п. личных, а также в притяжательных местоимениях	−	−	−	+	−	−	+	+	+	+	−	−			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
+10	Формы 1-го и 2-го л. личных местоимений с частицами *-g'he, *-g'e	+	−	−?	−	−	−	−	+	−	+	−	+			
11	Формы вин. (и других) п. 1-го л. личн. местоим. с протетическим гласным (*e-me и др.)	−	−	−	+	−	−	−	+	−	−	−	−			
12	Формант *-u̯- в формах косв. п. 2-го л. личных, а также притяжательных и возвратных местоимений	+	+	−?	−	+	+	+	+	+?	+	+	−			
+13	Форма 1-го л. мн. ч. личного местоимения *mes в отличие от *u̯es	−	−	−	−	+	+	?	+	−	−	−	−			
14	Местоименная основа *k'o- в отличие от *k'i- и др.	−	−	−	±	−	−	−	−	−	−	−	−			
+15	Самостоятельное местоимение с элементом *-n-, указывающее на отдаленный предмет	±	±	+	+	+	+	+	±	−	−	−	+			
16	Сосуществование основ *ku̯o- и *ku̯i- вопросительных местоимений для различения лица и не-лица (+) и т. п. (±)	+	−	−	±	+	−	−	−	−	±	−	−			
+17	Замена относительного местоимения *io- вопросительными (и указательными) местоимениями, иногда с сохранением *io-, но с функциональной дифференциацией (±)	−	−	+	+	±	±	−	−	−	+	+	±			
18	Отсутствие инфиксальных глагольных основ или их замена суффиксальными	−	−	−	−	+	−	−?	−	+	−	−	+?			
+19	Глагольные основы на *-neu-/-nu-	+	+	−	+	−	−	−?	+	−	−	+	−			
20	Глагольные основы состояния на *-ie-/*-i-, *-ī-	+	+	−?	−?	+	+	?	+	±	±	±	±			
21	Отсутствие глагольных основ состояния на *-ē-?	+	+	+?	+?	−	−	?	±	−	−	±?	−			
+22	Отсутствие морфологической категории изменения состояния (с суффиксальным противопоставлением перехода состояния отсутствию такого перехода)	+	+	+	+	−	−	+?	+	+	−	+	−			
23	Глагольная основа на *-ā- с дуративным или усилительным значением	−	−	+	−?	+	+	−	−	−?	+	±	±			
24	Распространение окончания 1-го л. ед. ч. атематических глаголов *-mi (или вторичного окончания *-m) на тематические	+	±	+?	±?	+	−?	−?	−	−	−	−	−			
25	Окончание 2-го л. мн. ч. наст. вр. с элементом *-s (*-te-s)	−	−	+	−	−	−	−	−	−	+	−	−			
26	Морфологически дифференцированные формы для будущего, частично формы на *-s(i)e (±), отличные от армянских	+	±	+	−	±	+	+	+	+	+	+	−			
27	Отсутствие различных парадигм перфекта и аориста, унаследованных от и.-е. языка	−	−	+	+	+	+	−?	−	+	+	+	+			
+28	Формы прошедшего времени (аориста) с аугментом *e-	+	+	−	−	−	−	+	+	−	−	−	−			
+29	Аорист на *-is-	+	−	±	±	−	−	−	−	−	+	−	−			
30	Редуцированные формы прошедшего времени	+	−	+	−	−	−	−	+	−	+	−	+			
+31	Формы прошедшего времени с элементом *-u̯- (*-u-)	+	?	+	+	−	−	−?	−	−	+	−	−			
+32	Глагольные окончания на *-r	+	+	+	+	−	−	+	−	−	+	+	−			
+33	Формант *-dhi (атематического) императива	+	+	−	+	−	−	?	+	−	−?	−?	−?			
34	Окончание императива с *-r	−	−	+	−	−	−	?	−	−	+	−?	−?			
+35	Запретительная частица *mē	+	+	+	−	−	−	+	+	+	−	−	−			

Выводы. По степени фонетической близости к армянскому остальные языки распределяются следующим образом:

1. Греческий
2. Фригийский
3. Фракийский
4. Славянские
5. Иранские
6. Балтийские
7. Кельтские
8. Германские
9. Хетто-лувийские
10. Тохарские
11. Иллирийский
12. Албанский
13. Индийские
14. Венетский
15. Италийские

При учете так называемых важнейших фонетических изоглосс резко меняются лишь места тохарских, иллирийского и кельтского языков, причем первые два из них располагаются ближе, третьи — дальше.

1. Фригийский
2. Греческий
3. Фракийский
4—6. Иллирийский
4—6. Тохарские
4—6. Славянские
7. Хетто-лувийские
8. Балтийские
9—10. Германские
9—10. Иранские
11—12. Индийские
11—12. Венетский
13. Кельтские
14. Албанский
15. Италийские

По степени грамматической близости к армянскому остальные и.-е. языки располагаются следующим образом:

1. Индийские
2. Греческий
3. Хетто-лувийские
4. Тохарские
5. Италийские
6. Иранские
7. Славянские
8. Фригийский
9. Кельтские
10. Балтийские
11. Албанский
12. Германские

Соотношение почти не меняется (точнее, резких изменений не наблюдается) при учете так называемых важнейших изоглосс:

1. Индийские
2—3. Греческий
2—3. Хетто-лувийские
4. Тохарские
5. Иранские
6—7. Италийские
6—7. Фригийский
8. Кельтские
9. Славянские
10. Албанский
11—12. Балтийские
11—12. Германские

При сравнении распределения языков по фонетическим и грамматическим изоглоссам бросается в глаза изменение индийских, а также хетто-лувийских, тохарских и италийских языков, которые гораздо ближе к армянскому по грамматическим, чем по фонетическим особенностям. Напротив, славянские и, в особенности, балтийские языки гораздо ближе к армянскому фонетически, чем грамматически.

При учете совокупности фонетических и грамматических изоглосс, т. е. по общеструктурной близости к армянскому языку остальные индоевропейские языки располагаются следующим образом:

1. Греческий
2. Индийские
3. Хетто-лувийские
4. Тохарские
5. Фригийский
6—7. Иранские
6—7. Славянские
8. Италийские
9. Кельтские
10. Балтийские
11. Албанский
12. Германские

Учет так называемых важнейших черт не приводит к резким изменениям в распределении степени близости:

1. Греческий
2. Индийские
3. Фригийский
4. Хетто-лувийские
5. Тохарские
6. Иранские
7. Славянские
8. Италийские
9. Кельтские
10. Балтийские
11. Албанский
12. Германские

Наши данные значительно отличаются от данных Кребера и Кретьена, у которых по близости к армянскому языку остальные языки располагаются следующим образом: 1—3. Славянские, балтийские, иранские (11 черт из 74), 4. Греческий (9), 5. Санскрит (8), 6. Германские (6), 7. Италийские (4) и 8. Кельтские (3).

Если сравнить приведенные нами данные с данными Г. Р. Зольта (**Solta,** 1960, 482), основанными на учете так называемых эксклюзивных лексических изоглосс, то окажется, что по фонетико-грамматическим изоглосам, в отличие от лексических, 1) германские занимают последнее место (не учтены данные фракийского, иллирийского и венетского языков); 2) напротив, хетто-лувийские, тохарские и фригийский значительно ближе к армянскому.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1 О современном состоянии, методах, принципах и задачах реконструкции см. материалы конференции по проблемам реконструкции в Москве 23—25-го октября 1978 г. См. также **Климов,** 1971.

2 М. Чен (**Chen**, 1976, 209—258) выделяет три метода установления относительной хронологии: 1) филологический (внешний)—датировка инноваций по письменным памятникам, 2) историко-лингвистический (внутренний)—установление последовательности форм по внутренней мотивированности и 3) диалектологический—«проекция горизонтальной плоскости географического распределения на вертикальную ось временной глубины». Последний принцип является пространственным в отличие от первых—временных.

3 В частности, о современных принципах этимологических исследований см. **Szemerényi** 1962 (ср. также **Семереньи,** 1967). О развитии теории этимологических исследований дает представление сборник „Etymologie" (1977), составленный и изданный Р. Шмиттом.

4 Злоупотребление бесконечной внутренней реконструкцией при умозрительности многих построений и неучете различных факторов в последнее время вызывают естественную настороженность целого ряда исследователей. Ср., например, **J. Kuryłowicz,** 1964, 58; **M. R. Haas,** 1966, 139; **Э. А. Макаев,** 1977, 86—92 и др.

5 В. Мейда (см. „Flexion und Wortbildung", 1975) выделяет ранне-, средне- и позднеиндоевропейский периоды, причем для последнего устанавливает два ареала: западный и восточный. Эта периодизация, к сожалению, не подкрепляется достаточными фактами.

Вопросами периодизации индоевропейского языка и его раннего состояния занимался Н. Д. Андреев (1957, 1978), построения которого носят весьма гипотетичный характер. Так, в одной из последних статей (1978, 30—39) им восстанавливаются для раннеиндоевропейского только 203 корня, которые, согласно его мнению, посредством сложения образовывали целые комплексы.

6 О. Семереньи (см. „Flexion und Wortbildung", 1975) считает, что при реконструкции следует пренебречь аномалиями, свойственными одной группе языков, и опираться только на достоверные соответствия и системный характер парадигмы.

7 А. Н. Савченко (1973, 135—150), говоря о необходимости учета системности языка при реконструкции, считает правильным возведение форм, существующих в немногих языках, к праязыку: параллельное (независимое друг от друга) развитие материальных средств—весьма редкое явление в отличие от параллельного развития структур. При этом следует учесть ограниченные возможности внутренней реконструкции.

8 О применении лексикостатических методов в историческом языкознании, современном состоянии и перспективах глоттохронологии см. материалы Йельской конференции: „Lexicostatistics in genetic linguistics". The Hague—Paris, 1971.

О применении квантитативных методов и особенно критерия частотности для объяснения языкового изменения см. **Winter,** 1969, 55—61.

9 Чтобы согласовать принцип многообразия и.-е. диалектов с практикой восстановления единого языка с единой нормой, итальянский неолингвист В. Пизани (**Pisani**, 1949, 1959; **Пизани**, 1966) постулирует некий сакральный язык, нормы которого поддерживались жрецами.

О возможности раскрытия древнейших диалектных различий в армянском языке см., в частности, **Winter**, 1966, 201—211; **Ջահուկյան**, 1972, 245—259.

10 Среди причин, увеличивающих число омофонов при реконструкции, Г. Жюкуа (**Jucquois**, 1970—1972) указывает на упрощение фонологической системы праязыка и структуры корня, широту определения значений, условную синхронизацию корней, отсутствие временной и географической локализации.

11 Большой материал по диахроническим универсалям (по терминологии автора—«фреквенталиям») содержится в книге Б. А. Серебренникова (1974) о так называемых вероятностных обоснованиях в компаративистике.

Некоторые авторы строго различают задачи типологии и теории универсалий, говоря также о различном их использовании при решении задач сравнительной (по другой терминологии—генетической) лингвистики; см. **Birnbaum**, 1975, 221—244.

12 О рациональном использовании типологического критерия говорил К. Х. Шмидт (**Schmidt**, 1966), считая его целью лишь дополнение, уточнение и расширение выводов собственно сравнительно-исторического языкознания.

13 Обзор современного состояния изучения вопроса о соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства содержится в работе Э. А. Макаева, 1977, 67—85.

14 О понятии языкового союза (Sprachbund), введенного Н. С. Трубецким (**Trubetzkoy** 1939) см. **Эдельман**, 1978. По мнению автора настоящей книги (**Ջահուկյան**, 2, 1962, 230—234), понятие «языкового союза» рассматривается не как что-то противоположное понятию семьи генетически родственных языков, а как его дополнение.

Мысли Трубецкого и др. о возникновении родства в результате контактов, субстрата и суперстрата, А. М. Вессон (**Uesson**, 1970) пытается применить к ностратической гипотезе, основанной, по его мению, на: 1) допущении абсолютности родства (либо родство есть, либо его нет), 2) объяснении родства через единое происхождение (праязык) и 3) вероятностно-статистической оценке совпадений с отрицанием закономерных процессов накапливания корреспонденций.

15 Опытом статистической и теоретической оценки результатов книги Иллича-Свитыча является статья М. Л. Палмайтиса (1978), незнакомого, к сожалению, с нашими работами о взаимоотношении индоевропейских и хурритско-урартских языков (**Джаукян**, 1963; 1967).

16 Попытка использования внешнего сравнения (с уральским) для реконструкции первичного типа и.-е. склонения содержится в работе Б. Чопа (**Čop**, 1975).

17 В последние десятилетия уделяется большое внимание вопросам не только генетического родства, но и типологически общих черт между разными семьями. Картвелисты много говорят об индоевропейско-картвельских структурных параллелях. Ср. **Гамкрелидзе-Мачавариани**, 1965; **Schmidt**, 1973; **Климов**, 1978.

Вопросы эволюции языкового типа в пределах одной семьи также стали все больше и больше привлекать внимание компартивистов. Попытка многосторонней историко-типологической характеристики иранских языков была предпринята группой советских иранистов («Опыт историко-типологического исследования иранских языков», 1—2, 1975).

18 Е. Курилович в одном из своих докладов (см. „Flexion und Wortbildung", 1975) особенно настоятельно указывал на необходимость разграничения языка поэзии и прозы, изучения данных разговорной речи.

Э. А. Макаев (1977) считает актуальной задачей создание и.-е. филологии для изучения памятников различной давности и фольклорных текстов.

19 В истории лингвистики на характер и значение сравнения высказывалось два противоположных мнения: оно рассматривается как средство либо установления лишь формул соответствий для объяснения языковых фактов, либо реконструкции некоторой исторической реальности. Об этих двух мнениях см. **Szemerényi**, 1970, 29—

30, где приводится также соответствующая литература. Такие видные ученые, как Л. Ельмслев, А. Пальяро, Э. Пальграм и др., отрицают лингвистическую реальность реконструированного и.-е. языка, считая его лишь формализованной абстракцией. В основном правильно решает вопрос А. Шульц (**Schulz**, 1972). Считая реконструкцию моделью, он ставит общей задачей установление изоморфизма и аналогии между ней и праязыком, хотя отмечает невозможность абсолютной их идентичности. Автор настоящей книги, развивающий субстанциональную точку зрения на язык (**Джаукян**, 1978, 71 и сл.), придерживается второй точки зрения.

20 Опыт анализа и.-е. лексики с точки зрения ее ареального распределения и с учетом экстралингвистических данных содержится в известной книге Дж. Девото (**Devoto**, 1962).

21 Вопрос о совместимости и несовместимости различных грамматических категорий и явлений в наше время нашел общее обоснование на базе установления импликативных универсалий.

22 О классификации методов лингвистических исследований см. **Джаукян**, 1978. 43—45.

23 Е. Курилович и А. Мартине рассматривают диахронию как последовательность синхронных состояний, а не как некоторый континуум.

24 Если в XIX в. преобладал «диахронизм», то в XX в. наблюдается два подхода к соотношению синхронии и диахронии: 1) попытки применения принципов современной методики синхронического анализа в диахронической лингвистике (ср. **Weinreich, Labov, Herzog** „Directions for historical linguistics", 1968) и 2) выдвижение принципа обязательности единого рассмотрения языка как в синхроническом, так и диахроническом аспектах (**Martinet**, 1957).

ФОНЕТИКА

1 Вопрос о характере и количестве и.-е гласных не вызывает таких горячих споров, как вопрос о согласных, но все же можно указать на некоторые спорные моменты. О. Семереньи (**Szemerényi**, 1970, 31 и сл.) фактически реконструирует для и.-е. языка не трех-, а пятичленную систему вокализма, включая туда, кроме *e, *a, *o, также *i, *u с их краткими и долгими разновидностями. Малочисленность праформ *a дала основание Е. Куриловичу (**Kuryłowicz**, 1961) исключить его из системы гласных. Оспаривая это положение, О. Семереньи (**Szemerényi**, 1964) приводит типологическое доказательство—наличие *a во всех известных системах, и отсутствие систем только с гласными среднего и высокого подъема. В свою очередь И. М. Тронский (1967, 44 и сл.) указывает на условность обозначений e, o (они могут быть обозначены, например, как ä, å). У. Уайэт (1970) считает *a и *ə позиционными вариантами (аллофонами), однако это мнение не подкрепляется данными по чередованию a/i в древнеиндийском (**Герценберг**, 1979, 12).

Укажем также на то, что восстанавливаемая некоторыми представителями ларингальной теории моновокалическая структура протоиндоевропейского языка вызывает серьезные возражения. Так, часто приводимая типологическая параллель моновокаличности между реконструируемым некоторыми исследователями протоиндоевропейским и западнокавказскими языками основывается на недостаточном знании последних (ср. **Кумахов**, 1973, 54—67). О вопросах генезиса и.-е. вокализма см. **Мельничук**, 1979.

2 Вопросы о количестве и характере ларингалов вызывали и вызывают самые разнообразные толкования. Ученые, признающие ларингальную теорию, оперируют ларингалами от одного до пяти и более. Противоречивы также толкования относительно характера и.-е. ларингалов. Из советских ученых В. В. Иванов (1957) и Т. В. Гамкрелидзе (1960) считают и.-е. ларингалы фарингальными спирантами, субституированными в хеттском заднеязычным спирантом ḫ (x). Некоторые исследователи сводят характер ларингала к «ларингальности», т. е. считают его особым просодическим свойством, начиная от фарингализации до гортанной смычки и прерывности (**Кацнельсон**, 1954; **Герценберг**, 1978).

3 Отнесение А. Мейе (1938, 134—140) всех сочетаний типа «гласный+сонант»

к дифтонгам не совсем правомерно и основано на предположении о полной гомогенности всех сонантов. Между тем, как показал Е. Курилович **(Kuryłowicz, 1965**, 120—121), *i̯, *u̯ больше примыкают к гласным, в зависимости от позиции функционируя и как согласные, а *r, *l, *m, *n больше примыкают к согласным, в зависимости от позиции функционируя и как гласные. Именно это различие лежит в основе того, что собственно сонанты y, w в армянском позиционно чередуются с гласными i, u и согласными y (в письме не отличается от сонанта y), v, a, r, l, m, n не выступают в позиции гласных. Ср. также **Макаев,** 1977, 166—168.

В настоящей книге принята транскрипция Гюбшмана—Мейе—Бенвениста:

Աա	— Aa	Մմ	— Mm
Բբ	— Bb	Յյ	— Yy
Գգ	— Gg	Նն	— Nn
Դդ	— Dd	Շշ	— Šš
Եե	— Ee	Ոո	— Oo
Զզ	— Zz	Ուու	— Uu
Էէ	— Ēē	Չչ	— Čᶜčᶜ
Ըը	— əə	Պպ	— Pp
Թթ	— Tᶜtᶜ	Ջջ	— J̌ǰ
Ժժ	— Žž	Ռռ	— Ṙṙ
Իի	— Ii	Սս	— Ss
Լլ	— Ll	Վվ	— Vv
Խխ	— Xx	Տտ	— Tt
Ծծ	— Cc	Րր	— Rr
Կկ	— Kk	Ցց	— Cᶜcᶜ
Հհ	— Hh	Ււ	— Ww
Ձձ	— Jj	Փփ	— Pᶜpᶜ
Ղղ	— Łł	Քք	— Kᶜkᶜ
Ճճ	— Čč	Ֆֆ	— Ff

4 Помимо ареальных различий, в и.-е. языках наблюдаются чередования звонких придыхательных, звонких и глухих (ср., например, для армянского, **Джаукян,** 1967). С. Д. Кацнельсон (1966). объясняет факты чередования согласных чередованием слоговых акцентов и считает закон Вернера лишь частным выражением этих чередований. Ср. также **Герценберг,** 1979.

5 Вопросы количества и характера и.-е заднеязычных вызывали различные толкования (см. **Solta,** 1965, 276—315; **Тронский,** 1967, 24—36; о точке зрения автора настоящей книги см. **Джаукян,** 1977, 213—214). В частности, можно указать на следующие основные точки зрения: 1) одни исследователи (Бругман, Педерсен и др.) предполагают существование всех трех рядов: «чистых», лабиализованных и палатализованных; 2) другие (Мейе, Хирт, Георгиев и др.) считают первичным соотношение лабиализованных и нелабиализованных, с дальнейшим возникновением палатализованных в определенных позициях; 3) третьи считают первичным соотношение палатализованных и непалатализованных, отнеся возникновение лабиализованных к более позднему периоду—в результате либо диссимиляции *ke > *kᵘe (Соммерфельт, Турнейзен, Трубецкой), либо слияния *ku̯ и дефонологизации *k′ (Курилович). При этом мнения о времени тех или иных процессов расходятся. О соотношении признаков лабиализации и палатализации в индоевропейском с учетом данных армянского см. **Solta,** 1965, 276—315.

6 В докладе на VIII Международном конгрессе лингвистов Р. Якобсон **(Jacobson,** 1958) указал на отсутствие языков, в которых существовали бы звонкие придыхательные, но отсутствовали глухие придыхательные (ср. также данные армянских диалектов). В связи с этим типологическим аргументом для и.-е. языка взамен системы *bh, *b, *p стали реконструировать различные—типологически более оправданные системы. О вторичном характере глухих придыхательных говорили многие исследователи. О вторичной аспиратизации и соответствующей спирантизации и.-е.

глухих в соседстве с сибилянтами в отдельных и.-е. языках, в том числе армянском см. **Hiersche,** 1964, 232—253. Из более поздних работ,рассматривающих глухие придыхательные как относительно поздние, диалектично ограниченные фонемы см. **Kuryłowicz,** 1973.

О попытке обоснования чешским ученым А. Эрхартом лишь двух рядов смычных: звонких и глухих см. статью Л. Г. Герценберга, ВЯ, 1979, 2, 41 и сл. Придыхательность связывается Эрхартом с воздействием ларингалов, причем выделяется три типа ларингалов: глухой взрывной, звонкий взрывной и спирант.

7 Р. Нормье **(Normier,** 1977, 171—218) для индоевропейского языка восстанавливает приблизительно такую же систему согласных , как Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов: ряд звонких придыхательных, ряд глоттализованных (соответствующих прежним звонким) и ряд глухих с факультативной аспирацией. При типологическом обосновании этой системы с двумя рядами придыхательных он приводит примеры также из армянских диалектов. Ларингальные включаются в состав фрикативных. В связи с этим отрицается передвижение согласных в обычном смысле и для общегерманского восстанавливаются: ряд звонких взрывных с фрикативными аллофонами, ряд глухих взрывных и ряд глухих фрикативных.

Близка к реконструкции Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова (1972, 15—18; 1978, 4—6) и реконструкция, предложенная П. Дж. Хоппером. На этом основании А. Р. Бомхард **(Bomhard,** 1977, *55—99)* пытается обосновать индоевропейско-семитскую гипотезу.

Внешнее сравнение в данном случае говорит о возможности восстановления указанного типа консонантизма для раннеиндоевропейского, но не для позднеиндоевропейского периода—в канун распада.

8 Л. Мей (**Mey,** 1972, 82—89) пытается объяснить законы Бартоломе и Грасмана общими правилами: 1) ограничение ассимиляции по звонкости и аспирации и 2) устранение аспирации.

9 В книге об и.-е. скользящем аблауте Р. Антила **(Anttila,** 1969, 101) отмечает для армянского только один изолированный случай скользящего аблаута: tewem „длюсь" /erkar „долгий, длинный" (*deu-/*dṷā-). Однако изолированных случаев можно отметить много, если иметь в виду данный Р. Антилой список; ср. aseln „игла" /sur „острый" (*ak′-/*k′ē-); tasn „десять"/(ut^{c}-)sun „(восемь)десят" [*dḱ′m̥ при *dek′m̥/ *(d)k′omt]; hełum „лью"/li „полный" (*pel-/*plē-); hoł „земля"/layn „широкий" (*pel-/*plā-); gercum „брею"/aracem „пасу" (*ṷer-g′-/*ṷrēg′-) и др.

10 Обычно в свободных сочетаниях (ср. aṙnabar „мужественно"), т. к. в остальных случаях между r и n слышится ə: gaṙ(ə)n „ягненок".

11 Происхождение некоторых форм на -rh неизвестно, но следует предположить иранский источник: xorh „дума", xonarh „низкий; смиренный".

12 Глухие придыхательные p^{c}, t^{c}, k^{c}, за исключением окончания мн.ч. -k^{c}, после s в конце слога не встречаются, а после носовых встречаются редко.

13 Во избежание повторения только в первой частной модели приводятся все члены, в остальных же даются только варианты превокальных и поствокальных элементов.

14 Как дифтонг oy (передача дифтонга oi) в предударной позиции переходит в соответствующий гласный высокого подъема u (lóys „свет" — lusóy „света"), так и ē (=ei) переходит в i (sēr „любовь" — siróy „любви"). Кроме того, в конце глаголов -ey передается через ē (ср. grē — grey при mnay „остается", где -e из *-e-ti, -ay из *-ā-ti).

15 О так называемых трифтонгах в древнеармянском языке см. Ադայան, 1964, 132—134; **Godel,** 1970, 1—4; Մուրադյան, 1971, 235—243.

16 Некоторые исследователи считают, что сочетание ow передавало дифтонгическое произношение.

17 -i, -ir в t^{c}ołui, t^{c}ołuir являются окончаниями, и по всей вероятности, i в них не образовывает дифтонга с предыдущим u.

18 Главными доказательствами считаются: а) отсутствие аугмента в формах аориста с дифтонгом ua (luaw «он услышал» и др.) при его наличии в односложных

основах (e-ber „он принес", e-bacᶜ „он открыл") и б) диссимиляция и переход cᶜ в s перед формантом -cᶜ- будущего времени (luascᶜe „помоет", tᶜuescᶜe „сосчитает") при отсутствии такого перехода в односложных основах (bacᶜcᶜe „откроет", kecᶜcᶜe „поживет"). В пользу обратного предположения говорит переход ua, ue в va, vo в современном армянском языке.

19 Некоторые исследователи полагают, что в конечной позиции нисходящих дифтонгов не было, т. е. oy, ay, aw, ov и др. произносились как гласный+согласный.

20 В. Винтер (**Winter,** 1954, 197—201; 1955, 4—8) высказал мнение о фрикативности арм. pᶜ, tᶜ, kᶜ до середины VII в. Против этого мнения выступил Х. Енсен (**Jensen,** 1957), основываясь на фактах передачи древнеармянских слов в греческом, сирийском, грузинском, персидском. В. Винтер (JAOS, 81, 1961, 54—58) принимает точку зрения Енсена только для классического периода, но не для протоармянского. Мнение Винтера весьма проблематично, если иметь в виду ненадежность приведенных им примеров: более или менее правдоподобен лишь hiwsn «плотник» <*tetk'ōn/*tek'tōn (ср. греч. τέκτων) при hiwsem „плету".

21 О придыхательности древнеармянских звонких говорил еще Х. Педерсен (**Pedersen,** 1906), однако долгое время его мнение оставалось изолированным. В конце 1950-х годов об этом независимо друг от друга стали говорить Х. Фогт (**Vogt,** 1958) и Э. Бенвенист (**Benveniste,** 1959). А. Гарибян (1959) стал возводить звонкие придыхательные некоторых диалектов прямо к и.-е. состоянию. На страницах ИФЖ (1958—1960) и ВЯ (1960—1962) развернулась широкая дискуссия, в которой приняли участие почти все выдающиеся армянисты. Автор настоящей книги (**Джаукян,** 1960, 1967) придерживался мнения, что придыхательность звонких была характерна лишь для некоторого ареала распространения древнеармянского языка, не имея при этом фонематического значения. Ш. Ламбертери (**Lamberterie,** 1973—1974, 39—44) пытался доказать придыхательность армянских звонких некоторыми фактами: *ǫik'mti>gᶜisan>kᶜsan (А. Мейе считает придыхание результатом влияния s), иран. duš->арм. tᶜš- (ср. tᶜšuaṙ „бедный, отверженный") и т. п. При этом он делал попытку также установить относительную хронологию перехода *rt>*rdh (*rt>>*rth>*rdh), что неправномерно: *th в этой позиции не озвончается (ср. *porth>ortᶜ „теленок").

22 Выдвинутого А. Мейе (**Meillet,** 1936², 144) положения о глубоком отличии фонетического и грамматического строя армянского языка от индоевропейского придерживается также Г. Р. Зольта (**Solta,** 1963, **101**), который, как и А. Мейе, усматривает причину этого отличия в воздействии субстрата. Э. А. Макаев (1967, 73—90) оспаривает эту точку зрения и приходит к выводу, что «значение армянского языка для реконструкции общеиндоевропейского состояния не меньше, чем значение данных древнеиндийского, греческого или славянских языков". О преувеличении значения воздействия кавказского субстрата на армянский консонантизм см. **Джаукян,** 1967, 77—78.

Исследователи говорят также о преувеличении роли субстрата при объяснении некоторых особенностей германского, в том числе отдельных компонентов лексики; ср. **Neumann,** 1971.

23 При этом губные будут характеризоваться как крайние непередние, переднеязычные—как некрайние передние, среднеязычный y—как некрайний непередний, заднеязычные смычные—как крайние непередние. Различие между h и x можно передать либо по придыхатльности—непридыхательности, либо, что более целесообразно, по крайнеантериорности—некрайне-неантериорности, и тогда x как глухая противопоставляется γ как звонкой.

24 Закономерность установлена автором; ср. **Ջահուկյան,** 1959, 100—201; 1974, 94—95: **Джаукян,** 1978, 166.

25 По данным Г. Гюбшмана (**Hübschmann,** 1898, 129—172; 1976, 335—378), основанным на анализе заимствований из персидского, сирийского и греческого языков, указанные изменения произошли до конца II в.—начала III в. н. э.

26 Как показывают некоторые древнеиндийские и греческие основы (**Барроу,** 1976, 209), первоначально ударение было подвижным и в основах на *-i-, *-u-: др.-инд. páśu- (*pék'u-) „скот", род. п. paśvás; греч. οἶς (*oᵽí-s) „овца", род. п. οἰός и др., т. е. и.-е. *-í-s, род. п. *-i(i̯)-ós и *-ú-s, род. п. -u(u̯)-ós при неподвижном ударении тематических основ *-í(i̯)os, род. *-í(i̯)osio-.

27 О проблеме армянского ударения ср. также **Windekens,** 1943, 129—136 (сравнение с тохарским); **Bolognesi,** 1954, 123—138; **Evangelisti,** 1955. По мнению Болоньези, выпадение конечных слогов предшествовало появлению протетических гласных и метатезе групп смычных.

28 Об ударении в армянских вокативах и императивах на основании изучения рукописей см. **Torbiörnsson,** 1945, 85—96.

29 Противоречивые явления в структуре индоевропейского языка некоторые ученые объясняют скрещиванием двух языков различных типов. Из советских ученых этой точки зрения придерживался Б. В. Горнунг (1964), пытаясь обосновать ее археологическими данными.

30 Вопросы древнеармянской сравнительной и исторической фонологии с точки зрения теории диахронических универсалий и общей типологии обсуждает В. Дресслер (**Dressler,** 1976, 301—318), пытаясь свести фонетические закономерности к двум противоположным процессам: усилению и ослаблению четкости артикуляции (Verdeutlichungs- und Entdeutlichungsprozesse). Первый процесс приводит к повышению перцептивного эффекта сегмента, второй — к его снижению. К первым относятся *ē>i, *ō>u, *ə>a, i>ǐ, *u̯>gw, i̯>ǰ и др., ко вторым *eu>oy, *s, *p>h или нуль, *su̯>k^{c}, чередования подударных дифтонгов и гласных с неподударными гласными и нулем (óy/u, é/ǐ, ú/ə или нуль и др.).

31 Исключение составляют личные формы глаголов, в которых e, o перед носовыми остаются без изменения (выравнивание парадигмы; ср. berem «приношу» при beres «приносишь»; gom «существую» при gos «существуешь»).

32 Дж. Греппин (**Greppin,** 1973a, 9—36) устанавливает следующий закон перехода начального *o в o или a: *o отражается как o в позиции перед s, z, r, l, в остальных же случаях переходит в a. К сожалению, в приведенных примерах смешиваются различные факты, не учитывается в достаточной степени роль субстрата, ассимиляции и ударения.

33 О судьбе *ə в срединных слогах см. **Hamp,** 1970, 228—231.

34 В. И. Абаев (1973) приводит много случаев чередования сонантов m/w, m/n, r/n, l/n, l/r, w/y, l/w и др. в различных индоевропейских языках, указывая на некоторые параллели и в картвельских. К сожалению, здесь мало использован армянский материал.

35 Вопрос ларингальных подробно рассмотрен в наших «Очерках» (**Джаукян,** 1967, 238—248) и здесь затрагиваться не будет. О рефлексах протоиндоевропейских ларингальных в армянском говорили, в частности, А. Остин (**Austin,** 1942, 22—25), Э. Поломе (**Polomé,** 1950, 539—569), А. Джереджян (**Jerejian,** 1953, 146—151), Р. Миншол (**Minshall,** 1955, 499—503), В. Винтер (**Winter,** 1965, 100—115). Об изучении армянского языка с точки зрения ларингальной теории см. **Джаукян,** 1967, 238—248, 270—272; **Греппин,** 1972, 37—66. Рассматривая вопрос об отражении ларингальных в армянском и указывая на некоторые крайности ларингалистов, Дж. Греппин все же склонен думать, что «арм. h- в соответствующих условиях прямо продолжает и.-е. ларингальный».

36 Обычно приводимая праформа *seug- для армянского сомнительна (*eu в этой позиции переходит в oy).

37 Ср. также такую параллель, как хет. šamana- „основание, фундамент, фундаментный (краеугольный) камень" и арм. himn „основание, фундамент". На связь арм. himn с хетт. šamana- впервые указал Э. Ларош (**Laroche,** 1963, 73—77), присовокупив сюда также хетт. šai-, šija- „жать; закрывать" (по Ларошу „сажать, основывать"), лат. sēmen „семя; саженец, рассада". О связи арм. himn, хетт. šamana- [без отнесения к и.-е. *sē(i)-] ср. также **Djahukian,** 1969, 69—70).

Иногда вместо h или нуль в начальной позиции выступает y, что может быть как рефлексом *s, так и превербом—позиционным вариантом i-: *sā-u̯- (от *sā- „сытый")>yagenam „насыщаюсь", *ser-s->yerum „нанизываю" (ср. греч. εἴρω<*serjō „плету, нанизываю").

38 Следует выяснить возможность действия закона Зиверса. В результате сопоставления различных интерпретаций закона Зиверса и детального изучения текста Ригведы Ф. Горовиц (**Horowitz,** 1974, 69—72) формулирует закон следующим образом: в различных и.-е. диалектах превокальный слоговой сонант теряет свой слоговой характер после некоторых закрытых слогов, но не после долгих.

39 Вопросы отражения и.-е. *i̯ и u̯ в армянском вызывали различные толкования. Так, А. Кюни (**Cuny**, 1943, 57—92) предполагает для и.-е. *i̯ и *u̯ (*y и *w) эфматические и неэфматические варианты, считая эмфатические варианты источником арм. ǰ и g.

Основываясь на положении Лемана (**Lehmann**, 1952) о двояком отражении начального *i̯- в греческом (как ζ из *Hi̯- и как придыхание из *i̯-), Р. Миншол (**Minshall,** 1955, 499—503) допускает для армянского также двоякое отражение i̯ и выводит ǰ из Hi̯, т. е. прибегает к ларингальной теории, хотя ни наличие ларингального, ни регулярность его появления в армянском и греческом не доказывается. В. Пизани (**Pisani,** 1950, 180—183), кроме перехода начального i̯ в l (как результат процесса его усиления в ii̯), указывает на возможность его выпадения, возводя от „который" не к *kᵘo-ro-, а к *i̯o-. В дальнейшем в качестве примера он приводит также *i̯enəter>nēr>ner „жена деверя" (допуская переход i̯- в h- и его дальнейшее выпадение; **Pisani**, 1966, 228—229) и *i̯ak'- (откуда д.-инд. yáśas- „слава") >asem „говорю" (**Pisani,** 1952, 91 и сл.). Он же (**Pisani,** 1946, 45 и сл.; 1950, 179) отрицает возможность перехода i̯ в ǰ после сонорных, предполагая наличие групп *dhi̯, *di̯, *ti̯ и др.: *onōrti̯o->anurǰ, *mundi̯o> munǰ, *olgᵘi̯o->ołǰ, sterdhi->sterǰ. Дж. Греппин (**Greppin,** 1972, 74—78), рассмотрев существующие точки зрения, приходит к выводу о двояком отражении начального *i̯-: ǰ и ноль, причем допускает в первом случае наличие первичного ларингального. Случаи с начальным l- в армянском он отвергает без достаточного на то основания. Н. Мкртчян (**Մկրտչյան**, 1970, 59 и сл.) сравнивает арм. luc с хетт. luzzi- „подневольный труд", несколько свободно толкуя несходство значений.

Если переход начального *u̯ в арм. g не имеет исключений (возведение vaṙem «жгу» непосредственно к и.-е. *u̯er- «жечь» неправомерно: см. ниже), то для неначальной позиции указывается несколько случаев: 1) *u̯ может выпасть (**Szemerényi,** 1960, 19—20)—обычно между двумя одинаковыми гласными (**Джаукян,** 1967, 226—227); 2) *u̯ может перейти в g обычно в интервокальной позиции (ср. **Pisani,** 1950, 185; **Bolognesi,** 1954b, 129) и после сонорных m, n, r, l, i̯ (ср. **Meillet,** 1936², 49—50; **Աճառյան, Լիակատար**..., 6, 1971, 482); 3) *u̯ может отразиться как v обычно в конечной позиции (ср. **Pisani,** l. c.; **Bolognesi,** l. c.). Дж. Греппин (**Greppin,** 1970, 69—74), рассматривая вопрос об отражении неначального *u̯ в армянском, приходит к следующим выводам: А. В последовательности *-eu̯o- и *-eu̯a- происходит утрата *-u̯- и дальнейшее выпадение одного из гласных; Б. Превокальный (после выпадения конечного слога) и постсонантный *u̯ переходит в арм. g; В. В других случаях *-u̯- переходит в арм. w—за исключением позиции после o, где переходит в v.

X. Бэйли (**Baily,** 1971) считает арм. vaṙem «жгу» иранским заимствованием, хотя отмечает, что непосредственный источник арм. слова не обнаружен (он лишь косвенно указывает на осет. диг. värās «пиво» как «вареное»). Об этом говорит также Дж. Греппин (**Greppin,** 1972, 72), указывая на отражение иранского r как арм. ṙ и в других случаях.

40 Й. Шиндлер (**Schindler,** 1966) возводит leard „печень" к *lis-ṛt-, имея в виду хетт. lišši-.

41 Ж. Дюмезиль (**Dumézil,** 1938, 185—192) предлагает для lkli «наглый, бес-

стыдный», lknim «наглею» малоубедительную этимологию, сравнивая их с др.-инд. yúvan-, лат. iuvenis „юный, молодой", iuvō „помогаю" (и.-е. *ǐeu-, *ǐuu̯en-).

42 Возведение ner к и.-е. *ǐenəter- вызывает фонетические трудности, и имеются многие попытки объяснения. В. Винтер **Winter**, 1965, 114) предполагает развитие *ǐener(?)>*ener>*iner>ner, В. Пизани (**Pisani**, 1966, 228) — *ǐeneter>*hineyr >*hner>ner, Э. Хэмп (**Hamp**, 1966, 11 и сл.) — *ǐenəter>*ǐinater>*ǐnayr>*niayr>ner и т. п. В действительности же для армянского следует предположить нулевую ступень чередования в первом слоге: *ineter>*neyr>ner (с переходом ey в e перед r).

43 Выпадение *u̯ в интервокальной позиции является весьма ранним процессом, начавшимся в и.-е. эпоху.

44 О так называемом эпентетическом w перед лабиализованными согласными, а также перед согласными с последующим -u см. **Bonfante**, 1937, 25; **Pisani**, 1950, 188—192; **Godel**, 1975, 88. Все же имеются необъяснимые случаи; ср. gawti „пояс" при z-gacim „одеваюсь", mawt „близко" при matčcim „приближаюсь" и др. Сбор случаев эпентетического w см. в различных работах Р. Ачаряна и Г. Капанцяна.

45 В. Пизани (**Pisani**, 1950), предполагая для протоармянского сохранение противопоставления *-m и *-n, считает, что в дальнейшем конечный *-m сохраняется только в односложных словах, переходя в n (*dom>tun), а в многосложных словах выпадает (*ǐugom>luc), между тем как конечный *-n в общем сохраняется. Однако в условиях наличия конечного -n из *-m и *-n во многих многосложных словах данный закон выглядит результатом поспешного обобщения. Здесь нельзя не учитывать как зависимость фонетического процесса от морфологического, так и наличие перехода конечного *m в n в других и.-е. языках (т. е. этот переход характеризовал определенный и.-е. диалектный ареал).

46 Появление протетического гласного, особенно перед r, Р. Лаццерони (**Lazzeroni**, 1958, 131) считает результатом влияния субстрата и относит его начало к периоду до метатезы и конец—к периоду до первых иранских заимствований. О протетических гласных см. также **Winter**, 1962, 259 и сл.; **Агаян**, 1965, 7—14; **Greppin**, 1973b, 47—49. О протетических гласных в иранских заимствованиях см. **Belardi**, 1960, 68.

47 О различных трактовках армянского передвижения см. **Джаукян**, 1967; **Pisowicz**, 1976. При определении факторов передвижения согласных А. Писович выделяет три вида основных факторов: 1) физиологические и фонетические, 2) психолого-фонологические и 3) психолого-физиологические (фактор субстрата, которому Писович продолжает придавать большое значение). Интересно отметить, что П. Кипарски (**Kiparsky**, 1965, 22—25) армянское передвижение согласных *dh, *d, *t>d, t, th и дальнейшее их изменение в юго-восточных диалектах в t, d, th считает хорошим примером для контекстно-свободных правил замены (exchange rules). В. Дреслер (**Dresler**, 1971, 341) указывает на упрощенное понимание армянского передвижения Кипарским, основанное на концепции родословного дерева.

48 Многие исследователи (Фриск, Шпехт, Махек, Миккола и др.) считают глухие придыхательные вторично-экспрессивными.

49 Другие соображения говорят в пользу предположения развития *p>*ph>h. В. Винтер (**Winter**, 1966, 8) предполагает двоякое изменение *p: *p>h или нуль и *p>pc, однако не дает объяснения этому явлению. Кроме обычного изменения *k в kc во многих словах наблюдается изменение *k в x (ср. **Джаукян**, 1967, 108 и сл.), что предполагает либо самостоятельное первичное развитие *k в kh (экспрессивный вариант k?) с дальнейшим его переходом в x, либо влияние субстрата и заимствование.

50 А. Мейе (**Meillet**, 1936², 26), имея в виду последующие изменения глухих и звонких в диалектах, считает, что армянские глухие, восходящие к и.-е. звонким, были слабыми (как в германском), а звонкие, восходящие к и.-е. звонким придыхательным, были неполными звонкими (колебание связок начиналось в момент эксплозии, но не имплозии). Однако следует иметь в виду, что еще в древнеармянский пе-

риод были территориальные различия в силе произвошения глухих и в степени звонкости и придыхательности звонких.

51 Изменение смычных после сонантов не обусловлено общими закономерностями изменений сочетаний согласных, хотя здесь играет роль влияние сонантов.

52 Р. Ачарян (ЭС, 3^2, 124) дает праформу *sub, имея в виду лат. sub, но s-, по всей вероятности, является самостоятельным латинским образованием из *[e]ks и не восходит к и.-е эпохе.

53 Ср. *g'hagᵘ- „детеныш, птенец“> jag, -u „детеныш, птенец“ (ср. алб. zog, -u „птица, птенец“); *gᵘl- (от *gᵘel- „глотать“)>klanem, 3-е л. аор. ekul „глотать“; (ср. греч. βλωμός „кусок, хлеб“, лат. gula „глотка, горло“ и др.); *o-gᵘhno- (или *o-gᵘhon- от *gᵘhen- „вздуваться, пухнуть, изобиловать, полный“)>y-ogn, мн. ч. y-ogun-kᶜ „много“ (ср. греч. εὐθευής „изобилующий, полный“, ἄφενος „богатство, изобилие“) и др.

54 Слова с переходом *gh>g Э. Бенвенист (**Benveniste**, 1958) считает иранскими заимствованиями.

55 С. Бугге (**Bugge**, 1890, 79) говорил о спирантизации неначального *dh- в z, приводя следующие примеры: арм. awaz «песок» при греч. ἄμαθος; арм. suzanem «погружаю» при греч. χεύθω; арм. azn «племя» при греч. ἔθνος. Несмотря на критику этого мнения видными индоевропеистами-арменистами, оно еще находит сторонников.

56 О выпадении начального *kᵘ см. **Windekens**, 1943; **Джаукян**, 1967, 107—108 (здесь говорится также о возможном переходе *kᵘ в h). В отличие от Р. Ачаряна (ЭС, 2^2, 14), который на основании сравнения А. Мейе с греч. πέλομαι возводил eɬanim „становлюсь, бываю“ к *kᵘel-, Ч. Бартон (**Barton**, 1970, 18—21) и Р. Годель (**Godel**, 1970, 9—11) связывают eɬanim с linim, аор. eɬē.

57 Переход *t в интервокальной позиции в y (с выпадением последнего после i, u) происходит обычно перед гласными переднего ряда; поэтому вероятнее возведение aɾu „ручей“, čᶜu „поход“, lu „услышанный“ к *sruti-, *kiuti-, *k'iuti-, чем к *sruto-, *kiuto-, *k'luto-. В. Пизани (**Pisani**, 1951, 70) устанавливает развитие группы и.-е.-VTV- иначе, основываясь на единичных недостоверных примерах: в этой группе -t- переходит: 1) в -y- перед a, e, i и 2) в v перед o, u.

58 Наличие в урартском языке глаголы abilidu- «присоединять, прибавлять» (см. **Джаукян**, 1963, 15) делает данное сравнение маловероятным: армянское слово может быть заимствованием из урартского.

59 Э. Бенвенист (**Benveniste**, 1958, 60—62) считает mēg „туман“, mēz „моча“, даже gan „побои“ иранскими заимствованиями. В дальнейшем он (**Benveniste**, 1964, 2—3) присовокупляет к ним sami(kᶜ) „яремная принтыка; руль, кормило“, sast „порицание“, surb „чистый, святой“.

60 Г. Петерсон выводит keɾnex из *ger- (звукоподражание). Этимология karkačᶜem принадлежит С. Бугге.

61 Позицией и звукоподражательным характером корня объясняется также озвончение *k в aɡiaw, -u „ворон, ворона“ при диал. kiavel „каркать“ [*krap- или *krau- от *ker-; ср. др.-ск. hraiⁿ, др.-в.-нем. hraban, н.-в.-нем. Rabe и лат. corvus, ср.-ирл. cru (*kroᵘos) „ворон, ворона“]. Слабостью позиции объясняется озвончение *t в du „ты“ (<*tū̃) и d-a, -d, ay-d „этот, тот (у тебя)“ (<*to-).

62 Особенно, если учесть, что в и.-е. корнях, сохранившихся в армянском языке, нет фонологического противопоставления этих звуков.

63 О Семереньи (**Szemerényi**, „Glotta“, 38) отрицает существование часто приводимой и.-е. формы *g'helmerino-. Ср. также **Anttila**, 1969, 134.

64 В связи с этим следует отметить следующее: 1) изменение смычных после u предшествовало переходам *eu>oy и *ou>oy, т. к. *k, *g, *gh палатализуются и видоизменяются в позиции после указанных дифтонгов; 2) kh, следующий за u, не палатализуется в отличие от *k; ср. mukh->mux „дым“; 3) предполагается, что

u вызывает палатализацию также в иероглифическом лувийском (šuṷan- „собака", šurna- „рог", aśuṷa „конь") и в хеттском (šuppi- „чистый"; ср. др.-инд. śubhrá, арм. surb), но в отличие от арм. в позиции перед u; см. **Иванов**, 1963, 90 (другие исследователи считают эти слова заимствованиями).

65 В случае развития *tn̥ghur>tᶜanjr „густой" следует предположить либо влияние последующего u, либо развитие типа *tn̥ghur>*tanghur>tanughur>*tᶜanjr, „густой". Как будет показано ниже, предполагаемая форма *tn̥ghiur неверна.

66 К. Х. Шмидт (**Schmidt**, 1964) предполагает дезаффрикатизацию с (<*g') в t после r (*ag'ro->art) и приписывает ее южнокавказскому влиянию. Однако факты установлены на ограниченном материале и без учета этимологических дублетов (ср. **Джаукян**, 1967, 182—183; **Djahukian**, 1975, 35, 41). К тому же типологически маловероятен переход аффрикат в смычные.

67 Как было указано в примечании 44, в ряде армянских слов наблюдается w-эпентеза, причины которой пока не выяснены: ma-w-t «близкий» при matč'-im „приближаюсь"; gawti „пояс" при z-gac-im „одеваться"; ya-w-t „отрезанная лоза" при yat-an-em „отрезаю"; gi-w-t „находка, открытие" при e-git „он нашел", gt-an-em „находить" и др.

68 Слова с неосуществившейся палатализацией, приведенные в нашей книге (**Джаукян**, 1967, 185—192), по всей вероятности, являются древнейшими заимствованиями.

69 Р. Ачарян (ЭС, 1², 335—336) не принимает данной этимологии и считает слово заимствованным из кавказского истокника (ср. чечен., ингуш. Iаьржа) на следующем основании: 1) наряду с aťǰ- имеются побочные формы arǰn «черный, темный» и aťt- «темный», причем их взаимоотношение не выяснено; 2) «переход *gh>ǰ недостоверен»; 3) не вполне приемлемо сравнение с греч. и прус. словами.

Однако доводы Ачаряна не совсем убедительны: 1) переход *gh>ǰ в результате палатизации вполне закономерен; 2) указанные Ачаряном кавказские слова не имеют звука l, данная же им этимология не выясняет взаимоотношения приведенных форм; 3) aťǰ- и aťt- соотносятся так же, как muťǰ и muťt „мгла, туман, мрак", которые также и.-е. происхождения; 4) кавказские слова, как и арм. arǰn, не имеют к ним отношения, являясь заимствованиями из иранского источника.

70 Р. Ачарян (ИАЯ, 1, 120), частично основываясь на мнении Траутмана, сравнивает только со славянскими и балтийскими формами, не указывая на их общий и.-е. источник. При этом все указанные им формы относятся к *lei-g-, не объясняющей арм. ž. Поэтому мы предполагаем для армянского праформу с *-gh-, если не допустить побочный и.-е. слой (заимствование), в котором нет передвижения.

71 Р. Ачарян (ЭС, 1², 140), вслед за Х. Педерсеном, Э. Лиденом и А. Мейе, выводит арм. слово из *agi̯ō, считая арм. балт., слав. и другие формы восходящими к разновидности *a(u)g- „увеличиваться". Корни *aṷeg- (*ṷog-, *aug-, *ug-) и *ōg- явно связаны.

72 С. Манн (**Mann** 1963, 16) сравнивает koč с греч. κόκκος „косточка" и др., выводя из и.-е. *kokio- (?). Он же вместе с koč упоминает и kokov „мужское яичко". Неясно отношение koč к арм. kokon (kongom, konkom) „бутон, почка" (по Ачаряну, ЭС, 2², 618, удвоение kon?). По-видимому, налицо детское слово, распространенное независимо от генетических связей. Ср. **Абаев**, 1958, 505, 636: русск. *кочан, кочка* осет. ḳoḳosa „шишка", груз. ḳoḳola „шишка", сван. kokweč „хохолок" и др.

73 А. А. Абраамян (Աբրահամյան, 1958, 61—62) связывает ačuk с ačem „расту", что менее вероятно.

74 Предполагаемая для gišer „ночь" праформа *ṷeikᵘe-ro-, по-видимому, менее вероятна, чем *ṷeiskᵘhero-.

75 Переход *ghelg'hā в geťj „железа" вместо ожидаемого *ǰeťj объясняется диссимиляцией: первая палатализация ограничивает действие второй.

76 Р. Ачарян (ЭС, 2², 571) čim „узда" отождествляет с kem, keam „свясло",

которое считает заимствованием из греч. κημός „намордник". Однако распространенность этих слов в арм. диалектах делает данную этимологию маловероятной. Следует отнести сюда же čim „глыба", которое Ачарян выводит из чагат. čim „дерн" (маловероятно; ср. при этом как различие в значениях, так и наличие диалектных форм čumn, čumb и глагола čmłel „комкать, мять").

77 А. Мейе (**Meillet**, 1936², 54) выводит čᶜorkᶜ из *kᵘṭuores, оставляя без объяснения наличие čᶜ.

78 С. Манн (**Mann**, 1963, 83—84) сюда же относит все формы на и.-е. *-tos, *-tis, предполагая, таким образом, что конечное -s не выпадает: *bhā-tos>bacᶜ „открытый", *pokᵘ-tos>hacᶜ „хлеб", *sṵetos>kᶜecᶜ „отдельный, отделенный", *lā-tos или lātis>lacᶜ „плачь", *plē-tis>licᶜ-kᶜ „наполнение, зарядка", *khotis>хосᶜ „рана", *khu-tis>хucᶜ „келя".

79 Оглушение j в c после n.

80 Р. Ачарян (ЭС, 2², 471) сравнивает с cuc „высасываемое" и выводит из кавказского источника. Однако можно допустить (если исключить звукоподражательность) лишь контаминацию, причем глагол ccel „сосать" может быть образован от обоих корней. Kic- выводится также из параллельного корня *geig′-/gig′-.

81 См. **Pok.**, 1, 664. Обычно выводят mac- из mag′- „месить" и matał из *mḷd- (от *mel- „растирать, бить, молоть").

82 В. Винтер (**Winter**, 1962, 261) считает развитие *medhḭo- в mēǰ результатом метатезы *dhḭ>ǰ, т. е. допускает сначала палатализацию *dh, затем метатезу *ḭ.

83 В. Пизани (**Pisani**, 1948, 1950, 1966) пытается доказать регулярность палатализации в армянском только лабиовелярных. По его мнению, армянский различал велярные и лабиовелярные, как албанский, палатализуя лабиовелярные и не палатализуя велярные. Чтобы соотнести факты с этой схемой, он вынужден допустить, что: 1) в конечных слогах звук -e выпал раньше -i, и палатализация произошла в период между этими двумя процессами; поэтому *penkᵘe> hing „пять" и *okᵘi>ačᶜ-kᶜ „глаза"; 2) *ḷ, *ṛ перед лабиовелярными и велярными развились поразному. О совпадении велярных и лабиовелярных только в поздний период развития праармянского (Pre-Armenian) говорит также В. Винтер (**Winter**, 1962), возводя w в awj „змея", awcanem „помазываю" к лабиальному элементу лабиовелярных. О рефлексах лабиального элемента в армянском ср. также **Джаукян** 1967, 59. В. Винтер (1955) отрицает палатализацию *kᵘ перед *e вообще и возведение čᶜorkᶜ к *kṵetuores считает неправомерным. О палатализации в армянском см. **Джаукян**, 1967, 153—176; **Djahukian**, 1975, 31—42.

84 О возможной связи arat с aracem см. также **Աբրահամյան**, 1958.

85 Вопрос о развитии отдельных консонантных групп в армянском рассматривали, в частности, В. Георгиев (**Georgiev**, 1937), Ж. Дюмезиль (**Dumézil**, 1938), В. Пизани (**Pisani**, 1951), Дж. Болоньези (**Bolognesi**, 1954), Р. Годель (**Godel**, 1975), Г. Джаукян (**Ջահուկյան**, 1976) и др.

86 Для этого перехода достоверных примеров нет. Этимологии типа *a(z)gio-> ačiwn „зола, пепел" и *a-z(g)dh->azdr „бедро" сомнительны.

87 О группах sC см. **Bolognesi**, 1954, 141—151.

88 Р. Ачарян (ЭС, 2², 75) допускает то же происхождение и для s в spṙem „расстилаю", приведенном выше.

8 Выпадение -n- перед согласным наблюдается в *penkᵘek′omt(ə)>yisun (в результате обычного для числительного сокращения?) при *penkᵘe>hing, а также (если восстановление правильно) в *arg′ṇto->arcatᶜ, -oy „серебро" (*arg′ənto-?).

В. Винтер (**Winter**, 1962, 257 и сл.) и Ч. Бартон (**Barton**, 1965, 3) говорят о регулярном переходе *n в w перед лабиовелярным.

90 Ж. Дюмезиль (**Dumézil**, 1938) на малочисленных примерах устанавливает двоякое развитие группы *-mp- в армянском: в m в морфемной границе и в mb—в остальных случаях.

91 Дж. Болоньези (**Bolognesi** 1962, 141—145; 1962, 27—32) говорит о переходе в ṙ не только групп *rs, *sr, но и *rr (ср. мнение средневековых армянских грамматистов о ṙ=rr: **Քաիուկյաճ**, 1954, 66)

92 Дж. Болоньези (**Bolognesi** 1948, 37 и сл.) говорит о регулярном переходе *-mn->wn.

93 Изменение *m>w в арм. awr, род. awur „день" В. Пизани объяснял сначала как регулярный переход группы -mr->wr (**Pisani**, 1951, 69), затем считал его результатом „индосредиземноморского чередования" m/w (**Pisani**, 1966, 235).

94 Ср. *dāiu̯ēr>taygr „деверь", *oiu̯-ja>aygi „сад".

95 Приводятся примеры также для *ru̯>rk: *er-u̯->erkir „земля, страна", *oru̯->orkor „пищевод".

96 Вызывает сомнение переход *gonu̯ī>cung(n) „колено" (**Meillet**, 1936², 84) и считается более приемлемым переход *gon-go->cunk (**Pok.**, 1, 381; **Solta**, 1960, 166).

97 Метатеза постсонантного i̯ происходит в позиции после a (ср. **Godel**, 1970, 143), независимо от того, восходит а к и.-е. *a, *ə или является результатом развития слогообразующих сонантов *r̥, *l̥, *m̥, *n̥ в ar, al (ał), am, an (ср. **Джаукян**, 1967, 222—223, 247—248).

Дж. Рестелли (**Restelli**, 1963, 172) считает метатезу *li̯>yl, *ni̯>yn, *ri̯>yr регулярной, ограничивая действие последних двух позицией после a, o.

98 В Пизани (**Pisani**, 1951, 55 и сл.) считает n регулярным отражением и.-е. *pn в армянском.

99 *Tu̯- переходит в k^c-.

100 Возведение srun-k^c „ноги, голени" к *k'rūs-ni- вызывает сомнение (ср. **Pisani**, 1951, 71 и сл.). В. Георгиев („Die Sprache" 8, 1962, 2) пытается возвести к иранскому источнику. В. Винтер (**Winter**, 1962, 60) предполагает первичный вставочный звук u в словах srun (<*$su̯$run) „голень", ki̯unk (<*$ku̯$unk) „журавль", а также в глаголах па *-nu- и отглагольных именах на -umn.

101 Возможно считать нерегулярное изменение *smok-ru->mawruk^c результатом табу, и тогда этимология t^cewr (t^ciwr) неправомерна.

102 В. Георгиев (**Georgiev**, 1937) пытается доказать регулярность изменения группы *-k't- в -tt- (>арм. t^c); ср. *ok'tō>ut^c „восемь"

103 При переходе *m̥b(h)ro->арм. ampro-р „гроза" метатеза r не происходит из-за предшествующего носового.

Э. Бенвенист (**Benveniste**, 1964) склонен считать арм. surb „чистый, святой" (*k'ubhro-) иранским заимствованием.

104 В слове (a)nawt^{c}i „голодный" <*nag$^{u̯}$htii̯o- (ср. греч. νήφω „я трезв") w по-видимому, является рефлексом лабиального элемента.

105 Сохранение d в *oid-nu-mi>ayt-n-um „опухать" следует объяснить либо морфологическими причинами—осознанием ayt-<*oid- как отдельного корня, либо выпадением какого-то гласного (ср. также t^cak^c-n-um или t^cak^c-č^c-im „скрываюсь" и др.).

106 Если А. Мейе переход *du̯>erk- ограничивает фактически начальной позицией, то Ж. Дюмезиль (**Dumézil**, 1947, 51 и сл.) и Х. Фриск (**Frisk**, 1944, 13) пытаются найти примеры также и для неначальной позиции. В. Пизани (**Pisani**, 1938, 222; 1946, 52), О. Семереньи (**Szemerényi**, 1960, 96), В. Винтер (**Winter**, 1962, 262) для неначальной позиции считают регулярным только переход *du̯>k. В действительности же нетрудно установить развитие *du̯>k после согласных и сонантов и *du̯>rk после гласных и в начале слова.

107 О развитии *k'u̯- в š см. **Lidén**, 1911, 381—388. Э. П. Хэмп (**Hamp**, 1973—1974, 23—24) считает нормальным отражением и.-е. *k'u̯ арм. š, а арм. sk в skund „щенок" объясняет как результат синкопы *k'uu̯: *k'uu̯ont-skund (ср. *u̯ī-k'm̥t-ī >k^{c}san „двадцать"). В связи с этим он считает ēš, -oy „осел" исконно-индоевропейским словом, восходящим к *eik$^{u̯}$o-s (для *ei/i ср. греч. ἵππος) при *ek$^{u̯}$o-s.

108 А. ван Виндекенс (**Windekens**, 1976, 287—290) возводит skund «щенок» к

«ирано-скифскому» skunt- и считает менее вероятным мнение Х. Фогта (**Vogt**, 1938, 329 и сл.) о восхождении арм. слова к и.-е. источнику—с его видоизменением вследствие кавказского влияния.

109 Несколько упрощенно утверждение А. Мейе (**Meillet**, 1936², 54) о том, что армянский, как и старославянский, «до выпадения гласных i, u имел только открытые слоги». А. Мейе в словах типа zgestu «одежды» сочетание st безоговорочно относит к последующему слогу, а сочетания гласных с сонантами r, l, m, n считает дифтонгами.

110 Если прав Шефтелович (**Scheftelowitz**, 1904, 32), выводящий xit „плотный" из *khid- и xist „крепкий, суровый" из *khid-to-, то имеется еще одно побочное доказательство в пользу перехода и.-е. *tt в st. А. Мейе (**Meillet**, 1922², 57) сравнивает xit с др.-инд. khid- „ударять, давить".

МОРФОЛОГИЯ — СКЛОНЕНИЕ

1 О возможности выделения в и.-е. словах префиксов ср. **Макаев**, 1970, 13, 265 и сл; **Герценберг**, 1972, 141 и сл.

2 На характере слоговой акцентуации здесь останавливаться не будем, имея в виду характер ударения в древнеармянском.

3 Необходимым условием для выделения детерминативов А. Макаев (1969, 2) считает «наличие оппозиции основной и производной формы на соответствующем уровне» и требует строго отличать праязыковую модель «корень+детерминатив» от соответствующих моделей отдельных языков, т. е. учитывать преобразования, происшедшие в последних (ср. также **Макаев**, 1970, 276—277).

4 Р. Шиндлер (**Schindler**, 1972) выделяет два типа чередований в склонении корневых имен: 1) более древний тип имеет огласовку *-o- в сильных и *e- в слабых падежах, причем род. п. характеризуется окончанием *-s: dom, род. *dem-s; в парадигме форма род. п. *dem-s заменилась формами *dm̥-es (ав. nəmō) или *dm̥-es (арм. tan); 2) второй тип (имена действия и имена деятеля) характеризуется огласовкой *e в сильных и нулевой огласовкой в слабых падежах, причем род. п. имеет окончание *-os: *di̯eu-, род. *di̯u̯os. Приблизительно такое же деление предлагает и И. Тишлер (**Tischler**, 1976), устанавливающий два типа корневых имен: 1) именительный со ступенью *-ŏ- и родительный со ступенью *-e- корня и нулевой ступенью окончания: *dōm, род. *dem-s; *gu̯ou-, род. *gu̯eu-s; 2) именительный со ступенью *-e- и родительный с нулевой ступенью корня и со ступенью *-o- окончания; *ku̯sēp-, род. *ku̯spos, *gu̯hr̥ēn, род. *gu̯hr̥nos.

5 Выделяя два акцентно-аблаутных типа для корневых имен, для словоформ, состоящих из корня (R), суффикса (S) и окончания (D) И. Шиндлер („Flexion und Wortbildung" 1975) выделяет соответственно четыре типа:

Именительный сильный падеж	Родительный слабый падеж
1. R(ó)S(∅) или R(é) S(o)	R(é)S(∅)D(∅)
2. R(é)S(∅)	R(∅)S(o)D(é/ó)
3. R(∅)S(é)	R(∅)S(o)D(é)
4. R(é)S(∅)	R(ó)S(e/o)D(∅)

6 В хеттском имеется двухчленная система категории рода (общий или одушевленный и средний или неодушевленный), которую считают либо отражением древнего состояния (с дальнейшим делением общего «рода» на мужской и женский), либо модификацией первичной трехчленной системы (**Pedersen**, 1938, 13—19; **Kronasser**, 1956, 97).

7 В. Шмальстиг (**Schmalstieg**, 1977, 109—149) выдвигает гипотезу о первичной недифференцированности двойственного и множественного чисел: одни и те же показатели неединственного числа *-n и *-s были использованы как для глагола, так и для имен; *-i также был показателем неединственного числа в имени, но в глаголе он выполнял другую функцию—создавал первичные окончания из вторичных. У В. Шмальстига имеется также обзор различных точек зрения на и.-е. склонение.

8 Формы женского рода на *-ā, имеющие характерные для атематических основ окончания, специально не приводятся. Там, где мужской и средний различаются, окончания среднего даются после окончаний мужского (они совпадают в звательном, именительном и винительном).

9 О. Семереньи (**Szemerényi**, 1970) не разделяет мнения об ареальной ограниченности окончания род. п. *-e/osio и говорит о возможности возведения к нему лат. -ī и, возможно, др.-ирл. -i.

10 Новую попытку описания древнеармянской системы склонения в терминах дескриптивной лингвистики предлагает М. Дж. Конноли (**Connoli**, 1972, 1—45), К сожалению, он основывается только на работах А. Мейе (**Meillet**, 1911, 1936[2]), Х. Енсена (**Jensen**, 1959), А. А. Айтыняна—В. Чалыхяна (**Այտընյան—Չալխեյան**, 1885) и не учитывает работ современных армянских ученых (ср. **Ջահուկյան**, 1959; **Աբրահամյան**, 1964[3]). В частности, он выделяет только гласные и согласные основы и не говорит о так называемых гетероклитических гласно-согласных основах, выделенных впервые автором настоящей книги (**Ջահուկյան**, 1959, 105—109 и др.: 1978, 157—160). До этого они частично включались в основы на сонанты, частично выделялись как нерегулярные.

11 До этого префиксы были не чужды древнеармянскому (ср. образования на z-, y-, aṙ-), но не являлись продуктивными.

12 О происхождении некоторых суффиксов индоевропейского и неиндоевропейского происхождения см. **Frisk**, 1936, 26—27 (-t^c, особенно -oyt^c); **Adontz**, 1937, 12 (-ord); **Schwyzer**, 1946, 49—58 (-awł, -oł=греч. -ολης); **Windekens**, 1947, 315—320 (-ič^c, -ik); **Bănăţeanu**, 1960, 73—101 (-ni и др.); **Leroy**, 1961, 517—521; 1964, 131—133, (-aran, -arēn и др.), **Bolognesi**, 1962, 105—127 (-an, -ak, -eni); **А. Шанидзе**, 1968 404—452 (-uhi); **Solta**, 1970, 63 (-awł) и др.

13 Гласный ə не пишется, но произносится.

14 При гласных основах нулевая ступень огласовки обозначается специально (∅), так как основа им. п. может содержать или не содержать гласный; в остальных случаях нулевая ступень огласовки как таковая не обозначается.

15 О словосложении в армянском и о способах перевода греческих сложных слов говорили А. Мейе (**Meillet**, 1962[2], 159—184), Э. Бенвенист (**Benveniste**, 1967, 1—14, 1968, 1—7), Айелло (**Ajello**, 1971, 56—68). Ср. также Х. Фриск (**Frisk**, 1948, 38—44: образования с an-), Ч. Доусет (**Dowsett**, 1964, 135—145: образования с t-) и др.

16 Приводятся парадигмы склонения следующих слов: I. astł „звезда", dustr „дочь", aṙbewr „источник", blur „холм", k^{c}oyr „сестра", hayr „отец", awr „день", kołmn „сторона", atamn „зуб", tun „дом", anun „имя", paštawn „служба, должность, культ", gełardn „большое копье", stin „женская грудь", siwn „столп, колонна", bazmut^{c}iwn „толпа, масса; множество", ankiwn „угол", mrǰiwn „муравей", anjn „лицо, персона; сам", ezn „вол, бык". bein „ноша", harsn „невестка, сноха", yogn „многочисленный". erkok^{c}in „оба"; II. aṙaxin „служанка", kin „женщина", tikin „госпожа", jur „вода", k^{c}ar „камень", inn „девять", erēc^c „старший, священник", manr „мелкий", barjr „высокий", caṙr „насмешка", unkn „ухо, akn „глаз", durn „дверь", otn „нога", cnund „рождение; дитя", ayr „муж, мужчина", tēr „господин", giwł „село, деревня", artawsr „слеза", garun „весна", manuk „ребенок, дитя; молодой; молодец; маленький", tesil „вид, видение, привидение", tiw „день', mah „смерть"; III. sirt „сердце", dik^c (plur. tant.) „божество; идол", erek^c „три", c^{c}ul „бык", zard „украшение", erku „два", gayl „волк", ordi „сын", asac^{c}eal „сказанный", hin „старый, древний", aṙaǰin „первый", mi „один", titan „титан", K^{c}ušank^c „кушаны", am „год", aygi „виноградник".

17 Косвенные формы множественного числа основ на -ŕ-,-r- вторично могут иметь основу на -a-: dsterac^{c}, aɫberac^{c} и т. п.

18 Перед гласным предлог i переходит в y.

19 Склонение blur по данному образцу вторично, первична основа на -o-.

20 Здесь и дальше -er из *-ewer (aɫber<*aɫbewer).

21 Во множественном числе вторично могут быть формы haranc^{c}, i haranc^{c}.

22 Склоняется также как основа на -o-.

23 В значении «ушко» во мн. ч. склоняется как основа на -n:unkunk^{c}, unkanc^{c} и др.

24 В значении «драгоценный камень» и «исток, источник» склоняется как основа на -n—по типам слов koɫmn и atamn.

25 Во мн. ч. склоняется и как основа на -n-: drunk^{c}, druns, dranc^{c}, drambk^{c}.

26 Склоняется и как основа на -u-

27 Склоняется и как основа на -i: yAnnayĕ, Annayiw.

28 Географические названия на -ia в более позднюю эпоху в род., дат. и отл. падежах имеют формы на -ioy (Kesarioy, i Kesarioy).

29 Склоняется и как основа на -u-: род.-дат. Łukasu, отл. i Łukasĕ. инстр. Łukasu.

30 В. К. Журавлев и В. П. Мажюлис (1978) развивают мысль о том, что в морфологии, как и в фонологии, происходят постоянные процессы конвергенции и дивергенции, обязательно проходящие стадию нейтрализации оппозиции.

31 О раннем переходе и.-е. основ на согласные в основы на -i (иногда имеющие параллели и в других языках) см. **Szemerényi**, 1970, 151 и сл.

32 Приведенное в словаре Покорного (**Pok.**, 1, 196) арм. taɫ „клеймо" (taɫem „клеймить") в действительности заимствовано из персидского: daγ „клеймо" (ср. **Ачарян**, ЭС, 6, 740—751).

33 *ln в армянском дает ł; ср. *pelnumi>heɫum „лью".

34 Г. Р. Зольта (**Solta**, 1960, 326, прим. 75) считает это сравнение невероятным.

35 Для арм. alewr (aliwr), сравниваемого с греч. ἄλευρον, следует предположить отличную от греч. праформу: *aleuro- дала бы *aloyr.

36 А. Мейе (MSL, 23, 259—260) и вслед за ним Р. Ачарян (ЭС., 1^{2}, 86) azdr связывают с др.-инд.sakthi-, ав. haxti- и греч. ἰσχίον «бедро», однако индоиранские слова восходят к *(s)keng- «хромать, кривой», а происхождение греческого слова неясно. Во всех случаях они фонетически не могут объединиться с армянским словом, хотя А. Мейе указывает на возможную связь с *ost- При правильности нашей этимологии греч. слово не может быть возведено к *ost-bho- и сравнено с кельтскими словами odb (др.-ирл.), oddf (кимр.) „удел, нарост" (ср. **Pok**, 1, 783).

37 Развитие *ămŏr>amur>aumr>awr, предполагаемое А. Мейе (**Meillet**, 1936^{2}, 55), маловероятно.

38 О чередовании ay/a и о происхождении падежных форм слов на -ayr (hayr «отец», mayr «мать», eɫbayr «брат») говорили Дж. Болоньези (**Bolognesi**, 1948, 102—105), Г. Б. Джаукян (**Ջաուխյան**, 1959, **169**), Э. П. Хэмп (**Hamp**, 1969, 15—17). Исходной для них считается форма инстр. падежа — с развитием *pətr̥bhi>*hawarb>harb. Допущение развития *pətr̥bhi>hayarb>harb менее вероятно (*t в позиции перед o, a, по всей вероятности, не переходит в y, а в t^{c}).

39 Если Х. Педерсен (**Pedersen**, 1905) и Э. Лиден (**Lidén**, 1906) указывали на случаи перехода основ на *-nā в основы на -n, а А. Мейе (**Meillet**, 1936^{2}, 83—84) говорил о распространении окончания вин. п. на именительный, то в дальнейшем исследователи (ср. **Windekens**, 1943a,* а также „Muséon", 56, 1943; **Pisani**, 1950—1951) возводят основы на -n к соответствующим и.-е. основам на *-n- (*-ēn-, *-ōn-), в некоторых же случаях указывают на возможность распространения *-(e)n- косвенных падежей (ср. др.-инд. ās, род. ās-n-aḥ) на именительно-винительный. См. также **Szemerényi**, 1965.

40 Этимология принадлежит А. Мейе (MSL, 17, 294. Ср. также **Ачарян**, ЭС, 2^{2}, 620, 621).

41 Его иногда объясняют как сочетание двух суффиксов: -oyt^{c} и -iwn, т.е. считают образованием на армянской почве. Р. Годель (**Godel,** 1970, 151) в ardiwn «результат» выделяет суффикс -diwn, возводя его также к *-tion-. Однако в этом случае суффиксом является -iwn, как правильно отмечает Р. Ачарян (ЭС, 1², **307**); для корня и значения ardiwn ср. ardeamb—ardeawk^{c}.

42 Восстановление *ь на месте арм. a основано на форме греч. род. п. (ср. **Meillet,** 1936², 45).

43 У Покорного (**Pok.,** 1, 598) даются общие праформы *k'ĭŏn или *kĭsŏn. В последнем случае возможно развитие род. *k'ĭsənos>sean, k'ĭsəbhi>seamb.

44 У Покорного (**Pok., 1,** 485) дается общая праформа *g^{u}rebh-.

45 Ср. греч. φρένες и ἄφρονες (**Meillet,** 1936², 79).

46 Р. Ачарян (ЭС, 2², 64) вслед за Мейе (**Meillet,** 1936², 109) связывает с erknč^{c}im „боюсь" и возводит к *dụei- „бояться".

47 Р. Ачарян (ЭС, 2², 185) объединяет с t^{c}ert^{c} „лист", относя к *pet- „летать"

48 Для слов mukn и jukn В. Винтер (**Winter,** 1965, 104—105) предполагает развитие -k- из первичного ларингального, что маловероятно. Дж. Греппин (**Greppin,** 1971, 1—4) возводит к конечному *-s после гласного. Однако конечный *-s переходит в k^{c} только в *-es мн. ч., но не в окончании ед. ч.; приведенные Греппином слова p^{c}uk^{c} „вздутие" и t^{c}uk^{c} „плевок" следует возвести к формам только с первичным *-k-.

49 Ср. араб. ẓalīm, мн. ч. ẓilmān „страус (самец)" (по Ачаряну, ЭС, 4², 121).

50 Дж. Греппин (**Greppin,** 1975, 55—57) арм. taṙełn считает заимствованием из хетт. tarlā, для которого восстанавливает значение „аист".

51 П. Бедирян (**Բեդիրյան,** 1956, 7, 40) вслед за авторами НС связывает oloṙn с olor «изгиб», приводя данные о происхождении названий растений от корней со значением «вить», «извивать», «изгибать» и т. п. Однако ср. греч. ὄλυρα «полба» (происхождение неизвестно), а также аккад. ḫa/ullūru(m) „горох".

52 В этом случае для армянского можно предположить метатезу группы *sp в *ps>s.

53 В наших «Очерках...» (**Джаукян,** 1967, 150) сравнивается с болг. к р а к «нога», чеш. krok «шаг» (*krok-) как слово побочного и.-е. слоя (заимствование)—без передвижения.

54 Можно ли объединить с *gol- «ветвь», откуда арм. kolr «сук, ветвь»?

55 Форма *as-sk-ōn, восстанавливаемая Шефтеловицем (**Scheftelowitz,** Z11, 6, 1928, 122) и упоминаемая Г. Р. Зольта (**Solta,** 1960, 284), дала бы *ac^{c}un, а не ašun.

56 Р. Ачарян (ЭС, 2², 502) для kamn ухпоминает русск. *гумно,* но сам же сомневается в их генетической связи.

57 Обзор попыток интерпретации формы kanay-k^{c} в ее отношении к греч. γυναι-κ- ср. у ван Виндекенса (**Windekens,** 1964, 4—6), который видит в -i- указательную (эпидейктическую) частицу, выступающую в некоторых местоименных формах (в том числе—женского рода); ср. лат. quae, оск. paí, pae из *kuā+i и ав. (гат.) xvaē(čā) из *sụā+i. В частности, греч. форму γυνα-ι-κ- он сравнивает с лат. haec с двумя указательными частицами. Таким образом, и *g^{u}enā>kin и g^{u}enā-i->kanay- являются формами ед. ч.

58 В. Пизани (**Pisani,** 1976, 279—283) возводит knoǰ „женщины, жены" через *knaǰ (?) к *gụenaị-ịās.

59 Сравнение giwł с лат. vīlla<*ụoik'-s-lā (от *ụeik'-) при vīcus „деревня, крестьянский двор" несколько сомнительно из-за -w-, хотя последний мог быть эпентезой, как в некоторых других словах.

60 Форму мн. ч. akanǰ-k^{c} „уши" Ж. Дюмезиль (**Dumezil,** 1947, 72—75) возводит к *ankanǰ<*ankan-ịo/ā- (нулевая ступень огласовки от *unkan-). В. Пизани (**Pisani,** 1950, 167) восстанавливает праформу *ausn̥k^{u}-ī.

61 Вряд ли она имеет связь с др.-инд. dhurōṇá- (*-no-) „квартира, родина" или иллир. durn- „квартира".

62 Основы на -(ə)n в современном языке теряют -(ə)n, сохраняя лишь в словообразовании в качестве первого компонента и во мн. ч. односложных слов: jukn> juk „рыба" при jkn-ors „рыбак", jkn-er „рыбы".

63 О заимствованности mah из иранского источника говорил еще в 1960 г. Дж. Богоньези (**Bolognesi,** 1960, 17—18).

64 Р. Ачарян (ЭС, 4^2, 297 сравнивает с груз. xval, предполагая для этих форм какой-то общий источник.

65 Р. Ачарян (ЭС, 2^2, 150) возводит к *tā- „таять".

66 Армянским числительным уделял внимание В. Пизани (**Pisani,** 1951). Новую попытку объяснения и.-е. числительных предпринял О. Семереньи (**Szemerényi, 1960**), посвятивший несколько страниц также армянскому (в частности, числительным čᶜorkᶜ „четыре", kᶜaťasun „сорок" и форманту порядковых числительных -ord).

Г. Зольта (**Solta,** 1976, 291—300) указывает на три попытки объяснения форманта -r порядковых числительных erkir „второй", erir „третий" čᶜorir „четвертый" (при err-ord „третий", čᶜorr-ord „четвертый"): он является: 1) результатом обобщения конечного -r числительного *kᵘetu̯or; 2) собирательным суффиксом -r, наличествующим в др.-ирл., лит., слав., тох., а также в лат. (ср. лат. decuria, centuria); 3) противопоставляющим суффиксом -r-. Сам Зольта склоняется к третьему мнению. Что касается форманта -ord порядковых числительных, то Зольта сравнивает его с суффиксом -ord в yaǰ-ord "преемник", miǰn-ord „посредник" и др. Вопрос об и.-е. происхождении -ord он считает еще нерешенным, отвергая мнение О. Семереньи (**Szemerényi,** 1960, 95 и сл.) о том, что предполагаемая форма *čᶜord из *kᵘetu̯orto- была контаминирована с čᶜorir и возникла общая форма *čᶜorirord>čᶜorrord. Говоря о трудностях возведения -ord порядковых числительных к суффиксу -ord, образовывающему nomina agentis, Зольта не учитывает факта его функционирования и в качестве суффикса прилагательных (ср. yaǰ-ord „преемник" и „последующий").

67 Интересно отметить, что в тексте договора хетт. царя Арнуванды III среди имен людей страны Ишмерик встречается имя Aliu̯ašu, которое может восходить к армянскому или близкому ему источнику.

68 Как известно, в настоящее время многими исследователями принято сравнение П. Патрубани (**Patrubany,** KZ, 37, 1904, 428) арм. ors, -oy „охота; дичь" с греч. πόρκος „рыболовная сеть". Восстановленная при этом праформа *pork'os стоит особняком и вряд ли имеет связь с *pork'os „свинья". Э. Туманян (1968, 51—52, прим. 4) объединяет их, говоря о возможности возведения ors к *pork'os „свинья" и указывая, в частности, на то, что в свете последних исследований и открытий оказывается неправильной точка зрения, согласно которой *pork'os: 1) обозначает домашнюю свинью в отличие от *sus „дикая свинья" и 2) характеризует только западный ареал (в Авесте обнаружено, наряду с hus „свинья", также pərəsō „поросенок").

69 По реконструкции А. Мейе (**Meillet,** 1936^2, 74). Возможно, однако, что арм. форма восходит к *u̯edō(r) и сравнима с фриг. (фрак. ?) βεδυ (*u̯edu<*u̯edō), ст.-сл. *вода* (ср. **Pok,** 1, 81—82; **Нерознак,** 1978, 139—140).

70 Г. Зольта (**Solta,** 1960, 296) предполагает первичный средний род, имея в виду, в частности, др.-инд. vasnám и лат. venum, хотя последнее встречается только в вин. п.

71 Этимология lu и ku сомнительна: -t- переходит в -y- и после -u- выпадает обычно перед e. i, если не допустить, что подобное же воздействие оказывает предшествующий u.

72 Э. Хэмп (**Hamp,** 1955, 224 и сл.) восстанавливает для hariwr, -oy „сто" праформу *aritro- (ar- „прилаживать"), сравнивая его с греч. ἀριθμός „число". Менее вероятны этимологии, предложенные А. ван Виндекенсом (**Windekens,** 1947, 24—26) и В. Пизани (**Pisani,** 1954). Первый из них возводит к *pər-ēu̯ŗ „большое число", второй считает заимствованием из иранского источника: hari þra-<*sm̥-lītrā (для lītrā ср. сицил.-греч. λῖτρα, лат. lībra „фунт").

73 Ю. Покорный (**Pok.**, 1, 162) дает праформу *bhok'-s-o- без достаточного на то основания. Патрубани (**Patrubany**, IF, 13, 163 и др.) восстанавливал праформу *bhok-sk(h)os, но одновременно сравнивал также со словами, относимыми к *bhō-g- (от *bhē-/*bhō-). Р. Ачарян (ЭС, 1², 478) принимает мнение о восхождении bocᶜ к к *bhā-, *bhō-s- „сиять, светить" (+ -cᶜ). А. Мейе (**Ernou-Meillet**, 1959⁴, 243) отвергает мнение о связи bocᶜ с лат. focus.

74 Вопрос о происхождении слов на -i и -u из *-i̯o-/*-i̯ā- и *-u̯o-, *-u̯es трактует Е. Гяндженян (**Giandschezian**, 1903, 33—63).

75 Если русск. *жидкий* сравнимо с арм. gēǰ, а не с греч. θεῖσα „грязь, нечистоты" (ср. **Pok.**, 1, 469),

76 Если груз. γvino- заимствовано из армянского, то оно свидетельствует о первичной основе на *-o-.

77 А. Мейе (**Meillet**, 1936², 72) сравнивает с окончаниями таких форм родительного падежа, как ирл. túaithe (от túath „народ") и др.-инд. senāyaḥ, др.-перс. haynāyā, которые также считаются загадочными.

78 Возможно допустить первичный женский род, как в н.-исл. hvoma «глотка».

79 Для слов с конечным -i следует восстановить во всех случаях *-i̯i̯o-/*-i̯i̯ā, а не *-i̯o-, *-i̯ā, как иногда делается. Таким образом суффикс *-i̯i̯o-/*-i̯i̯ā встречается как после долгих, так и кратких слогов, т. е. закон Зиверса в армянском в данном случае не действует. Напротив, для слов с конечным -ǰ, č-, -čᶜ следует восстановить во всех случаях *-i̯o-/*-i̯ā, с переходом *ghi̯, *dhi̯>ǰ; *gi̯, *di̯>č; *ki̯, *ti̯>čᶜ. Здесь также не замечается действия закона Зиверса.

Об и.-е. основах на *-i̯o-, *-i̯ā- в армянском см. **Bolognesi**, 1948, 39—40.

80 Дж. Болоньези (**Bolognesi**, 1962. 19—23) возводит суффикс -eni к -ean + -i (ср. arkᶜayean — arkᶜayeni „царственный", arpᶜean — arpᶜeni „светлый"). В. Бэнэцьяну (**Bănăţeanu**, 1961, 85—107) суффикс -eni в названиях деревьев, как и собирательный суффикс -(a)ni возводит к урартскому источнику.

81 Г. Р. Зольта (**Solta**, 1970, 64) сравнивает арм. отглагольные прилагательные на -(e)li (-woy, -eacᶜ) с лат. agilis, docilis и т. д.

82 О падежных формах на -oǰ см. также **Pisani**, 1950, 183.

83 -ē(=ey) отложительного падежа Г. Гюбшман (**Hübschmann**, 1883) возводит к *-etos, А. Мейе (**Meillet**, 1936², 73) — к *-etes или *-etos, С. Бугге (**Bugge**, KZ 32, 75) и Х. Педерсен (**Pedersen**, 1905) — к *eti. В. Пизани (**Pisani**, 1965, 359—361) окончание -y отложительного падежа в -oy, а также в -ē=-ey возводит к -ti, сравнивая с хетт. -z, лув. -ti, ликийск. -di.

84 Об отражении *-bhi в тохарском -pi см. **Shields**, 1977, 281—286.

85 Считая недостаточно обоснованным мнение о восхождении оконч. мн. ч. им. п. -kᶜ к *-(e)s, некоторые исследователи ищут новые решения. Если оставить в стороне точки зрения старых авторов [С. Бугге: -kᶜ<*-(e)s + частица *u/u̯, т. е. -kᶜ< *-su; Х. Бартоломе: -kᶜ<суффикс собирательного значения *-tu̯o; Юнкер: -kᶜ=частица -kᶜ из *ku̯e], следует упомянуть попытки объяснения -kᶜ О. Хаасом (**Haas**, 1940, 96—106: *-uVs>*-wh>kᶜ), А. ван Виндекенсом (**Windekens**, 1943, 38—41) и Рейхенкроном (**Reichenkron**, 1961, 1034—1044) (примыкают к мнению Юнкера), А. Грея (**Gray**, 1945, 304: примыкает к мнению Х. Бартоломе) и др. М. Леруа (**Leroy**, 1963—1965, 8) предполагает влияние субстрата, Г. Р. Зольта, (**Solta**, 1963, 104) возвращается к мнению о неиндоевропейском происхождении -kᶜ из собирательного форманта *-kᶜ.

86 Ф. Ф. Форгунатов (**Fortunatov**, 1883, 88—89) возводит окончание -cᶜ род.-дат.-отл. к *-si̯-. Приблизительно такую же попытку объяснения -cᶜ в дальнейшем предпринимает В. Пизани (**Pisani**, 1850, 529), возводя -cᶜ род. п. мн. ч. к *-s- в *-ā-som (как нерегулярный переход), а также -cᶜ- аориста — к и.-е. *-s-—форманту сигматического аориста.

87 К. Х. Шмидт (**Schmidt**, 1963, 1—10) возводит кельтский дательный мн. ч. к первичной форме на *-bhis.

88 О. Семереньи („Flexion und Wortbildung", 1975) считает *eg'h в *eg'hom усилительной частицей и *-(o)m собственно местоименным компонентом.

89 О. Семереньи („Flexion und Wortbildung", 1975) первичной формой личн. мест. 1-го л. мн. ч. *n̥smes возводит к *m̥s-mes, удвоенной форме *me 1-го л. ед. ч. О возможности возведения форм мн. ч. к формам ед. ч. еще раньше говорил В. Я. Мыркин (1964, 78 и сл.).

90 -e- можно отнести к окончанию в том случае, если в формах отл. п. -e- основы выпадает перед -ē-, и -ē- не восходит к гласному основы -e-+y.

91 Элемент -v появился перед гласными для упразднения зияния и лишь впоследствии стал частью корня.

92 Z- в именительном появился в результате влияния форм винительного падежа.

83 В. Винтер (**Winter,** 1955, 5) объясняет озвончение *t̆u>du как результат sandhi—после многочисленных окончаний 2-го л. на -r.

94 Ср. es „я"<eg'-.

95 Оригинально объясняет В. Пизани (**Pisani,** 1967, 230) формы личных местоимений: 1) es восходит к *eg'hom, откуда *ez+-s; 2) is происходит из *eme (ср. греч. ἐμέ); откуна im (под влиянием формы им. п.)>iz+ -s); 3) -z в kᵉez, mez. jez является результатом аналогии (ср. форму аккузатива *iz).

96 Соотношение здесь такое же, как в случае именных основ на -n; ср. jiwn, род. jean.

97 Х. Педерсен (**Pedersan,** 1905, 240) сравнивает ayn „тот" с др.-инд. anyá- „другой" и возводит к *an̥jo-, причем считает ayn моделью для образования ays „этот, ayd „этот, тот". Точка зрения Х. Педерсена была перенята также Дж. Бонфанте (**Bonfante,** 1937, 20).

98 Дж. Бонфанте (**Bonfante,** 1946, 89) и В. Пизани (**Pisani,** 1950, 181 и сл.; 1966, 229) возводят o- в or „который" к *i̯o-, А. ван Виндекенс (**Windekens,** 1943, 30—38) —к *so-.

90 Вряд ли прав Э. Бенвенист (**Benveniste,** 1957—1958: 57; 1064, 16 и сл.), считающий ir „вещь" заимствованием из парф. 'yr (ir).

100 Для местоимения *kᵘi-s О. Семереньи (**Szemerényi,** 1970) восстанавливает форму род. п, *kᵘe-si̯o из *kᵘei-si̯o, дат. *kᵘesmei из *kᵘei-ei-smei.

МОРФОЛОГИЯ—СПРЯЖЕНИЕ

1 Совпадение основ презенса и аориста у некоторых глаголов является реликтом первичной нерасчлененности этих видо-временных форм. В «Ригведе» встречается около двух десятков глаголов такого типа (см. **Елизаренкова,** 1960, 32).

2 Наряду с исследователями, допускающими вторичность перфекта, ограниченного определенным ареалом, некоторые ученые выступают с гипотезой о его архаичности. После того как Е. Куриловичем была показана связь личных окончаний хетт. спряжения на -ḫi с перфектными, им же (**Kuryłowicz,** 1932) и Х. Стангом (**Stang,** 1932) высказалось мнение о том, что архаичные медиальные окончания являются трансформациями перфектных окончаний. Несколько позже С. Сафаревич (**Safarewicz,** 1938) на этом же основании пришел к выводу о первичности противопоставления актива-перфекта и вторичности противопоставления актива-медия. В дальнейшем это мнение получает довольно широкое распространение. Из советских ученых точку зрения Е. Куриловича и Х. Станга развил А. Н. Савченко (1960), Он считает первичной функцией «протоперфекта»—выражение состояния. Результативное значение появилось позже—после выделения хетто-лувийского; из протоперфекта развился перфект, получивший особое видовое значение, свойственное индийскому и греческому (в последнем перфект частично сохраняет древнее значение состояния). В связи с развитием противопоставления первичных и вторичных окончаний оно распространилось на медий, первичные окончания которого *-ai, *-sai, *-tai, *-ntai стали применяться и к перфекту, в котором также появилось залоговое противопоставление. В италийском, кельтском и германском перфект стал выражать за-

конченное действие, слившись с аористом. Наряду с гипотезой о первичном характере перфекта как выражения состояния, выдвигается хорошо согласуемая с нею гипотеза о восхождении основы перфекта к отглагольным именам (ср. **Десницкая,** 1940, 158).

К. Гофман (**Hoffmann** 1977) перфектное значение строго отличает от видовых и указывает на принципиальное различие их выражения. Перфектность (состояние), активность (действие) и медиальность (процесс) обозначаются окончаниями, а собственно видовые значения (длительность, однократность и предельность)—основами, т. е. корнями (лексически), суффиксами и редупликацией.

Г. Эйхер и Э. Риш («Flexion und Wortbildung», 1975) указывают на следующее несоответствие в случае признания первичности перфектного значения хеттского спряжения на -ḫi: если окончания более или менее соответствуют перфектным, то корни и основы не имеют соответствий в перфектных корнях и основах других языков. В связи с этим они предлагают новое объяснение хеттской системы спряжения на основе традиционной индоиранско-греческой. Э. Риш вообще считает неправильным сопоставление хеттских глаголов на -ḫi с перфектными и медиальными и говорит об их возникновении из форм корневого аориста.

Отсутствие перфекта и противопоставление только двух основ—презенса и аориста—Э. А. Макаев (1977, 172) считает не инновацией, а консервацией весьма архаичных структурных особенностей и.-е. глагола (ср. противопоставление также двух основ в германском, италийском, хетто-лувийском).

В противоположность распространенному мнению, Дж. А. Кернс и Б. Шварц (**Kerns-Schwartz,** 1972) считают возникновение аориста случайным: первоначально аорист и имперфект различались лишь стилистически.

3 Редупликация в тох. А служит средством образования каузативного претерита: wik- «исчезать»—wawik «заставил исчезнуть, удалил».

4 Ф. Р. Адрадос (**Adrados,** 1971, 366—381) возражает против интерпретации структуры и.-е. глагола Уоткинсом (**Watkins,** 1969), кладущим в основу и.-е. глагольной флексии противопоставление тематических и атематических основ. Он же говорит о наличии не только многих архаизмов, но и о многих инноваций в системе хеттского глагола.

Возникновение тематического гласного в глагольной основе Дж. А. Кернс и Б. Шварц (**Kerns-Schwartz,** 1972) объясняют следующим образом: в 3-м л. мн. ч. атематических глаголов появляются формы *s-ént (от *es- „быть"), *i̯-ént (от *ei- „идти"), *likᵘént (от *leikᵘ- „оставлять"), откуда *-e- распространяется на всю парадигму и возникают формы типа *likᵘét вместо *likᵘt, т. е. образовывается новый тип основы *likᵘ-e-.

5 Дж. А. Кернс и Б. Шварц (**Kerns-Schwartz,** 1972) устанавливают двадцать пять типов презентных основ, из них семь атематических и восемнадцать тематических. Среди атематических они выделяют: 1) односложные (*es-mi—*s-ent), 2) двусложные (*reudə-, *gənə-), 3) редуплицированные (*dhédhī-), 4) инфиксальные (*i̯unég-), 5) с назальным суффиксом *-nā-/-nə-, 6) с назальным суффиксом *-nu- и 7) сигматические (*u̯es-). Тематические основы различаются по ударению (на корне или на тематическом гласном) и по типам суффиксов (носовые, зубные, йотированные, сигматические и т. д.).

6 А. Н. Савченко (1974, 285—287) оспаривает мнение И. И. Казлаускаса о первичности -s- и возводит его через *-si- к *-si̯e-.

7 Для тематических типов ср. *g'i-g'n-e/o- „рождать", *mi-mn-e/o- „оставаться" (rRs_4), *ski-n-d-e/o- (Ris_4).

8 Атематический аорист с долгим гласным корня в греческом характерен главным образом, для непереходных глаголов (см. **Chantraine,** 1927, 138 и сл.).

9 Э. Бенвенист на основании анализа фактов латинского, древнеирландского и тохарского языков для оптатива предполагает также формант *-ā-. но приводимые им доказательства спорны. Ср. **Sremerényi,** 1970, 242—243.

10 В индоарийском выделяют так называемый инъюнктив, который, как известно, не имеет самостоятельного морфологического статуса: исследователи сан-

скрита так называют безаугментные формы аориста и имперфекта, употребляемые в значении сослагательного или повелительного наклонения (**Барроу,** 1976, 322—324; **Szemerényi,** 1970, 244—246). В других и.-е. языках нет соответствия индийскому инъюнктиву. С некоторой оговоркой можно говорить об «инъюнктивном» употребления 2-го л. мн. ч. греч. императива на -τε (*-te), при снятии аугмента совпадающего со 2-ым л. мн. ч. имперфекта греческого и древнеиндийского. В армянском можно говорить о таких же «инъюнктивных» явлениях, например, о совпадении 2-го л. ед. и мн. ч. императива и аориста некоторых глаголов, имеющих в аористе аугментную и в императиве безаугментную формы: имп. dir «клади», dik^{c} «кладите» и аор. edir «ты положил», edik^{c} «вы положили»; имп. tur «дай», tuk^{c} «дайте», аор. etur «ты дал», etuk^{c} «вы дали». Приведенные формы уже вошли в систему императива, как и некоторые древнеиндийские формы индикатива. В связи с вопросом инъюнктива в армянском следует проверить модальное соотношение форм аориста, употребляемых с аугментом и без него. При несохранении аугмента в формах имперфекта и возможности восхождения армянских форм имперфекта к формам оптатива нельзя с этой точки зрения говорить о соотношении форм имперфекта и императива.

11 Обычно говорится о первичности видовых и вторичности временных противопоставлений в и.-е. глаголе. Однако следует обратить внимание на тот факт, что завершенность обычно характерна для прошедшего времени, и противопоставление по завершенности-незавершенности имело и временной оттенок. Правильнее говорить о видо-временных различиях.

12 Медий обычно характеризуется как обозначение заинтересованности субъекта в процессе (ср. **Мейе,** 1938, 257).

Е. Курилович (**Kuryłowicz,** 1964) древнейшей функцией медия считает интранзитивацию, однако, как доказывается последующими исследователями, эта точка зрения не согласуется с фактами греческого и других языков (ср. **Перльмуттер,** 70—81).

Г. А. Климов («Конференция по сравнительно-исторической грамматике и.-е. языков», 1962), строго отличая эргативный строй (с противопоставлением эргативного и абсолютного падежей) от активного (с противопоставлением активного и инактивного или стативного), приписывает протоиндоевропейскому не эргативный, а активный строй. Эта точка зрения хорошо согласуется с точкой зрения тех индоевропеистов, которые считают что первоначально было противопоставление действия (презенс-аорист) состоянию (перфект), противопоставление же актива медию относительно позднее явление; ср., например, **Сафаревич,** 1964, 14.

Отношение актива и медия И. А. Перльмуттер (1977) связывает с лексическим значением глагола, выделяя три категории глагола в греческом: 1) глаголы с полным их разграничением, 2) глаголы с частичным их совпадением и 3) глаголы, медиальное значение которых включено в активные формы.

13 В односложных глаголах lam «плачу», gam «иду», gom «существую» и т. п. -a-, -o-, по-видимому, уже следует отнести к суффиксу; ср. gn-am „иду"—gn-ac^{c}-i „я пошел" и lam „плачу"—lac^{c}i „я заплакал".

14 Основы каузативных глаголов, как гетерогенные образования, рассматриваются отдельно.

15 Новое описание древнеармянской глагольной системы предпринимали Ф. Фейди (**Feydit,** 1956, 1969), Р. Годель (**Godel,** 1965), Ч. Бартон (**Barton,** 1965), П. Юнгман (**Jungmann,** 1969), причем Годель, Бартон—с точки зрения сравнительного языкознания.

В книге Ф. Р. Адрадоса (**Adrados,** 1963) об индоевропейском глаголе значительное место отведено также структуре армянского глагола (431—446), однако ее рассмотрение построено главным образом на основе книги А. Мейе (**Meillet,** 1936²).

16 В армянских грамматиках его называют спрягающим гласным и соответственно различают типы спряжений.

17 Наизвестно, во всех ли случаях восходят -n- к -in или -un-, -č^{c}- —к -ič^{c}- или uč^{c}-, -nč^{c}- —к inč^{c} или -unč^{c}.

18 За исключением gom „есмь, существую", где -oy- остается без изменения, goy-. Следует иметь в виду, что: 1) -oy- в глаголах на -um по-видимому, этимологически восходит к -u-i, 2) во многих глаголах на -im элемент -i- является вторичным.

19 Здесь противопоставление, по-видимому, еще сохраняет видовое значение: формы собственного императива аористного типа противопоставляются формам запретительного императива типа презенса; ср. sireccēkᶜ „(по)любите" и mí sirēkᶜ „не любите".

20 Подробный анализ древнеармянского пассива проводился М. Минасяном (**Minassian,** 1977, 19—81.).

21 3-е л. ед. ч. аориста глагола eki «я пришел» имеет форму ekn, где -n фактически воспринимается как окончание.

22 Приводятся парадигмы следующих глаголов: 1) mn-am „остаюсь" mec-an-am „увеличиваюсь", 2) gorc-em „делаю, обрабатываю", lkᶜ-an-em „покидаю", 3) cicał-im „смеюсь", us-an-im „учусь", 4) gelum „кручу, закручиваю", ǰeŕ-n-num „греюсь", aytnum „опухаю". Формы с суффиксальными основами презенса ничем не отличаются от несуффиксальных и поэтому не приводятся.

23 Обычно приводятся также banam „открываю"—bacᶜi, tᶜanam „мочу, смачиваю"—tᶜacᶜi, но здесь нерегулярность заключается не в образовании основы аориста, а в употреблении окончаний медиопассивного типа (ср. gołanam „ворую"—gołacᶜay).

24 В. Винтер (**Winter,** 1965, 103) сравнивает ałačᶜem „умоляю" вместе с alawtᶜ-kᶜ „молитва" с лат. (im-)plōrāre, оставляя необъясненным чередующийся элемент čᶜ/tᶜ Г. Клингеншмитт (**Klingenschmitt,** 1970, 79—83) вместе с греч. ἱλάσκεσθαι возводит к и.-е. *selə- „милостивый; умилостивлять" (восстанавливая для армянского праформу *slə$_2$sk'e/o- или *slə$_2$ti-), что мало подходит по значению.

25 Для əmpem „пью" Э. Хэмп (**Hamp,** 1967, 15 и сл.) восстанавливает праформу *pōmb- (с контаминацией *pēb- и *pone/o-). Б. Чоп (**Čop,** 1955, 141 и сл.) отделяет от *pō- и сравнивает с нем. saufen „пить".

26 Немногочисленнотсь и.-е. атематических глаголов с долгим гласным дала основание Р. Годелю (**Godel,** 1965, 2 и сл; 1975, 123) возвести utem „ем, кушаю" не к *ōdmi, а *ōd-eje-.

27 Если допустить, что арм. форма восходит к перфекту, но перестала ощущаться как таковая. Возможно ли допустить заимствование из иранского источника?

28 Формы лит. mini и ст.-сл. *мьниⷮ-ть*), в которых выделяется формант *-i- и сравнивается с арм. -i- (berim „меня приносят"), в последнее время считаются темными (ср. **Watkins,** 1969, 112). Е. Курилович (**Kuryłowicz,** 1974 79 и сл.) возводит их к формам перфекта + -i- презенса. Этим он объясняет выражение ими состояния и устанавливает связь между -i- и *-ē- аориста. В древнеиндийском тематический суффикс *-je- обычно образует страдательный залог: badhyate „связывается".

29 Некоторые авторы дают праформу *ni-zdi̯ō (ср. **Pok.,** 1, 885). Ч. Бартои (**Barton,** 1970, 19) дает форму *ni-sēd-i-. Р. Годель (**Godel.** 1965, 22; 1975, 122) восстанавливает первичную форму *ni-si-zde/o-> *nstem, считая переход последней в глаголы на -im вторичным явлением, связинным с ее непереходным значением.

30 Р. Ачарян (ЭС, 2², 672) возводит к *greng'h-, что фонетически невозможно.

31 Ф. О: Линдеман (**Lindeman,** 1973—1974, 45—46) возводит unim „держу, имею" не к *ōp-mi, как обычно делается (несмотря на малочисленность атематических основ с долгим гласным *ō), а к древнему и.-е. перфекту (ср. др.-инд. ā́pa<*ōpe —3-е л. ед. ч.), как gitem восходит к *u̯oid-. Основа перфекта затем приобрела суффикс презенса *ne-, и, таким образом, *ōp-ne- дала *owne-. Й. Шиндлер (**Schindler,** 1976, 339—344) отвергает возведение unim „держу, имею" к *op-nē- (**Meillet,** MSL, 23, 4, 1929; 1936², 47 и сл.) или *eun- от *u̯en- „стремиться" (**Patrubany,** IF, 14, 1903, 58 и сл.; **Pedersen,** KZ, 38, 1905, 203; **Persson,** KZ, 48, 1918, 126) и возводит к *senə- (ср. др.-инд. sani- „достигать, получать, обладать", греч. ἄνυμι „завершаю", хетт. šanḫ- „искать, стремиться, требовать").

32 Р. Ачарян (ЭС, 1², 500), ссылаясь на **Ernout-Meillet,** 1932, 1027 и **Benveniste,** BSL, 33, 137, сравнивает с хетт. (u)u̯ami „прихожу", однако здесь предполагается

преверб u- (u̯e-) „сюда"+i- „идти" (ср. **Friedriech,** 1952, 238; **Kronasser,** 1956, 178.).

33 Существование *dəmi подтверждается наличием мессапской формы ед. ч. наст. вр. (pre)dami, хотя форму *dəmi Р. Годель (**Godel.** 1965, 23, прим. 7) считает необычной в системе и.-е. глагола.

34 А. Мейе (**Meillet,** 1936², 135) возводит к *ser-th- от *ser-.

35 Р. Ачарян (ЭС, 4²,392) выводит из сирийского ṭalā „роса".

36 Невероятно также предположение о восхождении -u- к окончанию 1-го л. ед. ч. *-ō тематических основ, с дальнейшим его распространением на другие лица и числа и добавлением обычных для армянского окончаний.

37 В этом случае следует восстановить аорист не на *-is- (в интервокальной позиции *-s- выпадает; ср. *-isalo-> -eal), а на *-s-.

38 Глаголы с носовым суффиксом в армянском языке, в частности на -anem, привлекали внимание многих ученых; ср. **Belardi,** 1950, 147; **Reichenkron,** 1958, 96—99; **Barton** 1965, 14 и сл., 1970, 18—21; **Benveniste,** 1966, 9; **Godel,** 1964: **Greppin,** 1973; **Lindeman,** 1973—1974 и др.

Дж. Греппин (1973, 190—198), несколько упрощая вопрос, считает тип глаголов на -anam (-enam), -anem, -anim «полностью армянской инновацией», а тип -nam, -nem, -nim, -num—продолжением и.-е. категории глаголов с носовым суффиксом.

39 О возможности восхождения некоторых глаголов на -cᶜanem к и.-е. сигматическим аористам с конечным дентальным см. Pedersen, 1905, 206; 1906, 423—428. Р. Годель **Godel,** 1965, 24—26) выражает сомнение в правильности данной точки зрения.

40 Переход инфиксальных основ в префиксальные предшествовал палатализации g после u.

41 А. Мейе (1951, 222—223) -д- возводит к *-de/o-.

42 Обычная для армянского языка палатализация g после u.

43 А. ван Виндекенс (**Windekens,** 1944, 22,1) сравнивает с греч. δέκομαι и возводит к *dek'- „брать, принимать".

44 Если от *stel-d-, то можно предположить первичную аористную основу на *-s-: *steld-s->steɫc-. См. ниже.

45 Если здесь не имеем дело с основой на *-s- (*leuk-s->loycᶜ-.).

46 Этимология принадлежит Фриску (**Frisk,**1944, 28). Другие (ср. ЭС, 2², 43) возводят к *u̯rēg'- „ломать" (ср. греч. ῥήγνυμι), оставляя необъясненным чередование ergēc/ergic-, предполагающее *ei/i.

47 Вряд ли можно предположить нулевую ступень суффикса *-ie-/*-i-. Дж. Пухвел (**Puhvel,** 1960, 68 прим. 27) возводит арм. -ani- в aganim к *-n̥n-, аллофону суффикса *-n- (ср. лит. bùdinu, греч. δάκνω).

48 Праформу *gn̥-nā- для cnanim, восстанавливаемую некоторыми исследователями на основании арийских форм, следует считать неоправданнной.

49 Ч. Бартон (**Barton,** 1970, 18—21) возводит eɫē к тематическому имперфекту *e'-k'lei-e, linim—к носовому презенту *k'lei-ne-, а eɫanim считает образованием от аористной формы eɫē. Критику этой точки зрения см. **R. Schmitt,** „Kratylos", 15, 1970, 211 и сл. Р. Годель (**Godel,** 1975, 54) отмечает вторичный характер eɫanim.

50 Обычно приводимая для армянского праформа *seug- (с кратким *e) сомнительна: и.-е. *eu- в армянском переходит в -oy-; ср. *leuk->loys „свет".

51 Менее вероятно отнесение к *k'lei- „наклонять, склонять, прислонять" (**Bugge,** 1889, 7—8). Ф. О. Линдеман (1973—1974, 47—49), оспаривая мнения о восхождении linim „бываю, становлюсь" к *k'lei-, настаивает на этимологии, предложенной А. Мейе (=греч. πέλομαι). При этом он сравнивает 3-е л. ед. ч. аориста eɫew с греч. ἔπλετο [вслед за В. Пизани (**Pisani,** 1951, 70) возводя арм. -w к -t- перед* -o], а -n- в презенсе linim считает вторичным, и предполагает образование основы презенса от основы аориста (как при harcᶜanem „спрашиваю" от harcᶜi „я спросил").

52 Хотя при этом следует считать -i- вторичным.

53 Глаголы на -enam Ч. Бартон (**Barton,** 1965, 14 и сл.) возводит к формам с двумя характеристиками: *-éi̯(e)- + *-n̥nā/ə-

54 Если арм. слово не является заимствованием из иранского источника.

55 По нормам современного армянского языка stanam обычно считается трехсложным: əs-ta-nam.

56 А. Мейе (**Meillet,** MSL, 8, 280) возводит к и.-е. *men- „думать", но, во-первых, тип спряжения глагола (im-an-am, аор. im-acᶜ-ay, и, во-вторых, наличие прилагательного an-imay „незнающий", говорят о другом происхождении (*em-), если не допустить контаминацию.

57 Этимология слова принадлежит к Э. Лидену (**Lidén,** 1906, 77, который приводит алб. (súlet «бросаться, кидаться, устремляться, нападать») и слав. (русск *по-сылать*) параллели. Сомнительно.

58 Р. Ачарян (ЭС, 2², 185—215) возводит к *pter- от *pet- „кидаться, лгтеть, падать».

59 Если -i- в основе аориста (cᶜaseay <*cᶜasi-ay) является вторичным—результатом аналогии.

60. Х. Фриск (**Frisk,** 1944, 1966) восстанавливает для erdnum «клянусь» праформу *dhru-neu-mi и сравнивает на этом основании с греч. θρέομαι «звеню, громко сетую». Данная этимология показывает, к чему приводит принцип, согласно которому сначала надо восстановить праформу без учета внешних данных и лишь после этого искать соответствия в других языках.

61 Из и.-е. диал. *-ē- (греч., балт., слав.)? Ср. также **Godel,** 1975, 120—121.

62 Ср. индик. през. mnam, имперф. mnayi при конъюнк. през. mnaycᶜem, имперф. mnayi.

63 А. Мейе (**Meillet,** 1936² 126—127) считает форму имперфекта, кроме 3-го л. ед. ч. berēr<*bheretor, сложным образованием типа ст.-слав. *несѣ-ахъ*. Р. Ачарян (1953, 85—90) сравнивает формант -y- с германским формантом слабого претерита и возводит к *-to-. Другие исследователи, начиная с Д. Кернса (**Kerns,** 1939, 30—33), в основу арм. имперфекта кладут формы оптатива. По мнению Кернса, форма ei (при ēi) „я был", ставшая образцом для других глаголов, восходит к *es-ī-m (ср. греч. εἴην). При этом пассивные формы и реликтовая форма berēr являются результатом нового их распределения; формант -a- 1-го л. мн. ч. появился под влиянием аориста. Э. Эванджелисти (**Evangelisti,** 1955), развивая дальше гипотезу Кернса, указывает на тохарские и иранские параллели и приводит ее в соответствие с установленными для армянского фонетическими закономерностями—ослаблением и выпадением конечных (послеударных) слогов; он дает для армянских форм следующие уточненные праформы: ei<*es-i̯i̯-m̥, eir<*es-ī-ro, ēr<*és-ī-r, eakᶜ<*es-á-mos, eikᶜ<*es-ī-tes, ein<*es-ī-no. При этом он утверждает, что сочетание с ударным -ī- (*i̯i̯) дает в армянском недифтонгное сочетание гласных, а с неударным -ī- —дифтонг (ey=ē); Р. Шмитт (**Schmitt,** 17) указывает на проблематичность этого утверждения. После статьи Э. Бенвениста (**Benveniste,** 1950, 11—20) о связи оптатива и претерита эта точка зрения более укрепилась, и ее проводит также Р. Годель (**Godel,** 1970, 150; 1975, 116). В связи с вышеуказанным Э. Эванджелисти (**Evangelisti,** 1955, 6 и сл.) считает неправомерным возведение berēr к *bheretor при фриг. (αβ-)βερετορ, указывая на то, что, во-первых, по этому объяснению армянская форма berēr выходит за пределы общей системы и, во-вторых, фриг. форма, в отличие от армянской, не является имперфектом.

Не лишено интереса отметить, что дентальный претерит имеется, кроме германского, также в италийском (*-t-, *-dh-; ср. **Ходорковская,** 107—118) и, возможно, в кельтском, т. е., как предполагают, характеризует западный ареал. Если гипотеза Р. Ачаряна о возниновении арм. -y- имперфекта из -t- правомерна, то армянский разделяет эту изоглоссу.

64 Л. Мариес (**Mariès,** 1930, 3 и сл.) выводит из *es-ī-ske-m однако добавление *-sk->-cᶜ- явно вторично и необьяснимо на индоевропейской почве. Ср. также **Meillet,** 1936², 121, 133 (здесь А. Мейе приводит как возможную паралель лат. escit „усть будет" от *es-sk-).

65 Ф. О. Линдеман (**Lindeman,** 1977, 15—20) сомневается в правильности гипотезы А. Мейе (**Meillet,** 1936², 115) о восхождении основы аориста yarī- в yareay „я

поднялся, встал, воскрес" к древнему имперфекту (ср. лат. ori-tur „встает") и сравнивает ее с ведийской формой аориста оптатива медиопассива *ar-ī-ta—*or-ī-to.

66 Здесь и дальше для аориста приведены формы 3-го л. ед. ч., основы которых лучше отражают первичную огласовку.

67 Долгое время господствовала точка зрения Х. Педерсена и Л. Мариеса о восхождении -eac^{c} аориста к -es-ā-sk'e или *-is-ā-sk'e. Х. Карстин (**Karstien,** 1956' 211—229) сравнивает -ac^{c}- (ср. gitac^{c} „он узнал") со ст.-сл. формами имперфекта на *-ахъ/-аше-* из *-ā-sk'e-; при этом -e- в gorceac^{c} „он сделал" он считает вставным и возводит к *-eie- настоящего времени. Р. Годель, сначала фактически примыкая к этой точке зрения (**Godel,** 1965, 39—41), в дальнейшем указывает на два слабых места в ней: 1) армянский аорист и славянский имперфект относятся к разным временным системам; 2) кроме -a- в армянском аористе существуют и другие гласные: lc^{c}i<*lic^{c}i „я наполнил", hatuc^{c}i „я оплатил, воздал". Годель сам выдвигает положение о -a- в -eac^{c}- как об инновации и возводит -e- к *-e- или *-eie-: -ec^{c}<*-e-sk'e или *eie-sk'e (ср. греч. ἐθέλ-ε-σκε и φιλ-εέ-σκε (**Godel** 1969, 253—258).

68 В. Пизани, говоривший сначала о -c^{c}- как о субституте *-s- (**Pisani** 1951, 66; 1959, 529), в дальнейшим связывает его с греко-ионийскими и хеттскими итеративами на *-sk'-.

69 Тохарский -şş, восходящий к *-sk-, является показателем претерита.

70 Если А. Мейе (**Meillet,** 1936^{2}, 122) возводит -ic^{c} к *-ī- оптатива + *-sk'-e-, то Р. Годель (**Godel,** 1965, 30 и сл.: 1975, 115—116) сравнивает его с такими греческими глагольными (неоптативными) формами, как εὑρίσκω, ἁλίσκομαι и др. Он же (**Godel,** 1970, 5 и сл.) формы будущего времени (так называемого конъюнктива) считает образованием от основы аориста (p^{c}axea-<*p^{c}axia-) посредством суффикса конъюнктива -ic^{c}e- (греч. -ισκω в εὑρίσκω и др.); в других лицах в неподударной позиции -eay- переходит в ey (ē)>i (p^{c}axi-c^{c}es, p^{c}axic^{c}ē).

Ф. О. Линдеман (**Lindeman,** 1975—1976, 11—18) форму будущего (второго конъюнктива) erkic^{c}ē „он испугается" сравнивает с формой греч. перфекта и восстанавливает для erki- форму *de-dụoie (+ic^{c}ē), а -a- в 1-м л. ед. ч. (erkeayc^{c}) считает нововведением по аналогии (ср. beri „я принес", beric^{c} „я принесу" при beray „меня принесли", berayc^{c} „меня принесут"). Что касается формы tacē „он даст", то Линдеман считает возможным сравнить ее с хетт. формой наст. вр. итеративного происхождения: daškizzi (от da- „брать"), восходящей к *dō-sk'e- (ср. **Watkins,** 1969, 57).

71 Дж. Кернс (**Kerns,** 1939, 21 и сл.) и Ч. Бартон (**Barton,** 1965, 59) возводят окончание презенса -mk^{c} к *-mes + *ụ^{o} (ср вед. vayám, гот. weis и др.), -yk^{c}—к *-te+sụ^{o} (ср. кимр. chwi „вы"). Г. Рейхенкрон (**Reichenkron,** 1961, 1039—1040) возводит -mk^{c} к -mes/*-mos+*ụe, причем он предполагает в протоармянском, наличие местоимения с начальным v-.

72 У Ю. Покорного (**Pok.,** 1, 62) восстановлены праформы *ar (*er, *or?), ṛ „так, итак, ведь".

73. Элемент r был предметом частых обсуждений, причем обычно указывалось на параллель арм. berēr=фриг. (αβ-)βερετορ; см., в частности, **Pisani,** 1951, 19—21; **Solta,** 1963, 121 и сл.; **Barton,** 1965, 54—57; **Bănăţeanu,** 1965, 509—525.

74 Вероятиее *bhereter, чем предполагаемая Мейе *bheretor (**Meillet,** 1936^{3}, 127).

75 Если формы 3-го л. ед. ч. глаголов ed «он положил», et «он дал» имеют параллели в др.-инд. (вед.) ádhāt, ádāt и легко объяснимы, то толкование форм других лиц вызывает разногласия. Предлагаемые праформы для 1-го л. *édhēm, *edōm (ср. вед. ádhām, ádām) не объясняют имеющихся форм edi, etu. Дж. Кернс (**Kerns,** 1939, 23) edi считает закономерным продолжением *edhēm, а ed—преобразованием по аналогии. Дж. Бонфанте (**Bonfante,** 1942, 102—105) выдвинул гипотезу о восхождении форм edi, etu к формам сигматического аориста *e-dhē-som, *e-dō-som (ср. ст.-сл. *дѣхъ, дахъ*, алб. dašɛ „я дал"); при этом он предполагает, что -i в edi- было воспринято как самостоятельное окончение и распространено на другие глаголы. Эту точку зрения в основном принимает Р. Годель (**Godel.** 1970, 149; 1975, 126—127). Ч. Бартон (**Bartôn,** 1965, 50—54) -i в формах beri „я принес" и др. считает, в отли-

чие от Бонфанте, не результатом распространения -i от edi, а продолжением *-ē-, как в балтийском: beri<*bherē-s-om. Во всех этих случаях трудно объяснить исчезновение носового. Ф. О. Линдеман (**Lindeman** 1975—1976, 14—15) считает возможным возвести формы аориста etu „я дал" и edi „я положик" не к edōsom, *edhēsom, как это делают Дж. Бонфанте и Р. Годель, а к формам древнейшего имперфекта с суффиксом *-ie-: *e-dō-iom. *e-dhē-iom. Вообще он считает, что многие аористы медиопассива восходят к древнейшему имперфекту или тематическму аористу, с поздним добавлением -a-.

76 Основываясь на мнении Дж. А. Кернса (**Kerns,** 1939, 29) о восхождении аористных окончаний на -i- и -a- к *-ē- и *-ă- и учитывая поправку Дж. Бонфанте (**Bonfante,** 1942, 102—105) о восхождении формы edi к *e-dhē-s-om, Ч. Бартон (**Barton,** 1973—1974) восстанавливает для аориста beri „я принес"—beray „меня принесли" следующие праформы: а) ед. ч. 1. beri<*bherēsom, 2. berer <*bhere-rV, 3. eber< *ebheret; мн. ч. 1. berak^{c} (результат распространения медиопассивной формы на активную), 2. berēk^{c}<*bhere-te-+sw, 3. berin<*bherēsi̯t; б) ед. ч. 1. beray<*bherāsom-+ -y, 2. berar<bherā-+-rV, 3. beraw<*bherā-+-w-V; мн. ч. 1 berak^{c}<bherāsoms-+w..., 2. berayk^{c}<*bberāte-sw..., 3. beran<*bherāsi̯t (или асигматическая форма *bherānto) Несмотря на остроумность этих реконструкций, здесь налицо лишь собрание разнородных элементов, не образующих единой системы.

-r 2-го л. аориста Ч. Бартон считает результатом влияния формы 2-го л. запретительного императива (mí) -er, -r, который обычно сравнивают с греч. -ρο в δεῦ-ρο (**Kerns,** 1939, 25—26, 29; **Pisani,** 1951, 21). Г. Р. Зольта (**Solta,** 1963, 121) рассматривает его как армяно-тохарскую изоглоссу, имея в виду 2-е л. ед. ч. тох. медиопассивного императива pkāmār. Окончания 1-го л. мн. ч. -ak^{c} аориста и -uk^{c} конъюнктива В. Винтер (**Winter,** 1954, 199) возводит к *-ьmes и *-omes.

77 Возведение aw к -āto (**Kerns** 1939, 30; **Pisani,** 1951) фонетически неправомерно.

78 Противопоставление двух залоговых окончаний—переходного на -i- и непереходного на -a- (ср. beri «я принес» и beray «меня принесли»)—Дж. А. Кернс (**Kerns,** 1939, 29) сравнивает с противопоставлением балтийского переходного претерита на *-ē- и непереходного на *-ă-. Таким образом, для армянского залогового противопоставления указываются параллели в балтийском и славянском (ср. **Barton,** 1973—1974, 27).

ЛИТЕРАТУРА

1. На армянском языке

Աբրահամյան Ա. Ա. *Փաստեր հայերենի պատմական հնչյունափոխության մի քանի երևույթների ժամանակաշրջանի վերաբերյալ, 1957, 4։*

Աբրահամյան Ա. Ա. *Բառաքննական դիտողություններ, ՀԳԱՏ, 1958, 4։*

Աբրահամյան Ա. Ա. *Գրաբարի ձեռնարկ, Երևան, 1963։*

Աբրահամյան Ռ. *Պահլավերեն-հայերեն-ռուսերեն-անգլերեն բառարան, Երևան, 1965։*

Ակնարկներ մեջին գրական հայերենի պատմության, Ա—Բ, Երևան, 1972—1975։

Աղայան Է. *Նոր հայերենի բարբառների առաջացման հարցի մասին, ՊԲՀ, 1958, 2։*

Աղայան Է. *Բարբառային հնագույն տարբերությունները հայերենում, ՀԳԱՏ, 1958, 5։*

Աղայան Է. *Հայ լեզվաբանության պատմություն, 1—2, Երևան 1958—1962։*

Աղայան Է. *Հայերենի հնչույթային համակարգի պատմությունից, 1961, 2։*

Աղայան Է. *Գրաբարի քերականություն, 1ա, Երևան, 1964։*

Աղայան Է. *Բառաքննական և ստուգաբանական հետազոտություններ, Երևան, 1974։*

Աճառյան Հ. *Հայ լեզվի ե, է, ո, օ գրերուն արտասանությունը, «Բազմավեպ», 1898, 5։*

Աճառյան Հ. *Ձայնաբանություն վրացերեն հայերենից փոխառյալ բառերի, «Արարատ» 1898, 7—8։*

Աճառյան Հ. *Հայերենի բնաձայն և կրկնավոր բառերը, ՀԱ, 1899, 7—8։*

Աճառյան Հ. *Քմքականներու կոկորդական մնալը, ՀԱ, 1905, 8—9։*

Աճառյան Հ. *Ի և Կ ձայներուն յծորդությունը, ՀԱ, 1909, 5։*

Աճառյան Հ. *Հայ բարբառագիտություն, Մոսկվա—Նոր Նախիջևան, 1911։*

Աճառյան Հ. *Թոխարերեն և հայերեն, ՀԱ, 1912, 1։*

Աճառյան Հ. *Հայերեն գավառական բառարան, Թիֆլիս, 1913։*

Աճառյան Հ. *Մեսրոպյան գրերու հնչումը կամ արժեքը, ՀԱ, 1922, 6—7։*

Աճառյան Հ. *Հայերենե տառադարձված բառերը օտար լեզուներու մեջ, ՀԱ, 1922, 8—9։*

Աճառյան Հ. *Հայերենի երկբարբառները, ՀԱ, 1922, 10—11։*

Աճառյան Հ. *Հայերենի երկբարբառները և բաղաձայները, ՀԱ, 1922, 12։*

Աճառյան Հ. *Հեթիտ-հայ բառեր, «Նորք», 1925, 5—6։*

Աճառյան Հ. *Հայերեն արմատական բառարան, 1—7, 1926—1935 (1[1]—4[2], 1971—1979)։*

Աճառյան Հ. *Հայոց գրերը, Վիեննա, 1928 (Երևան, 1968)։*

Աճառյան Հ. *Հայոց լեզվի պատմություն, 1—2, 1940—1951։*

Աճառյան Հ. *Հայոց անձնանունների բառարան, 1—5, Երևան, 1942—1962։*

Աճառյան Հ. *Հայկականք, ՀԳԱՏ, 1944—1952։*

Աճառյան Հ. *Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի, 1—6, Երևան, 1953—1971։*

Այտընյան Ա.—Ջալըխյան Վ. *Քննական քերականություն աշխարհաբար կամ արդի հայերեն լեզվի, Վիեննա, 1866։*

Առաքելյան Վ. Դ. *Բայասեռերը գրաբարի տարբեր խոնարհումներում, ՊԲՀ, 1968, 1։*

Առաքելյան Վ. Դ. *Դասական և հետադասական գրաբարը, ՊԲՀ, 1976, 1։*

Ասատրյան Մ. Ե. *Անեզական բառերը հայերենում, ՊԲՀ, 1960, 3։*

Ալգեբեան Մ. *Առձեռն բառարան հայկազեան լեզուի, Վենետիկ, 1865[2]։*

Աետիքյան Գ. Սիւրմելեան Խ., Ալգեբեան Մ. *Նոր բառագիրք հայկազեան լեզուի, Ա—Բ, Վենետիկ, 1836—1837։*

Բագրատունի Ա. *Հայերէն քերականութիւն ի պէտս զարգացելոց, Վենետիկ, 1852։*

Բաղրամյան Ռ. Հ. *երկակի թվի մնացորդները հայ բարբառներում, ՊԲՀ, 1960, 1։*

Բառգիրք հայոց. քննական բնագիրը, առաջաբանը և ծանոթագրությունները Հ. Մ. Ամալյանի, Երևան, 1975։

Բատրուպանյան Ղ. Ազգային լեզվագիտություն, «Բանասեր», 1902—1903։
Բատրուպանյան Ղ. Ստուգաբանական հետազոտություններ, ՀԱ, 1903—1907։
Բատրուպանյան Ղ. Լեզվաբանական, ՀԱ, 1908—1910։
Բեդիրյան Պ. Հայերենի մի քանի բառերի ստուգաբանության շուրջը, ՀԳԱՏ, 1955, 9։
Բեդիրյան Պ. Մի քանի ստուգաբանություններ, ՊԲՀ, 1962, 2։
Բեդիրյան Պ. Նախագրային հայերենի ձայնադարձի համակարգը, ԼՀԳ, 1966, 11։
Գրեպին Ջ. Խեթա-հայկական մի զուգահեռ, ՊԲՀ, 1972, 3։
Գրեպին Ջ. Դասական հայերենի դակերենից փոխառյալ տարրերի ուսումնասիրության փորձ ԼՀԳ, 1976,4։
Դյակոնով Ի. Մ. Խեթերը, փյուգիացիները և հայերը, ՀԳԱՏ, 1956, 11։
Երեմիա Վարդապետ, Բառգիրք հայոց, ի յԱլիկօռնայ քաղաքի, 1698։
Հայոց լեզվի պատմական քերականություն, Բ, Երևան, 1975։
Հյուբշման Հ. Հայկական հատուկ անվանք, ՀԱ, 1893։
Հյուբշման Հ. Հին հայոց տեղւո անունները, Վիեննա, 1907։
Հուշարձան, գրական ժողովածու, Վիեննա, 1907։
Ղազարյան Ս. Հայոց լեզվի համառոտ պատմություն, Երևան, 1954։
Ղազարյան Ս. Հայերենի բարբառների և նրանց ծագման հարցի շուրջը, ՊԲՀ, 1960, 3։
Ղազարյան Ս. Հայոց գրական լեզվի պատմություն, 1, Երևան, 1961։
Ղարագուլյան Թ. Հին հայերենի խոնարհման համակարգի ծագումը, Երևան, 1961։
Ղարիբյան Ա. Հայ բարբառագիտություն, Երևան, 1953։
Ղարիբյան Ա. Հայ բարբառների ծագման հարցի շուրջը, ՊԲՀ, 1958, 3։
Ղափանցյան Գ. Հնէաբանական մի քանի մնացորդներ Հայերենում, Երևան, 1927։
Ղափանցյան Գ. Ուրարտուի պատմությունը, Երևան, 1939։
Ղափանցյան Գ. Հայերի և հայերենի գոյացման շուրջը, ՍԳ, 1941, 1։
Ղափանցյան Գ. Հայոց լեզվի պատմություն (հին շրջան), Երևան, 1961։
Մեյե Ա. Հայագիտական ուսումնասիրություններ, Երևան, 1979։
Մկրտչյան Ն. Խեթա-հայկական ընդհանրություններ, ԼՀԳ, 1970, 7։
Մուրադյան Ա. Հունարան դպրոցը և նրա դերը հայերենի քերականական տերմինաբանության ստեղծման գործում, Երևան, 1971։
Մուրադյան Հ. Ռ. Երկբարբառներ էին արդյոք ուա, ուե, ուի... կապակցությունները գրաբարում, ՊԲՀ, 4։
Մուրվալյան Ա. Հայոց լեզվի բառային կազմը, Երևան, 1955։
Պատկանով Ք. Թե ի՛նչ տեղ է բռնում հայերեն լեզուն հնդեվրոպական լեզուների շրջանում, «Փորձ», 1880, մարտ։
Պեդերսըն Հ. Հին հայերեն լեզվի շեշտը, ՀԱ, 1903։
Պեդերսըն Հ. Նպաստ մը հայ լեզվի պատմության, Վիեննա, 1904։
Պեդերսըն Հ. Հայերեն և դրացի լեզուները, Վիեննա, 1907։
Պեդերսըն Հ. Հայերենի դիրքը, ՀԱ, 1909։
Պեդերսըն Հ. Հին հայերենի ցուցական դերանունները, Վիեննա, 1907։
Ջախջախեան Մ. Բառգիրք ի բարբառ հայ և իտալական, Վենետիկ, 1837։
Ջահուկյան Գ. Քերականական և ուղղագրական աշխատությունները հին և միջնադարյան Հայաստանում (5—15-րդ դդ.), Երևան, 1954։
Ջահուկյան Գ. Հայոց լեզվի պատմա-համեմատական քերականության հիմունքները, ՀԳԱՏ, 1955, 1։
Ջահուկյան Գ. Հին հայերենի հոլովման սիստեմը և նրա ծագումը, Երևան, 1959։
Ջահուկյան Գ. Հայ բարբառագիտությունը և հայերենի բարբառների ծագման հարցը, ՊԲՀ, 1959, 2—3։
Ջահուկյան Գ. Ստուգաբանություններ, ՊԲՀ, 1963, 4. 1965, 1. ԲԵՀ, 1971, 1. ԼՀԳ, 1973, 6. 1976, 12. 1979, 3։
Ջահուկյան Գ. Հայոց լեզվի զարգացումը և կառուցվածքը, Երևան, 1969։
Ջահուկյան Գ. Հայերենը և հնդեվրոպական հին լեզուները, Երևան, 1970։
Ջահուկյան Գ. Հայ բարբառագիտության ներածություն, Երևան, 1972։
Ջահուկյան Գ. Ժամանակակից հայերենի տեսության հիմունքները, Երևան, 1974։
Սևակ Գ. Հայ բարբառների ծագման հարցի շուրջը, ՊԲՀ, 1959։
Տաշյան Հ. Ուսումն դասական հայերեն լեզվի, Վիեննա, 1920։
Տեր-Վիշյան Ս. Հնդեվրոպական նախալեզու, Կ. Պոլիս, 1887։

2. На русском языке

Абаев В. И. Историко-этимопогический словарь осетинского языка, 1—3, М.—Л., 1958—1979.

Абаев В. И. Типология армянского и осетинского языка и кавказский субстрат, «Sprache und Gesellschaft», Jena, 1970.

Абаев В. И. О вариативности сонантов, FL, 6, 1—2, 1973.

Агабекян М. А. Армяно-италийские лексические изоглоссы (автореферат диссертации), Ереван, 1974.

Агаян Э. Б. О генезисе армянского консонантизма, ВЯ, 1960, 4.

Агаян Э. Б. Об одном фонетическом законе древнеармянских диалектов, LP, 10, 1965.

Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи, Пг., 1915.

Андреев Н. Д. Периодизация истории индоевропейского праязыка, ВЯ, 1957, 2.

Андреев Н. Д. Типологія ранньоиндоевропейской прамови, «Мовознавство», 1978, 6.

Античная балканистика (предварительные материалы), 1—3, М., 1972—1978.

Арапов М. В., Херц М. М. Математические методы в исторической лингвистике, М., 1974.

Асмангулян А. А. К вопросу о методике этимологических исследований (автореферат диссертации), М., 1952.

Асмангулян А. А. Против гипотезы о «двуприродности» армянского языка, ВЯ, 1953, 6.

Асмагулян А. А. О типах этимологических связей между родственными языками, ДСИЯ, 10, 1956.

Ачарян Р. А. Греческие заимствования в армянском языке, ВВ, 1 (27).

Балканская филология, Л., 1970.

Балканский лингвистический сборник, М., 1972.

Балканское языкознание, М., 1973.

Барроу Р. Санскрит, М., 1976.

Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование, М., 1955.

Бенвенист Э. Проблема армянского консонантизма, ВЯ, 1961, 3.

Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку, М., 1965.

Бенвенист Э. Общая лингвистика, М., 1974.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, 1—2, М., 1971—1974.

Бодуэн-де-Куртенэ И. А. Заметка об изменяемости основ склонения, РВФ, 1902.

Бэнэцьяну В. Некоторые вопросы этногенеза армян, ИФЖ, 1961, 2.

Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, М., 1956.

Воробьев-Десятовский В. С. Развитие личных местоимений в индоарийских языках, М.—Л., 1956.

Гамкрелидзе Т. В. Хеттский язык и ларингальная теория, ТИЯ Груз. ССР (серия вост. яз.), 3, Тбилиси, 1960.

Гамкрелидзе Т. В. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке, «Переднеазиатский сборник», М., 1961.

Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках, Тбилиси, 1965.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Лингвистическая типология и реконструкция системы и.-е. смычных, «Конференция по сравнительно-исторической грамматике и.-е. языков», М., 1972.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Проблемы типологии и реконструкции праязыка, «Конференция: проблемы реконструкции», М., 1978.

Гарибян А. С. О системе армянского языка II в. до н. э., УЗ ЕТРПИ, 3, 1952.

Гарибян А.С. Об армянском консонантизме, ВЯ, 1959, 5.

Гарибян А. С. Еще раз об армянском консонантизме, ВЯ, 1962, 2.

Георгиев В. И. Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, 4.
Георгиев В. И. Проблема возникновения индоевропейских языков, ВЯ, 1956, 1.
Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958.
Георгиев В. И. Передвижение смычных согласных в армянском языке и вопросы этногенеза армян, ВЯ, 1960, 5.
Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках, Л., 1972.
Герценберг Л. Г. Реконструкция индоевропейских слоговых акцентов, ВЯ, 1978, 6.
Герценберг Л. Г. Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций, «Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков», Л., 1979.
Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова, М., 1967.
Глейе А. О месте армянского языка среди арио-европейских языков, СМ, 31, 4, 1902.
Горнунг Б. В. К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков, ИАН СССР, 1955, 5.
Горнунг Б. В., Левин В. В., Сидоров В. Н. Проблема образования и развития языковых семей, ВЯ, 1952, 1.
Горнунг Б. В. О так называемых «азианических» языках, ИАН Арм. ССР, 1954, 6.
Горнунг Б. В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964.
Грамматический строй балканских языков, Л., 1976.
Греппин Д. Современное состояние изучения армянских ларингалов, ИФЖ, 1972, 3.
Греппин Д. Взаимоотношение балтийских и армянского языков, ИФЖ, 1975, 1.
Греппин Д. Лувийские элементы в армянском языке, «Древний Восток», 3, Ереван, 1978.
Гухман М. М. И.-е. сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования, ВЯ, 1957, 5.
Гухман М. М. Готский язык, М., 1958.
Десницкая А. В. Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков, ВЯ, 1952, 4.
Десницкая А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М.—Л., 1955.
Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты, Л., 1968.
Десницкая А. В. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общебалканские языковые проблемы, „Actes du Premier Congrès International des Etudes Balkanique et Sud-Est Euroéennes, Sofia, 1968.
Джаукян Г. Б. К вопросу о прохождении консонантизма армянских диалектов, ВЯ, 1960, 6.
Джаукян Г. Б. Урартский и индоевропейские языки, Ереван, 1963.
Джаукян Г. Б. Хайасский язык и его отношения к индоевропейским языкам, Ереван, 1964.
Джаукян Г. Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка, Ереван, 1967.
Джаукян Г. Б. О рефлексах и.-е. заднеязычных во фригийском языке, KN, 1977.
Джаукян Г. Б. Общее и армянское языкознание, Ереван, 1978.
Диллен Э. Армянские этюды. 1. Отношение армянского к иранской группе языков, 1884.
Дьяконов И. М. Хетты, фригийцы и армяне, «Переднеазиатский сборник», М.—Л., 1961.
Дьяконов И. М. Место фригийского среди индоевропейских языков, «Древний Восток», 2, Ереван, 1967.
Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии, М., 1967.
Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа, Ереван, 1968.
Елизаренкова Т. Я. Аорист в «Ригведе», М., 1960.
Елизаренкова Т. Я. Исследования по диахронической фонологии индоевропейских языков, М., 1974.
Жирмунский В. М. Некоторые итоги дискуссии об армянском консонантизме, ВЯ, 1962, 5.

Журавлев В. К., Мажюлис В. П. Из диахронической морфологии славянских и Балтийских языков, Вильнюс, 1978.
Иванов В. В. Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка, ВЯ, 1956, 2.
Иванов В. В. Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии, ВМГУ, 1957, 2.
Иванов В. В. Проблема языков centum и satəm, ВЯ, 1958, 4.
Иванов В. В. Типология и сравнительно-историческое языкознание, ВЯ, 1958, 5.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит, М., 1960.
Иванов В. В. Об исследовании древнеармянской фонологической системы в ее отношении к индоевропейской, ВЯ, 1962, 1.
Иванов В. В. Хеттский язык, М., 1963.
Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965.
Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском, М., 1963.
Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков, 1—2, М., 1971—1976.
Капанцян Г. А. Chetto-armeniaca. Сравнительно-лингвистическое исследование, выявляющее до 200 общих слов и форм, Ереван, М., 1931.
Капанцян Г. А. Хайаса—колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история, Ереван, 1947.
Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы, 1—2, Ереван, 1956—1975.
Кацнельсон С. Д. Теория сонантов Ф. Ф. Фортунатова и ее значение в свете современных данных, ВЯ, 1954. 6.
Кацнельсон С. Д. Сравнительная акцентуация германских языков, М.—Л., 1966.
Климов Г. А. О лексико-статистической теории М. Сводеша, «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961.
Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964.
Климов Г. А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований, Л., 1971.
Климов Г. А. Типология языков активного строя, М., 1977.
Климов Г. А. Общеиндоевропейский и картвельский, ВЯ, 1978, 4.
Клычков Г. С. Типологическая гипотеза реконструкции и.-е. праязыка, ВЯ, 1963, 5.
Косян В. А. Роль индоевропейских корней в основном словарном фонде армянского языка, ИАН Арм. ССР, 1956, 9.
Косян В. А. Лексическое значение индоевропейских корней в армянском языке (автореферат диссертации), Ереван, 1953.
Кумахов М. А. Теория моновокализма и западнокавказские языки, ВЯ, 1973, 6.
Кусикьян И. К. Очерки исторического синтаксиса литературного армянского языка, М., 1959.
Леман У. Ф. Об армянской системе смычных и ее соотношение с протоиндоевропейской системой, ВЯ, 1961, 4.
Линдсей В. М. Краткая историческая грамматика латинского языка, М., 1948.
Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков, М., 1954.
Макаев Э. А. Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков. ТИЯ АН Груз. ССР, серия восточн. яз., II, Тбилиси, 1957.
Макаев Э. А. Передвижение согласных в армянском языке, ВЯ, 1961, 6.
Макаев Э. А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М.—Л., 1964.
Макаев Э. А. Армяно-индоевропейские лексические изоглоссы и ареальная лингвистика, ZPhSK, 20, 5—6, 1967.
Макаев Э. А. Значение армянского языка для реконструкции общеиндоевропейского состояния, ИФЖ, 1967, 4.
Макаев Э. А. Проблема детерминативов в индоевропейском и общегерманском, ВЯ, 1969, 1.
Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970.
Макаев Э. А. Армяно-кельтские изоглоссы, «Кельты и кельтские языки», М., 1974.
Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания, М., 1977.
Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938.

Мейе А. Общеславянский язык, М., 1951.
Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954.
Мельничук А. С. Следы взрывного ларингального в и.-е. языках, ВЯ, 1960, 3.
Мельничук А. С. О генезисе и.-е. вокализма, ВЯ, 1979, 5—6.
Мсериани Л. Этюды по армянской диалектологии. 1—2. Сравнительная фонетика и морфология мушского диалекта в связи с морфологией грабара и среднеармянского, СПб.,1897—1901.
Мыркин В. Я. Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в и.-е. аспекте, ВЯ, 1964, 5.
Нерознак В. П. Палеобалканские языки, М., 1978.
Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка, М., 1949.
Новое в лингвистике, 1—7, М., 1960—1975.
Общее и индоевропейское языкознание, М., 1956.
Общее языкознание. Методы лингвистических исследований, М., 1973.
Опыт историко-типологического исследования иранских языков, 1—2, М., 1975.
Отрембский Я. Н. По поводу армянского консонантизма, ВЯ, 1961.
Палмайтис М. Л. Праязык—генетическая или контактная общность? ВЯ, 1978, 1.
Патканов К. Исследование о составе армянского языка, СПб., 1964.
Патканов К. Исследование о диалектах армянского языка, СПб, 1869.
Патканов К. Материалы для армянского словаря, СПб, 1—2, 1882—1884.
Перльмуттер И. А. Об оппозиции «переходность—непереходность в системе и.-е. глагола, ВЯ, 1974, 3.
Перльмуттер И. А. Общеиндоевропейский и греческий глагол, М., 1977.
Пизани В. Об армянских отражениях индоевропейских взрывных, ВЯ, 1961, 4.
Пизани В. К индоевропейской проблеме, ВЯ, 1966, 4.
Порциг В. Членение индоевропейской языковой области, М., 1964.
Проблемы реконструкции (тезисы докладов), М., 1978.
Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954.
Савченко А. Н. Происхождение среднего залога в и.-е. языке, Ростов, 1960.
Савченко А. Н. Проблемы системной реконструкции праязыковых состояний, «Baltistica», Вильнюс, 1973.
Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков, М., 1974.
Сараджева Л. А. Об армяно-славянских лексико-семантических изоглоссах, ВЕУ, 1974, 3.
Сараджева Л. А. Сравнительно-типологическое исследование цветовых обозначений в древнеармянском и старославянском языках, ИФЖ, 1976, 4.
Сараджева Л. А. Армяно-славянские лексико-грамматические параллели, Ереван, 1980.
Сафаревич Я. Развитие формативов времени в и.-е. глагольной системе, «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964.
Семереньи О. Славянская этимология на и.-е. фоне, ВЯ, 1967, 4.
Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, М., 1974.
Симонян Н. М. Индоевропейские архаизмы армянских диалектов (автореферат диссертации), Ереван, 1979.
Славянское и балканское языкознание, М., 1977.
Соссюр Ф., де, Труды по языкознанию, М., 1977.
Сравнительная грамматика германских языков, 1—4, М., 1962—1966.
Степанов Ю. С. Методв и принципы современной лингвистики, М., 1975.
Томсон А. Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса, СПб, 1890.
Топоров В. Н. Прусский язык. 1—3, М., 1975—1980.
Тохарские языки (сборник статей под редакцией и со вступительной статьей В. В. Иванова), М., 1959.
Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка, М., 1960.
Тронский И. М. Древнегреческое ударение, М.—Л., 1961.
Тронский И. М. Общеиндоевропейское состояние, Л., 1967.

Туманян Э. Г. Морфологический анализ и.-е. терминов, обозначающих животных в армянском языке, ВЯ, 1968, 5.
Туманян Э. Г. Древнеармянский язык, М., 1971.
Туманян Э. Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке, М., 1978.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, 1—4, М., 1964—1973.
Фейди Ф. Заметки по армянскому консонантизму, ВЯ, 1961, 5.
Хачатурова Е. Г. Об армяно-индийских лексических изоглоссах, ИФЖ, 1973, 2.
Хачатурова Е. Г. Древнейшие армяно-индоевропейские языковые контакты (автореферат диссертации), Ереван, 1975.
Ходорковская Б. Б. Италийский дентальный претерит и проблема латинского имперфекта, ВЯ, 1979, 3.
Чатерджи С. К. Введение в индоарийское языкознание, М., 1977.
Шанидзе А. Этимологические заметки, ИАН СССР, 27, 1968.
Шантрен Н. Историческая морфология греческого языка, М., 1953.
Широков О. С. Армяно-греческие этногенетические контакты по данным сравнительно-исторической фонологии, ИФЖ, 1977, 1.
Эдельман Д. И. К теории языкового союза, ВЯ, 1978, 3.
Эрну А. Историческая морфология латинского языка, М., 1950.
Этимологический словарь славянских языков, 1—6, М., 1974—1979.

3. На иностранных языках

Adjarian H. Croisement des mots en arménien, MSL, 1898, 10.
Adjarian H. Les explosives de l'ancien arménien étudiées dans les dialectes modernes PIROLPE, 1899.
Adjarian H. De l'affinité du grec et de l'arménien, "Melanges E. Boisacq", 1937.
Adontz N. Quelques étymologies arméniennes. AIPh, 5, 1937.
Adontz N. Denys de Thrace et les commentateurs arméniens, Louvain, 1970.
Adrados F. R. Evolución y estructura del verbo indoeuropeo, Madrid, 1963.
Adrados F. R. Hethitische Endungen und indogermanisches Verb,FL, 5, 3-4, 1971.
Ajello R. La traduzione armena dei composti nominali greci in -φορος del testo biblico, SSL, 11, 1971.
Allen W. S. Notes on the phonetics of an Eastern Armenian speaker, TPhS, 1950.
Atayan E. Armenische Etymologien, KZ, 89, 1, 1975.
Ancient Indo-European dialects, Berkles and Los Angeles, 1966.
Anttila R. Proto-Indo-European Schwebeablaut, Berkley and Los Angeles, 1969.
Austin W. M. Is Armenian an Anatolian Language? Lg, 18, 1942.
Bailey H. W. Armeno-Indoiranica, TPhS, 1956.
Bailey H. W. Iranian in Armenian, REA, 2, 1964.
Bailey H. W. Zoroastrian problems in the ninth century books, Oxford, 1971.
Băltăceanu F. Description phonologique du vocalisme de l'arménien classique, PICL, 10, 4, Bucureşti, 1970.
Bănăţeanu V. La terminologie des arbres dans la langue arménienne, SCL, 11, 3, 1960.
Bănăţeanu V. Sufixe urartica în armeană clasică, SCL, 11, 1960.
Bănăţeanu V. Terminologia arborilor în limba armeană, SCL, 11, 1960.
Bănăţeanu V. Urartean suffixas in Classic Armenian, RdL, 6, 1, 1961.
Bănăţeanu V. L'element **-r** medio-passif en arménien classique, RdL, 10, 1965.
Baric' H. Eine armenisch-thrakische Wortparallele, AAS, 4, 1, 1959.
Bartholomae Ch. Indogermaniche **sh** und **skh**, SIS, 2 1891.
Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904 (Berlin,1961²).
Bartoli M. Studi sulla stratificazione dei linguaggi ario-europei, 1, 2. Germanico e l'armeno, AGI, 25, 1931—1933.
Barton Ch. The etymology of Armenian **ertᶜam**, Lg, 39, 1963.
Barton Ch. A re-examination of the htstorical morphology of the Old Armenian verbs with a classification of stems from the point of comparativ Indo-European linguistics, New York, 1965.

Barton Ch. The verbs "linim" and „elanim" in Old Armenian, "Studies in honor of J. A. Kerns", The Hague, 1970.
Barton Ch. The Armenian strong aorist, REA, 10, 1973—1974.
Bédirian P. Système des alternance vocalque en pré-arménien, R, 109, 1975.
Belardi W. Arm. "kox", RL, 1, 1950.
Belardi W. Arm. **nerkanem, p^{c}ayt** e **payt^{c}em**, RL, 1. 1950.
Belardi W. Λέξεις, RL, 1, 1950.
Belardi W. Iranico **spara-**, armeno **sark^{c}** , AION, 2, 1, 1960.
Belardi W. Sull'origine delle voci armene antice composite con **pat-**, RL, 5, 1962.
Benveniste E. Titres iraniens en arménien, REA, 1929.
Benveniste E. Les nominatifs arménens en **-i**, REA, 1930.
Benveniste E. Origines de la formation des noms en indoeuropéen, Paris, 1935.
Belveniste E. Tokharien et indo-européen, "Hirt-Festchrift", 2, Heidelberg, 1936.
Benveniste E. Etudes iraniennes. 3. Emprunts iraniens en arménien, TPhS, 1945.
Belveniste E. Préterit et optatif en indo-européen, BSL, 47, 1950.
Benveniste E. Mots d'emprunt iraniens en arménien, BSL, 53, 1958.
Benveniste E. Sur la phonétique et syntaxe de l'arménien classique, BSL, 54, 1959.
Benveniste E. Etudes sur la langue ossète, Paris, 1959.
Benveniste E. Hittite et indoeuropéen, Paris, 1962.
Benvenist E. Eléments parthes en arménien, REA, 1, 1964.
Benveniste E. Arménian **aregakn** "soleil" et le formation nominale en **-akn**, REA, 2, 1965.
Benveniste E. Une correspondance indo-européenne en arménien, REA, 3, 1966.
Benveniste E. Le developement des mots comosée in arménien classique, REA, 4, 1967.
Benveniste E. Traduction arménienne de composés grecs, REA, 5, 1968.
Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-europpéennes, 1—2, Paris, 1969.
Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1908—1913.
Birnbaum H. Genetische, typologische und universale Linguistik, FL, 7,3—4, 1975.
Bloomfield M. Indo-European **ozdos**, Greek ὄζος, Germanic **asts** etc., Lg, 3, 1927.
Boisacq E. Dictionnaire étymologique de langue grecque, Heidelberg, 1923, 1949^{4}.
Bolognesi G. Etimologie armene, ASGM, 1, 1948.
Bolognesi G. Sul prefisso negativo **t-** in armeno, RSO, 23, 1948.
Bolognesi G. In margine ai temi in nasale dell'armeno classico, ASGM, 2, 1949.
Bolognesi G. Sulla flessione nominale armena di **hayr** "padre", **mayr** "madre", **elbayr** "fratello", ASGM, 1, 2, 1949.
Bolognesi G. Nuovi contributi per un studio etimologico e comparato del lessico armeno, "Aevum", 23, 1949; 24, 1950.
Bolognesi G. Armeno **erer**, RL, 2, 1951.
Bolognesi G. Sul vocalismo degli imprestiti iranici in armeno, RL, 2, 1951.
Bolognesi G. Armeno **erbuc**, RL, 3, 1954a.
Bolognesi G. Ricerche sulla fonetica armena, RL, 3, 1954b.
Bolognesi G. Le fonti dialettali imprestiti iranici in armeno, Milano, 1960.
Bolognesi G. Note iraniche e armeno, ASGM, 1960.
Bolognesi G. Rapporti lessicali tra l'armeno e l'iranico, Milano, 1962.
Bolognesi G. Studi armeni, RL, 5, 1962.
Bolognesi G. Problemi di geografia lingvistica relativi all'area iranica e armena, "Actas del V Congreso International de Estudies Liguisticos del Mediterrane", Madrid, 1977.
Bomhard A. R. The Indo-European-Semitic hypothesis reexamined, JIES, 5, 1977.
Bonfante G. I dialetti indoeuropei, AION, 9, 1931.
Bonfante G. Les isoglosses greco-arméniennes, "Melanges H. Pedersen", Copenhague, 1937.
Bonfante G. La position du hittite parmi les langues indoeuropéennes, RCPH, 18, 1939.
Bonfante G. The Armenian aorist, JAOS, 62, 1942.

Bonfante G. Armenians and Phrygians, AQ, 1, 1946.
Bonfante G. Indo-Hittite and areal linguistics, AJPh, 57, 4, 1946.
Brandenstein W. Die erste "indogermanische" Wanderung, Wien, 1936.
Brandenstein W., Mayrhofer M. Antiguo persa, Madrid, 1958.
Brockelmann K. Die griechischen Fremdwörter im Armenischen, ZDMG, 47, 1894.
Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 1—2, Strassburg, 1897—1916².
Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1904.
Buck C. D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages, Chicago and London, 1949 (1965²).
Bugge S. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache, I, Christiania 1889; II, KZ, 32; III, IF, 1.
Bugge S. Etruskisch und Armenisch, Christisania, 1890.
Bugge S. Über den Einfluss der armenischen Sprache auf die Gotische, IF, 5, 1895.
Bugge S. Lykische Studien. Christiania, 1897.
Burrow T. The Sanskrit language, London, 1955.
Chantraine P. Les aoristes athématiques à voyelle longue en grec ancien, MSL, 23, 1927.
Chantraine P. Grammaire homérique, I, Paris, 1948.
Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, 1—4 (1), Paris, 1968—1977.
Chen M. Relative chronology: three methods of reconstruction, JL, 12, 1976.
Connolli M. J. A descriptive normalization of the Classical Armenian nominal system, REA, 9, 1972.
Čop B. Etyma, L, 1, 1955.
Čop B. Die indogermanische Deklination im Lichte der indo-uralischen vergleichenden Grammatik, Ljublana, 1975.
Cowgill W. Greek **ou** and Armenian **oč**ᶜ, Lg, 36, 1960.
Cuendet G. L'imperatif dans le texte grec et les versions gotique, arménienne et vieux slave des Evangiles, Paris, 1924.
Cuny A. L'hypothèse "anatolienne" pour l'arménien, REIE, 4, 1947.
Cuny A. Un archaïsme commun au latin et à l'arménien, REA, 49, 1947.
Current trends in linguistics. II. Diacronic, areal and typological linguistics, The Hague, 1973.
Deeters G. Armenisch und Südkaukasisch. Ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung, C, 3, Leipzig 1926.
Dervischjan S. Das altarmenische R, Wien, 1877.
Detscew D. Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957.
Detschew D. Charakteristik der thrakischen Sprache, LB, 2, 1960.
Devoto G. Origini indoeuropee, Firenze, 1962.
Directions for historical linguistics, Austin (Texas), 1969.
Djahukian G. B. La système de la déclinasion en ancien arménien et son origine, REA, 2, 1965.
Djahukian G. B. Armenische Miszellen, "Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata", 2, Roma, 1969.
Djahoukian G. B. L'arménien et des anciennes langues indoeuropéennes, REA, 10, 1973—1974.
Djahukian G. B. Die Bedeutung der ersten (indogermanischen) und der zweiten (inner-armenischen) Palatalisierung für die Konstituirung des armenischen Konsonanten-Systems, KZ, 89, 1975.
Dowsett C. J. F. Armenian **tēr, tikin, tiezerk**ᶜ, "Ecole des Langue Orientale . . . 1914—1964", Paris, 1964.
Dowsett C. J. F. Armenian **niwt**ᶜ, **niwtᶜem; hiwt**ᶜ, **hiwtᶜem**, REA, 2, 1965.
Dressler W. Armenisch und Phrygisch, HA, 1964.
Dressler W. Altarmenisch **awr awur** "Tag für Tag", REA, 6, 1969.

Dressler W. Das Altarmenische und die Phonologietheorie, HA, 1970, 1—12.
Dressler W. Some constraints on phonological change, "Papers 7th Regional Meetings Chicago Lingistic Society", 1971.
Dumézil G. Arménien **baljal, ilj**, REIE, 1, 1938a.
Dumézil G. Latin **crēdō**, arménien **arit^c**, RPH, 12, 1938b.
Dumézil G. Le plus vieux nom arménien du "jeune homme", BSL, 39, 1938c.
Dumézil G. Le prefixe verbale moyen-arménienne **gu**, BSL, 39, 1938d.
Dumézil G. Traitement de **m-p** en arménien, BSL, 39, 1938e.
Dumézil G. Séries d'etymologies arméniennes, BSL, 40, 1939; 41, 1940; TPhS, 1947.
Дуриданов И. Езикът на траките, София, 1946.
Duridanov I. Die Stellung des Thrakischen im Kreise der indoeuropäischen Sprachen, "Thracia", 1.
Ellegard A. Statistical measurement of linguistic relationship, Lg, 35, 1959.
Ernout A., Meillet A. Dictionnare étymologique de la langue latine, Paris, 1959^4.
Essabal P. IE initial **bh-** in Armenian, SL, 18, 1964.
Etymologie. Herausgegeben von R. Schmitt, Darmstadt, 1977.
Evangelisti E. L'imperfetto armeno e l'uso preteritale dell'ottativo indoeuropeo, Arona, 1955.
Evidence for laringeals, Texas, 1960 ('s-Gravenhage, 1966^2).
Falc'hun F. La langue bretonne et la linguistique moderne, "Conférence universitaires de Bretagne", 1943.
Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, Leiden, 1939^3.
Feist S. Die Dialekte der indogermanischen Ursprache, „Mélanges... Pedersen", Copenhague, 1937.
Feydit F. Manuel de langue arménienne, Paris, 1948.
Feydit F. Remplacement du signe zéro dans le parfait arménien, BSL, 50, 1954.
Feydit F. Le système du verbe arménien classique, „Bazmavep", 114, 1956.
Feydit F. Cambiamenti di struttura del verbo armeno (tempi, modi e aspetti), ASGM, suppl. al vol. 6, Milano, 1956.
Feydit F. Considérations sur l'alphabet de Saint Mesrop, HA, 1962, 1—12; 1963, 9—12.
Feydit F. Problème de phonétique arméno-phrygienne (?), HA, 82, 1968.
Feydit F. Considération sur l'alphabet arménien, HA, 1976, 1—12.
Flexion und Wortbildung, „Akten der 5. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Regensburg, 9—14, Sept. 1973", Wiesbaden, 1975.
Fortunatov F. F. Armen. c^c =sj, BB, 7, 1883.
Fourquet J. Les mutations conconantiques du germanique, Paris, 1948.
Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—2, Heidelberg—Göttingen, 1960—1965.
Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952 (1—3. Ergänzungshefte, 1957—1966).
Frisk H. Suffixales **-th-** im Indogermanischen, GHÅ, 43, 2, 1936.
Frisk H. Etyma armeniaca, GHÅ, 50, 1944.
Frisk H. Substantiva privativa im Indogermanischen, GHÅ, 43 1948.
Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1—3, Heidelberg, 1960—1972.
Frisk H. Kleine Schriften zur Indogermanistik und zur griechischen Wortkunde, Göteborg, 1966.
Furnée E. J. Die wichtigsten konconantischen Erscheinungen des Vorgriechischen, The Hague, 1943.
Gauthiot R. Iranica. 1. A propos des mots parthes empruntés par l'arménien, MSL 19, 1906.
Georgiev V. Eine gemeinsame Lauteigentümlichkeit des Albanischen, Phrygischen, Armenischen und des Gutturalproblem, KZ, 64, 1937.
Георгиев В. Тракийският език, София, 1957.
Georgiev V. Albanisch, Dakisch-Mysisch und Rumänisch, LB, 2, 1960.

Georgiev V. Introduzione alla storia delle lingue indoeuropee, Roma, 1966.
Gjandschezian L. Beiträge zur altarmenischen Nominalbildungslehre, ZAPh, 1, 1903.
Godel R. Note sur arm. **linel** „devenir", CFS, 11, 1953.
Godel R. Les origines de la conjugaison arménienne, REA, 2, 1965.
Godel R. Les aoristes arméniens en -c^c-, „Studia classica e orientalia Antonino Pagliaro oblata", 2, 1969.
Godel R. Diachronic Armenian, „Current trends in linguistics", 6, The Hague, 1970.
Godel R. Questions de phonétique et de morphologie arméniennes, REA, 7, 1970.
Godel R. Quelques particularités du verbe arménien, „Melanges linguistiques offerts à E. Benveniste", Paris, 1975.
Gonda J. The character of the Indo-Europeen moods, Wiesbaden, 1956.
Grammont M. La métathèse en arménien „Mélanges... F. de Saussure" Paris, 1908.
Grammont R. Notes de phonétique générale. VI. Arménien classique, MSL, 20, 1918.
Gray L. The Armenian plural termination -k^c, „Word", 1, 1945.
Greppin J. A. C. On the developement of arm. **mukn** and **jukn**, REA, 8, 1971.
Greppin J. A. C. The armenian reflexes of IE **w** and **y**, REA, 9, 1972.
Greppin J. A. C. Initial vowel and aspiration in Classical Armenian, Wienna, 1973c.
Greppin J. A. C. A note on Arm. **hariwr**, Gk. ἀριθμος, KZ, 87, 1, 1973.
Greppin J. A. C. The origin of the Armenian nasal suffix, KZ, 87, 1973c.
Greppin J. A. C. The relationship of Arm. **-awn**, Gk. -ᾱύς, REA, 10, 1973—1974.
Greppin J. A. C. The *o/a* alternation in Classical Armenian, Venice (California).
Greppin J. A. C. Classical Armenian nominal suffixes, Wien, 1975a.
Greppin J. A. C. A note on Hitt. tarlā, 1975b.
Greppin J. A. C. Does IE **sV-** give Arm. **hV-**? KZ, 89, 1975c.
Greppin J. A. C. Initial vowel and aspiration in Classical Armenian, Wien, 1975d.
Greppin J. A. C. The interrelationship of Baltic and Armenian, Cleveland, 1976.
Greppin J. A. C. Classical and Middle Armenian bird names, New York, 1978.
Gusmani R. Lydisches Wörterbuch, Heidelberg, 1964.
Haas M. Historical linguistics and the genetic relationship of languages, „Current trends in linguistics", 3, The Hague, 1966.
Haas O. Ακούω—**ansam**, HA, 53, 1939.
Haas O. Über die phrygischen Sprachreste und ihre Verhältnis zum Armenischen, HA, 53, 1939.
Haas O. Das armenische Pluralzeichen -k^c, HA, 1940.
Haas O. Die phrygische Sprache im Lichte der Glossen und Namen, LB, 2, 1960.
Haas O. Armenier und Phryger, LB, 3,2, 1961a.
Haas O. Zur Vorgeschichte der armenischen Sprache, HA, 74, 1961b.
Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler, Sofia, 1966.
Hamp E. P. Armenisch **hariwr**, KZ, 72, 1955.
Hamp E. P. Notes on Eastern Armenian phonemics, ArO, 31, 1963.
Hamp E. P. Armenian **gišer**, Latin **vesper**, JKF, 4, 1995.
Hamp E. P. Three Armenian etymologies, REA, 3, 1966.
Hamp E. P. Two Armenian etymologies, REA, 4, 1967.
Hamp E. P. Hittite **utne-**, Greek οὖδας, „Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata", 3, Roma, 1969.
Hamp E. P. Armenian **harb**, **hars**, **harc^c**, REA, 6, 1969.
Hamp E. P. Sanskrit **duhitā**, Armenian **dustr**, and IE internal schwa, JAOS, 90, 1970.
Hamp E. P. On the nasal presents of Armenian, KZ, 89, 1975.
Heubeck A. 'ΕστFενδιυς—'Ασπενδος et Asitawandas ou Azitawadda d'Azitawandi. L'origine de l'arménien **astuac**, NClio, 5, 1953.
Hiersche R. Untersuchungen zur Frage der Tenues aspiratae im Indogermanischen, Wiesbaden, 1964.
Hirt H. Das indogermanische Ablaut vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung, Strassburg, 1900.
Hirt H. Indogermanische Grammatik, 1—7, Heidelberg, 1927—1937.
Hoffmann K. Das Kategoriensystem des indogermanischen Verbums, MSS, 28, 1980.

Hübschmann H. Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, KZ, 23, 1875.
Hübscmann H. Über die Aussprache und Umschreibung des Altarmenischen, ZDMG, 30, 1876.
Hübscmann H. Die Umschreibung der iranischen Sprachen und des Armenischen, Leipzig, 1882.
Hübschmann H. Armenische Studien, Leipzig, 1883.
Hübschmann H. Das indogermanische Vocalsystem, Strassburg, 1885.
Hübschmann H. Die altarmenischen Personnamen, Leipzig, 1893.
Hübschmann H. Armenische Grammatik, 1—2, Leipzig, 1895—1897.
Hübschmann H. Zur Chronologie der armenischen Vocalgesetze, SA, 1, 1898.
Hübschmann H. Die altarmenischen Ortsnamen, Strassburg, 1904.
Hübschmann H. Kleine Schriften zum Armenischen, Hildesheim, 1976.
Jakobson R. Typological studies and their contribution to historical comparativ linguistics, „Actes du 8e Congrès International des Linguists", Oslo, 1958.
Jensen H. Die altarmenische Aussprache **kh, ph, th,** „Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR", Berlin, 1957.
Jensen H. Altarmenische Grammatik, Heidelberg, 1959.
Jerejian A. The H/zero alternation in Classical Armenian, „Word", 2, 9, 1953.
Jucquois G. La structure des racines en indoeuropéen envisagée d'un point de vue statistique, LRB, 1967.
Jucquois G. La théorie de la racine en indoeuropéen, LL, 6—8, 1970—1972.
Jungmann P. Die Konjugationstypen des Altarmenischen, Neuwestarmenischen und heutigen Neuostarmenischen, MSS, 26, 1969.
Kammenhuber A. Zur Stellung des Hethitisch-Luvischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache, KZ, 77, 1961.
Kammenhuber A. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyfenluwisch, „Altkleinasiatische Sprachen", Leiden, 1969.
Karst J. Die Aussprache und Vocalismus des Kilikisch-Armenischen, Strassburg, 1899.
Karst J. Historische Crammatik des Kilikisch-Armenischen, Strassburg, 1901.
Karst J. Berührungspunkte in der Pluralbindung des Armenischen und der kaukasischen Sprachen, Leiden, 1904.
Karst J. Zur ethnischen Stellung der Armenier, „Hušarjan", Wien, 1911.
Karst J. Geschichte der armenischen Philologie, Heidelberg, 1930.
Karstien H. Das slavische Imperfekt und der armenische **-açe**-Aorist, „Vasmer-Festschrift", Wiesbaden, 1955.
Kerns J. A. The imperfect in Armenian and Irish, Lg, 15, 1939.
Kerns J. A., Schwartz B. On the Placing of Armenian, Lg, 18, 1942.
Kerns J. A., Schwartz B. A sketch of the Indo-European finite verb, Leiden, 1972.
Kiparsky P. Phonological change, MIT, 1965.
Kiparsky P. The inflectional accent in Indo-European, Lg, 49, 1973.
Klingenschmitt G. Griechisch ἱλάσκεσθαι, MSS, 28, 1970.
Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Berlin, 1960[18].
Knobloch J. Zu armenisch **erkin** „Himmel", **erkir** „Erde", HA, 75, 1961.
Knobloch J. Die Brücke—eine griechisch-armenische Isoglosse? KZ, 89, 1975.
Kortlandt F. H. H. A note on Armenian palatalisation, AZ, 89, 175.
Kortlandt F. H. H. Notes on Armenian historical phonology, SC, 3, 1976.
Kortlandt F. H. H. Proto-Indo-European obstruents, IF, 83, 1979.
Krahe H. Die Sprache der Illyrer. I. Die Quellen (II. *Simone G.* Die messapischen Inschriften. *Untermann J.* Die messapischen Personennamen), Wiesbaden, 1955. (—1964).
Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896.
Kronasser H. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen, Heidelberg, 1956.
Kurylowicz J. Des désinences moyennes de l'indo-européen, BSL, 33, 1932.

Kuryłowicz J. Etudes indoeuropéennes, Kraków, 1935.
Kuryłowicz J. L'accentuation des langues indoeuropéennes, Kraków, 1953.
Kuryłowicz J. L'apophonie en indoeuropéen, Wrozław, 1956.
Kuryłowicz J. Indogermanische Grammatik, 2, Akzent, Ablaut, Heidelberg, 1964.
Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European, Heidelberg, 1964.
Kuryłowicz. J. Phonologisches zum Problem der indogermanischen stimmlosen Aspiraten, BPTJ, 1973.
Lagarde P., de, Vergleichung der armenischen Consonanten mit denen des Sanskrit, ZDMG, 4, 1850.
Lagarde P., de, Zur Urgeschichte der Armenier, Berlin, 1854.
Lagarde P., de, Gesammelte Abhandlungen, Leipzig, 1866.
Lagarde P., de, Armenische Studian, Cöttingen, 1877.
Lagarde P., de, Symmicta, Cöttingen, 1877.
Lamberterie Ch., de, Les occlusives sonorés aspirés de l'arménien classique, REA, 10, 1973—1974.
Laroche E. Dictionnaire de la langue hittite, Paris, 1959.
Laroche E. Etudes lexicales et étymologique sur le hittite, 6, **siya-** et **samana-**, BSL, 58, 1963.
Lazzeroni R. Ipotesi sulla vocale protetica davanti a **-r-** in greco e in armeno, ASNP, 27, 1958.
Lehmann W. P Proto-Indo-European phonology, Austin (Texas), 1952.
Lehman P. H. Historical linguistics, New York, 1962.
Leroy M. Sur un emploi de composés arméniens, REI, 1, 2—3, 1938.
Leroy M. Armenian „i miasin", AQ, 1. 1, 1946.
Leroy M. Les composés arméniens en **-pet**, AIPhHOS, 15, 1958—1960.
Leroy M. Suffixes d'origine iranienne dans la toponymie arménienne, SOM, 4, 1961.
Leroy M. Les mots arméniens en **-arēn**, „Ecole des Langue Orientale...1914—1964". Paris, 1964.
Leroy M. Les arméniens, leur langue et leur litterature, AIPHOS, 17, 1963—1965.
Lidén E. Armenische Studien, Göteborg, 1906.
Lidén E. Ein Beitrag zur armenischen Lautgeschichte, „Hušarjan", Wien, 1911.
Lidén E. Armeniaca, GHÅ, 39, 2, 1933.
Lindeman F. O. Note sur l'origine de l'arménien classique **unim**, REA, 10, 1973—1974.
Lindeman F. O. Note sur l'origine du verbe **linim**, aoriste **elē** en arménien classique, REA, 10, 1973—1974.
Lindeman F. O. Sur la formation du subjonctif aoriste du type de **pʿaxeaycʿ**, **pʿaxicʿe** en arménien classique, REA, 11, 1975—1976.
Lindeman F. O. Remarques sur le verbe **yarnem, yareay** en arménien ancien, REA, 12, 1977.
Lyonnet S. Le parfait en arménien classique, Paris, 1933.
Mann S. E. Armenian and Indo-European, London, 1963.
Mann S. E. An Armenian historical grammar in Latin characters, London, 1968.
Mariès L. Sur la formation de l'aoriste et des subjonctifs en **-ç-** en arménien, REA, 10. 1930.
Markwart J. Historische Data zur Chronologie der Vocalgesetze im Armenischen, C, 7, 1931 (см. также „Hušarjan", Wien, 1911).
Marie H. A., de. Ursprung und Entwickelung der Lautverschiebungen im Germanischen, Armenischen und Ossetischen, Hannover, 1863.
Martinet A. Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique, Berne, 1955.
Martinet A. Some cases of **-k-/-w-**Alternation in Indo-European, Word, 1956, 1.
Martirossian N. Ein Erklärungsversuch der hethitischen Kasusendung **-az**, C, 1.
Mayer A. Die Sprache der alten Illyrer, 1—2, Wien, 1957—1959.
Mayrhofer M. Das Gutturalproblem und das idg. Wort für „Hase", „Studien zur idg. Grundsprache", Wien, 1952.

Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, 1—3, Heidelberg, 1956—1976.
Mayrhofer M. Die Arier im vorderen Orient—ein Mythos? Wien, 1974.
Meillet A. Position dialectale de l'arménien, MSL, 9, 1895.
Meillet A. Introduction a l'étude comparative des langues indo-européennes, Paris, 1903 (1938[8]).
Meillet A. Les dialectes indoeuropéens, Paris, 1908 (1922[2]).
Meillet A. Les nouvelles langues indo-européennes trouvées en Asie Centrale, RM, 14, 1912.
Meillet A. Altarmenisches Elementarbuch, Heidelberg, 1914.
Meillet A. Sur une famille de mots arméniens, REA, 1, 1921.
Meillet A., Benveniste E. Grammaire du Vieux-Perse, Paris, 1931.
Meillet A. De la prothèse vocalique en grec et en arménien, BSL, 27, 1932.
Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1936[2].
Meriggi P. Hieroglyphisch-hethitisches Glossar, Wiesbaden, 1962[2].
Mey L. Was Bartolomae really a Grassmann? NIL, 26, 1, 1972.
Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, Strassburg, 1891.
Minassian M. Le passif en arménien classique, REA, 11, 1975—1976.
Minshall R. Intitial Indo-European /y/ in Armenian, Lg, 31, 1955.
Müller F. Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indo-germanischen Sprachen, „Geroid", 1877.
Neumann G. Substrate im Germanischen? Göttingen, 1971.
Normier P. Idg. Konsonantismus, germ. „Lautverschiebung" und Vernersches Gesetz, KZ, 91, 1977.
Osthoff H. Zur armenischen Laut- und Wortforschung, SA, 2, 1901.
Osthoff H. Etymologische Parerga, 1, Leipzig, 1909.
Pedersen H. Albanesisch und Armenisch, KZ, 36, 1900.
Pedersen H. Les pronoms démonstratifs de l'ancien arménien, Copenhague, 1905.
Pedersen H. Zur armenischen Sprachgeschichte, KZ, 38, 1905.
Pedersen H. Armenisch und Nachbarsprachen, KZ, 39, 1906.
Pedersen H. Armenier, „Reallexikon der Vorgeschichte", 1, Berlin, 1924.
Pedersen H. Le groupement des dialectes indoeuropéens, DVS, 9, 1925.
Pedersen H. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, Kopenhagen, 1938.
Pedersen H. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung, Kopenhagen, 1941.
Pedersen P. Lykisch und Hethitisch, Kopenhagen, 1945.
Périkhanian A. Notes sur le lexique iranien et arménien, REA, 5. 1968.
Persson P. Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation, Uppsala, 1891.
Persson P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, 1—2, Uppsala, 1910—1912.
Petersson H. Studien über die indogermanischen Heteroklisie, Lund, 1912.
Petersson H. Arische und armenische Studien, Lund, 1920.
Petersson H. Etymologische Miszellen, Lund, 1923.
Pisani V. Zum armenischen Personalpronomen, IF, 1, 1932.
Pisani V. Contributi armeni, GSAI, 3, 1934.
Pisani V. Armeniaca, KZ, 61, 1934.
Pisani V. Mytho-etymologica, REIE, 1, 1938.
Pisani V. Geolinguistica e indoeuropeo, ARANL, 1940.
Pisani V. Armenische Studien, KZ, 68, 1944.
Pisani V. Lezioni di armeno, Milano, 1946.
Pisani V. La palatalizzazione armena, ASGM, 1948.
Pisani V. Glottologia indoeuropea, Torino, 1949 (1952[2]).
Pisani V. Studi sulla fonetica dell'armeno, RL, 1, 1950; 2, 1951.
Pisani V. L'albanais et les autres langues indoeuropéenees, „Melanges H. Gregoire", 2, Bruxelles, 1951.
Pisani V. Note linguistiche, RSO, 27, 1952.

Pisani V Lexikalische Bez_ehungen des Albanesischen zu den anderen indogermanischen Sprachen, JKF, 31, 1955.
Pisani V. Saggi di linguistica storica, Torino, 1959.
Pisani V. Obiter scripta 7, P. 14, 1959.
Pisani V. Der Gott als Verteiler und armenisch **astuac**, HA, 75, 1961.
Pisani V. **Uxor.** Richerche di morfologia indoeuropea, „Miscellanea Giovanni Galbiati", 3, Milano, 1961.
Pisani V. Armenish **hariwr.** Ein Versuch, HB, 1964.
Pisani V. Zur Bildung des Ablativs der Einzahl im Hethitischen und im Armenischen, JKF, 4, 1965.
Pisani V. Armenische Miscellen, „Die Sprache", 12, 2, 1966.
Pisani V. Wörter auf **-r** für „Weib", „Ehefrau", ABS, 3, 1966.
Pisani V. Zum armenisehen Pluralzeichen **-k**^{c}, KZ, 89, 1, 1975.
Pisani V. Note di etimologia e morfologia armene, HA, 1976, 1—12.
Pisowicz A. Le developpment du consonantisme arménien, Kraków, 1976.
Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, 1-2, Bern und München, 1959—1969.
Polomé E. Reflexes de laryngales en arménien, AIPhHOS, 10, 1950.
Porzig W. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954.
Poulthney J. W. Evidence for Indo-European alternation of initial /g^{w}/ and /w/, Lg, 39, 1963.
Puhvel J. Laryngeals and the Indo-European verb, Berkley and Los Angeles, 1960.
Reichelt H. Awestisches Elementarbuch, Heidelberg, 1909.
Reichenkron G. Vorrömische Bestandteile des Rumänischen. III. Albanish-rumänisch-armenische Gleichungen, RL, 9, 1958.
Reichenkron G. Armeniaca, HA, 75, 1961; 80, 1966.
Restelli G. Innovazioni communi ad antichi dialetti greci e a lingue indoeuropee non greche, P, 18, 1963.
Safarewicz J. Les désinences moyennes primaires de l'indo-européen, BIAP, 7—10, 1938.
Scardigli P. G. Per una valutazione linguistica della versione armena dei Vangeli, RRAL, 14, 1960.
Scheftelowitz J. Zur altarmenischen Lautgeschichte, BB, 29, 1904.
Scardigli P. G. Aspekte der armenischen Etymologie, HA, 75, 1961.
Scheftelowitz J. Zur altarmenischen Lautgeschichte, BB, 29, 1904.
Schields K. Evidence of I.-E. **-bhi** in Tokharian, FL, 11, 3—4, 1977.
Schindler J. Hethitisch **lišši** „Leber", S, 12, 1966.
Schindler J. L'apophonie des noms-racines indo-européens, BSL, 67, 1972; 69, 1975.
Schindldler J. Armenisch **erkn,** griechish ὀδύνη, irisch **idu,** KZ, 89, 1975.
Schindler J. Armenisch **unim,** HA, 1976, 1—12.
Schmalstieg W. R. Speculations on the development of the I.-E. nominal inflection, FL, 10, 1—2, 1977.
Schmidt K. H. Dativ und Instrumental im Plural, G, 41, 1963.
Schmidt K. H. Historische Sprachvergleichung und ihre typologische Ergänzung, ZDMG, 116, 1, 1966.
Schmidt K. H. Transitiv und Intransitiv, „Indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft", Wiesbaden, 1973.
Schmitt R. Die Hesychglosse σάτιλλα, C, 44, 1967.
Schmitt R. Die Erforschung des Klassiisch-Armenischen seit Meillet (1936), K, 17, 1972 (1974).
Schmitt R. Die Namenkonstruktion im Altarmenischen, HA, 1976, 1—12.
Schultheiss T. Hethitisch und Armenisch, KZ, 77, 3—4, 1961.
Schulz A. Zur Frage über die Realität der Rekonstruktion, „Synchronischer und diachronischer Sprachvergleich", Jena, 1972.
Schwyzer E. Griechische Grammatik, 1—2, München, 1934—1950.
Schwyzer E. Ein armenisch-griechisches Nominalsuffix, MH, 3, 1946.

Scöld H. Die lateralen Konsonanten des Armenischen, MA, 1927.
Solta G. R. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, Wien, 1960.
Solta G. H, Die armenische Sprache, „Handbuch der Orientalistik", 1. 7, 1963.
Solta G. R, Palatalisierung und Labialisierung, IF, 70, 1965.
Solta G. R. Der hethitische Imperativ der 1. Person Singular und das idg. i-Formans als quasi-desideratives Element, IF, 75, 1970.
Solta G. R. Zum armenischen Ordinalsuffix **ord,** HA, 1976, 1—12.
Somer F. Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947.
Specht F. Zur Geschichte der Verbalklasse auf -ē, KZ, 62, 1939.
Specht F. Sprachliches zur Urheimat der Indogermanen, KZ, 66, 1939.
Specht F. Die Ausbreitung der Indogermanen, Berlin, 1944.
Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1947.
Stang Ch. Perfektum und medium, NTS, 6, 1932.
Stang Ch. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen, Oslo, 1966.
Szemerényi O. Studies in the Indo-European system of numerals, Heidelberg, 1960.
Szemerényi O. Syncope in Greek und Indo-Furopean and the nature of Indo-European accent, Naples, 1964.
Szemerényi O. Structuralism and substratum, L, 13, 1964.
Szemerényi O. Iranica 2, S, 12, 1966.
Szemerényi O. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970.
Thieme P. Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache, AGSK, Mainz, 1954.
Thumb A. Die greichischen Lehnwörter im Armenischen, BZ, 9, 1900.
Torbiörnsson T. Armenisk akcentuering, „Kungl. Humanistiska Vetenskaps-samfundet i Uppsala", 1945.
Trubetzkoy N. S. Gedanken über das Indogermanenproblem, AL, 1, 1939.
Windekens, A. J., van, De Indo-Europeesche oorsprong van den meervoud suitgang **-kh** in het Armenisch, PhS, 10, 1938—1939.
Windekens A. J., van, Lexique étymologique des dialectes tokhariens, Louvain, 1941.
Windekens A, J., van, Les effets de l'intonation en tokharien et en arménien, REIE, 3, 1943.
Windekens A. J., van, L'origine de la nasale dans l'arménien **otn** „pied" et **jeŕn** „main" REIE, 1943, 2.
Windekens A. J., van, Note sur deux difficultés de la grammaire comparée arménienne, REIE, 3, 1943b.
Windekens A. J., van, Neue Studien zur Wortkunde des Tocharischen und des Armenischen, KZ, 68, 1944.
Windekens A. J., van, Arménien **hariwr,** REIE, 4, 1947.
Windekens A. J., van, L'origine d'arménien **hariwr** „cent", REIE, 4, 1947.
Windekens A. J., van, Recherches sur la morphologie comparée de l'arménien, REIE, 4, 1947.
Windekens A. J., van, „Le muséon", 64, 1947.
Windekens A. J., van, Le pélasgique, Louvain, 1952.
Windekens A. J., van, Notes étymologiques, AION, 1, 1954.
Windekens A. J., van, Sur trois mots arméniens: **bir, kamurǰ, hoĭm,** HA, 75, 1961.
Windekens A. J., van, L'origine ouralienne de gr. ὄναρ, arm. **anurǰ,** alb. ad∈rr∈ etc- „rêve", O, 12, 1963.
Windekens A. J., van, Essai de solution d'un vieux probleme : la formation d'arm. **kanay**-=**gr.** γυναι-„femme", HA, 78, 1964.
Windekens A. J., van, La formation d'arm. **sirem, sēr,** HA, 85, 1971.
Windekens A. J., van, L'origine étrangère et iranienne d'arm. **skund,** HA, 1976, 1—12.
Vogt H. Les deux thèmes verbaux de l'arménien classique, NTS, 4, 1930.
Vogt H. Les formes nominales du verbe arménien, NTS, 8, 1937.
Vogt H. Arménien et Caucasique du Sud, NTS, 9, 1938.
Vogt H. Les occlusives de l'arménien, 18, 1958.

Vogt H. Arménien et géorgien, HA, 75, 1961.
Walde A., Pokorny J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, 1—3, 1928—1932.
Watkins C. Indogermanische Grammatik, 3, 1, Heidelberg, 1969.
Weitenberg J. J. G. Armenisch ortᶜ „Weinstock, Rebe", griechisch πόρδος und hethitisch **paršdu-**, KZ, 89, 1, 1975.
Wikander S. Notes irano-arméniennes, LM, 36, 1948.
Wikander S. Problemes irano-arméniens, SL, 2, 1948.
Winter W. Problems of Armenian Phonology, 1—3, Lg, 30, 1954 31, 1955; 38, 1962.
Winter W. Armenian evidence for Proto-Indo-European laryngeals, „Evidence for laringeals", Austin (Texas), 1960.
Winter W. Traces of early dialectal diversity, „Ancient Indo-European dialects", Berkley and Los Angeles, 1966.
Winter W. Formal frequency and linguistic change, FL, 5, 1—2, 1969.
Winter W. Some widespread Indo-European titls, „Indo-European and Indo-Europeans", Philadelphia, 1970.
Winter W. Die Personalendungen des Imperfekts und Aorists im Armenischen, KZ, 89, 1975.
Wutz F. Onomastisches in ein armenischen Homerlexikon, „Orientalische Studien Fritz Hommel zum 60. Geburtstag gewidmet", 2. Leipzig, 1918.
Wyatt W. Indo-European /a/, Philadelphia, 1970.
Zabrocki L. Usilinienie i lenicja w językach indoeuropejskich i w ugrofinskim, Poznań, 1951.
Zeller H. Armenisch, „Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft", 2. Teil, 4. B., 2. Hälfte, Berlin und Leipzig, 1927.

СОКРАЩЕНИЯ

1. НАЗВАНИЯ КНИГ

ИАЯ —*Ачарян Р.* История армянского языка, I—II, 1940—51 (Աճառյան Հ., *Հայոց լեզվի պատմություն, 1—2, Երևան, 1940—1951*).

НС —*Аветикян Г., Сюрмелян Х., Авгерян М.* Новый словарь армянского языка, I—II, Венеция, 1836—1837 (Աւետիքեան Գ., Սիւրմելեան Խ. և Ավգերեան Մ., *Նոր բառգիրք հայկազեան լեզուի, Ա—Բ, Վենետիկ, 1836—1837*).

ЭС —*Ачарян Р.* Этимологический корневой словарь армянского языка, I—VII, Ереван, 1926—1935 (Աճառյան Հ. *Հայերեն արմատական բառարան, 1—7, Երևան, 1926—1935; 1—4², 1971—1979²*).

Pok. —*Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, 1—2, Bern und München, 1959—1969.

2. НАЗВАНИЯ ЖУРНАЛОВ И ДРУГИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И СЕРИЙНЫХ ИЗДАНИЙ

ԲԵՀ —*Բանբեր Երևանի համալսարանի* (см. также ВЕУ).
ՀԱ —*Հանդես ամսօրյա* (см. также НА).
ՀԳԱՏ —*ՀՍՍՀ ԳԱ տեղեկագիր, հասարակական գիտությունների սերիա* (см. также ИАН).
ԼՀԳ —*Լրաբեր հասարակական գիտությունների* (см. также ВОН).
ՊԲՀ —*Պատմա-բանասիրական հանդես* (см. также ИФЖ).
ՊՀԱ —*Երևանի պետական համալսարանի աշխատությունների ժողովածու.*
ՍԳ —*Սովետական գրականություն* (см. также СГ).
ВВ —Византийский временник.
ВЕУ —Вестник Ереванского университета.
ВМГУ —Вестник Московского государственного университета, историко-филологическая серия.

ВОН —Вестник общественных наук АН Арм. ССР.
ВЯ —Вопросы языкознания.
ДСИЯ —Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР.
ЗВО —Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества.
ЖМНП —Журнал Министерства народного просвещения.
ИАН —Известия Академии наук.
ИКГО —Известия Кавказского географического общества.
ИФЖ —Историко-филологический журнал.
МЯЯ —Материалы по яфетическому языкознанию.
СГ —Советакан граканутюн.
СМ —Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ТИЯ —Труды Института языкознания.
ТРАГФ —Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии.
УЗ ЕГРПИ —ученые записки Ереванского государственного русского педагогического института.
ХВ —Христианский Восток.
ЯС —Яфетический сборник.
AA —American Anthroplogist.
AAS —Arhiv za arbanasku starinu.
ABAW —Abhandlungen der ersten Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
Aev —Aevum.
AGI —Archivo glottologico italiano.
AGWG —Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Cöttingen, philosophisch-historische Klasse.
AION —Annali de l'Istituto orientale di Napoli (Sezione linguistica).
AIPh —Annales de l'Institut de philologie et de l'histoire.
AIPhHOS —Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientale et slave.
AJPh —American journal of philology.
AKM —Abhandlungen für die Kunde des Morgenlands.
AL —Acta linguistica.
AM —Asia Major.
Anthr. —Anthropos.
Anz.Wien —Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse der Akademie der Wissenschaften in Wien.
AO —Acta orientalia.
ArO —Archiv orientálni.
APAW —Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse.
AQ —Armenian Quarterly.
ARANL —Atti della Reale Academia Nazionale dei Lincei.
AGSK —Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaften.
Arm. —Armeniaca. Zeitschrift für die Erforschung der Sprache und der Kultur Armeniens, herausgegeben von Karl Roth.
ARW —Archiv für Religionswissenschaft.
ASGM —Atti del Sodilizio Glotogico Milanese.
ASGW (ASAW)—Abhandlungen der Sächsischen Gesellschaft (Akademie) der Wissenschaften, pilosophisch-historische Klasse.
ASNP —Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa.
BB —A. Bezzenbergers Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen.
BFOO —Berichte des Forschungsinstitut für Osten und Orient.
BIAP —Bulletin international de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres (classe de philologie; classe d'histoire et de philosophie).
BSL —Bulletin de la Société de Lingustique de Paris.
BPTJ — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego.

BSOS —Bulletin of the School of Oriental Studies.
BTLV —Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch Indie.
BZ —Byzantinische Zeitschrift.
C —Caucasica.
CFS —Cahiers Ferdinand de Saussure.
DVS —Danske Videnskabernes Selskab.
FL —Folia linguistica.
G —Glotta.
GGA —Göttingische Gelehrte Anzeiger.
GHÅ —Göteborg Högsskolas Årsskrift.
GSAI —Giornale di Societa Asiatica Italiana.
HA —Handes amsorya (Հանդես ամսօրյա).
IF —Indogermanische Forschungen.
IF Anz. —Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde.
IJ —Indogermanisches Jahrbuch.
JA —Journal Asiatique.
JAOS —Journal of the American Oriental Society.
JIES —Journal of Indo-European studies.
JKF —Jahrbuch für kleinasiatische Forschung.
JL —Journal of linguistics.
JRAS —Journal of the Royal Asiatic Society.
JWK —Jahrbücher für wissenshaftliche Kritik.
K —Kratylos.
KN —Kwartalnik neofilologiczny.
KS —Keleti szemle (Revue orientale).
KZ —Kuhns Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung.
L —Lingua.
Lc —Linguistica.
LB —Linguistique balkanique (Балканско езикознание).
Lg —Language.
LL —La linguistique.
LP —Lingua posnaniensis.
LRB —Linguistic research in Belgium.
MA —Monumenta armenologica.
MH —Melanges historiques.
MO —Le Monde oriental.
MSL —Mémoire de la Société de Linguistique de Paris.
MSS —Münchener Studien zur Sprachwissenschaft.
MVAG —Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft.
NClio —La nouvelle Clio.
NGG —Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, philosophisch-historische Klasse.
NJL —Norwegian journal of linguistics.
NO —Der Neue Orient.
NTS —Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap.
O —Orbis
OCh —Oriens christianus.
P —Paideia.
REA —Revue des études arméniennes.
R —Rendiconti, classe di lettere (Istituto Lombardo).
RBPH —Revue belge de philologie et d'histoire.
RdL —Revue de linguistigue.
REIE —Revue hittite et asianique.
RJ —Romanisches Jahrbuch.
RL —Ricerhe lingistiche.
RM —Revue du mois.

RRAL —Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei, Classe di sc. mor., stor. e filol.
RSO —Revista degli studi orientali.
S —Die Sprache.
SCL —Studii şi cercetări lingvistice.
SKAW —Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien.
SPAW —Sitzungsberichte der Preussischen Akademia der Wissenschaften.
SL —Studies in lingistics.
SIS —Studien zur indogermanischen Sprachgeschichte.
SSL —Studi e saggi linguistici (Pisa).
TPhS —Transactions of the Philological Society.
TTLV —Tijdshrift voor Tall-, Land- en Volkenkunde.
WZKM —Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlands.
ZAPh —Zeitschrift für armenische Philologie.
ZDMG —Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
ZII —Zeitschrift für Indologie und Iranistik.
ZPhSK —Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung.

УКАЗАТЕЛЬ АРМЯНСКИХ СЛОВ И МОРФЕМ*

-a 148
-(a)bar 87
acem 34, 56, 168, 170, 187, 188
-acᶜ 190
ačem 58, 171, 216
ačiwn 155, 217
ačuk 58, 216
-acᶜ- 178
ačᶜ-kᶜ 36, 63, 119, 217
-ag 134
aganim (haganim) „одеваю" 181, 229
aganim „ночую" 181, 229
agław 215
-(a)goyn 87
ahawadik 149
ahawanik 149
ahawasik 149
aǰ 61, 132
-ak 123
-akan (им. с.) 87
-akan (ф. мн. ч.). 92
akanǰ-kᶜ 114, 119, 222
akn „глаз" 95, 114, 118, 11., 220
akn „источник" 107, 114, 221
akn „драгоценный камень" 107, 221
-akᶜ (с.) 87
-akᶜ (гл.ок.) 165, 194, 195, 196, 197, 232
Akᶜillēs 124
alewr (aliwr) 27, 106, 221
ali-kᶜ 136
ał 25, 34, 39, 124, 172, 173
ałačᶜem 171, 180, 228
ałałem 172, 173
Abełeankᶜ 39
acanim 170
ałam 162, 165, 166
ałanj 61
aławni 3., 38, 74
aławri-kᶜ 73, 87, 100, 136
aławtᶜem 171, 180
aławtᶜ-kᶜ 171, 180, 228
ałaxin 94, 95, 220
ałb 173
ałbem 173
ałbewr (ałbiwr) 31, 42, 73, 92, 93, 445, 119, 220, 221
ałc 61
ałceal 61
ałeln 111, 112
ałem 172, 173
ałi 87
ałiǰ 122
ałǰ- 158, 226
ałǰałj 58
ałǰamułǰ 58
ałǰik 122
ałkałk 174
ałkałkim 174
ałkᶜat 134, 183
ałkᶜatanam 183
ałt „грязь" 25, 61, 68, 125
ałt- „темный" 216
ałt 124
ałuēs 127, 223
am 37, 43, 98, 100, 115, 134, 220
-am 156, 174, 182, 188, 195, 197
amam 175

* В указатель включены также собственные имена, встречающиеся в армянских текстах. При пользовании указателем следует иметь в виду следующее: 1) разновидности слов и глагольных окончаний, а также чередующиеся и супплетивные формы даются в скобках: ałbewr (ałbiwr), hanem (-um), lucanem (loyc-), gam (аор. ekł); 2) супплетивоые корневые формы приводятся также отдельно; 3) друвнеармянские глаголы даются в 1-м л. ед. ч. наст., вр. (-am, -em, -im, -um), диалектные глаголы—в форме инфинитива (-el, -il); 4) для омонимичных слов дается их значение в кавычках, для омонимичных морфем—краткая их характеристика в скобках; 5) формант мн. ч. -kᶜ при pluralia tantum дается через черточку; 6) применяются следующие сокращения: аор.—аорист; гл.—глагольный; им.—именной; м.—местоименный; ок.—окончание; пр.—префикс, приставка; с.—суффикс; ф.—формант; эл.—элемент.

amaṙn 37, 115, 123
amb- 50
-amb 110
ambaṙnam 183
-ambkᶜ 110
amboł̇ 41, 50, 69
amenayn 147
amenekᶜin (-ean) 148, 148
amen 148
amorji-kᶜ 68, 124
amp (amb) 37, 69, 129, 132
ampem 26
amprop 132, 218
amusin 57
an- 37
-an (с.) 87
-an (ф. мн. ч.) 92
-an (гл. ок.) 194
-an- 162, 163, 178, 179, 181, 182
Anahit 124
-anam 186, 188, 229
anawsr 121
ancʿanem 74, 180
-ančᶜ- 162, 178, 186
andund 68
-anem 185, 186, 229
angł 105
angorc 127
-ani 92
anic 73, 74
anicanem 74. 178, 189
-anim 185, 186, 229
anjkam 175
anjn 94, 109, 110, 220
anjuk 68, 176
ankanim 163, 165, 181. 186
ankiwn (angiwn) 50, 68, 94, 105, 109, 220
-ankᶜ 92
Anna 31, 97, 124, 138, 221
-anocᶜ 87
antłeli 172
anuanem 173
anun 24. 42, 71, 93, 108, 173, 220
anur 34
anurj̇ 41, 126, 213
-(a)pēs 87
-ar 194
-ar- 173
-arukᶜ 197
arac 63
aracem 57, 63, 72, 170, 210, 217
-aran 87
arari (aop.) 43, 91, 102, 103, 168, 187, 189
arat 57, 63, 217
arawr 34. 73, 100, 131
arawt 57, 63
arbek 74
arbenam 184, 186
arbi (aop.) 39, 50, 168, 188
arbumn 117
arbun-kᶜ 74
arcarcem 68, 172
arcatᶜ 37, 68, 131, 172, 217, 232
arcatᶜeay 87
arcnem 68, 172
arčič 136
ard „форма“ 50, 68, 102, 127, 173
ard „сейчас“ 50
ardar 132
ardeawkᶜ 126, 222
ardiwn 222
aregakn 88, 114
arek 72
arewmtean 123
arewmut-kᶜ 123
arg- 71
argahateli 71
argand 71
argat 71
argel 68
argelum 177
Aristakēs 97
ariwn 109, 114
arj̇ 73, 127
arj̇n 128, 216
arkᶜayean 224
arkᶜayeni 224
armanam 183
armn 183
armukn 38, 114
arcč (oroč) 62
arpᶜean 224
arpᶜeni 224
Aršak 96, 124
art 34, 57, 216
artasuem 173
artasu-kᶜ 56, 74, 96, 120, 123, 173
artawsr 57, 96, 120, 220
artoram 74
artᶜun 185, 186
aṙ 127
aṙacim 170
aṙajin 98, 220
aṙaspel 66
aṙawelum 48, 177
aṙewc (aṙiwc) 42
aṙn 111, 113, 118
aṙnabar 210
aṙnem (aop. arari) 102, 103, 162, 168, 180, 187, 188, 189, 191, 194

aṙnum 70, 127, 184, 187, 188, 189, 195
aṙoganem (oṙoganem) 179
aṙu 25, 70, 215
aseln 210
asem 55, 98, 168, 190, 213, 220
Asia 97
asr 56, 120
astł 88, 92, 104, 105, 137, 220
ašun 116, 122, 222
atałj 103
atamn 93, 114, 115, 116, 220, 221
ate(a)m 161
-aw 194, 197
awa- 149
awadik 149
awanik 149
awasik 149
awaz 48, 215
awcanem 43, 57. 69, 178, 187, 217
awčan 58
awd „воздух" 48
awd „обувь" 48
aweli 177
-awelum 48
awj 43, 57. 69, 124, 217
awji-kᶜ 35, 57, 136
awł 35, 131, 137
-awł (-oł) 87, 220
awn 72
-awor 87, 134
awr 212, 71, 88, 93, 106, 108, 121, 218. 220, 221
-awri 87
awtᶜ 35, 49; 35, 49, 53, 87, 125
-ay 163, 191, 194, 197
ayc 35, 56, 100, 124
aycᶜ 66
ayd 146, 147, 148, 149, 215, 225
aygi 98, 136, 137, 218, 220
-ayin 87
-aykᶜ 92, 194, 196, 197
ayl 25, 71, 532, 140
aylabar 87
aylapēs 87
ayn 144, 146, 147. 148, 149, 225
ayr „муж(чина)" 70, 96. 118, 119, 220
ayr „пещера" 71, 119
ayrem 34, 183
ays 146, 147, 148, 149, 225
aytnum 185, 188, 218, 228
azazim (-em) 66, 102, 131, 172, 175
azazun 131
azdr 106, 217, 221
azn 215
-b 85, 91, 139, 149
babē 51
bacᶜ 217
bam 34, 125, 175
bampᶜel 51
ban 46, 125, 126
banam 46, 183, 184, 190, 195, 210, 211, 228
bangn (bankn) 71
bard 125, 173
bardem 173
bari 31
barjr 37, 88, 95, 102, 120, 138, 220
bark 183
barkanam 183
barti 57
baṙ 125, 126
baṙnam 121, 163, 168, 170, 183, 184, 188, 195
bay 40, 46, 125, 126
bazmutᶜiwn 94, 220
bek 49
bekanem 49, 178
bekumn 117
belmn 114, 115, 116
belnawarutᶜiwn 87
ber 127
beran 130
berbel 102
berem 35, 46, 100, 127, 161, 168, 169, 170, 187, 188, 193, 194, 210, 212, 228, 230, 231, 232
-berj 102, 121
beṙn 94, 11, 220
bic 61
bir 135
-bkᶜ 85, 91, 139, 149
blur 92, 93, 220, 221
bnakan 87
bndeln 113
bocᶜ 131, 224
bolorekᶜin (-ean) 146
boł 91
bołboǰ 91
bołik 61
borb 102
borbokᶜem 102
btem 57
bu 51
buc 56, 129
bucanem (boyc-) 57, 63, 179
buēč 51
buṙn 114, 173
but 57, 63
butᶜ 49

całem 56
całik 56, 122, 123
całr 56, 95, 121, 123, 220
camem 69
canawtᶜ 87
canr 121
ccem 217
cer 56, 129
ceranam 191
cic 57, 61, 63
cicał 56, 92, 121, 175
cicałim 121, 166, 167, 168, 175, 228
cicałn (cicełn) 112
cin 35, 56, 127
cnanim 56, 127, 181, 189
cnawt 38, 56
cnund 95, 122, 220
cuc 217
cung(n) (cunk) 36, 56, 119, 120, 218
cunr 36, 56, 120

-cᶜ 91, 139, 224
-cᶜ- 162, 186, 187, 188, 189, 191, 211, 224, 229, 231
cᶜac- 61
cᶜacnum 61, 185, 230
cᶜasnum 185, 230
cᶜaw 74
cᶜawem 174
cᶜayem 175
cᶜayl 72
cᶜelum 66, 67, 177
cᶜel 66, 67
cᶜin 130
cᶜiw 60, 66, 67
cᶜoycᶜ 131
cᶜtim (cᶜit-) 34, 49, 66
cᶜucᶜ 131
cᶜucᶜanem (cᶜoycᶜ-) 131, 179
cᶜul 97, 98, 127, 220

čanačᶜem (aop. caneay) 168, 180, 188
čči (čiču, čič) 60
či 60
čič 59
čičᶜ 59
čik 59
čiłm 59
čim „узда“ 59, 216
čim „глыба“ 217
čiran 122
čiw „нога“ 59
čiw „крик“ 59
čičim 59
čičmim 59
čłuł 59
čmlem 59
cmłel 59, 217
čmiᶜel 59
čmuł 59
čnašem 59
čpułn 113
čror 60
čumb 217
čumn 217

-čᶜ 60, 63
-čᶜ- 162, 181, 182, 227
čᶜikᶜ 168
čᶜiłǰ (čᶜełǰ) 60
-čᶜin 185, 186
čᶜogay (aop.) 162, 188, 189, 192
čᶜorekᶜtasan 139
čᶜorir 63, 223
čᶜorkᶜ (čᶜorekᶜ-) 40, 60, 63, 127, 139, 217, 222
čᶜorrord 223
čᶜu 58, 215
čᶜuem 58, 170

-d 148, 215
da 146, 147, 148, 215
dadarem 172
dahamn 117
dalar 43, 46, 113, 132
dalukn 113
dałjn 113
damban 135
dambaran 135
dandał 82
darbin 74, 100, 134
darem 172
darj 127
darnam (aop. darjay) 74, 127, 163, 168, 188
dedewim 174
deł 173
delb 103
dełem 173
delin 103
dełjan 103
dēz 56
di 34, 75
diem 171
dikᶜ 40, 46, 97, 126, 220
dir 52
dizanem 178
dnem (aop. edi) 31, 36, 46, 52, 162, 168, 180, 187, 188, 195, 198, 227, 231, 232

doł 91
dołam 175, 197
dołdoǰ 91
doyn 146, 148
dpranocc 87
drandi 38
dṙnčcem 182
du 40, 142, 143, 144, 147, 215, 222
dukc 40, 141, 142, 143, 147
-dund 68
duṙn 34, 95, 112, 119, 220, 221
dustr 34, 38, 57, 64, 73, 92, 83, 105, 220, 221

e- 162
-eacc/-ecc 162, 190, 195,231
-ean 92, 224
-e(a)r 92
-eay 87
-eaykc 197
edi (aop.) 189
eki (aop.) 161, 168, 187, 188, 195, 228
elanem 57, 115, 179, 180, 181, 187
-(e)li 224
elundn 114
eluzanem 57
ełanim (aop. ełē) 168, 181, 188, 195, 198, 215, 229
ełbayr 34, 73, 106, 119, 221
ełeamn 117
ełerdn 113
ełē (aop.) 165, 168, 229
ełēgn 113
ełn 111, 113
ełtiwr 68
ełungn 114, 115
em 69, 70, 164, 168, 169, 172, 193, 197, 230
-em 165, 170, 172, 178, 187, 118, 190, 195, 196
-en- 162, 182
-enam 186, 188, 229
-eni 224
epcem 49
-er (-ir) 165, 196, 197
erastan-kc 37, 72
erbuc 37, 73
erdnum (aop. erduay) 117, 185, 187, 188, 230
erdumn 71, 117, 185, 186
eream 6
erek (erēk) 25, 43, 49, 130
erekoy 25, 43, 49, 130
erekc 40, 41, 72, 97, 126, 220
ərerim 131, 174, 190
ererun 131
eres-kc 72, 74, ,34
erewim 49, 72, 74, 126, 174
erewoytc 126
erēcc 36, 72, 95, 122, 220
erg 68
ergicanem 71, 228
eri 137
erinǰ 73
erir 223
eritc 71
eriwr 102
eriwrel 102
erkan 41, 74
erkar 75
erkeam 127
erkir „земля“ 218
erkir „второй“ 223
erkiwł 75
erkn 112, 114, 182, 196
erknayin 87
erknčcim 75, 182, 188, 189, 197, 222, 231
erkokcin (-ean) 94, 220
erkotasan 82, 91, 129
erkrawor 87
erku (erki-, erko-) 75, 98, 127, 127, 220
errord 223
ertc 127
ertcam (aop. čcogay) 68, 127, r68, 176, 188, 192
-erukc 197
eṙam 70, 176
es 55, 142, 143, 144, 147, 225
esik (*aysik) 149
etṙ 104, 106
etu (aop.) 165, 188, 189, 192
ew 35, 49
-ew 143
ewtcn 27, 39, 43, 72
ezn 94, 102, 113, 220
ezr 88, 105
ē- 162
-ē 91, 138, 139, 149, 224
-ē- 163
ēǰ 36, 59
-ēkc 165, 194, 196, 197
-ēn 143
ēš 75, 218
əmberem 170
əmbṙnem 173
əmpem (aop. arbi) 26, 168, 172, 188
əncay 125
ənd 34, 50, 52, 68
əndarmanam 183

ənder-kᶜ 36, 68, 134
əndunim 175
ənkenum 36, 69, 168, 185, 190, 195
ənker 134
əntir 51
entᶜanam 36, 69, 74, 180, 184
entᶜeɨnum 168, 185, 190
əst 36, 67

gagatᶜn 114
gal 102, 228
galar 102, 173
Galilia 97
galust 122
gałem 102, 104
gałjn 113
gałǰ 41
gałtni 104
gam (aop. eki) 41, 74, 161, 168, 175, 187, 188, 1953 227
gan 59, 125, 215
gari 133
garš 46, 70
garšim 46, 174
garun 96, 109, 122, 138, 220
gaɨn 37, 111, 113, 210
gawti 214, 216
gayl 35, 41, 98, 250
gayɨ 72
gel 102
gelum 7, 41, 166, 167, 168, 177, 228
get 41
gełardn 93, 220
Geła(r)kᶜuni 64
geławn 172
gełj „повилика" 113
gełj „желание" 41, 103, 176
gełj „железа" 216
gełjam 176
gełmn 41, 70, 114, 115
geran 38, 136
gercum 178, 189, 210
gest 127
get 41, 49, 92, 130
gēǰ 62, 132, 224
gēt 41, 134
gil 102, 135
gin 41, 70, 130, 173
gind 41, 50, 61, 64, 69
ginj 61, 64
gišer 132, 216
gitem 134, 168, 173, 190, 228
gitun 41
gɨwɨ (gewɨ) 96, 118, 119, 220, 222
gɨwt 27, 216
glan 87
gnam 165, 227
gnem 173
goč^c 58
gocᶜem 59, 62, 171
gocᶜumn 108
gog „впадина" 46, 129
gog „скажи!" 48, 168
gogem 129
gol 41
goɨ 183
goɨanam 183, 194, 197, 228
goɨem 102, 104
gom „хлев" 47
gom „есмь" 165, 168, 169, 173, 212, 227, 228
gorc 68, 110, 127, 129
gorcawɨ 87
gorcem 87, 129, 163, 166, 167, 168, 172, 186, 190, 193, 228
gorčᶜ 87, 186
gort 125
greay (grē, gɨē) 51
grem 195, 210
gtanem 41, 163, 178, 189, 192, 216
gtᶜam 197

hacᶜ 73, 217
hacᶜi 66, 136
hagag 41
halem 102
hamberem 170, 188
hanem (-um) 168, 177, 188
hangčᶜim 121, 123, 126, 182
hangist 121, 122, 123, 126
haraw 38
harawunkᶜ 100
harcᶜanem 37, 127, 179, 189, 229
harem 103
hariwr 223
harkanem (aop. hari) 47, 103, 168, 180, 188
harsn 64, 73, 94, 220
hartᶜnum (-cᶜim) 185
harum 180
hašanem 69, 166, 178
hast 127
hasu 87
haw „птица" 41, 127
haw „дед" 127
hawran 135
hawreɨbayr 91
haycᶜ 66

hayim 175
hayr 27, 37, 40, 47, 73, 88, 93, 100, 106, 107, 119, 220, 221
hayt^{c}(h)ayt^{c}em 172
hecanim (-num) 39, 74, 181, 185
heɫeɫem 102
heɫusem 168, 188
henum (hinem, hanum) 177, 193
Heraklēs 97
heriwn 109
heru 43
heɫam 175
heɫawor 42
heɫi 42
het 47, 102
hewam 41, 175
himn 117, 183, 212
himnanam 183
hin 35, 39, 98, 129, 183, 220
hing 36, 50, 69, 126, 217
hiwc(an)im 39, 181
hiwr (hewr) 39
hiwsem 211
hiwsn 211
hiwt^{c} 39, 73, 131
hnanam 183
hnč^{c}iwn 87
hnč^{c}umn 117
hnoc^{c} 101, 121
hogi 41, 48, 136
hoɫ 210
hoɫm 102, 130
Homeros 97, 124
hopop 51
hord 68
hordem 68
hort^{c} 127, 211
hot 32, 130
hotim 173
hototim 173
hov 41
hoviw 36, 41, 126, 134
hrem 103
hum 43, 129, 130
hun 36, 69
hur 47, 101, 121
husk 75

i (y-) 220
i- 47, 148
-i (c.) 87, 133
-i (гл. ок.) 194, 196
-i- 186
-ic^{c}/-c^{c}- 191, 192, 231
-ič^{c} 59, 87, 134, 186
iǰanem (ēǰ-) 59, 179, 180, 187
iǰawor 59
-ik (ф. мн. ч.) 92
-ik (м. эл.) 149
-ik (с.) 123
ik^{c} 47, 145, 148
-ik^{c} 92, 165, 197
-il 87, 122, 123
im 142, 144, 145, 147
-im 165, 173, 188, 190, 197, 228
imanam 67, 125, 161, 662, 184, 186, 190, 198, 230
imast 67, 87, 125, 131
imastun 131
imn 47, 145, 149
-in (-yn) (м. эл.) 148, 149
-in (с.) 87
-in (гл. ок.) 165, 194, 196, 197
-inč^{c} 47, 60, 63, 145, 148
inew 144
inj „барс" 127
inj (м. форма) 141, 144, 147, 150
-ink^{c} 92, 110
ink^{c}n 147, 148
inn 71, 95, 116, 220
ir 148
-ir 165, 194, 197
-ist 122
-iwn 87, 108, 222
iwr 39, 145, 147, 148
iž 43, 59, 124

-j 143, 150
jag 49, 215
jaɫk 55, 68, 135
jawn 173
jawnem 173
jayn 71, 75
jeɫun 108
jer 145, 147
jeɨn 56, 114, 119, 120
jet 55
lew 36, 132, 171, 173, 183
jewem 171, 173
jez 150
jēnǰ (ı jēnǰ) 147, 150
ji 132
jiwn 41, 43, 108, 196, 225
jknors 223
jlem 56
jmeɨn 56, 115, 123
joɫ 56, 108
joyl 36, 132, 173

ju 133, 147
jukn 52, 112, 113, 223
julem 173
julb 52
-J 61, 62, 91, 138
-J- (гл. ф.) 61, 62, 191, 192, 194
Jan 40
Janam 176
Jan-kᶜ 176
Jaylamn 113, 116, 117
Jekᶜ (Jēkᶜ) 40
Jer 59, 107, 130
Jeranim 181
Jerm 35, 58, 70, 117, 130
Jermn 59, 107, 117
Jeṙnum (-anim) 107, 181, 184, 185, 228
-Jikᶜ 165
Jil 34, 69, 134
Jiṙ 34, 59, 69, 134
Jin 59, 64, 125, 135
JinJ 64
-Jir 165
Jnem 59, 125, 171
JnJem 41, 59, 71, 171
Jov 40
Jur 40, 95, 121, 220

-k (-ak, -ik, -uk) 87
Kadmos 97
kakᶜaw 51
kalay (aop.) 188
kal(n)um 168, 177
kałančᶜann 113
kałcᶜ 73
kamn 117, 222
karap 51
karcr 121
kardam 176
karem 168, 190
karič 64
karkačᶜem 172, 215
karkut 127
kartᶜ 125
kaṙapᶜn 109, 114
katu 24
katᶜn 73
kay 168
kc(an)em (kic-) 60, 61, 179, 217
kcu 60, 61
keam 24, 60, 176, 190, 211
ke(a)m 216
kean-kᶜ 135
keł 60
kełem 171
keṙer 60
ker 60, 102
kerakur 102
keray (aop.) 161, 168, 188, 189
kerker 51
kerkerim 51, 175
keṙnex 51, 215
Kesaria 97, 221
kēt 60, 61, 64
kič 59, 64
kin 24, 43, 60, 94, 95, 118, 220, 222
kku 51
klanem (kul-) 178, 215
-kn 112, 113
knčiṙn 114
koč 58, 216
kočak 58
kočkcᶜem 58
kočł 58
kočopem 58
kočotanam 58
kočotim 58
kočᶜem 171
kogi 41, 133, 136
kokon 216
kokord 60
kokov 216
kołkołim 172
kołm(n) 93, 107, 115, 117, 144, 145, 220, 221
koł(n) 107, 114, 115
kołr 45, 105, 222
koṙiwn 109, 113
kornčᶜim 164, 180, 192
korust 122
koškočem 58
kotim(n) 113, 116
kov 27, 32, 47, 128
koy 36, 60, 131
krcem (-um) 171, 177
krkJam 51
kṙukn 114
kṙavel 215
kṙinčᶜ 51
kṙkṙal 51
kṙnčᶜim 175
kṙunk(n) 42, 51, 113, 218
kskic 61
ku 36, 60, 131
kur 60, 102
kuṙn 59, 111, 114
-kᶜ (ок. мн. ч.) 63, 91, 110, 119, 138, 139, 143, 149, 210, 222, 224
-kᶜ (м. эл.) 148, 149
-kᶜ (гл. ок.) 165
kᶜacᶜax 74

kᶜakor 51
kᶜakᶜ 51
kᶜałcᶜ 185
kᶜałcᶜnum 185
kᶜałcᶜr 121
kᶜałem 67
kᶜamem 47
kᶜan 47
kᶜani 47
kᶜanjem (kᶜancᶜem) 75
kᶜar 95, 122, 220
kᶜaŕ- 42, 60, 63, 73, 75
kᶜaŕasun 42, 60, 73, 75, 222
kᶜaŕord 42, 60, 13, 75
kᶜayl 72
kᶜaylem 165
kᶜecc 217
kᶜeni 70, 136
kᶜercem (-um) 60, 103, 188
kᶜerem 47, 60, 103, 171
kᶜerpᶜem 103
kᶜertcem 60, 68, 103, 171
kᶜew 144, 147
kᶜez 75, 144, 147, 150
kᶜēn (сущ.) 135
kᶜēn (i kēn—м форма) 144, 147
kᶜim-kᶜ 60, 134
kᶜirtn 34, 70, 73, 114, 174
kᶜiw 60, 67
kᶜkᶜuim 174
kᶜor 47
kᶜorem 47, 60, 103
kᶜo(y) 75, 144, 145, 147
kᶜoyr 40, 70, 92, 93, 106, 107, 220
kᶜrtnim 173
kᶜsan 37, 57, 211, 218
kᶜun 70, 130, 196
Kᶜušan-kᶜ 97, 220

-l (-a-l, -e-l, -i-l, -u-l) 87
lacᶜ 217
lak 69
lakem 51, 171
lam 175, 190, 191, 227
lamb 71, 173
lambem 173
lanǰ 58
lar 37, 71, 126
layn 72, 127, 220
leard 28, 40, 127, 212
leaŕn 73
lerk 25, 68, 183
lerkanam 183
lezu (lizu) 134, 135, 178
li 36, 72, 133, 136, 210
licᶜ-kᶜ 217
lind 134
linim (aop. ełē) 164, 168, 181, 188, 195, 198, 215, 229
lir 126
lirb 74, 104
liz(an)em (-um, lezum) 43, 56, 162, 171, 189
liž 58
lknim 69
lkti 69
lkᶜanem 43, 49, 169, 178, 188, 189, 195, 228
lmlmem 172
lmem 172
lnum 168, 184, 190, 193, 195
loganam 38, 41, 184
lorcᶜ-kᶜ 68, 74
lorjn 114
loyc 56
loys 27, 36, 57, 131, 210, 229
lpirc 86, 104
lpirš 86, 104
lpiŕt- 86
lpŕtuk 104
lrbabar 87
lsem (aop. luay) 34, 73, 168, 171, 188, 189, 198, 210
lu „блоха" 72
lu „услышанный" 34, 73, 131, 215
luanam 28, 72, 184, 195, 211
luc 34, 40, 57, 196, 213, 214
lucᶜanem (loycᶜ-) 74, 179, 229
lusin 104
lur 73, 132
luŕ 73, 134
lusin 131
lusn 131
Łukas 97, 221

-m (им. ок.) 91, 144, 145, 150
-m (гл. ок.) 165, 193
macnum (-anim) 181, 185, 186, 217
macun 61, 186
mah 96, 122, 123, 220, 222
makᶜi 51, 136
malem 171, 172
mamuŕ 70
Manē 97
manr 95, 121, 220
manuk 96, 122, 123, 220
mard 37, 40, 100, 123, 131, 139
mardaspan 91
mari 37, 136
mart 192

martnčᵉim 182
martusoycᵉ 192
martᵉem 168, 190
matał 61, 217
matčᵉim 120, 182, 186, 192, 214, 216
mat 114, 115
mawr 70, 135
mawru-kᵉ 73, 134, 135, 218
mawt 120, 214, 216
mayr 34, 49, 73, 106, 119, 221
mceal 61
mec 56, 135, 173
mecagorc 110
mecagoyn 87
mecahogi 91
mecanam 228
mecarem 173
mekᵉ 40, 141, 142, 147
mełančᵉem (-anam) 168, 180, 183, 186, 188
meł-kᵉ 48, 135, 183
mełm 70, 130
mełr 120, 121
mełu 135
mer 144, 145, 147
merj 43, 74, 184
merjenam 184, 190
merk 74
merkem (и -anam) 168, 190, 195
meŕanim 181
mez 144, 147, 150
mēg 49, 174, 215
mēǰ 132, 217
mēnǰ (i mēnj—м. форма) 144, 147, 150
mēz 215
mglim 174
mi 98, 133, 150, 220, 232
mí 36, 166
mianjn 109
miasin 74
mic 61
miǰawreay (miǰawrē) 91
mimean-kᵉ 147
miorji 124
mišt 124
mit-kᵉ 135
mizem 171
mkan 34, 122
mkkal 51, 136
-mkᵉ 40, 159, 165, 193
mlmlem 172
-mn (с.) 107, 108
-mn (м. ф.) 148, 149
mnam 163, 166, 167, 168, 176, 186, 187, 190, 191, 192, 193, 195, 210, 228, 230
morč (morčᵉ, morǰ) 58
morčᵉim 58
moŕanam 70, 184
moyn 36
-moyn 36
moytᵉ 49
moz 56
mori 66
mrǰiwn (-imn) 42, 71, 94, 106, 108, 113, 116, 220
mrkem 173
mtanem 57, 161, 179
mucanem 57, 178
mukn „мышь" 34, 112, 113
mukn „мышца" 113
mul 69
muŀǰ 216
muŀt 58, 216
mun 131
munǰ 69, 213
mur 131
murk 173
mut 57
mux 49, 57, 215
mxem 57

-n (артикль) 43, 148
-n (гл. ок.) 165, 193, 194, 197
-n- 162, 178, 182, 183, 184, 185, 188, 227
na 146, 148
nam 188, 229
naw 128
nawtᵉi (anawtel) 43, 218
nay 103, 125
nayim 166
-nčᵉ 148
-nčᵉ- 162, 181, 182, 186, 227
-near 92
neard 41, 70, 127
ner (nēr) 41, 49, 213, 214
nergew 50, 68, 174
nergewim 174
nerkᵉin 149
net 43, 127
nirh 25
nist 67, 129
niwtᵉ 131
nkar 26
nor 41, 92, 131
noyn 146, 148
nstim 39, 168, 174, 181, 189, 193, 194, 197, 228
nšoyl 75
nu 34, 39, 70, 118, 129
-nu- 218
-num 185, 186, 190, 229

nurb 74, 126
nuřn 113
nxotᶜem 48

o- 60, 63, 148, 149
-o- 100
-ocᵉ 131
ocᵉ 58, 74
očᵉ 60, 63, 87
ogem 41
ogł 41
-oǰ 224
okᵉ 63, 145, 148
olokᵉ (olog) 135
olor 222
olořn 113, 222
ołb 103, 172
łbam 176, 197
łǰ 41, 50, 213
łn 111, 114
ołołem 102
ołork 25
ołorm 130
omn 145, 148, 149
or 145, 148, 213, 225
-or- 173
orb 36, 98, 129
orc(k)am 43, 10, 176
-ord 223
ordi 24, 28, 98, 220
ordn 58, 113
-or(e)ay 92
orj 124
-orjł 68
o(r)ǰll 58
orkor 218
orkᵉlwn 58, 109
oroč 62
oromn 113, 116
ors 223
ortᵉ „теленок" 50
ortᵉ „лоза" 68
ořnam 183, 184
ołoganem (ałoganem) 70, 179
oskr 43, 75
ost 36, 67, 129, 183
ostanam 182
ostin 102
ostnum (-čᵉim) 185
-(o)tł 92
otn 43, 47, 95, 102, 110, 119, 120, 128, 138, 139, 220
o(v) 47, 144, 145, 148
-oy 70, 138
oy- -ɹ- 163, 192
oyc 36, 57, 183
-oycᵉ/-ucᵉ- 163, 192
-oykᵉ 92
-oys/-us- 192
-oytᵉ 222
-oyz/uz- 192
ozni 56, 137
ozor 66

pahem 126
pahest 126
papanjim 60, 64, 175
partim 168
paŕaw 122
paštawn 42, 91, 106, 220
pčełn 114
pełem 47, 102
pind 60, 64, 175
pᵉčᵉ 58
połel 102
pᵉałim 48
pᵉałpᵉałim 48, 72, 175
pᵉampᵉušt 50, 69
pᵉaxnum (-čᵉim) 162, 185
pᵉaxust 122
pᵉaycałn 111, 11
pᵉayl 37, 48, 72
pᵉaylakn 114
pᵉaylem 175
pᵉayt 48
pᵉčᵉem 58, 63, 171, 176
pᵉełk 47, 68
pᵉełkem 47
pᵉertᵉ 73
pᵉełekem 42, 73
pᵉkᵉam 171, 176
pᵉkᵉin 34
pᵉlanim 48, 180, 181
pᵉokᵉr 121
pᵉołem 47, 175
pᵉołpᵉołem 47, 72, 175
pᵉorǰ 129
pᵉoytᵉ 36
pᵉŕem 66, 101
pᵉukᵉ 48, 58, 63, 176, 222
pᵉul 48
pᵉutᵉam 197

-r (м. ок.) 143, 144, 148, 149, 150
-r (гл. ок.) 165, 194, 197
-rukᵉ 165
rungn 50, 114, 115

-s (м. эл.) 91, 107, 139, 143, 148
-s (гл. ок.) 165, 193, 231, 232

sa 146, 148, 150
sag 41, 135
sal 37
salar 174
salarim 174
sami-k^{c} 136, 215
san 74, 102
sard 125
sari-k^{c} 37, 125
saṙč^{c}im (-num, -nanam) 185, 192
saṙoyc^{c} 192
sast 125, 215
sar 56
sarem 107
serk 123
serkean 123
sermn 56, 70, 107, 117
seṙ 56
sēg 134
sēr 27, 132, 173, 210
Sibilla 97
sin 156
-sin 74, 102
sirem 161, 162, 163, 163, 165, 173, 192, 228
sirt 50, 56, 68, 92, 97, 124, 139, 220
sisern 112, 113
siwn 43, 94, 109, 220, 222
skesur 75, 133
skund 69, 75, 218
sk^{c}oṙem 67
slak^{c} 34
slanam 184
słoc^{c} 132
snanim (sun-) 74, 102, 181
snund 87
sor 41, 132
soyn 146, 148, 149
spardim 174
spaṙnam 66, 183, 184, 185
sp^{c}op^{c}em 31
sp^{c}ṙem (sp^{c}iṙ-) 66, 67, 101, 217
srbem 56, 173
srem 173
srun-k^{c} 56, 73, 218
-st (-ast, -est, -ist, -ust) 67, 87, 122 123, 126
stacem 67
stanam 25, 37, 67, 183, 195, 229
stełcanem 66
steln 66
sterd 62, 67
steṙǰ 62, 67, 213
stēp 49, 66, 135
stin-k^{c} 93, 108, 1 4, 220
stipem 49, 66
storadasakan 166
stori 137
st^{c}ap^{c}em 67
-sun 69
sunkn 113
sur 132, 173, 210
surb 56, 103, 132, 173, 215, 218
sut 130
suzanem 215
sxal 67
sxalem (-im) 171
šałałem 102
šałem 75
šałim 102
šand (šant^{c}) 85
šaṙawn 113
šč^{c}em 58, 75, 171
šeł 102
šełb 66
šert 66
šil 66, 102, 134
šcł 750 103
šuk^{c} 76, 103
šun 75, 88, 108, 134
šunč^{c} 58, 75
šurt^{c}n 114

tal 37, 57, 63
tał 221
tałem 221
tam (aop. etu) 47, 162, 168, 175. 187, 188. 192, 193, 195, 196, 197, 198, 227, 231
tamkanam 183
tamuk 183
tanim (aop. taray) 155, 168, 188
tanutēr 127
targal 71
tarr 106
tarranam 106
taṙ 106
taṙeln 113, 222
tasn 37, 44, 57, 116, 210
tatanem 172
tatrak 51
tawn 72, 125, 173
tawnem 173
taygr 35, 47, 63, 105, 219
teł 176
tełam 176
teł(i) 92, 105, 138
tēr 96, 118, 220
tērut^{c}iwn 90
tesanem 69, 123, 178

tesil 99, 122, 123, 220
tewem 210
ti 34
Tiberios 97
Tigranuhi 97
tikin 95, 95, 118, 220
Timotᶜēos 97
tit 57, 61, 63
titan 96, 97, 220
tiw 28, 96, 122, 123, 220
tiz 56
tłem 172
tnaǩ 87
tntłem 172
togorem 173
tohm 25
tok 131, 176
tokam 176
tokun 131
topᶜem 49, 171
torg 71
toṙn 111
Tosp 64
trawi06
trtmim 175
trtum 175
tuar 38
tun 47, 93, 108, 127, 139, 196, 214, 219, 220
tur-kᵉ 36, 132
tutn (ttun) 114, 115
tᶜakᶜčᶜim (-num) 72, 129, 162, 192, 186, 188, 192, 198, 218
tᶜakᶜun 186
tᶜakᶜust 87, 121
tᶜamb 173
tᶜambem 173
tᶜan 125
tᶜanakᵉ 87
tᶜanam 47, 125, 183, 184, 195, 228
tᶜanjr 57, 216
tᶜaršam 44, 70, 174
tᶜaršamim 47, 174
tᶜaṙam 44, 70, 174
tᶜaṙamim 47, 174
tᶜatᶜawem 172
tᶜatᶜaxem 172
tᶜawn 125
tᶜekn 11, 114
tᶜekᶜem 49, 173
tᶜeli 72
tᶜer 125, 184
tᶜerenam 184
tᶜertᶜ 72, 125, 222
tᶜewr (tᶜiwr) 73, 218
tᶜitᶜein 112
tᶜitᶜeirn 72, 112
tᶜiṙ 72
tᶜiw 28
tᶜkᶜanem 179
tᶜołum 27, 163, 177, 186, 195, 210
tᶜoršom 70
tᶜoṙn 112
tᶜoṙom 70
tᶜotᶜovem 172
tᶜovem 172
tᶜrem 171
tᶜrǰem 171
tᶜrmem 171
tᶜrtᶜrak 185
tᶜrtᶜṙem 112
tᶜṙčᶜim (-num, -anim) 72,112, 182, 185, 180
tᶜṙičᶜ-kᶜ 186
tᶜṙtᶜṙem (-am) 112
tᶜuem 28
tᶜukᶜ 222

-u 87
-u- 186
-uan- 92
ucanam 183
-ui 92
-uk 123
-ukn 113, 114
-ukᶜ 165, 193, 194, 232
ul 70, 127, 132, 135
uln 111, 114
uli 137, 173
-um 177, 184, 185, 188, 195,197 228
-umn 109, 126, 218
-un 130, 186
unayn 34
-und 87, 122, 123
unim (aop. kalay) 72, 168, 175, 188, 228
unkn 52, 95, 114, 118, 119, 220, 221
-unkᶜ 92, 110
uranam 102, 184
urast 102
-urd 122
usanim 57, 181, 188, 192, 197, 228
-ust 122
ustr 39, 105
utem (aop. keray) 125, 161, 168, 172, 188, 228
utest 87, 125
-utᶜ 126, 218
(u)tᶜiwn 87, 90, 108, 222
utᶜsun 210

-v 85, 91, 139, 149

vał 124
van 64
vaŕem 213
vatᶜsun 74
vecᶜ 24, 74, 127
verin 87, 149
Virkᶜ 133
-vkᶜ 85, 91, 139, 149
-w (им. ок.) 85, 91, 139, 149
-w (гл. ок.) 165, 197
-wkᶜ 85, 91, 139, 143, 149
vracᶜi 133
Vrtᶜanēs 97

xacanem 48, 74, 180
xačᶜ 48, 64
xašn 113
xawsim 197
xaxan-kᶜ 48
xayc 61, 64
xaycał 61, 64
xayt 61, 64
xaytᶜ 35, 47
xcᶜanem 190
xečᶜ 48, 62
xeł 134
xetᶜem 48
xēčᶜ 48
xētᶜ 48
xind 61, 64
xist 219
xit 219
xitᶜ 48
xitᶜam 197
xnayem 175
xncił 61, 64
xnǰoykᶜ (xnčoykᶜ) 61, 62, 64
xnum 168, 190, 195
xocᶜ 217
xočᶜ 48, 62, 64
xonarh 210
xorhrdanocᶜ 87
xorhrdaran 87
xotᶜem 48, 64
xoytᶜ 48
xucᶜ 217

-y (им. ок.) 91, 133, 224
-y (гл. ок.) 164, 165, 193, 230
yacim 170
yačax 58
yagenam (yagim) 103, 184, 186, 213
yaǰawł 61
yaǰord 223
yancᶜanem 168
yardarem 173
yarem 43, 102, 103, 180, 182
yarewanam 180
yarmar 70, 103
yarnčᶜim 180, 182
yaŕnem 70, 168, 180, 192, 230
yatanem 216
yawelum 48, 177
yawd 48
yawray 24, 27
yawt 216
yenum 168, 190
yeŧum 177, 189, 213
yetin 149
(y)inēn 144
yisun 217
-ykᶜ 40, 159, 165, 193, 196, 197
yłem 173
yłi 70, 136
-yn (-ēn?) 143, 150
-ynǰ (-ēnǰ?) 143
yogn 94, 215, 220
yolov 47
yord 61
yordor 61, 173
yordorem 173
yorj 61
-yr 165, 194
yusam 197

z- 67, 220
-z 143, 150
zard 28, 50, 68, 97, 98, 102, 127, 173, 220
zardarem 173
zarkanem 180
zarmanam 180, 183, 197
zartᶜnum 165, 185, 186, 197
zartᶜun 186
zawd 48
zayranam 183
zeŧum (-anim) 131, 177
zeŧun 131
zeŧam 176
zgacim 214, 216
zgenum 70, 127, 168, 184, 190
zgest 35, 67, 127, 219
zi 34, 144, 145, 148
zinčᶜ 148
(z)is 144, 147
žołovurd 122

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаев В. И. 216, 212, 235
Абраамян А. А. 216, 217, 220, 233
Абраамян Р. П. 23 3
Авгерян М. 233
Аветикян Г. 233
Агабекян М. А. 201, 235
Агаян Э. Б. 5, 6, 26, 210, 214, 233, 235, 239
Адонц Н. 220, 235, 239
Адрадос Ф. Р. 226, 227, 239
Айелло Р. 220, 239
Айтынян А. 220, 233
Аллен В. С. 239
Андреев Н. Д. 206, 235
Антила Р. 210, 215, 239
Аракелян В. Д. 233
Арапов М. В. 235
Арутюнян Ц. Р. 118
Асатрян М. С. 233
Асмангулян А. А. 200, 235
Ачарян Р. А. 15, 133, 115, 121, 123, 125, 201, 214, 216, 217, 215, 213, 221, 222, 223, 224, 228, 229, 230, 233, 235, 239
Баграмян Р. 233
Багратуни А. 233
Бак К. Д. 241
Балтацеану Ф. 239
Барич Х. 239
Барроу Р. 212, 227, 235, 241
Бартоли М. 200, 239
Бартоломе Х. 23, 210, 224, 239
Бартон Ч. 215, 217, 227, 228, 229, 231, 232, 239, 240
Батрупанян Г. 234
Бедирян П. 108, 222, 234, 240
Беларди В. 214, 229, 240
Бенвенист Э. 23, 52, 79, 200, 209, 211, 215, 218, 220, 225, 226, 229, 300, 235, 240
Бернекер Е. 240
Бернштейн С. В. 235
Бирнбаум 207, 240
Блумфилд М. 240
Бодуэн-де-Куртенэ И. А. 235
Болоньези Д. 212, 213, 217, 218, 221, 220, 223, 224, 240
Бомхард А. Р. 210, 240
Бонфанте Д. 196, 200, 201, 214, 225, 231, 232, 240, 241
Бранденштайн В. 241
Брокельман К. 241
Бругман К. 209, 241
Буазак Э. 240
Бугге С. 113, 118, 200, 215, 224, 229, 241
Бейли Х. В. 213, 239
Бэнэцьяну В. 220, 223, 224, 231, 235, 239
Вайнрайх У. 208
Вайтенберг Д. 249
Вайэт У. 249
Вальде А. 248
Ван Виндекенс А. И. 119, 212, 215, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 229, 248
Вессом А. М. 207
Викандер С. 249
Винтер В. 54, 206, 207, 211, 212, 214, 217, 218, 222, 225, 228, 232, 249
Воробьев-Десятовский В. С. 235
Вутц Ф. 249
Гамкрелидзе Т. В. 22, 45, 207, 208, 209, 235
Гарибян А. С. 234, 235
Гезихий 114, 121, 127
Георгиев В. И. 35, 201, 209, 217, 218, 236, 242, 243
Герценберг Л. Г. 208, 209, 210, 219, 236
Герцог М. И. 208
Гиндин Л. А. 236
Глейе А. 200, 236
Годель Р. 5, 14, 105, 108, 196, 210, 214, 215, 217, 218, 221, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 243
Горнунг Б. В. 212, 236
Горовиц Ф. 213
Готьо Р. 242
Гофман К. 226, 243
Граммон М. 243

Грасман Г. Г. 210
Грей А. 224, 243
Греппин Д. 35, 200, 201, 212, 213, 214, 222, 229, 234, 236, 243
Гусмани Р. 243
Гухман М. М. 236
Гюбшман Г. 108, 118, 199, 201, 209, 211, 224, 234, 243, 244
Гянджецян Е. 224, 243
Девото Д. 208, 241
Деетерс Г. 241
Десницкая А. В. 226, 236
Дервишян С. 241
Дечев В. 201, 241
Джаукян Г. Б. 5, 8, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 21, 31, 35, 52, 63, 100, 115, 116, 118, 119, 200, 201, 207, 209, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 234, 236, 241
Джахджахян М. 234
Джереджян А. 212, 244
Диллен Э. 236
Доусет Ч. 220, 241
Дреслер В. 212, 241, 242
Дуриданов И. 201, 242
Дьяконов И. М. 201, 234, 236
Дюмезиль Ж. 213, 217, 218, 222, 242
Елизаренкова Т. Я. 225, 236
Ельмслев Л. 208
Енсен Х. 211, 220, 244
Еремия 234
Жирмунский В. М. 236
Журавлев В. К. 221, 237
Жюкуа Г. 207, 244
Заброцкий Л. 249
Зибс Т. 23
Зольта Г. Р. 114, 116, 119, 129, 122, 200, 205, 209, 211, 220, 221, 222, 223, 224, 231, 23, 247, 248
Зоммер Ф. 248
Иванов В. В. 22, 123, 194, 201, 208, 209, 216, 237
Иллич-Свитыч В. М. 12, 237
Казарян С. К. 234
Казлаускас И. И. 226
Камменхубер А. 200, 244
Карагулян Т. А. 234
Карстин Х. 200, 231, 244
Карст И. 244
Капанцян Г. А. 214, 234, 237
Кеугил Б. 241
Кацнельсон С. Д. 208, 209, 237
Кернс Д. А. 226, 230, 231, 232, 244
Кипарски П. 214, 244
Климов Г. А. 206, 207, 227, 237
Клингеншмитт Г. 228, 244
Клуге Ф. 244
Клычков Г. С. 237
Кноблох И. 244
Коллиндер Б. 11
Конноли М. Д. 220, 241
Кортландт Ф. 244
Косян В. А. 237
Краузе В. 123
Краэ Г. 244
Кребер А. Л. 199, 205
Кретьен К. Л. 199, 205
Кречмер П. 244
Кронассер Г. 219, 229, 244
Кумахов М. А. 208, 237
Курилович Е. 206, 207, 208, 209, 210, 225, 227, 228, 244, 245
Кусикьян И. К. 237
Кюанде Г. 241
Кюни А. 11, 213, 241
Лабов В. 208
Лагард П., де 245
Ламбертри Ш. 211, 245
Ларош Э. 212, 245
Лаццерони Р. 214, 245
Леман У. П. 213, 237, 245
Леруа М. 224, 220, 245
Лиден Э. 218, 221, 216, 229, 245
Линдеман Ф. О. 228, 229, 230, 231, 232, 245
Линдсей В. М. 237
Лионе С. 245
Льюис Г. 237
Мажюлис В. П. 221
Майер А. 245
Майрхофер М. 245
Макаев Э. А. 200, 206, 207, 209, 211, 219, 226, 237
Манн С. Э. 15, 118, 216, 217, 245
Мариес Л. 230, 231, 245
Маркварт И 245
Марле Г. А. 245
Мартине А. 208, 245
Мартиросян Н. 245
Махек В. 214
Мачавариани Г. 207
Мей Л. 210, 246
Мейда В. 206
Мейе А. 5, 14, 18, 39, 65, 82, 104, 108, 115, 118, 119, 120, 121, 125, 127, 131, 134, 147, 148, 149, 153, 155, 161, 172, 174, 175, 194, 199, 200, 201, 209, 211, 222, 223, 224, 227, 228, 229, 230, 231, 234, 237, 238, 245, 246
Мейер Г. 246

Меллер Г. 11
Мельничук А. С. 208, 238
Мериджи П. 246
Миккола И. 214
Минасян М. 228, 246
Миншол Р. 212, 213, 246
Мсерианц Л. 238
Мурадян А. Н. 234
Мурадян О. Д. 210, 234
Мурвалян А. А. 234
Мыркин В. Я. 238
Мюллер Ф. 246
Нейман Д. 211, 246
Нерознак В. П. 223, 238
Нидерман М. 238
Нормье Р. 210, 246
Остгоф Г. 246
Остин А. 212, 239
Отрембский Я. И. 238
Палмайтис М. Л. 207, 238
Пальграм Э. 208
Пальяро А. 208
Патканов К. 2, 234, 238
Патрубани П. 223, 224, 228
Педерсен Х. 175, 199, 200, 201, 209, 211, 216, 219, 221, 224, 225, 228, 231, 234, 237, 245
Периханян А. Г. 246
Перльмуттер И. А. 227, 238
Перссон П. 228, 246
Петерсон Г. 215, 246
Пизани В. 115, 201, 207, 213, 215, 217, 218, 221, 222, 223, 224, 225, 229, 231, 232, 238, 246, 247
Писович А. 214, 247
Покорный Ю. 10, 63, 115, 133, 217, 218, 221, 222, 223, 224, 231, 247, 248
Поломе Э. 212, 247
Порциг В. 64, 199, 238, 247
Поултни Д. В. 247
Прокош Э. 238
Пухвел Д. 229, 247
Рейхельт Г. 247
Рейхенкрон Г. 224, 229, 231, 247
Рестелли Д. 218, 247
Риш Э. 226
Рясанен М. 11
Савченко А. Н. 206, 225, 226, 238
Сараджева Л. А. 6, 200, 238
Сафаревич С. 225, 227, 238, 247
Севак Г. Г. 234
Семереньи О. 18, 65, 85, 158, 206, 207, 208, 213, 215, 218, 220, 221, 223, 225, 227, 238, 248
Серебренников Б. А. 238
Симонян Н. М. 238
Скардильи П. 247
Скельд Г. 247
Соммерфельт А. 209
Соссюр Ф., де 238
Станг Х. 225
Станг Ф. 248
Степанов Ю. С. 238
Сюрмелян Х. 233
Ташян А. 234
Тервишян С. 234
Тиме П. 199, 200, 248
Тишлер И. 219
Томашек В. 201
Томсон А. 238
Топоров В. Н. 238
Торбьорнсон Т. 212, 248
Траутман Р. 216
Тронский И. М. 156, 174, 208, 209, 238
Трубецкой Н. С. 207, 209, 248
Туманян Э. Г. 223, 239
Тумб А. 248
Турнейзен 209
Уоткинс 226, 228, 231, 248
Фалкун Ф. 45, 242
Фасмер М. 239
Фейди Ф. 227, 239, 242
Фейст С. 242
Фогт Х. 45, 52, 211, 219, 248
Фортунатов Ф. Ф. 224, 242
Френкель Е. 242
Фридрих И. 220, 242
Фриск Х. 122, 214, 218, 220, 229, 230, 242
Фурке Ж. 242
Фюрне Э. 242
Хаас М. Р. 206
Хаас О. 109, 201, 224, 243
Хачатурова Е. Г. 6, 200, 239
Хирт Г. 209, 243
Хирше Р. 209, 243
Ходорковская Б. Б. 230, 239
Хойбек А. 243
Хоппер П. Дж. 210
Хэмп Э. 212, 213, 214, 218, 221, 223, 228, 243
Целлер Г. 249
Чалыхян В. 220, 233
Чатерджи С. К. 239
Чен М. 206, 241
Чоп Б. 207, 228, 241
Шанидзе А. 220, 239
Шантрен Н. 226, 239, 241
Шварц Б. 226
Швицер Э. 220, 247
Шелдс К. 225, 247

Шефтелович И. 222, 219, 247
Шиндлер И. 213, 219, 229, 247
Шиндлер Р. 219
Широков О. С. 239
Шмальстиг В. 220, 247
Шмидт К. Х. 207, 216, 224, 247
Шмитт Р. 5, 229, 230, 247
Шпехт Ф. 114, 199, 200, 214, 248
Шультхейс Т. 247
Шульц А. 208, 247
Эванджелисти Э. 212, 230, 242
Эдельман Д. И. 207, 239
Эйхер Г. 226
Эллегард А. 242
Эрну А. 104, 121, 174, 288 239, 242
Эрхарт А. 210
Эсапалян (Эсабал) Р. 242
Юнгман П. 227, 244
Юнкер Г. 224
Якобсон Р. 209. 244

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

ВВЕДЕНИЕ

Принципы реконструкции

Принцип точности хронологизации 7
Принцип точности ареализации (ареального распределения) 8
Принцип совместимости 10
Принцип типологической вероятности 10
Принцип отдаленно-генетической вероятности 11
Принцип социально-функциональной дифференциации 12
Принцип экстралингвистической вероятности (реальности реконструкции) . . 12
Принцип непротиворечивости всех показателей 13

Принципы описания

Диахроническое направление 13
Синхроническое направление 14
Принцип предельной генерализации 15
Анализ и синтез структуры 16

ФОНЕТИКА

Индоевропейская фонетическая система

Фонетическая структура словоформы 17
Структура слога 17
Собственно слогообразующие элементы—гласные 19
Бифункциональные (по позиции слогообразующие и неслогообразующие) элементы—сонанты. Дифтонги 20
Собственно неслогообразующие элементы—согласные 21
Сочетание слогов в составе слова и словоформы 23

Древнеармянская фонетическая система

Фонетическая структура словоформы 23
Структура слога 23
Слогообразующие элементы—гласные 26
Полугласные. Дифтонги и трифтонги 27
Неслогообразующие элементы—согласные 28
Сочетание слогов в составе слова и словоформы 31

Происхождение древнеармянской фонетической системы

Процессы, приведшие к образованию древнеармянской фонетической системы . 32
Деквантитатизация и традукция гласных и дифтонгов 33
Типы сочетания двух процессов 33
Деквантитатизация 33

Деквантитатизация, сопровождающаяся традукцией 35
Традукция, сопровождающаяся деквантитатизацией 36
Традукция: судьба и.-е. шва 37
Частичная модификация фрикативных и сонантов 38
Процессы модификации 38
Модификация и.-е. *s 39
Частичная модификация неслогообразующих полугласных сонантов . 40
Частичная модификация неслогообразующих плавных и носовых сонантов 41
Выводы 43
Передвижение смычных 45
Понятие передвижения 45
Дистрибуция передвижения 45
Обычные отклонения от передвижения 50
Выводы 52
Палатализация смычных 54
Первая и вторая палатализации 54
Результаты первой палатализации заднеязычных 55
Результаты второй палатализации заднеязычных 57
Результаты палатализации переднеязычных 60
Выводы 62
Унификация сочетаний согласных 64
К постановке вопроса 64
Типы сочетаний согласных 65
Сочетания фрикативных и сонантов со смычными 66
Сочетания фрикативных и сонантов между собой 69
Сочетания смычных со смычными и фрикативными 72
Выводы 75

МОРФОЛОГИЯ

Склонение

1. Именное склонение

Индоевропейская система именного склонения

Морфологическая структура именной словоформы 77
Структура корня 78
Структура основы 79
Окончания 84

Древнеармянская система именного склонения

Структура именной словоформы 85
Структура корня 86
Структура основы 86
Окончания 91
Таблица склонения 92

Происхождение древнеармянской системы именного склонения

Процессы, приведшие к образованию древнеармянской системы именного склонения 99
Корневое чередование 101
Корневые детерминативы 102
Основы 104
Основы на сонанты 104
Основы на -i- 104

Основы на -r- 105
Основы на -n- 107
Гетероклитические основы на сонанты и гласные 117
Общая характеристика 117
Основы с двойным историческим чередованием 117
Основы со значением двойственного числа форм мн. ч. 119
Основы на -r в им. п. ед. ч. 120
Слова с дополнительным основообразующим элементом, содержащим конечный -n 121
Основы на гласные 124
Типы гласных основ 124
Основы на -i- 124
Основы на -u- 127
Основы на -o- 128
Основы на -i/a- 133
Основы на -o/a- 135
Окончания 137

2. Местоименное склонение

Структура индоевропейской местоименной словоформы 140
Структура древнеармянской местоименной словоформы 142
Происхождение древнеармянских местоименных основ 147
Происхождение древнеармянских местоименных окончаний 149

Спряжение

Индоевропейская система спряжения

Структура глагольной словоформы 151
Структура глагольной основы 151
Окончания 157

Древнеармянская система спряжения

Структура глагольной словоформы 160
Структура глагольной основы 161
Окончания 164
Таблица спряжения 166

Происхождение древнеармянской системы спряжения

Процессы, приведшие к образованию древнеармянской системы спряжения . 169
Основы 170
1. Основы презенса 170
а) Несуффиксальные (корневые) основы 170
Основы глаголов на -em 170
Основы глаголов на -im 173
Основы глаголов на -am 175
Основы глаголов на -um 177
б) Суффиксальные основы 178
Основы глаголов на -em 178
Основы глаголов на -im 181
Основы глаголов на -am 183
Основы глаголов на -um 184
Формы, образуемые от основ презенса 186
2. Основы аориста 187
Нецойные типы основ аориста 187
Цойные типы основ аориста 189

Формы, образуемые от основ аориста 191
Окончания 193
Первичные окончания 193
Вторичные окончания 194

АРЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Из истории вопроса 199
Таблицы фонетических и грамматических изоглосс 201

Выводы 204
Примечания 206
Введение 206
Фонетика 208
Морфология—склонение 219
Морфология—спряжение 225
Литература 233
Сокращения 249
Указатель армянских слов и морфем 253
Именной указатель 267

ГЕВОРК БЕГЛАРОВИЧ ДЖАУКЯН

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Редактор издательства
С. М. ДАНИЕЛЯН
Худ. редактор
Г. Н. ГОРЦАКАЛЯН
Технич. редактор
Л. К. АРУТЮНЯН
Корректор
Л. С. АЗАТЯН

ИБ № 425

Сдано в набор 14.11.1980 г. Подписано к печати 26.04.1982 г. ВФ 03776.
Формат 70×108 1/16. Бумага 1. Шрифт «литературный» высокая печать. Печ. л. 17,25.
Усл. печ. л. 24,15. Учетно-изд. л. 31,1. Тираж 1200. Зак. № 1039.
Изд. № 5494. Цена 3 р. 85 к.
Издательство АН Арм. ССР, 375019, Ереван, ул. Барекамутян, 24-г.
Типография Издательства АН Арм. ССР, 378310, г. Эчмиадзин.

Опечатки и исправления

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	15 св.	впоследнее	в последнее
9	10 св.	неопределенно-отрицательным	определенно-отрицательным
	11 св.	определенно-отрицательным	неопределенно-отрицательным
20	18 св.	*l	*l̥
24	21 св.	языке	слоге
32	2 св.	kov-	kov-k^{c}
37	17св.	*uɪkm̥tɪ	*u̯ɪk'm̥tɪ
58	23 св.	kočk^{c}em	kočkc^{c}em
66	11 св.	(s/z	«s/z
79	27 сн.	суффиктов	суффиксов
164	1 св.	язаставляю	я заставляю
	2—1 сн.	тематический тип — f_1f и „а тематический" тип — f	тематический „тип— f_1f_2 и „атематический" тип— f
169	9 св.	во избежании	во избежание
203	1 св.	|10|11|12|13|14|15|16|17|	|11|12|15|16|17|10|13|14|
209	18 св.		
215	17 сн.	прнтыка	притыка
222	9 сн.	*gu̯enaj-jās	*gu̯enaj-jās
229	20 сн.	аллофону	алломорфе
230	3 сн.	„усть	„пусть
256	16св. (2-й столб.)	-čc^{c}in	-čc^{c}im
269	25св. (1-й столб.)	Петерсон Г. 215, 246	Петерсон Г. 115, 215, 246
38	2 сн.	бяление	явленне